

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
Кафедра философии и методологии науки
Кафедра философии культуры

Трансдисциплинарные тренды в современной философии и науке

Сборник научных статей
XIX Республиканского междисциплинарного
научно-теоретического семинара
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»

17 апреля 2025 года, г. Минск, Республика Беларусь

Минск
2025

УДК 1(06)+001:1(06)
Т 654

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 8 от 28.03.2025 г.

Редакционная коллегия:

Лаптёнок А.С. (отв. ред.), д.филос.н., зав.каф. философии и методологии
науки БГУ;
Новикова О.В., к. филос.н., доцент каф. философии и методологии науки
БГУ;
Курбачёва О. В., к. филос.н., доцент, доцент каф. философии и
методологии науки БГУ;
Шаврова О.Г., к. филос.н., доцент, доцент каф. философии и методологии
науки БГУ;
Иванова Т.В., ст.преп. кафедры философии и методологии науки БГУ.

Рецензенты:

Добrorодный Д.Г., к. филос. н., доцент, заведующий кафедрой
общеобразовательных дисциплин МИУП;
Бурак Т.В., к. социол. н., доцент, доцент кафедры социологии БГУ.

Трансдисциплинарные тренды в современной философии и науке :
сборник научных статей XIX Республиканского междисциплинарного
научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в
современной социальной философии», 17 апреля 2025 года, г. Минск,
Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф.
философии и методологии науки, Каф. философии культуры ; [редкол.:
А. С. Лаптёнок (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 415 с. – Библиогр. в
конце ст.

Представлены научные статьи участников XIX Республиканского
междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные
стратегии в современной социальной философии», который состоялся 17
апреля 2025 г. на факультете философии и социальных наук БГУ.
Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим
работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными
проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и
социально-гуманитарного познания.

ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК СОБЫТИЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Барковская Алла Викторовна

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Объектно-ориентированное направление в современной философии исходит из презумпции, что неправомерно все сущее рассматривать только лишь через человеческую оптику, поскольку такой взгляд является антропоцентричным, что приводит к доминированию субъект-объектной оппозиции, ограничивающей рассмотрение всех вещей в их системной и целостностной организации. Объектно-ориентированная онтология позиционирует себя в качестве неофилософского поворота в современной континентальной философии, акцентирующей внимание на критике посткантовского онтологического корреляционизма и антропоцентризма с целью разрушить привычную гносеологическую схему. Г. Харман отстаивает точку зрения на то, что объекты не сводимы к чему бы то ни было, недопустимо выстраивать вертикальные отношения между объектами мира и человеком, т.к. важнее объект-объектные отношения поставить на ту же основу, что и субъект-объектные.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, корреляционизм, репрезентатизм. объект, субъект.

OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY AS AN EVENT OF POST- METAPHYSICAL PHILOSOPHY

Barkovskaja Alla Viktorovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The object-oriented trend in modern philosophy proceeds from the presumption that it is unlawful to consider everything that exists only through human optics, since such a view is anthropocentric, which leads to the dominance of the subject-object opposition, limiting the consideration of the thing in their systemic and holistic organization. Object-oriented ontology positions itself as a neophilosophical turn in modern continental philosophy, focusing on the criticism of post-Kantian ontological correlationism and anthropocentrism in order to destroy the usual epistemological scheme. G. Harman defends the point of view that objects cannot be reduced to anything, it is unacceptable to build vertical relation between of the world and a man, because it is more important to put object- object relation on the same basis as subject-object.

Keywords: object-oriented ontology, correlationism, speculative realism, representatism, object, subject.

Объектно-ориентированная онтология, действительно, стала событием XXI в. благодаря Г. Харману, проект которого активно обсуждают, критикуют, опровергают, проявляя, тем самым, равнодушие к нему. Независимо от занятой позиции, можно согласиться, что автором осуществлен новый философский поворот в пространстве спекулятивного реализма. Последний, по оценке Г. Хармана, представляет собой «новейшую для континентальной традиции философию, которую можно определить, как "философию доступа к миру"» [1, с. 136]. Временной точкой отсчета для старта этого движения стал 2007 год, объединивший Р. Брасье, Г. Хармана, К. Мейясу и Й. Гамильтона Гранта, союз которых связан с критикой посткантовского онтологического корреляционизма и антропоцентризма. Уже в рамках семинара в Голдсмитском колледже Лондонского университета Р. Брасье была высказана мысль о том, что в континентальной философии со времен Канта накопился круг проблем, которые требуют своей актуализации. Однако, несмотря на внутренние разногласия между ними, их объединял общий враг – господствующая корреляционистская философия [1, с. 136]. Защищая реалистическую онтологию, объективно ориентированные философы сближаются со спекулятивными реалистами, все они не приемлют воззрений на объекты как конструкции или корреляты разума, субъекта или языка, разрушая тем самым субъект-объектную оппозицию.

Следует отметить, что еще с начала второй половины прошлого века, Ж. Делёз, А. Бадью, Б. Латур, И. Стенгерс и др. обращали внимание сообщества на необходимость преодолевать излишнее внимание к проблемам эпистемологии и к субъекту познания. Смена настроений в континентальной философии проявилась в желании молодых «вернуть в центр внимания маргинализированные за последние полтора века метафизические вопросы, связанные с реабилитацией специфических форм реализма. Эти усилия направлены, в частности, на возобновление поисков определения отношений между онтологией и эпистемологией и между мыслью и абсолютном. Они не отрицают, а только проблематизируют корреляционизм как всего лишь еще одну возможную метафизику, представившуюся миру в качестве антиметафизической философии. Взаимоотношения спекулятивных реалистов с теми же постмодернистами поэтому носят характер диалога, а не тотального отрицания [2, с. 56].

Постклассическая философия пересматривает традицию и подвергает критике репрезентациализм, идеология которого исходила из презумпции, что нечеловеческую реальность с ее внутренней сущностью надлежит охватить человеку, а базовые установки метафизической классики – объективизм, эссенциализм, субстантивный характер рациональности.

В определении онтологии вся предшествующая традиция исходила из непосредственного доступа субъекта познания к своему объекту. И. Кант своим коперниканским переворотом обнажил все проблемы, связанные с эпистемологическим доступом к реальности и привилегированным статусом субъекта познания: именно с Р. Декарта субъект-объектная оппозиция стала занимать господствующее положение. В этой схеме объект утрачивает самостоятельный статус, поскольку определяется «Я» субъекта, его интеллектуальными и физическими возможностями, т.е. «будучи трансцендентной, природа тем не менее остается мобилизуемой, гуманизируемой, социализируемой»; новоевропейские философы всегда основывали силу на разуме и разум на силе [3, с. 103-105].

Прежняя метафизическая философия строила спекулятивные всеобъемлющие системные постройки, но кантовская ревизия ее фундамента привела к ее же разрушению. И. Кант считал, что онтология, не учитывающая опыта познания, невозможна, поэтому она приемлема только как учение, совпадающее с теорией познания. В результате гносеология имплицитно в себе онтологию и деление вопросов на онтологические и гносеологические становится относительным. Акцентируя внимание на различии между ноуменальным и феноменальным, И. Кант смещает ракурс философской рефлексии с мышления о «вещи-в-себе» на мышление о структурах разума. Согласно Канту, объект должен сообразовываться с познанием субъекта, его законами, а критика чистого разума означает определение границ возможностей разума и невозможность доступа субъекта познания к объекту как таковому. По оценке П. Слотердайка, «великое достижение кантовского Просвещения состоит в том, что он показал: разум надежно функционирует только при условиях опытного познания. Со всем, что выходит за пределы опыта, он, сообразно своей природе, вынужден мучиться, надрываясь, поскольку взваливает на себя непосильный груз. Его существенная черта – хотеть больше, чем он может» [4, с. 75]. Просвещение тем и отличается, что вначале занимается самоограничением разума, а затем стремится заглянуть за установленную границу с вновь обретенной точки зрения.

Соответственно, по словам Г. Хармана, «критической поворот» И. Канта, интенциональные объекты Э. Гуссерля, «четверица» М. Хайдеггера подвигли его на оформление идей объективно-ориентированной онтологии, более того, и все те, кто проявил повышенный интерес к «объектам как равнозначным участникам взаимодействия «человек-вещь» (акторно-сетевая теория, концепция объективизации Кнорр-Цетины, спекулятивный реализм). При всех различиях точек зрения, «в основе новых онтологий, ориентированных на объект, лежит убеждение в том, что любые объекты, независимо от их природы, имеют одинаковый онтологический статус. Эта идея является ответом на распространенное в философии Нового времени представление о том, что репрезентация онтологически всегда меньше репрезентируемого. Вместо доступа к реальности она предлагает ее интерпретацию, заменяя познание мира игрой в означающее и означаемое [5, с. 5]. Философия доступа, утверждает Г. Харман, никогда не позволяет миру взаимодействовать с самим собой даже когда ложно утверждает, что оставила субъект-объектный спор позади. В этой связи «объектно-ориентированная философия пытается исправить эту несправедливость, возвращая объекты в центр философии, где они пребывали когда-то в образе субстанции или монады. Как бы то ни было, мы должны избегать ограничения объектов вещами природы, как это делали ранние философии субстанции. Подводные лодки являются объектами не меньше, чем рыба, а искусственно полученный плутоний – такой же объект, как естественный уран» [6, с.4].

В то же время Г. Харман отмечает недостатки концепции интенциональности в интерпретации статуса объектов на том основании, что «интенциональные объекты ни в коем случае не являются реальными, что подтверждается тем фактом, что мы ненавидим, любим или боимся многих вещей, которых как часто бывает, вообще не существует» [1, с.139]. По сути, ограничиваясь чувственными объектами, которые существуют только в неволе – в опыте некоей другой сущности, феноменология не оставляет места для реальных объектов. Э. Гуссерль, вместе с тем, полагает Г. Харман, – это первый объектно-ориентированный идеалист.

Оценивая позицию М. Хайдеггера, он полагает, что тому удастся избежать одной ошибки – он не ограничивается, подобно Э. Гуссерлю, рассмотрением только чувственной области, т. к у М. Хайдеггера реальные объекты идут рука об руку с чувственными [1, с. 43]. Г. Харман заимствовал, как он сам говорит, структуру четверицы (fourfold) у М. Хайдеггера, согласно которой «земля и небо, божества и смертные, сами собой единые

друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы. Каждый из четверых по-своему зеркально отражает существо остальных. Каждый при этом по-своему зеркально отражается в свою собственную суть внутри одно-сложности четверых...Зеркальность, освещая каждого из четверых, дает их собственному существу сбыться в простом вручении себя друг другу» [7, с. 324].

Четверица самого Г. Хармана отличается от хайдеггеровской, т.к. в ее структуру он включает реальные объекты, реальные качества, чувственные объекты и чувственные качества, находящиеся в постоянном напряжении, образуя время (напряжение между чувственными объектами и чувственными качествами), пространство (реальные объекты и чувственные качества), эйдос (чувственные объекты и реальные качества), сущность (реальные качества и реальные объекты). Реальные объекты и качества изымают себя из опыта, поэтому их прямое познание невозможно, а чувственные объекты и качества существуют только в опыте. Г. Харман исходит не из той посылки, что все объекты в равной мере реальны, а в том, что они все в равной мере объекты. Однако Г. Харман подчеркивает, что он не принимает введенного М. Хайдеггером разделения между «объектом» (к которому он относится отрицательно) и «вещью» (к которой он относится положительно). Культовые церемонии хайдеггеровской терминологии не стоят того, чтобы принести им в жертву ту обобщающую силу, которой наделяет слово «объект» школа Ф. Брентано.

В этой связи в аналитической литературе подчеркивается, что в отличие от Г. Хармана, М. Хайдеггер в первую очередь озабочен темой бытия, и его четверица направлена на то, чтобы избавиться от понятия существования и прийти к сущности самой вещи. В то время как четверица Г. Хармана преследует иную цель – охватить весь мир, уместить его разнообразие в довольно простой схеме. В таком варианте объектно ориентированная онтология, скорее, очередная версия антиэссенциализма [См.: 5, с.8].

Л. Брайант также считает, что «вопрос об объекте превращается в вопрос о том, адекватно ли мы себе его представляем. Позволяют ли представления прикоснуться к объекту в его реальности или же, скорее, всегда «искажают» объект так, что нет никаких оснований заявлять, что наши представления на самом деле представляют внешнюю реальность? Получается, что, спрашивая об объектах, мы занимаемся вопросом вовсе не о самих объектах, а, скорее, об отношении между субъектом и объектом»

[8, с. 276]. И поэтому как реалист, так и антиреалист обычно исходят из эпистемологической привилегии субъекта и той или иной трактовки проблемы «доступа» к реальности. Отсюда Л. Брайант делает вывод, что нет никаких оснований для посылки, что наше видение объекта действительно репрезентирует ту реальность, которая пребывает во вне.

Любая философия, по Г. Харману, не являющаяся «плоской», неизбежно коллапсирует в корреляционизм. Принцип «плоской» онтологии – не выстраивать вертикальные отношения между объектами мира и человеком, т.к. каждый объект всего лишь один из бесконечного их множества, а, как раз наоборот, располагать все объекты на одном уровне. При всем том, что уже предпринималось множество попыток, хотя бы спасти реальность, чтобы выйти из этого затруднительного положения, но дело в том, что ни одна из них не наносила удар по корреляту человек-мир с достаточной силой. Одного только призыва к «реализму» недостаточно, чтобы противостоять доминирующему в философии корреляционизму, т.к. «гораздо важнее объект-объектные отношения поставить на ту же основу, что и субъект-объектные» [1, с.140]. В таком случае субъект-объектная оппозиция лишается традиционной доминантности вследствие асимметричной модели онтологических и эпистемологических различий, что влечет за собой новые решения и интерпретации.

Список литературы

1. Харман, Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман; [пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин]. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с.
2. Тлостанова, М.В. Постконтинентальная философия: пост- и неометафизический поворот/ М.В. Тлостанова / Вестник РУДН, серия Философия. 2013. № 2. – С. 54-68.
3. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии/ Б. Латур /Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с. (Прагматический поворот; Вып. 1)
4. Слотердаик, П. Критика цинического разума / П. Слотердаик; пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. - 800 с.
5. Головашина, О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана /О.В. Головашина / Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. – С. 4–16.
6. Харман, Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. / Г. Харман /Логос. Философско- литературный журнал. Т.27 #3. 2017. – С.1-34.
7. Хайдеггер, М. Вещь/ М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем.– М.: Республика, 1993. - 447 с.

8. Брайант, Леви Р. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта/ Леви Р. Брайант/ Логос. №4 [100]. 2014. – С. 275 -292.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Барсук Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической
работы научно-педагогического факультета,

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Сащечко Роман Сергеевич,

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье представлена динамика становления и развития методологии экономической науки. Анализ и ретроспективная реконструкция этой динамики позволяют выявить существенные различия в философско-методологических основаниях экономической науки, различия в идеалах научности и вытекающих отсюда ценностных ориентациях, в целях научной деятельности и методах познания. Прежде всего обнаруживается, что этапы формирования и развития экономической науки сопровождалась различными отличающимися друг от друга идеалами научности, которые, в свою очередь, стали факторами формирования исследовательских программ, на основе которых возникали различные типы экономической теории.

Ключевые слова: экономическая наука; методология экономической науки; позитивизм; неопозитивизм; постпозитивизм; когнитивно-психологическая и социально-конструктивистская программы.

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE: SUBSTANTIVE CHARACTERISTICS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Barsuk Irina A.

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
and ideological work of the scientific and pedagogical faculty

EI «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus»

Sashcheko Roman S.

Senior Lecturer of the Department of philosophy and methodology of science,

Belarusian State University

Abstract. The article presents the dynamics of the formation and development of the methodology of economic science. Analysis and retrospective reconstruction of this dynamics allow us to identify significant differences in the philosophical and methodological foundations of economic science, differences in the ideals of scientific character and the resulting value

orientations, in the goals of scientific activity and methods of cognition. First of all, it is found that the stages of formation and development of economic science were accompanied by various ideals of scientificity that differed from each other, which, in turn, became factors in the formation of research programs, on the basis of which various types of economic theory arose.

Keywords: economic science; methodology of economic science; positivism; neopositivism; postpositivism; cognitive-psychological and social-constructivist programs.

Экономическая методология характеризуется постоянной включенностью в научные исследования в области экономики, анализом структуры экономического знания и его связи с реальностью, в оценке объективности экономической науки и описания сферы ее применения, в выявлении ее идеологических и этических предпосылок, основных категорий и концептов, историко-культурных контекстов, междисциплинарных взаимодействий и в сам процесс получения нового знания. Исследуя исторический контекст методологических изысканий экономической науки, стоит отметить, что обращение к методологии возникают в переломный момент развития экономической науки, в частности когда возникают различные антиномии, заключающиеся в противоречии между теоретическими положениями и реально получаемыми эмпирическими данными. Такой поиск методологических оснований и становится основным фоном и фактором развития экономической науки.

Несмотря на общепринятое мнение о связи становления методологии экономической науки лишь с проникновением логического позитивизма в методологическую рефлексии экономистов, стоит отметить, что ключевым методологическим положением экономической науки следует считать разделение на дескриптивную или позитивную, т.е. «что есть», и прескриптивную или нормативную, т.е. «что должно быть», области исследования. Концептуальным воплощением разграничения дескриптивной и нормативной экономической науки, «научной» экономической теории и практических советов по вопросам экономической политики, прежде всего, связывают с методологическими исследованиями Дж. С. Милля, чьи достижения в методологии экономической науки XIX в. вызвали полемику вокруг тогдашней ортодоксальной политико-экономической теории.

Методологические принципы Дж. С. Милля опирались на причинно-следственные связи и экономический детерминизм. В своих научных трудах

он использовал четыре метода: экспериментальный, при котором фиксируются научные факты, что соответствовало принципам позитивистской философии; абстрактный, когда все объясняется одной причиной; прямой дедуктивный (учитывается много причин); обратнo-дедуктивный – предполагает, что эмпирически выявлены исторические законы объясняются способностями людей. Последний метод отчасти напоминает метод условной вероятности Т. Байеса, переживающего ныне настоящий ренессанс. Отличительными чертами методологии Милля были натурализм, дескриптивизм и психологизм [1, с. 48-49].

Очевидно, что к позитивизму должен быть отнесен и А. Маршалл. Он явно придал позитивизму Дж. С. Милля новые черты, истоки которых скрыты в европейско-континентальном рационализме, прежде всего в рационализме И. Канта.

Основу методологических воззрений А. Маршалла, составляли: синтез рационализма с эмпиризмом, характерным для британской философской школы; градуалистический метод; выявление специфики экономических явлений, имеющих денежное измерение. А. Маршаллом предпринята попытка синтезировать основные достижения классической школы политической экономии (от А. Смита до Дж. С. Милля), маржинализма и исторической школы. Такой синтез проявился в различных направлениях: в попытке добиться баланса теории и практики при анализе экономических явлений, в гармоничном сочетании различных исследовательских программ и методов, существующих в экономической науке, использовании математического инструментария, к анализу трансформирующейся экономической реальности. Дж. М. Кейнс характеризовал своеобразие трудов своего учителя следующим образом: «Разработанный Маршаллом... методы анализа в экономической теории отличались такой убедительностью и ясностью, научной строгостью и вышли так далеко за рамки «чистых идей» его предшественников, что мы вполне в праве считать его основателем современной графической экономической науки...» [2, с. 19-20]. Однако, Маршалл выступал против излишней математизации как универсального метода анализа экономических явлений. По его мнению, математика замещала конкретный анализ абстрактными рассуждениями, отношение которых к действительности требовала отдельного изучения.

На этапе неопозитивизма собственную методологическую позицию в сжатой форме высказал Дж.М. Кейнс. Он отмечает, что, во-первых, экономическая теория – это ветвь логики, образ мышления; во-вторых,

прогресс в экономической теории практически полностью заключается в постепенном улучшении нашего выбора моделей; в-третьих, статистические исследования необходимы не столько для прогнозирования, сколько для проверки релевантности и обоснованности модели; в-четвертых, цель модели – отделить действующие относительно долго ли относительно неизменные факторы от преходящих или меняющимся, чтобы разработать логический образ мышления и понимать процессы, которые порождают указанные факторы в конкретных случаях [3, с. 110].

Ярким представителем постпозитивизма в экономической науке считается М. Фридмен. Свое методологическое кредо он сформулировал в работе «Методология позитивной экономической науки». Ключевая установка в исследованиях М. Фридмана, выражена в стремлении «сделать экономическую науку настолько «объективной», на сколько это возможно». Эмпирическая проверка гипотез состоит из двух взаимосвязанных стадий: 1) обоснование концепции гипотезы и 2) тестирование ее на действенность, правильность. Большое значение Фридман придает предположениям, выполняющим три существенные функции: 1) описание и презентация теории; 2) содействие косвенному тестированию гипотез при их применении; 3) определение специфических условий, при которых теории могут быть действенными [4, с. 24-25].

По Фридману, для того чтобы быть значимой, гипотеза с непремностью должна предполагать дескрипции предпосылок, которые являются идеализациями ситуации. Отсюда следует, что единственно возможным способом эмпирической проверки теории есть сравнение ее выводов (прогнозов) с фактами. Вопрос о выборе предпосылок и предположений теории решают не по критерию их реалистичности, поскольку они никогда не являются строгими описаниями реальной ситуации, а по критерию, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с позиции конкретной цели. Исходя из этого, следует заключить, что М. Фридман предпринял колоссальную попытку освободить экономическую науку от каких-либо ненаучных примесей.

Основные принципы постпозитивизма нашли свое отражение в методологии М. Фридмана. Во-первых, речь идет о принципах теоретической относительности, при которой факты всегда имеют теоретическое значение. Во-вторых, принцип фальсификационизма означает, с одной стороны, то, что выводы теории всегда должны проверяться фактами, с другой стороны, факты не могут доказать теорию, а могут только обнаружить ее ошибочность (тезис Дюгема-Куайна). В-

третьих, использован принцип роста научного знания К. Поппера. В-четвертых, принцип определения соотносительной силы теории применен в контексте того, что наиболее эффективной является та теория, выводы которой являются более точными, а сфера ее действий является максимально широкой. Методологию Фридмана называют методологическим инструментализмом, который является одной из форм позитивизма или конвенционализма.

Что касается собственно проблемы соотношения нормативного и позитивного анализа, т.е. связи научной теории с оценочными суждениями, то общие тенденции ведущего направления экономической теории XX в. может быть охарактеризован высказыванием М. Фридмана: «позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений», поэтому она «является или может являться «объективной» наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук» [4, с. 31].

Постмодернизм в экономической методологии часто ассоциируется с именем Д. Макклоски. Работа Д. Макклоски «Риторика экономической науки» (1985) представляет собой первую целенаправленную попытку синтезировать современные тенденции в философии, лингвистике и литературоведении и разработать совершенно иное представление о сути экономического знания и о методологическом подходе к нему. Как пишет сама Макклоски, «Риторика экономической науки» — это способ посмотреть на экономическую науку извне, с позиций языка, текста, используемых метафор и тропов, показать практические приемы и риторические ходы, с помощью которых экономисты убеждают, поскольку риторика — это «искусство и наука аргументации, честное убеждение, представляющее собой плодотворное обсуждение экономической проблематики». Экономическую теорию Д. Макклоски рассматривает как поэтику, как нарратив, как повествование, как особый текст, т.е. способ построения эмпирического материала в стройное, последовательное описание, с присущими ему сюжетами и историями. Возникновение риторического подхода способствовало отходу от нормативности в методологии экономической науки, стимулировав большое число дескриптивных исследований, открыв дорогу новым методам и подходам к экономической науке.

Для современной экономической методологии свойственны два направления исследований: когнитивно-психологический и социально-конструктивистский.

Когнитивно-психологическая программа становится тем более популярной, что сегодня все больший вес в научном сообществе приобретает идея синтеза экономической науки с психологией и нейронауками. В условиях обширного потока информации, перманентных кризисов и неопределенностей внешней среды, очевидным становится тот факт, что в экономической деятельности человек не всегда склонен действовать рационально, прежде всего, из-за ограниченных когнитивных способностей к быстрой обработке имеющейся информации во всей ее полноте и расчета всех вариантов выбора. Исходя из этого, в современных экономических исследованиях, происходит смена фокуса исследований от рациональных мотивов поведения экономических субъектов – к иррациональным аспектам человеческого поведения в условиях неопределенности [1, с. 45].

Для методологии экономической науки социальный конструктивизм представляется как целенаправленная попытка изучать экономическую науку как социальный институт и как форму общественной деятельности сквозь призму школ, направлений, стремления к институциональной обособленности, логики академической жизни и др. Представление о том, что научное знание формулируется научным сообществом и подвержено воздействию социально-политических и культурных факторов, оказало серьезное воздействие и на экономический анализ экономической науки и на историю экономической мысли.

Таким образом, отметим, что в настоящем времени методология из преимущественно нормативной стала преимущественно дескриптивной и позитивной. Ныне она стремится описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, практику научной деятельности. Радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки. Образ науки как единого знания претерпел трансформации, уступая место новым представлениям, рисуящим мир экономической науки плюралистичным.

Список литературы

1. Болдырев, И.А. Методология экономических исследований / И.А. Болдырев // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 47-70.
2. Кейнс, Дж. М. Предисловие к работе: А. Маршалл, 1842-1924 / Дж.М. Кейнс – В 3 т. – Т 1. – М., – 1983. – С. 19-20.

3. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг; пер. Автономова В.С. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики». – 2004. – С. 107–149.

4. Фридман, М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридман. – THESIS. – 1994. – Т.2. – Вып. 4. – С. 20-52.

ВЕЩЬ КАК ДИСКУРС СУБЪЕКТА – В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Булыго Елена Казимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских учений,
Белорусский национальный технический университет

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам личности и поискам ее идентичности в пространстве социальной турбулентности с ее кризисностью, аксиологическими сдвигами и замыванием границ между заявленными целями и допустимыми средствами. В таких условиях идентичность является залогом устойчивости и целостности. В контексте «первой философии» раскрывается многозначность вещи в обретении самости в бытии в мире: от оппозиции человек-вещь и до вещи как способа конституирования социального пространства в условиях отсутствия заданных метафизических парадигм и хаоса физического и социального мира. Показано изменение коннотации вещи в обществе потребления, в котором вещь их функции, воплощенной в форме, превращается в знак.

Ключевые слова: вещь; идентичность; самость; субъективность; «философия Я»; турбулентность; неустойчивость; онтология субъекта; творчество; дизайн; модус; кризис; хаос.

THING AS A DISCOURSE OF THE SUBJECT – IN SEARCH OF IDENTITY

Bulyha Elena K.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophical Doctrines,
Belarusian National Technical University

Abstract. The article is dedicated to the current issues of the individual and the search for its identity in the space of social turbulence, characterized by crisis, axiological shifts, and the blurring of boundaries between declared goals and permissible means. In such conditions, identity becomes the key to stability and integrity. In the context of "first philosophy," the multifaceted nature of the thing is revealed in the process of acquiring selfhood in being in the world: from the opposition of person-thing to the thing as a way of constituting social space in the absence of predetermined metaphysical paradigms and the chaos of the physical and social world. The transformation of the connotation of the thing in consumer society is shown, where the thing, with its function embodied in form, turns into a sign.

Keywords: thing; identity; self; subjectivity; "philosophy of the Self"; turbulence; instability; ontology of the subject; creativity; design; modus.

Вся история культуры есть не что иное как выстраивание рассказчиком, в качестве которого может выступать и отдельный человек и культурная целостность, истории себя и о себе. Эти истории очень разнообразны не только потому, что они преследуют различные цели, принадлежат разному времени, но и потому что само время разные культуры воспринимают по-разному. История о себе как о субъекте как «философия первого лица», эгология и пр. [1] может быть артикулирована и в форме нарратива, и в форме художественного образа и даже символического действия. Ситуация «нормальной аномии» [2], в которой типичной становится турбулентность норм и ценностей, разрыв между социально допустимыми целями и средствами, провокативный характер повседневности, наполненной fake-news и т.п., по-новому актуализируют для современного человека как Homo Confusus (Т. Черниговская) проблему поиска идентичности.

Возможность и необходимость иметь знание о себе, гегелевское «Я есть я сам» сегодня из абстрактно-идеалистической пропозиции превращается в манифест самости и субъективности от «герменевтики себя» П. Рикера [3] и до «онтологии Я» в бахтинском (событийность как сбывание должного) [4] или хайдеггеровском смысле [5].

Условия социокультурной турбулентности, включающие размывание привычных устоев и ценностей, угрозы технологической сингулярности, неопределенность будущего с необходимостью вызывают процессы, компенсирующие все эти кризисные и угрожающие тенденции, и вынуждающие нас переосмыслить свое существование, обрести его смысл и ценность. Человек в очередной раз оказывается в ситуации самотворения – открытия себя как тайны бытия.

Герменевтический опыт нашего современника в качестве языка имеет не только абстрактно-логические конструкты или художественно-образные ассоциации. Особую роль начинают играть вещи. На протяжении всей истории вещь выступала в качестве воплощенного в материале и форме особого основания идентичности (отдельная тема – символика вещи в ритуально-сакральном действии). История искусства и дизайна демонстрирует нам, что в любой культуре, традиции вещь является воплощением ценностей культуры, ее функционал задан не только и не столько потребностями человека, сколько его пространственно-временными отношениями, особенностями мировоззрения, допустимыми границами существования, принятием/непринятием собственной

телесности и т.п. [6]. Проектирование вещи всегда сопровождается проектированием человека, определенного образа жизни.

Идентичность как залог устойчивости субъекта (У. Джеймс) включает особый дискурс, в котором любые формы повествования есть не что иное как знание и понимание себя. Современный формат жизни, доминирующие в нем масс-медиа меняют институты, которые в прошлом задавали стандарты идентичности (государство, религия, традиция, семья, Учитель и т.п.). Как следствие, возникает изначальный разрыв-противоречие: поиск устойчивости осуществляется в максимально неустойчивом культурном пространстве с его механизмами воздействия, к которым, к примеру, можно отнести диктат моды. Место значимого другого занимает принципиально становящееся и противоречивое нечто (бренд, кумир). В таком контексте поиск самотождественности через вещь как знак принадлежности к «правильной» части общества, как символ особого образа жизни и социального статуса во многом безобиднее и предпочтительнее, чем разного рода примеры преобразованной телесности, в котором тело как измененная вещь работает в качестве социального маркера, несет особый социальный месседж и, как правило, не принадлежит индивидуальности [6].

Вещь выступает в качестве условия, основания коммуникации, поскольку, целенаправленно выбирая те или иные вещи определенного бренда, их дизайн, человек демонстрирует знак готовности разделить ценности бренда, а заодно желание стать полноправным членом сообщества, приобретшего этот продукт. «Наслаждаются для себя, но, когда потребляют, никогда не делают этого в одиночестве, – пишет Ж. Бодрийяр, – а входят в обобщенную систему обмена и производства закодированных ценностей, куда, вопреки им самим, включены все потребители» [7, с. 108].

Можно выделить несколько ипостасей вещи, демонстрирующих в мировой истории: это и знак социального неравенства, и форма конструирования личного пространства и его границ, и способ связи времен, и даже образ зла [8]. Сегодня, в условиях отсутствия заданных метафизических парадигм, утраты сакрально-символических ритуалов, цель которых не только дать ощущение цельности существования, но и уверенность в будущем, акцент на вещном, на *техне* во многом компенсирует физический и социальный хаос мира. В условиях текучести социального бытия именно вещь оказывается тем репером и одновременно компасом, что не позволяет человеку потеряться в этом хаосе. Так, старинная вещь (Ж. Бодрийяр) может «заколдовывать» время, а современная – пространство, организуя особый порядок бытия, усиливая

собственную уникальность, которая может успешно заменяться персонализированной вещью.

Стоит ли обвинять дизайн и спроектированные благодаря ему вещи в обезличенности или агрессивности по отношению к человеку? По сути, вещь выступает в качестве средства изменения человека в угоду той или иной идеологической схемы; она является доступным и удобным механизмом манипулирования общественным сознанием, позволяя переключать внимание с сути на форму, подменяя содержание наших поисков себя. Убедительным примером может служить конструктивизм и утилитарный функционализм Ле Корбюзье, символом которого является его знаменитый «Модулор»: его архитектурный проект исходит из трактовки человека как коллективно организованной свободной личности.

В современном обществе потребления с его основным модусом вещь как таковая – прежде всего знак дегуманизации культуры (роботы уже какое-то время часть нашей повседневности), стремление к их бесконечному потреблению (не созиданию!) – свидетельство нашего изначального беспокойства, стремления к целостности и устойчивости.

Умение «быть собой» связано с ответственностью, с тревогой за себя и мир, с моральными императивами; умение потреблять предъявляет лишь одно требование – владеть кодом, расшифровывать знаки и их коннотации.

Вещь в совокупности заложенной в ней экзистенциальной информации о потенциальном потребителе как результат проектного решения материализует ментальные конструкции, в которых разворачивается определенный образ жизни и соответствующие ему ценности. «Дизайн-продукт даёт уверенность, что ты есть тот, за кого себя выдаешь», – пишет Г.Н. Лола [9, с. 15]. Более того, дизайн очерчивает место человека, вещь работает как своего рода граница, которая отделяет свое от Иного, профанное от сакрального и одновременно позволяет вступить в диалог. И если происходит «приращение бытия» (Г. Гадамер) как открытие себя, своей самости и самотождественности, если вещь выступает в качестве формы повествования о себе, включая все модусы существования, вызывая не только «профанную» радость от ее утилитарности и эргономичности, но сакральную как опыт эстетического восхищения и наслаждения, процесс самоидентификации исполнился. И тогда вещь выступает не в качестве самоцели, символа обладания (Э. Фромм), а лишь условие нашего умения быть, нашего «подлинного» бытия. И тогда мы обретаем себя в сложном и противоречивом единстве, порожденным уникальным переживанием общезначимого; в пространстве становления, неустойчивости и

непредсказуемости мы опираемся на самость, на признание «Я есть», а значит мы демонстрируем готовность ответить на вопрос «Кто Я?»

Список литературы

1. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011. – 576 с.
2. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто». — //Социологическая наука и социальная практика, 2016. - № 3., С. 17-33.
3. Рикёр П. Я-сам как другой. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.- 416 с.
4. Бахтин М. М. К философии поступка / Публ., вступ. ст. С. Г. Бочарова. Прим. С. С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. Москва: Наука, 1986. С. 80–160.
5. Хайдеггер М. Бытие и время [пер. с нем. В. В. Бибихина] / М. Хайдеггер. - М. : Ad Marginem, 1997. - 452 с.
6. Дзялошинский И.М. Телесная идентичность в системе самосознания индивида //Corpus Mundi. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnaya-identichnost-v:-sisteme-samosoznaniya-individa>. (Дата обращения:21.03.2025).
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
8. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. - 200 с.
9. Лола Г.Н. Дизайн-код: культура креатива. - СПб.: ЭЛМОР, 2011. - 140 с.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК КОНСТАНТА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Государственность раскрыта в качестве необходимого условия социальной безопасности в глобальном мире. Для этого разграничены психологическая и реалистическая (антипсихологическая) тенденции, сложившиеся в глобальных условиях. Государственность как реалистический признак общественного устройства выступает коррелятом состоятельности государства, способного контролировать и преодолевать социальные риски. Белорусская государственность рассмотрена в качестве константы социальной безопасности.

Ключевые слова: государственность; социальная безопасность; психологическая тенденция; реализм; «надзорный капитализм»; белорусская государственность; Всебелорусское народное собрание.

STATEHOOD AS A CONSTANT OF HUMANITARIAN SECURITY IN THE GLOBAL WORLD

Vorobyova Svetlana Victorovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture,
Belarusian State University

Abstract. Statehood revealed as a necessary condition for social security in the global world. For this purpose, psychological and realistic (anti-psychological) tendencies that have developed in global conditions are distinguished. Statehood as a realistic feature of social structure acts as a correlate of the state's solvency, capable of controlling and overcoming social risks. Belarusian statehood has considered as a constant of social security.

Keywords: statehood; social security; psychological tendency; realism; «surveillance capitalism»; Belarusian statehood; All-Belarusian People's Assembly.

Глобализация мира и вызываемые ею кризисы ставят перед обществом проблемы, обусловленные неопределенностью и риском. Человек в таких условиях теряет доверительную опору в жизни, и такая потеря является преимущественно следствием неумения соизмерять возможные риски с обретаемой пользой. Само общество устремилось к новому этапу своего развития – цифровому, приводящему не только к

позитивным переменам в социуме, но и к переменам, требующим прогностического анализа и оценки их последствий. В таких условиях актуальными становятся вопросы социальной безопасности, ответы на которые следует искать в реалистическом контексте государственности как константы этой безопасности в глобальном мире. Поэтому цель статьи – раскрыть сущность государственности в указанном контексте.

В решении проблемы социальной безопасности следует разграничивать две тенденции. Первая психологическая тенденция связана с формированием нового типа человека, зависимого от смартфона, что повлекло появление особой формы его существования – существования в качестве ресурса для Big Data. Вторая реалистическая (антипсихологическая) тенденция обусловлена развитием «надзорного капитализма», проистекающего из возможностей «одностороннего присвоения человеческого опыта в качестве бесплатного сырья», что обеспечивает превращение цифровых алгоритмических технологий как нового средства производства в «средства изменения поведения» [1, с. 5–7]. Сбор, обработка и интерпретация поведенческих данных используются для реализации различных целей (коммерческих, политических, социально-инжиниринговых или др.). Однако открытым в «надзорном капитализме» остается проблемный вопрос о соотношении цели и средств: средства оправдывают цель или цель – средства. В первом подходе на пути к достижению цели разрабатываются стратегии, обосновываемые посредством установления границ Я в отношениях с Другим. Во втором используется слабая форма обоснования цели – оправдание любых средств в ее достижении без установления таких границ (макиавеллизм). В оценке таких подходов важно учитывать их методологические особенности: если стратегии разрабатываются в несчетном континууме, в котором противоположные имена являются нечеткими, но конструктивными, то макиавеллизм исходит из счетного континуума, в котором противоположные имена являются четкими [2, с. 117].

Государственность как особый признак, свойственный развитию определенного общественного образования (народа или нации), указывает на реальность его самоорганизации, подтверждаемую стремлением к безопасности как состоянию бытия без угроз или вреда. Поэтому понимание государственности в условиях глобализации должно быть неотделимо от методологического различения исторического (антипсихологического) и неисторического подходов к отчуждению человека, обусловленного его представлениями о своей природе и сущности. Как обоснованно

умозаключил Н. Эллиас: «Опыт собственного Я» – это дилемма «вечного и фундаментального опыта всех людей и одного из типов „опыта самого себя“» [3, с. 36]. И если человек не нашел себя в общественном бытии, – он оказывается отчужденным от фундаментального опыта или от себя самого в диахроническом или синхроническом аспекте.

З. Бауман, характеризуя еще нецифровую, но «текучую современность», утверждал, что она полна небезопасными соблазнами и ловушками, формирующими эмоциональные привязанности как следствия свободы человеческого выбора. «Мир здесь и сейчас – лишь один из великого множества возможных миров прошлого, настоящего и будущего» [4, с. 437]. Это означает, что на смену прогрессу пришла ностальгия, становясь основой идеологии и соблазняя человека отказаться от критического мышления в пользу эмоциональной близости [4, с. 437]. С. Бойм в продолжение дискуссии зафиксировала «глобальную эпидемию ностальгии» как защитного механизма в мире неопределенности и риска, но опасного смещением действительного и воображаемого дома. Причины ностальгии она связала с наметившимся стремлением «к эмоциональной общности с коллективной памятью», поддерживающей «непрерывность в раздробленном мире» [5, с. 297].

В глобальном цифровом мире эмоциональные привязки человека сдерживают развитие его критического мышления, в результате чего он становится уязвимым перед цифровыми технологиями «надзорного капитализма». Значит, отказ в условиях неопределенности от критического мышления, о котором рассуждали З. Бауман и С. Бойм, тождественен отказу от себя как гражданина государства. Методологически полезной в данном аспекте является аргументация Ж.-Ж. Руссо, выстроенная им в контексте исследования темы различения человеческого, ускользающего от государственных форм бытия, и гражданского, стремящегося к ним. В своей социально-антропологической философии он разделил религию «по ее отношению к обществу» на два вида – религию человека и религию гражданина [6, с. 316]. Религия человека – это «чистая и простая религия Евангелия», которая ограничена «внутреннею верою во всевышнего Бога и вечными обязанностями морали». Это «естественное божественное право». Религия гражданина – с храмами, алтарями и обрядами – представляет собой положительное божественное право, так как соединяет веру в Бога и любовь к законам. Она не препятствует людям быть одновременно и набожными, и гражданами. Положительные аспекты такого религиозно-антропологического разделения Ж.-Ж. Руссо подкрепляет анализом третьей

религии, которая препятствует такой одновременности, называя ее священнической. К ней он отнес религию Лам, религию японцев и римское христианство. Доводы, приводимые Ж.-Ж. Руссо, конструируются в государственно-политическом контексте. «Все, что нарушает единство общества, никуда не годится; все установления, ставящие человека в противоречие с самим собой, не стоят ничего» [6, с. 316].

Однако, сравнивая религию человека и религию гражданина, Ж.-Ж. Руссо подчеркнул, что первая не имеет «никакого собственного отношения к Политическому организму», поэтому она «оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой». От этого общество теряет, ибо «не привязывает души граждан к Государству». Более того, она отрывает граждан от государства, что Ж.-Ж. Руссо оценил как то, что «противно общественному духу» [6, с. 317]. Вторую религию Ж.-Ж. Руссо обосновал в ракурсе теократической аргументации. Он подчеркнул, что она делает «отечество предметом почитания для граждан, учит их, что служить Государству – это значит служить Богу-покровителю». «Умереть за свою страну – значит принять мученичество, нарушить законы – стать нечестивцем» [6, с. 316–317].

Религия гражданина должна сдерживать бессмысленную ностальгию, особенно по поводу несбывшегося будущего, которое стало несовершенным настоящим. Ж.-Ж. Руссо не признавал тезис о том, что «народ из истинных христиан составил бы совершенное общество», опровергая его аргументом: «общество истинных христиан не было бы уже человеческим обществом» [6, с. 317]. Напротив, «разрушающий его порок состоял бы в самом его совершенстве», которое не означает его силу и прочность [6, с. 318, 317]. Поэтому в противовес естественной неполитической форме бытия людей была создана государственная форма. Государственность раскрывается как «социальная оболочка, создаваемая обществом в целях достижения всеобщего блага» [6, с. 5] или справедливости путем утверждения позитивного права [7, с. 38]. К тому же история показала, что даже минимально либеральные государства являются «исторически тупиковыми версиями» [8, с. 6].

Государственность как свойство «быть государством», а не частью другого государства, неотделима от картины социального мира, или устройства общественной жизни. Значение социальной безопасности в этом устройстве раскрывается в контексте нелинейного развития. Его особенности выражаются посредством признаков прерывности, парадоксальности, катастрофичности, характерных для пограничных

ситуаций. В них проявляется сущность самой государственности и производной от нее состоятельности государства, ключевым концептом которой является социальная безопасность, неконфликтно объединяющая обеспечение свободы и безопасности личности и право на национальное самоопределение. Интеллектуальная история национальной философии свидетельствует о двух диалектически взаимосвязанных процессах в становлении белорусской государственности в ракурсе решения проблемы социальной безопасности. С одной стороны, это сохранение идентичности в пограничных ситуациях, с другой, – преодоление различных видов экспансии, трансферы идей [9; 10].

Белорусская государственность демонстрирует способность общества к самоорганизации и самоопределению посредством Всебелорусского народного собрания (ВНС). ВНС является представительным высшим органом народовластия в Республике Беларусь, определяющим «стратегические направления развития общества и государства», обеспечивающим «незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие» [11]. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой решением ВНС 25 апреля 2024 г., социальная безопасность определяется следующим образом: это «состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия социальных угроз, обеспечивающее сохранение жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей белорусского народа» [12].

Таким образом, государственность следует считать константой социальной безопасности, так как именно она отражает состояние общества, выражает его качество. В таком методологическом подходе следует разграничивать психологические и реалистические (антипсихологические) признаки выявляемых особенностей общества. Государственность, включая белорусскую государственность, в реалистических аспектах общественного устройства необходимо интерпретировать как коррелят состоятельности государства, способного контролировать и преодолевать социальные риски.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной программы научных исследований «Философия государственности: основные модели в интеллектуальной культуре Беларуси» (проект № ГР 20212361).

Список литературы

1. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 781 с.
2. Воробьева, С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления / С.В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.
3. Эллиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Н. Эллиас. – М., СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.
4. Бауман, З. Ретротопия / З. Бауман // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 6. – С. 435–442.
5. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 312 с.
6. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты : пер с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – С. 195–322.
7. Воробьева, С.В. История идеи государственности в западноевропейской философии: теоретико-методологические основания / С.В. Воробьева // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы. – Гродна: ГрДУ, 2021. – С. 36–40.
8. Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. [и др.]. – М.: Наука и политика, 2015. – 424 с.
9. Гигин, В.Ф. Методологические основы изучения современной белорусской государственности / В.Ф. Гигин // Образование в современном мире: горизонты и перспективы. – Сб. науч. ст. – Изд-во «ЮрСаПринт», 2018. – С. 180–188.
10. Легчилин, А.А. Интеллектуальная история белорусской государственности: методологические аспекты исследования / А.А. Легчилин, С.В. Воробьева, В.С. Сайганова // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности: материалы Восьмой междунар. науч. конф. (21–22 ноября 2024 г., г. Минск). В 2 томах. Том 1. /Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Четыре четверти, 2024. – С. 85–88.
11. Всебелорусское народное собрание: состав, порядок формирования, полномочия [Электронный ресурс] // Эталон. Online. – Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/korotko-o-vazhnom/vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-sostav-poryadok-formirovaniya-polnomochiya/>. – Дата доступа: 18.03.2025.
12. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>. – Дата доступа: 18.03.2025.

РАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Ворошуха Любовь Олегова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Белорусский государственный экономический университет

Аннотация: в статье исследуется проблема равенства в современном обществе; в контексте трансдисциплинарности анализируются экономико-социальный и социально-эпидемиологический подходы к интерпретации и решению проблемы неравенства в современном обществе. Показано, как разрыв в доходах влияет на справедливость в обществе, как в постиндустриальном обществе несправедливость способствует разрушению социальных связей. Акцентируется вопрос изменения характера труда в постиндустриальном обществе, появления новых форм занятости – прекариата, что в итоге способствует повышению уровня аномии, социальной тревожности, отчужденности. Обосновывается тезис о неравенстве как факторе, негативно влияющем на имплементацию стратегий устойчивого развития социума; акцентируется приоритетность равенства перед экономическим ростом в обеспечении процветания общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экономический рост; благополучие; равенство; неравенство; справедливость; труд в современном обществе; «класс интеллектуалов»; прекариат; социальная эпидемиология; здоровье и равенство.

EQUALITY IN CONTEMPORARY SOCIETY AS A FACTOR OF SOCIO-ECOLOGICAL SUSTAINABILITY

Varashukha L.A.

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy,
Belarusian State Economic University

Abstract: in the article problem of equality in contemporary society is considered; economic-social and socio-epidemiological approaches to explanation of inequality problem in contemporary society is reviewed in transdisciplinary context. It is shown how the income gap affects justice in society, how in post-industrial society injustice contributes to social connection disruption. Issue of changes in labor's nature in post-industrial society is emphasized, appearance of new employment forms – like precariat, which contributes to rise of anomy, social anxiety, exclusion levels. Thesis about inequality as a factor, which affects negatively implementation of strategies of sustainable development of society is substantiated; priority of equality over economic growth in providing prosperity of society is emphasized.

Keywords: sustainable development; economic growth; well-being; equality; inequality; justice; labor in contemporary society; “class of intellectuals”; precariat; social epidemiology; health and equality.

Одной из видимых характеристик современного мира выступает его нестабильность, проявлениями которой выступают экологический, социальный (включающий политический и экономический) и гуманитарный кризисы. Несколько десятилетий назад человечеством была предпринята яркая попытка преодоления комплекса кризисов, результатом чего стала разработка концепции устойчивого развития и принятие ее принципов в качестве универсальной стратегии развития стран в рамках мирового сообщества. В то же время имплементация принципов стратегии дала результаты, которые существенно отличаются от страны к стране. Сегодня следует признать очевидность того, что существенная часть стран функционируют не в режиме устойчивого развития.

В социоэкологическом и политическом дискурсе за последние десятилетия были сформулированы различные подходы, представляющие свою интерпретацию как сущности устойчивого развития, так и способов, а также результатов ее воплощения в реальность. Наиболее сильные аргументы – с точки зрения их политической приемлемости и эффективности – оказались у сторонников экономического роста, обосновывающих неизбежность и безальтернативность последнего как основы для обеспечения социально-экологической устойчивости современных обществ. А в самом социоэкологическом дискурсе обозначился поворот от радикального неприятия доминирующего социально-экономического порядка, ставшего одним из определяющих факторов глобальной экологической нестабильности, к концепции экономической целесообразности [1].

Подход, согласно которому экономический рост, обеспечивающий экзистенциальную безопасность членов общества, в перспективе способствует формированию экологически ответственных моделей социального действия, сегодня демонстрирует свою противоречивость. Показательным представляется то обстоятельство, что именно в среде экономистов (А. Аузан, Т. Пикетти, А. Сен, Д. Аджемоглу и А. Робинсон), сегодня формируется новая парадигма, согласно которой устойчивое развитие как процветание общества обуславливаются не только, а зачастую и не столько экономическим ростом. Принципиальным вопросом выступает не то, насколько общество богато, а как это богатство в обществе

распределяется, а центральной проблемой в том числе социоэкологической парадигмы становится равенство.

Равенство может быть рассмотрено в разных аспектах, но любой из них неизбежно приведет нас к проблеме распределения благ в обществе. Рассматривая историю равенства, Т. Пикетти отмечает, что история человечества демонстрирует неуклонное движение к более справедливому распределению доходов, сокращению расового и гендерного неравенства, более широкому доступу к образованию и здравоохранению, гражданским правам и свободам [2]. Однако, будучи обманутым идеологией социального прогресса, современное общество функционирует в условиях прогрессирующего неравенства и социальной несправедливости. Демонстрируя связь экономического неравенства с чувством несправедливости как у отдельного индивида, так и у целых групп (классов), Т. Пикетти приводит данные о том, как разница в доходах коррелирует со справедливостью. Так, разрыв в доходах 1:5 не порождает чувство социальной несправедливости, 1:10 оценивается как критичный для общества, 1:100, 200... – катастрофичен. Чем выше разрыв в доходах, тем более чувствительными становятся индивиды и социальные группы к вопросам человеческого достоинства: люди с высоким и сверхвысоким доходом могут купить время другого человека, распоряжаться самим человеком [2]. Подобные диспропорции деструктивно влияют на социальные отношения; инструментом преодоления этой разбежки в доходах и обеспечения более высокого уровня социальной справедливости представляется прогрессивное налогообложение, повышенные налоги на выбросы и др.

Немаловажным фактором, обуславливающим ощущение несправедливости, является труд в современном обществе. Еще теоретики постиндустриального общества, формулируя тезис о грядущих изменениях характера и сути труда, предсказывали становление нового «класса интеллектуалов» с принципиально иной мотивацией труда, в результате чего труд, по сути, превращается в творчество. Основу мотивации нового класса, как представлялось, составляет не размер материального вознаграждения, а такие ценности как безопасность и свобода, справедливость и ответственность, стремление к личностному росту [3]. И если труд сущностно мотивирован утилитарными потребностями, а потому – несвободен, то творчество порождается стремлением человека к развитию собственной личности и мотивировано нематериалистическими стимулами. Сторонникам данного подхода структурные и сущностные изменения труда

в постиндустриальном обществе видятся как воплощение новой степени свободы. Прообразом «класса интеллектуалов» можно считать концепт «меритократии» (М. Янг), выражающий идею, согласно которой обществом управляют наиболее образованные, обладающие неординарными профессионально-деловыми качествами члены этого общества.

В современном социально-критическом дискурсе как сам концепт меритократии, так и ожидания относительно того, что новая организация труда и сам по себе принципиально новый труд, обусловленный развитием научного знания и технологий, сделают человека более свободным, подвергается критике (М. Сэндел, Г. Стэндинг). Так, М. Сэндел указывает на то, что идеология меритократии способствовала тому, что в современных обществах социальный статус человека в существенной мере определяется наличием у него университетского диплома. Подобная установка порождает высокомерие по отношению к тем, кто дипломом не обладает – в частности, к рабочим, которые составляют значительную и значимую часть социума даже в условиях постиндустриального общества. При этом труд рабочих (работников без высшего образования), делающих существенный вклад в благосостояние общества, не ценится, а сами люди не уважаются. Подобное положение дел ведет к разногласиям и социальной напряженности в целом [4]. Также следует учитывать то обстоятельство, что труд в современном обществе зачастую увязывается с понятием прекариата, который определяется как класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости (их доля в современных обществах составляет от 30 до 60%) [5]. Такая форма труда порождает целый ряд негативных моральных и психологических последствий: узкий горизонт планирования; отсутствие продуманной «линии жизни»; неопределенность личных желаний, расчет на случай и удачу; отсутствие профессиональной идентичности; социальная атомизированность и неспособность поддерживать социальные связи. Специфическая, обусловленная именно такой занятостью, жизненная стратегия характеризуется «тревогой и тревожностью как негативными эмоциональными реакциями на фрустрацию индивидуализации и отсутствие достаточной институциональной поддержки в решении значимых проблем» [5, с. 202]. Можно предположить, что аномия, тревожность и отчуждение, порождаемые прекарным трудом, могут сопровождаться, или даже фундироваться, чувством несправедливости из-за неравенства возможностей.

Неравенство, представляющее собой комплексную проблему, экономически дорого обходится обществу. Интересен в этом контексте трансдисциплинарный подход к проблеме, сформулированный в рамках социальной эпидемиологии – научного направления, обосновывающего определяющее влияние социальной среды на здоровье населения [6]. Так, Р. Уилкинсон и К. Пикетт исходят из тезиса о том, что большая разница в доходах – сильнейший фактор стресса, вызывающий дисфункциональность современных обществ. Результаты исследований позволили выявить устойчивые корреляции между высоким уровнем экономического неравенства в обществе и такими его дисфункциями как высокий уровень убийств, большое количество заключенных, детская смертность, ожирение, наркотическая зависимость, подростковая беременность, смертность от COVID-19, низкий уровень социальной мобильности и доверия в обществе [7]. Так, среди демократических стран США демонстрируют самый высокий уровень неравенства, который в 11 раз выше неравенства в Норвегии; при этом количество заключенных в США в 10 раз больше, детская смертность и количество страдающих ожирением – в 2 раза выше [7]. Несмотря на то, что наиболее уязвимыми перед лицом перечисленных проблем оказываются бедные слои населения, тем не менее они негативно влияют на качество жизни благополучных слоев, насколько социально и экономически сегрегированными они бы ни были. Сторонники данного подхода показывают, что жители таких стран как Дания, Финляндия, Бельгия, Норвегия и Нидерланды, демонстрирующих сегодня наивысший уровень равенства, оказались более успешными в таких вопросах как: наибольшее количество лет, прожитых здоровым; более низкий уровень ментальных расстройств и заболеваний; малое количество случаев убийства; малое количество людей, находящихся в тюремном заключении.

Сильным источником социальной тревожности и, как следствие – стресса выступает стремление повысить свой социальный статус в условиях социально-экономического неравенства. Наиболее распространенным способом повысить свой социальный статус является потребление, а тезис о существующей корреляции между уровнем богатства и самооценкой получил свое обоснование более ста лет назад (Т. Веблен). Современные исследования показывают, что в обществах с высоким уровнем неравенства на статусные вещи как средство «культурной переподготовки» (Ж. Бодрийяр), тратят значительно больше, чем в странах, демонстрирующих большее равенство. Также в странах с высоким уровнем

неравенства существенно выше затраты на рекламу, конструирующую искусственные потребности и стимулирующую потребление [7]. Потенциально фрустрированное стремление повысить свой социальный статус ведет к повышенному стрессу и соматическим расстройствам [8], что значительно усиливает нагрузку на систему здравоохранения и другие структуры, обеспечивающие функциональность социума.

Таким образом, благополучие современного общества не определяется исключительно экономическим ростом; неотъемлемыми его составляющими выступает экологическая устойчивость, здоровье и счастье членов общества, которые, в свою очередь, могут быть обеспечены при достаточном уровне социального равенства. Неравенство негативно влияет на эффективность экологической политики, обязательным условием имплементации которого является здоровое сообщество с крепкими и стабильными социальными связями, с устойчивой идентичностью, высоким уровнем доверия внутри общества, имеющее общие цели и обладающее достаточной солидарностью для их реализации.

Список литературы

1. Ворошуха, Л.О. Трансформация парадигмы современного экологизма: от глобальных проблем к локальным технологиям / Л.О. Ворошуха // Проблемы управления. Серия В. – 2014. - № 3(52). – С. 149 – 153.
2. Пикетти, Т. Краткая история равенства / Т. Пикетти. – М. – 2023. – 384 с.
3. Иноземцев, В.Л. Наука, личность, общество в постиндустриальной действительности / В.Л. Иноземцев // Российский химический журнал. – 1999. - №6.
4. Sandel, Michael. The Tyranny of Merit. What's become of the common good? / M. Sandel. – Penguin. – 2020.
5. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М. – Ад Маргинем. – 2020. – 368 с.
6. Honjo, K. Social Epistemology: Definition, History and Research Examples / K. Honjo // Environmental Health and Preventive Medicine. – 2004. - №9. – P. 193 – 199.
7. Wilkinson, R.G. Why the World Can't Afford the Rich / R.G. Wilkinson, K.E. Pickett // Nature. – 2024, March [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://www.nature.com/articles/d41586-024-00723-3>. – Date of access: 10.03.2025
8. Wilkinson, R.G. The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone / R.G. Wilkinson, K. E. Pickett. – London : Penguin. – 2010. – 347 p.

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Голубь Анастасия Сергеевна

студентка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Новикова Ольга Владимировна**,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Рассматривается природа власти и проблема её легитимации в трудах М. Вебера и К. Шмитта. Проанализировано веберовское понимание политики как стремления к власти и его классификация политиков. Изучены ключевые качества, необходимые для политического лидерства, согласно М. Веберу. Рассмотрен шмиттовский подход к политическому как сфере конфликта, основанной на различии между другом и врагом, а также роль этого различия в процессе легитимации власти. Проведен сравнительный анализ их взглядов.

Ключевые слова: политика; власть; субъект власти; объект власти; легитимизация власти; государство.

THE ESSENCE OF POLITICAL ONTOLOGY AND THE PROBLEM OF LEGITIMIZATION OF POLITICAL POWER

Golub Anastasia Sergeevna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University.

Scientific supervisor – **Novikova Olga Vladimirovna**,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department
of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The nature of power and the problem of its legitimization are considered in the works of M. Weber and K. Schmitt. The article analyzes Weber's understanding of politics as a desire for power and his classification of politicians. The key qualities necessary for political leadership, according to M. Weber, have been studied. The article examines Schmitt's approach to politics as a sphere of conflict based on the difference between friend and enemy, as well as the role of this difference in the process of legitimizing power. A comparative analysis of their views is carried out.

Keywords: politics; power; subject of power; object of power; legitimization of power; the state.

Политика – это сфера общественной жизни, связанная с отношениями между социальными группами и политическими институтами, выражающими их интересы и решающими вопросы власти. В политике важную роль играет борьба за удовлетворение интересов различных групп общества, которые могут вступать в конфликт, что приводит к политической борьбе за власть. Понимание политической власти как диффузного и распыленного феномена становится важным в контексте современных политических систем. Власть не всегда принадлежит одной группе, а распределяется между множеством игроков, институтов и процессов. Это означает, что для властных структур важно учитывать интересы и настроения общества, а их легитимность и авторитет во многом зависят от того, насколько их решения соответствуют ожиданиям граждан.

В этом контексте легитимация – процесс признания обществом правомерности власти – становится важным механизмом, через который власть приобретает стабильность и силу.

Политика всегда связана с отношениями власти между субъектами власти и объектами власти, т.е. между теми, кто обладает властью, и теми, кто ей подчиняется. Эта взаимозависимость порождает фундаментальную проблему, с которой сталкиваются все политические системы, – проблему легитимации господства. Признание власти обществом не всегда приходит автоматически. Для этого нужно, чтобы власть была принята людьми не в качестве вынужденного подчинения, а как часть установленного порядка, основанного на консенсусе или на вере в справедливость правящего устройства. Субъекты власти всегда заинтересованы в том, чтобы их власть была легитимной. Без этого она может быть подвергнута сомнению, что в свою очередь приведет к ослаблению позиций правящих структур. Легитимация власти со стороны объекта власти, в свою очередь, – это своего рода согласие на подчинение, которое делает власть эффективной и устойчивой.

Вопросы легитимации политической власти всегда были в центре философских и социологических размышлений, и в работах М. Вебера и К. Шмитта представлены составившие фундамент политической онтологии идеи обоснования власти и раскрытия ее природы.

Итак, М. Вебер определяет политику как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе включает» [1, с. 198]. Далее задается вопрос: кто занимается политикой? «Тот стремится к власти, – отвечает М. Вебер, –

либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [1, с. 198].

Исходя из этого, М. Вебер рассматривает два типа отношения к политике: есть те, кто «живет для политики» [1, с. 199], и те, кто «живет за счет политики» [1, с. 199]. Первые стремятся не просто к обладанию властью, а к реализации личных целей или идеалов, служа какому-то «делу». М. Вебер подчеркивает, что «тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» – либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу»» [1, с. 199]. Вторые же используют политическую деятельность как источник дохода. Для таких людей политика становится профессией, а не призванием. М. Вебер указывает, что «профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чисто пребэндарием, или оплачиваемым чиновником» [1, с. 199]. Это означает, что его деятельность связана с извлечением прямой выгоды, и его деятельность имеет скорее экономический, чем идеологический или моральный характер.

М. Вебер также отмечает, что успешное руководство в политике может быть связано с двумя типами людей: «либо те, кто живет исключительно для политики и имеет независимость от материальных нужд, либо те, кто живет за счет политики и получает за свою деятельность вознаграждение» [1, с. 199]. Однако в условиях современного государства, где политика становится профессиональной деятельностью, эта противоположность становится более заметной, поскольку руководители могут либо быть независимыми и состоятельными людьми, либо «предпринимателями» в политике, ориентированными на получение материальной выгоды.

Для политика решающими являются три качества: страсть, чувство ответственности и глазомер. Страсть «в смысле ориентации на существо дела, страстной самоотдачи делу» [1, с. 204], а не пустое увлечение или романтическая возбужденность. Чувство ответственности должно быть направлено не только на выполнение конкретных действий, но и на осознание последствий этих действий. Без ответственности страсть становится пустой, поскольку «она не сделает вас политиком, если не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности» [1, с. 204]. Глазомер – способность правильно

оценивать реальность, видеть вещи такими, какие они есть, и не поддаваться излишнему возбуждению или идеалистическому восторгу.

«Сила политической личности в первую очередь означает наличие у нее этих качеств» [1, с. 205]., замечает М. Вебер. Можно сделать вывод, что политика есть «мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером» [1, с. 205], и только тот, кто не сдастся, даже если мир покажется ему слишком глупым или подлым для его идей, и кто способен сказать «и все-таки!» вопреки всему, имеет настоящее призвание к политике.

В понимании К. Шмитта политическое определяется через специфическое различие между другом и врагом. Понятия «друг» и «враг» должны восприниматься не как метафоры, а как экзистенциальные, реальные категории. Политическая реальность возникает только в контексте возможной борьбы между этими группами. Важность этого различия заключается в его способности разделить человеческое общество на противоположности, в основе которых лежит реальная угроза насилия, а не абстрактная конкуренция или дебаты. Политический враг – это тот, кто представляет собой угрозу существованию целой группы людей, а не личный антагонист, с которым можно вступить в диалог.

В контексте легитимации политической власти, власть считается легитимной, если она имеет возможность мобилизовать общество против внешнего или внутреннего врага. Продолжая эту мысль, стоит сказать, что для К. Шмитта важнейшей составляющей политического является возможность войны. Политическое бытие основывается на реальной возможности конфликта, как крайней формы политической борьбы. Война, как крайняя форма выражения вражды, является логическим продолжением разделения на «друга» и «врага». Вопрос легитимации политической власти связан с тем, как власть мобилизует общество для разрешения политического конфликта через войну. Это не означает, что война должна быть идеализирована, но она служит маркером существования политического разделения и легитимности власти, которая может обеспечить защиту общества от врага. Таким образом, политическая власть обосновывается именно через способность различать и противостоять врагу, что делает ее уникальной и непереводимой в другие области.

К. Шмитт указывает, что понятие нейтралитета также имеет политический смысл, так как предполагает реальную возможность разделения на «друзей» и «врагов». Мир, в котором нейтралитет стал бы единственной возможностью, лишился бы политического содержания, так

как не было бы реальной угрозы, против которой нужно было бы защищаться: «если бы на земле оставался только нейтралитет, то тем самым пришел бы конец не только войне, но и нейтралитету как таковому, равно как и всякой политике, в том числе и политике по избеганию войны, которая кончается, как только отпадает реальная возможность борьбы» [2, с. 310]. Следовательно, деполитизация или отсутствие политической борьбы означает утрату политической реальности.

Государство по К. Шмитту – это «политический статус организованного в территориальной замкнутости народа» [2, с. 293] в силу своей способности разделить людей на «друзей» и «врагов», что является основой для легитимации политической власти, которая, в свою очередь, связана с ее способностью защищать и утверждать различие между другом и врагом. В условиях, когда государство проникает в различные сферы общества, оно становится тотальным, и вопросы, которые раньше не считались политическими, также становятся частью политического поля. Конфликт с «врагом» – это не только основа политической реальности, но и способ легитимации власти. Власть, способная управлять этим конфликтом, имеет право на существование.

Итак, если для М. Вебера важны внутренние качества политиков и их способность обеспечивать легитимность через консенсус и управление, то для К. Шмитта важнейшим аспектом власти является её способность к защите от внешнего и внутреннего врага, что предполагает неизбежность конфликта как основы политической реальности.

В основе политической реальности лежат фундаментальные отношения власти, подчинения и борьбы за легитимность. Власть не является статичным феноменом – она постоянно подтверждается, оспаривается и пересматривается в зависимости от исторического контекста, общественных ожиданий и способности институтов к адаптации.

В современных политических процессах можно увидеть отражение идей как М. Вебера, так и К. Шмитта. Веберовский подход к легитимации власти через ответственное управление и профессионализм остаётся важным в демократических системах, его идеи помогают понять, как власть может укреплять свою легитимность, ориентируясь на рациональные решения и долгосрочные интересы общества. В то же время мысли К. Шмитта о значимости различия «друга» и «врага» находят отклик в условиях, когда государства сталкиваются с вызовами внешней и внутренней нестабильности. Его концепция позволяет осмыслить, как политические силы сплачивают общество вокруг определённых ценностей

и угроз, а также какие механизмы используются для поддержания устойчивости власти. Оба подхода остаются актуальными, дополняя друг друга: рациональное управление и ответственное руководство сочетаются с поиском точек сплочения общества, что позволяет власти сохранять свою устойчивость и поддержку граждан.

Список литературы

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. – М.: РИПОЛ классик, 2018 – 288 с.
2. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. – Санкт-Петербург: Наука, 2016. – 567 с.
3. Карадже, Т. В. Политическая философия / Т. В. Карадже. – М.: МПГУ, 2017. – 466 с.
4. Афанасьев, В. В. Карл Шмитт: из истории политической мысли // Социологические исследования. 2014. №6. с.69-76.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Гончарова Диана Владимировна

аспирант, Республиканский институт высшей школы

Научный руководитель – **Добродородний Данила Григорьевич**

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин,

Международный институт управления и предпринимательства

Аннотация: Современный мир переживает период кризисов и трансформаций. Традиционные духовные и христианские ценности, поддерживаемые государством, играют важную роль в сохранении устойчивости в обществе и способствуют процветанию государства. Источником духовных христианских ценностей служит учение церкви, основой которого является учение о Боге и Его творении. Социальная концепция РПЦ воплощает стратегию взаимодействия церкви и современного общества.

Ключевые слова: государство; общество; церковь; традиционные и духовные ценности.

TRADITIONAL VALUES AND THE CHURCH IN A TIME OF SOCIAL TURBULENCE

Goncharova Diana V.,

postgraduate student NIHE

Scientific supervisor – Dabrarodni **Danila G.**

PhD in Philosophy, Head of the Academic Department of General Education Disciplines

International Institute of Management and Business

Abstract: The modern world is experiencing a period of crises and transformations. Traditional spiritual and Christian values, supported by the state, play an important role in maintaining sustainability in society and contribute to the prosperity of the state. The source of spiritual Christian values is the teaching of the church, the basis of which is the teaching about God and His creation. The Social concept of ROC embodies a strategy for interaction between church and modern society.

Keywords: state; society; church; traditional and spiritual values.

На фоне стремительно развивающегося информационного общества, происходит обмен и смешение социальных нарративов (установок, понятий, ментальных конструкций), которые зачастую вступают в противоречие с национальными традициями, влияют на сознание и мышление. Последние десятилетия показали, что человечество идет путем потребительского

отношения к миру, а это приводит к постепенному нивелированию общечеловеческих ценностей, таких как любовь, служение, патриотизм, жертвенность. Однако именно эти ценности являются базовыми для сплочения общества и созидания государства.

На рубеже XX-XXI веков наша страна претерпевала трансформации во всех сферах жизни государства и общества. Перед государством стояла задача сохранить и преумножить то, что досталось в наследие от советской эпохи. Трудные периоды становления национальной экономики перемежались с мировыми экономическими кризисами, а фоном всему являлись трансформации в сфере культуры, подверженной влиянию глобализации. Смена ценностной парадигмы в обществе, ориентация на потребление, экономические успехи и трудности, общий мировой политический фон провоцируют в обществе ощущение уязвимости и нестабильности в противовес традиционности и устойчивости. Это зачастую вызывает «процесс архаизации»: «социокультурный кризис, сопровождающийся непрерывным процессом разрушения господствовавших в обществе культурных норм, правил и способов поведения, ведет к обнажению старых, архаических пластов культурной жизни. Более примитивные, архаические элементы культуры заполняют культурный вакуум, образовавшийся в результате разрушения культурных оснований общества» [1].

Эти процессы ведут к тому, что, транзитивное и все более неустойчивое современное общество подвергается процессу «варваризации». Чтобы этого не произошло, наше государство поддерживает и воспитывает в гражданах такие традиционные ценности, как патриотизм и служение Отечеству, созидательный труд, справедливость и милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, семейные ценности, сохранение исторической памяти.

При этом современное белорусское общество имеет смешанные черты традиционализма, модерна и постмодерна. К чертам «традиционного общества» «относятся патриархальные взаимоотношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами; включение половой морали в число важнейших нравственных проблем; представление о земле как главной жизненной ценности и основанные на этой привязанности трудолюбие и патриотизм; общинный коллективизм и вытекающие отсюда обязанности личности по отношению к социальным структурам» [2].

Традиционные ценности оказали стабилизирующий эффект на белорусское общество. Во многом этому способствовал особый статус

Белорусской православной церкви как хранителя христианских ценностей. Духовные христианские ценности глубоко укоренились в сознании и жизни людей. Ценности христианской верности, ответственности, преданности и любви к своему отечеству формируют мышление, на основе которого человек организует свое социальное пространство, создает семью, вкладывает в белорусскую экономику свои профессиональные качества.

Через почитание Богоматери в нашей стране высоко почитается достоинство женщины, важность ее в воспитании младшего поколения белорусов, всячески поддерживается материнство и защищается детство, а также семейные ценности. Вера в Бога Отца порождает уважение к отцу и к старшему поколению, как к иерархии рода; понимание Бога, как Творца всего сущего, вызывает заботливое и бережное отношение к тварной природе, и активное участие в защите окружающей среды. Опыт православной церкви показывает, что через духовные ценности современное общество получает традиционное видение актуальных задач и проблем нынешнего времени. Патриотизм, почитание начальства и властей также происходит из иерархического понимания мироустройства. Необходимо отметить, что источником положительного отношения ко всему, что создано Богом является любовь – это основополагающая духовная ценность в церкви.

Первые христиане позитивно смотрели на «мир сей», поскольку видели его в перспективе преображения. Через соединение таких категорий как время, природа, государство и общество с Церковью, т.е. Царством Божиим, которое «пришло *теперь* и пребывает в Церкви.... И оно же *будет* в конце...» [3, с. 361]. Земной мир, его время и материя, его жизнь и смерть, через церковное таинство евхаристии «приобщается», (а евхаристия – это приобщение к Богу человека и всей природы через него), становится участником Царства Божия, «т. е. образом его явления и пребывания среди людей» [3, с. 362].

Православная церковь рассматривает мир, в котором мы живем, полем действия своей преображающей миссии. Согласно Л. А. Тихомирову нравственность и нравственный закон даются только религией. Человечество всегда жило именно вот этой «религиозной нравственностью», и поэтому «государственный человек, как бы ни был он лично скептичен, не может не считать для блага государства величайшей драгоценностью те религиозные учреждения, в которых люди выращивают и воспитывают свое религиозное чувство, дающее им крепкое нравственное чувство и правила поведения» [4, с. 62].

Государство всячески поддерживает любые интенции и развитие религиозного чувства в обществе, поскольку религия – это не просто связь с Богом, это общение с ним и пребывание в Духе Божиим, который несет в себе любовь, мир, радость, свет, который созидает, а не разрушает, что однозначно положительно сказывается на государстве и обществе. Позитивное отношение к миру, основанное на христианских ценностях, реализуется не в материальных благах, не в социальном равенстве, не в стремлении к власти, а в возможности преображать мир согласно эсхатологическому учению церкви о восстановлении мира в Боге. По природе своей христианское отношение к миру, обществу и государству не является утилитарным, а наоборот, христианин призван к служению, что противоречит и сдерживает современные тенденции, ведущие к «обществу потребления». В этом и заключается суть положительного, удерживающего присутствия института церкви в государстве и обществе.

В свою очередь, «ограниченное своей принадлежностью «миру сему», государство тем не менее способно отражать идеал Царства, жить им и усердно служить Господу всей Вселенной. Сочинения ранних христиан ... излучают радость, ожидание космической победы Христа. Мы не найдем в них никакого стремления ограничить Церковь чисто «духовной» сферой, отгородить ее от мира с его скорбями» [3, с. 364]. Именно поэтому церковь идет в мир, чтобы дать ответы на возникающие в современном мире вопросы. Занимаясь и проповедью, и социальным служением, церковь выполняет свою миссию проповеди, заботы о верующих и просвещение стоящих вне ее границ. «Именно миссия является призванием и основным служением и действием церкви «в мире сем» [5, с. 102].

В социальной концепции РПЦ церковь отобразила свое видение ответов на современные вызовы и угрозы. Церковь является активным деятелем в деле спасения мира и человечества, и всем своим существом стремится к его преображению. Отсюда активное вовлечение института церкви в социальную жизнь страны на всех уровнях: «церковь призывает своих чад к активному участию в общественной жизни, – но при этом к такому участию, которое основывается на принципах христианской нравственности, которое служит убедительным свидетельством действенности христианской веры» [6, с. 7].

За время свободного и независимого существования православной церкви в рамках нашего государства, церковь вместе с нашей страной прошла достаточно долгий путь становления. В 1989 году Архиерейским собором учреждается Белорусский экзархат Московского патриархата,

второе название на сегодняшний день Белорусская православная церковь. Первым патриаршим экзархом в Беларуси стал митрополит Филарет. Его служение пришлось на конец 20-го начало 21 века. 35-летнее служение митрополита Филарета в Беларуси сопровождалось активной работой по открытию новых приходов и монастырей, строительством храмов и появлением духовных учебных заведений, укреплением и расширением межконфессионального диалога как внутри страны, так и на Западе, а также установлением позитивных взаимоотношений с государством. На сегодняшний день, «через три с половиной десятилетия Белорусская Православная Церковь объединяет 15 епархий, более 1700 приходов, 7 духовных учебных заведений, 36 монастырей, 15 братств и 9 сестричеств. На территории нашей страны действует около 1900 православных храмов, еще около 150 строятся» [7]. Сегодня Белорусскую православную церковь возглавляет митрополит Вениамин (Тупеко), активный деятель православной церкви и духовный лидер православных верующих.

Таким образом, на сегодняшний день становится ясно, что сохранение в обществе традиционных духовных ценностей и государственная поддержка церкви обеспечивают устойчивость государства и общества, гуманизацию общественной жизни, формирование комфортной среды для проживания, развитие ее граждан, ответственного отношения к себе, окружающим и природе. Диалог Белорусской православной церкви с государством, ее сотрудничество с такими важнейшими социальными институтами, как образование, здравоохранение, семья, социальное служение является залогом успеха и процветания нашего государства.

Список литературы

1. Штомпель, Л. А., Штомпель, О. М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? / Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель // Ценности и смыслы. – 2010. – №1(4). – С. 34-42.
2. Беляева, Е. В. Традиционные ценности в моральном сознании современного белорусского студента / Е. В. Беляева // Россия–Запад: прошлое, настоящее, перспективы развития: сб. ст. – Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2008. – С. 114–117.
3. Шмеман, А., прот. Православный мир: прошлое и настоящее / прот. А. Шмеман // Вера и Церковь : сб. ст. / сост., вступ. ст. А. Яковлева. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 357-398
4. Тихомиров, Л. А. Личность, общество и церковь / Л. А. Тихомиров. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. – 480 с.

5. Шмеман, А., прот. Евхаристия. Таинство царства / прот. А. Шмеман – Москва: Паломник, 1992. – 304 с.

6. Церковь и мир. Основы социальной концепции: приняты на Юбилейном Архиерейском Соборе 15 авг. 2000. – Москва: Даниловский благовестник, 2000. – 192 с.

7. Тридцать пять лет назад был учрежден Белорусский Экзархат // Официальный портал БПЦ - URL: <http://church.by/news/tridcat-pjat-let-nazad-byl-uchrezhden-belorusskij-ekzarhat> (дата обращения: 27.03.2025).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ОРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Григорьев Александр Владимирович,

кандидат юридически наук доцент, начальник кафедры философии и идеологической
работы научно-педагогического факультета,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Аннотация. В статье анализируется влияние цифровизации общественных отношений на развитие правовой системы и образования. Обосновывается вывод о том, что достижения юридической доктрины в сфере цифровизации необходимо своевременно внедрять в образовательный процесс с целью формирования новых компетенций обучающихся, что позволит эффективно решать кардинально новые задачи в условиях динамично изменяющейся действительности под влиянием внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества.

Ключевые слова: правовая система; цифровая трансформация образования; цифровизация общественных отношений; юридическое образование.

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM AND EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Grigoriev Alexander V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and
Ideological Work of the Scientific and Pedagogical Faculty,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the impact of digitalization of public relations on the development of the legal system and education. The conclusion is substantiated that the achievements of the legal doctrine in the field of digitalization must be timely introduced into the educational process in order to form new competencies of students, which will allow effectively solving fundamentally new problems in the context of a dynamically changing legal reality under the influence of the introduction of digital technologies in various spheres of society.

Keywords: legal system; digital transformation of education; digitalization of public relations; legal education.

В настоящее время развитие правовой системы и образования в Республике Беларусь находятся в тесной взаимосвязи с цифровой

трансформацией общественных отношений. Так, одной из тенденций развития общественных отношений является их постепенная цифровизация, связанная с активным внедрением информационных технологий практически во все сферы общественной жизни.

Первоначально цифровизация затронула экономическую сферу жизнедеятельности общества, что подтверждается принятием в 2017 г. Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики», направленного на создание уникальных условий для ИТ-отрасли и являющегося по сей день важным документом в сфере цифровизации экономики.

Положения Декрета нашли дальнейшее развитие в Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года, где также предусмотрена цифровизация экономики, согласно которой запланировано дальнейшее внедрение и постепенная интеграция информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в сферы жизнедеятельности общества и отрасли.

Также цифровизация коснулась и нормотворческой деятельности в контексте ее совершенствования путем цифровизации процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов согласно Указу Президента Республики, Беларусь от 17.11.2020 № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности».

Тем не менее, процесс цифровизации общественных отношений отличается высокой динамичностью. В этой связи, правовое регулирование по объективным причинам не всегда способно оперативно реагировать на стремительно меняющиеся общественные отношения. На данное обстоятельство справедливо обращает Конституционный суд Республики Беларусь. Он полагает, что в условиях преобразований и развития цифровой экономики, цифровой трансформации повседневной жизни, деловой среды на законодательном уровне требуется должное правовое регулирование отношений в сфере цифровизации экономики, обеспечения единого информационного пространства.

Следует отметить, что в современных условиях цифровизации общественных отношений национальная правовая система наполняется новыми правовыми явлениями, что требует от юридической доктрины и законодателя определения их правовой природы и дефинирования. К ним относятся: цифровая рукописная подпись, токены, криптовалюта, документ в электронном виде, цифровой аккредитив, блокчейн, смарт-контракт и др.

Кроме того, возникает проблема осмысления так называемых «цифровых прав», «объектов виртуальной собственности», «объектов, созданных с помощью искусственного интеллекта» и др. Так, например, в связи с популярностью компьютерных игр получили широкое распространение виртуальные объекты: персонажи многопользовательских компьютерных игр, их атрибуты и артефакты, танки, космические корабли и тела, виртуальная компьютерная валюта и т.д.

Министерством образования разработана и утверждена Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы, определяющая основные цели, задачи, направления и границы цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь до 2025 года.

Согласно Концепции, цифровая трансформация процессов в системе образования включает следующие основные направления: развитие и модернизация информационно-коммуникационной инфраструктуры системы образования; формирование современного электронного образовательного контента; автоматизация процессов управления.

Концепция закладывает базу для осуществления цифровой трансформации процессов в системе образования, включающую модернизацию инфраструктуры системы образования, внедрение прорывных технологий в образовательный процесс, а также оптимизацию и оцифровку с помощью программных средств всех процессов, протекающих в системе образования и реализуемых на основе принятия технических, программных, методических и нормативных решений. К прорывным технологиям относятся: блокчейн, уберизация, наборы сенсоров, формирующие «умные учреждения», технологии больших данных, искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности.

В Республике Беларусь создана и функционирует отраслевая техническая инфраструктура системы образования. Учреждения образования всех уровней обеспечены средствами информационных технологий (компьютеры, средства мультимедиа и различного вида проекционное оборудование, копировально-множительная техника, системное и прикладное программное обеспечение). Также в образовательном процессе есть возможность использовать интернет-услуги и интернет-сервисы: электронная почта, удаленный доступ к интернет-ресурсам, взаимодействие с информационными системами и ресурсами и др.

В целях трансформации образовательного процесса и формирования цифровой компетенции обучающихся актуальны разработка, внедрение цифрового модуля в образовательные программы, содержание преподаваемых дисциплин социального и экономического блока как целостной совокупности дидактических единиц. В этой связи приоритетами цифровой трансформации учреждений высшего образования может выступать методологическая триада стратегических направлений образовательной деятельности: повышение цифровой компетентности всего профессорско-преподавательского состава вузов, творческий синтез моделей традиционного и электронного университетов; цифровизация дидактики в системе высшей школы как мультипликативной образовательной платформы, обеспечивающей не только выбор индивидуального маршрута, но и практических результатов; интеграция студентов, преподавателей в развитии бизнес-инкубаторов, малых предприятий при вузах, поддержка студенческих стартапов, инновационных проектов; цифровизация системы воспитательной и идеологической работы с субъектами образовательного процесса в локальной сети, социальных сетях; построение цифровой инфраструктуры фирменного стиля руководства вуза и корпоративной ответственности [1, с. 105].

Цифровизация образования с точки зрения системообразующих качеств и содержательных феноменологических характеристик: а) трактуется неоднозначно в силу своей сложности и многоаспектности проявлений, а также междисциплинарности изучения; б) сущностным основанием прогрессивного развития является сингулярность как динамичное производство ценностных смыслов и значений с опорой на прочные мировоззренческие основания общества знаний, объективно нацеленные на развитие системы образования и личности человека с опорой на их духовно-нравственный потенциал; в) охватывает образовательную сферу социального и личностного бытия человека и социума; г) материальным основанием является экономика знаний как система, способная генерировать знания, необходимые для ее роста и развития; д) реализуется через эффективное использование ее результатов – инновационных технологий и высокотехнологичных технических решений; е) предоставляет возможность использования результатов для любых обладателей компетенций, опирающихся на знаниевую и деятельностьную составляющие, закрепленные в собственном социальном опыте; ж) вовлекает личность в процесс цифровизации и привлекает к использованию

ее результатов через актуализацию соответствующих компетенций (например, информационных компетенций); з) позволяет формировать и развивать информационно-коммуникационное пространство и информационно-образовательные среды, платформы, потенциал которых предоставляет субъектам взаимодействия – пользователям необходимое им дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т. д.) для решения задач прикладного характера; и) в своем дуализме составляет, с одной стороны, противоречие между прогрессивными результатами и предъявляемыми социуму вызовами, а с другой – создает условия, инструментарий и механизмы решения данного противоречия [2, с. 6].

Отмечается, что среди тенденций цифровизации в сфере образования можно выделить следующие четыре направления:

1. Внедрение цифрового сопровождения образовательного процесса. В рамках данного направления создаются и совершенствуются новые модели организации учебного процесса (работа через онлайн-платформы (например, Moodle), создание экспериментальных образовательных пространств; внедрение цифрового оценивания сформированных компетенций, в том числе проведение контрольных мероприятий в электронной форме, использование виртуальных тренажеров; организация взаимодействия через проведение вебинаров (Webinar, Zoom), создание цифрового портфолио учащегося и др.).

2. Развитие и совершенствование цифрового образовательного контента. Указанное направление охватывает, в частности, расширение границ учебного контента, в том числе поиск новых его форм (создание электронных образовательных курсов по дисциплинам, разработка электронных учебников и пособий, лекций-презентаций, учебно-методической документации и др.), а также постоянное обновление образовательного контента в режиме реального времени.

3. Формирование открытой науки (открытый доступ к диссертациям, размещение научных материалов в электронных библиотеках и др.) и трансформация академической этики (в частности, формирование этикета сетевого общения).

4. Развитие цифровой карьерной среды (организация карьерных проектов учреждений образования с использованием smart-инструментов (например, цифровые ярмарки выпускников), появление новых профессий (цифровой ассистент, цифровой тьютор и т. д.) [3].

Можно согласиться с утверждением, что цифровизация образования ведет к изменению не только образовательных стандартов, но и рынка труда, формированию новых компетенций потребителей образовательных услуг, переосмыслению роли педагога и реорганизации образовательного процесса. При этом система образования Беларуси имеет достаточную степень готовности к цифровой трансформации [4].

На основании изложенного, сформулированы следующие выводы.

В настоящее время наука столкнулась с проблемой осмысления цифровизации общественных отношений. Поэтому в настоящее время перед учеными стоит задача в разработке доктринальных положений путем проведения междисциплинарных исследований с целью совершенствования правового регулирования общественных отношений в условиях цифровизации в контексте разработки нового понятийно-категориального аппарата, переосмысления нормативных оснований правовых институтов.

Также достижения юридической доктрины в сфере цифровизации необходимо своевременно внедрять в образовательный процесс с целью формирования новых компетенций обучающихся, что позволит эффективно решать кардинально новые задачи в условиях динамично изменяющейся действительности под влиянием внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества.

Список литературы

1. Терехова, А.И. Цифровизация высшего образования в Республике Беларусь: методологический аспект Ф. И. Храмцова, А. И. Терехова // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 3-2 (42). – 2020. – С. 104–107.
2. Лозицкий, В.Л. Цифровая трансформация образования и обеспечение преемственности систем общего среднего и высшего образования в Республике Беларусь / В.Л. Лозицкий // Совершенствование образовательных систем в интересах общества, личности, государства : сборник статей II Международной научно-практической конференции 13–18 апреля 2023 года. – В 2 ч. Ч. 1 / редкол. : М.М. Жудро [и др.]. – Могилёв : МГОИРО, 2023. – 437 с.
3. Синкевич, К.В. Образование в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс] / К.В. Синкевич // Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/269908/1/207-211.pdf> . – Дата доступа: 30.03.2025.
4. Урганова, Д.Б. Основные направления цифровизации в области образовательной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Д. Б. Урганова // Режим доступа:

<https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/110012/24243.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. —

Дата доступа: 30.03.2025.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Гущин Евгений Васильевич,

студент высшей школы философии, истории и социальных наук,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Савинцев Вячеслав Игоревич,

кандидат философских наук, доцент,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Аннотация. Х. Ортега-и-Гассет является одним из авторитетных мыслителей своего времени, особенно для Испании. Авторитет данного философа был обусловлен критикой позитивизма и рационализма, в которой он подчёркивает невозможность объяснить в полной мере особенности существования человека ресурсами этих подходов. На фоне подобной проблемы испанский философ выделил глобальный вопрос о природе общественного развития, выражающийся в явлении, обозначаемом Ортегой как «восстание масс», которое и не даёт раскрыться творческому потенциалу человека, выражающее его эстетическую природу. Задача данного исследования - представить решение проблемы неполноценного раскрытия творческой натуры меньшинства в обществе XX века с позиции экзистенциализма Х. Ортеги-и-Гассета.

Ключевые слова: избранное меньшинство; эстетика; дегуманизация; творчество.

AESTHETIC NATURE OF MAN IN THE PHILOSOPHY OF JOSE ORTEGA Y GASSET

Gushchin Evgeniy Vasilievich,

student of the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Immanuel Kant Baltic University

Savintsev Vyacheslav Igorevich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Immanuel Kant Baltic University

Abstract. Jose Ortega y Gasset is one of the most outstanding thinkers of his time, especially for Spain. The authority of this philosophy was due to the criticism of positivism and rationalism, in which he emphasizes the impossibility of explaining in full the peculiarities of human existence in these approaches. Against the backdrop of such a problem, the Spanish philosopher highlighted the global question of the nature of social development, expressed in the phenomenon that Jose designated as the “revolt of the masses,” which does not allow the creative potential of man to be revealed, but expresses his aesthetic nature. The objective of this study is to present a solution to the problem of the incomplete development of the creative

nature of a minority in 20th century society from the standpoint of the existentialism of J. Ortega y Gasset.

Keywords: chosen minority; aesthetics; dehumanization; creativity.

Наличие эстетического чувства является способствует стремлению человека создавать прекрасное, вдохновлять других; при этом человек неразрывно связан с культурой общества, к которому он принадлежит. С точки зрения Ортеги, «культура – это система ясных и твёрдых идей, совокупность убеждений» [5, с.123]. Культура складывается из совокупности субъективных восприятий и их эстетических выражений в человеке и обществе. Иными словами, философия Ортеги-и-Гассета «является эстетичной, а эстетика философской» [4, с.110]. Одним из фундаментальных понятий в учении данного философа является «исторический разум», который определяется как многообразие всех жизненных проявлений, которые никак не редуцируются к естествознанию, но объясняют всю природу человека сквозь оптику его жизни. Сама «жизнь» может быть показана в тех произведениях, которые художник создаёт, подражая реальности или восстаивая против неё. То, как его «жизнь» художника или инноватора выражается в обществе ярко показывается через диалектику массы и творческого меньшинства Ортеги, актуальным для его времени.

Избранное (творческое) меньшинство – это совокупность людей, представляющих из себя новаторов, людей креативных и создателями совершенных идей. В историческом разрезе Ортега наделяет таких людей ролью руководителей над массами и рядовыми людьми. Но к моменту жизни Ортеги ведущую роль стали играть массы. Отличительный признак меньшинства заключается в том, что оно предъявляет к себе повышенные требования. Меньшинству свойственно несогласие с массами, что и позволяло ему от масс отделяться. Несогласие должно подвергнуться коллективной рефлексии, подразумевающей проверку и осмысление новых идей совместно с другими представителями избранного меньшинства, иначе общие идеи, вкусы и идеалы станут абсурдными. Толпа, синонимичная понятию «масса», представляла из себя людей, не выделяющихся ничем, плывущих по течению, не задающихся серьёзными вопросами. Её приход к власти ознаменовался отходом от либерализма и демократии, и во многом был обеспечен интенсивным развитием техники. Причём, Ортега не выступает против технического развития, он выступает против равнодушного отношения к науке, а вместе с ней и к технике,

требует большего развития, нежели легкомысленного отношения к ней. То, что помогло человеку выйти из ограничений, есть не что иное как внедрение проекта XIX века, включающего в себя и техническое развитие, за счёт которого пропадают все преграды. Ортега приписывает массам избалованность: «Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и второе — врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь» [1, с.56]. Само взаимодействие масс и меньшинства идеально основывается на законах гегелевской диалектики. Характеристика человека из массы и из меньшинства является интерпретацией закона о переходе количества в качество; само изменение данных качеств, подразумевающее постоянные изменения в истории культуры, — закон отрицание отрицания; попытки достижения признания в обществе — закон единства и борьбы противоположностей.

Основная причина, по которой философ заостряет своё внимание на этой проблеме, заключается в неудачах современного для Ортеги искусства, а также в отходе от реализма и романтизма: «Романтизм очень быстро завоевал «народ», которому классическое искусство было всегда чуждо. Главным врагом романтизма являлось избранное меньшинство» [2, с. 501] Важно отметить, что новое искусство массам было изначально противопоказано, потому что толпа по природе не способна принять новые свежие инновации из-за привыкания к прежним проектам. Актуальное состояние искусства, с точки зрения Ортеги, «дегуманизировано», что связано с переходом от восприятия мира к представлению о нем, при котором акцент делался не на реальности, а на воображении. «Экспрессионизм, кубизм и т.д. были в различной мере попытками верифицировать это решение в радикальном направлении искусства. От изображения вещей живопись перешла к изображению идей» [4, с.144].

Рецепцию данной проблемы можно рассмотреть в связи с ситуацией художественного кризиса на рубеже XIX-XX вв. в сфере живописи. У А.Камю в работе «Бунтующий человек» есть пример с Ван Гогом: Ван Гог принимает наш мир за неудачный эскиз и пытается его преобразовать в своём творчестве — при этом он принадлежит к новой эпохе, когда на смену живописи пришло фотоискусство и киноискусство. Ему хотелось всегда творить, он без этого жить не мог, ему, как и любому другому художнику свойственно было в жизни что-то принять, а что-то не принять. ««Я могу в

жизни, да и в живописи тоже, обойтись без Господа Бога. Но мое страждущее «я» не может обойтись без чего-то, превышающего это «я», без того, что является моей жизнью, моей способностью творить» [6, с. 319]. Художник обязан вписаться в кризис и контекст своего времени, чтобы это творчество заметили массы, несмотря даже на то, что художник может и не имел успеха. «Любому новому стилю нужно время, чтобы утвердиться: успех ещё не пришёл, но говорить о неуспехе пока рано.» [2, с.501]

Возвращаясь к Ортеге, важно заметить, что он при составлении своей эстетической концепции акцентировал внимание на тех творческих деятелях, которые имели место в искусстве до периода «дегуманизации». В качестве примера он приводит Веласкеса с его бунтом против красоты. В своей работе, посвящённой данному художнику, испанский философ старается показать, что художник счастлив только тогда, когда ему удаётся изобразить то, что ему хочется. И неважно, существует ли изображаемый объект в реальности или нет. Веласкес старался придать объектам такое изображение, которое существует и в реальности, ведь нередко героями его картин были люди простого звания. В результате Веласкес смог показать то, что Ортега назвал «бунтом против красоты». Тем самым, по Ортеге, он смог войти в творческое меньшинство своего времени: «Новым людям желание Красоты кажется наивным и незначительным. Они предпочитают драматическое столкновение с реальностью. Но реальное всегда не красиво. Веласкес будет изумительно живописать безобразное. Это означает не только изменение стиля в живописи, как раньше, но предполагает иное предназначение самого искусства» [3, с.178].

Подводя итоги, мы можем сказать, что новое искусство по мнению Ортеги «обращается к избранному меньшинству – отсюда и раздражение, которое оно вызывает у масс» [2, с. 502]. Однако, и творческим новшествам может потребоваться время, прежде чем они будут обнаружены и приняты таким творческим меньшинством.

Список литературы

1. Х. Ортега-и-Гассет – «Восстание масс»; [пер. с исп. А. Гелескула]. Москва: Издательство АСТ, 2017. – 256 с.
2. Х. Ортега-и-Гассет, «Дегуманизация искусства» и другие работы / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства (фрагменты): сб. ст. / Пер. с исп. – М.: Радуга, 1991. – (Антология литературно-эстетической мысли) – С. 500 – 518.
3. Х. Ортега-и-Гассет. Веласкес. Гойя; Пер. с исп./Вступ. ст. И. В. Ершовой, М. Б. Смирновой; Коммент. И указ. имён В. М. Володарского. М.: Республика, 1997. – С. 351.

4. К.М. Долгов. От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. — М.: Искусство, 1990. — С. 399.

5. А.Б. Зыкова. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета (критический очерк). Издательство «Наука», Москва, 1978. — С. 159.

6. А. Камю. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — С. 415.

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С. ХАНТИНГТОНА «КТО МЫ?»)

Данченко Алексей Андреевич

магистрант исторического факультета, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Курбачёва Ольга Владиславовна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена анализу работы американского политолога С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности», в которой автор поднимает ряд вопросов, связанных с проблемой национальной идентичности в современном мире. В работе автор обращается к проблеме американской самоидентификации в начале XXI века и подтверждает большое значение англо-протестантского наследия страны. Автором рассматривается роль миграции в современную эпоху как важнейшего явления глобализации. Также в работе показана роль испанской культуры и языка в контексте проблемы разрушения национальной американской идентичности. Дается общее определение понятия «идентичность».

Ключевые слова: идентичность; США; англо-протестантская культура; мультикультурализм; глобализация; угроза.

PROBLEMS AND CHALLENGES OF NATIONAL IDENTITY IN THE POSTMODERN ERA (ON THE EXAMPLE OF S. HUNTINGTON'S WORK «WHO ARE WE?»)

Danchenko Alexey A.

Master's student of the History Department of BSU

Scientific supervisor. **Kurbacheva Olga V**

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. This article is devoted to the analysis of the work of the American political scientist S. Huntington "Who are we? Challenges to American national identity", in which the author raises a number of questions related to the problem of national identity in the modern world. In it, the author addresses the problem of American identity at the beginning of the 21st century and confirms the great importance of the country's Anglo-Protestant heritage. The author examines the role of migration in the modern era as the most important phenomenon of globalization. The paper also shows the role of Spanish culture and language in the context of

the problem of the destruction of national American identity. In addition, an attempt is made to define the concept of «identity».

Keywords: identity; USA; Anglo-Protestant culture; multiculturalism; globalization; threat.

На сегодняшний день одним из главных вызовов в социокультурной динамике является противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности с другой. Сильнейшее влияние на национальную и культурную идентичность оказывает глобализация. Кроме того, важными проблемами в стремительно меняющемся мире являются: культурный плюрализм, технологические изменения и кризис традиционных ценностей.

В чём заключается проблема идентичности? Идентичность – это осознание человеком посредством каких-либо устойчивых характеристик своей принадлежности к определённым социальным (или другим видам) группам [1, с. 52-53]. Но идентичность – это понятие не только индивидуальное, но и общественное. На сегодняшний день понятие идентичности является объектом рассмотрения целого ряда наук, таких как: социология, психология, антропология и философия. В связи с чем, можно утверждать, что идентичность в современной науке трактуется как многоуровневый и противоречивый процесс, сочетающий индивидуальное и коллективное, устойчивое и изменчивое [2, с. 164-165].

Безусловно, любая нация или национальное государство рано или поздно должно для себя определить, с помощью чего оно хочет выразить свои представления о себе. Это значит, оно должно поставить перед собой вопрос о национальной идентичности, которое более простыми словами можно выразить ответами на такие вопросы: «Кто мы? Что есть это мы? Чем мы отличаемся от других?». Таким образом, ответив на этот вопрос, человек или определённая группа людей может определить своё место в человеческом сообществе, свою национальную идентичность [1, с. 5].

Таким же вопросом задался и виднейший американский политолог и социолог Сэмюэл Хантингтон. В 2004 году на свет появилась его последняя работа «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». В ней Хантингтон обращается к проблеме национальной американской идентичности, которой, по его мнению, американцы приписывают главнейшее значение по сравнению с остальными идентичностями. Как утверждает автор, он поставил перед собой цель: «пролить свет на возникновение и формирование американской национальной идентичности,

а также проанализировать факторы, которые определяют её будущее» [1, с. 17].

Основные положения работы С. Хантингтон обозначил в 3-х следующих пунктах:

1) осознание американцами своей национальной идентичности варьировалось на протяжении времени. Но, начиная с 1960-х годов, осознание национальной идентичности пошло на убыль, ей стали угрожать идентичности другого уровня: субнациональные, двунациональные и транснациональные.

2) на протяжении американской истории жители США определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология» и «культура». На сегодняшний день первых два термина выведены из концептуального оборота. Американцы считают свою страну обладателем некоего «американского кредо», которое было заложено в XVIII веке отцами-основателями и истоки которого берут начало в англо-протестантской культуре XVII века.

3) Во все века истории, стержнем американской национальной идентичности была англо-протестантская культура. Именно она объединяет американцев, она отличает американский народ от остальных [1, с. 15-17].

Несмотря на то, что работа была опубликована более чем 20 лет назад, сегодня ее актуальность особенно заметна и акцентирована в общественном сознании.

Как уже было сказано, С. Хантингтон в своей работе анализирует вызовы и угрозы для американской идентичности. Самым глобальным вызовом, в первую очередь, он считает рост мировой интеграции, то есть глобализации. По его мнению, американские элиты стали проводниками и ретрансляторами идей космополитизма и мультикультурализма в американском обществе. Таким образом, во всё более глобализирующем мире, американской национальной идентичности стали угрожать идентичности более широкие – субнациональные и транснациональные. Очень показателен в этом контексте пример, приведённый автором: «на предложение открывать ежегодные собрания акционеров клятвой американскому флагу и республике, которую он символизирует, от компании Форд последовал ответ, что «Будучи компанией многонациональной, «Форд» в определенном смысле является австралийской фирмой в Австралии, английской фирмой в Соединенном Королевстве, немецкой фирмой в Германии» [1, с. 27].

Для наглядности тех явлений и процессов, о которых говорил Хантингтон, уместно привести некоторые примеры влияния глобализации на мир в целом. Одним из показательных является мировой экономический кризис 2008 года, который привёл к безработице, снижению доходов среднего класса и замедлению темпов мировой торговли. Ещё более острой проблемой современного общества, в первую очередь европейского, является вопрос мигрантов, особенно обострившийся с 2015 года, когда потоки нелегальных мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока прибывали в страны Европейского Союза. По разным оценкам, за этот год в ЕС прибыло от 1 до 1,8 млн. чел [3, р. 30]. По сегодняшний день в европейском обществе стоит вопрос о интеграции этих людей в социум с другой религией и языком. Проблема нелегальной миграции остро стоит не только на европейском континенте, но и для других развитых стран, как например, в США или России. Нелегальная миграция из Мексики и стран Латинской Америки, которая вот уже не один десяток лет становится лозунгом то одной, то другой предвыборной компании американских президентов.

Именно наплыв мигрантов из стран Латинской Америки, по мнению С. Хантингтона, есть один из современных вызовов национальной идентичности американцев. И здесь можно проследить следующие моменты. Многие из новоприбывших мигрантов сохраняют тесную связь с родиной, не стремясь интегрироваться в американское общество. Это характерно, в первую очередь для региона юго-запада США (Калифорния, Аризона, Техас), где существуют крупные анклавные испаноязычного населения. Эти люди не стремятся менять свою идентичность на американскую, вливаться в американскую культуру, это видно по количеству людей, разговаривающих на испанском языке. Актуальные цифры от бюро статистики США на 2020 год подтверждают слова Хантингтона – около 18,9 % населения США (62 млн. человек) указали испанский язык в качестве родного [4, с. 91-92].

Проблема национальной идентичности тесно переплетается с такими концепциями, как «плавильный котёл» и «салатница». Концепция «плавильного котла» – теория, согласно которой американская идентичность есть продукт «смешивания» или «сплавления» всех народов и народностей, при этом подразумевается как культурное, так и биологическое смешение. Противостоит ей концепция «салатницы», согласно которой различные культуры в обществе «перемешиваются» образуя единое, но не гомогенное общество, как различные ингредиенты в

салате. Концепцию «салатницы» разделяют сторонники культурного плюрализма и мультикультурализма. Мультикультурализм в свою очередь, можно определить, как «политическую идеологию, ориентированную на создание политико-правовых условий, терпимого и гармоничного сосуществования различных этносов в развитых странах Запада, не затрагивая стабильности устоев доминирующей культуры» [5, с. 129]. Хантингтон же выступает с критикой мультикультурализма, который, по его мнению, приводит к повышению уровня сепарации и сегрегации меньшинств, нарастанию межкультурной напряженности и конфликтов на почве религиозной и языковой идентичности, что приводит к размыванию национальной идентичности и фрагментации общества [2, с. 200-204; 6, с. 52].

В контексте данной проблемы ставится под сомнение вопрос о доминировании английского языка в американском обществе как одного из стержней англо-протестантской культуры. Ранее, начиная XIX и до середины XX века прибывающие иммигранты интегрировались в американское общество посредством, в первую очередь, изучения английского языка. Сегодняшняя языковая ситуация, особенно на юго-западе США, демонстрируют приведённые выше цифры, что никак не может говорить о «американизации» и интеграции этих людей в американское общество, тем самым, ставя под сомнение так называемое «американское кредо» по выражению Хантингтона. В таком случае, как утверждает автор, Америку может ждать «раскол», где будут существовать два культурных стержня, два языка – испанский и английский. Это более чем реальная угроза американской национальной идентичности. Ведь наряду с такими ценностями англо-протестантского культурного ядра, как индивидуализм, любовь к труду, идея создания рая на земле – «града на холме», английский язык есть важнейший элемент этой системы. Поэтому автор говорит о важности сохранения моноязычия в противовес сторонникам установления испанского языка в качестве второго государственного (пусть даже на уровне штатов). В качестве ещё одного примера можно привести курортный город Майами, штат Флорида, где около 70% населения родным языком считают испанский [1, с. 67-68].

Подводя своеобразную черту под вышесказанным, стоит критически оценить его подходы к сохранению американской идентичности. Во-первых, проявление ксенофобии и отрицание положительной роли мультикультурности, за которое автора критиковали и ранее. Во-вторых, принижение роли инокультурных народов США в истории, например,

ирландцев и афроамериканцев. Стоит также отметить, что идеи Самюэля Хантингтона нашли отражение в нынешней политической повестке администрации США.

Таким образом, в работе были рассмотрены ключевые вызовы, с которыми столкнулась Америка и её народ в эпоху постсовременности. Например, что без сохранения культурного ядра и ассимиляции мигрантов США рискуют утратить единство и превратиться в «разделённую нацию». Без культурной основы идентичность становится абстрактной и уязвимой. Америка сохранится как нация, только если вернётся к своим культурным корням, сочетая их с адаптацией к новым реалиям. Однако эти моменты остаются весьма спорными в условиях растущего этнического, культурного разнообразия и глобализации.

Список литературы

1. Хантингтон, С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон // пер. с англ. А. Башкирова. – Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
2. Балута, Т. П. Кризис национальной идентичности в условиях глобализации / Т. П. Балута // Молодой ученый. – 2014. – № 8-2(11). – С. 164-170.
3. International Migration Outlook 2016, OECD Publishing, Paris [Electronic resource]. – Mode of access: https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en. – Date of access: 23.03.2025.
4. Кузнецов, А. М. Алармизм «коренного американца» С. Хантингтона и некоторые проблемы американской нации / А. М. Кузнецов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – № 3(507). – С. 83-98.
5. Тлостанова, М. В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации / М. В. Тлостанова // Вопр. социал. теории. — 2011. – Т.1. – С. 126-149.
6. Курбачёва, О. В. Транскультурация и мультикультурализм: перспективы и вызовы межкультурного диалога / О. В. Курбачева // Философия и социальные науки. – 2015. – № 3. – С. 51-54.

КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Демидович Елизавета Дмитриевна,

аспирант факультета философии и социальных наук

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Хомич Елена Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена анализу кризисных тенденций современного образования в Глобальной Декларации образования человечества для третьего тысячелетия. Актуальность обращения к Глобальной Декларации связана с важностью данного документа, составленного учеными и деятелями образования из 79 стран, отражающего острые проблемы современного образования. Цель данной статьи – раскрыть кризисные тенденции современного образования, а также выявить предлагаемые Декларацией принципы, цели и идеалы, которые необходимы для их преодоления.

Ключевые слова: кризисные тенденции; современное образование; Глобальная Декларация; ответственность; субъектность.

CRISIS TRENDS IN MODERN EDUCATION IN THE GLOBAL DECLARATION OF EDUCATION OF HUMANITY FOR THE THIRD MILLENNIUM

Demidovich Elizaveta D.

graduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Supervisor – Khomich Elena Viktorovna

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and

Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. This article is devoted to the analysis of crisis trends in modern education in the Global Declaration of Education for Humanity for the Third Millennium. The relevance of the appeal to the Global Declaration is connected with the importance of this document, compiled by scientists and educational figures from 79 countries, reflecting the acute problems of modern education. The purpose of this article is to reveal the crisis trends of modern education, as well as to identify the principles, goals and ideals proposed by the Declaration, which are necessary to overcome them.

Keywords: crisis trends; modern education; Global Declaration; responsibility; subjectivity.

Глобальная Декларация «Образование человечества для третьего тысячелетия» представляет собой проект, который инициировали исследователи и деятели в сфере образования, обеспокоенные теми кризисными тенденциями, которые сформировались в современном образовании. В 2019 году в Индии состоялся круглый стол, по итогам которого международным редакционным комитетом был предложен первоначальный текст данной Декларации. На протяжении нескольких лет текст Декларации обсуждался исследователями из 79 стран. В 2024 году был опубликован итоговый текст Декларации. Данную Декларацию поддержали мировые лидеры, например, Далай-лама Тензин Гьяцо, Мэри Робертсон и другие [1].

Декларация состоит из обозначения кризисных тенденций современного образования в разделе «Наблюдения», а также из предложения целей, принципов и идеалов, которые необходимы для преодоления кризисных тенденций в этой важнейшей сфере жизни общества.

Итак, в первую очередь составители Декларации отмечают, что не существует образования, в основе которого не лежала бы определенная концепция человека и общества. Эта концептуальная составляющая может быть явной, а может быть и неявной. То образование, которое господствует в современном мире – это образование, фундамент которого представлен концепцией человека как экономического существа («homo economicus»). Одна из участниц международного редакционного комитета М. Н. Кожевникова провозглашает такую тенденцию как разрушительную для образования [2]. Опасность данного состояния состоит в том, что редукция человека лишь к его экономической составляющей отражается в образовании в том плане, что система образования акцентирует лишь экономическую составляющую человеческого существования, не затрагивая политическую, этическую, эстетическую, культурную и прочие важные составляющие человеческого бытия. Декларация говорит о том, что будущие строители общества должны быть человеческими, граждански мыслящими, ответственными людьми, придерживающимися принципов ненасилия, а не исключительно экономически эффективными агентами. Это возможно лишь на иной антропологической концепции, положенной в основу образования.

Сама М.Н. Кожевникова видит выход из этого кризисного состояния в повороте к субъектности в образовании, создании такой теории субъектности, которая будет учитывать измерение неопределенного в человеке и противостоять унификации, редукции в образовании, от которых страдают как ученики, так и учителя [3]. К повороту к субъектности призывает и голландский философ образования Г. Биеста, который постулирует значимость учета голосов «новых начинающих», которые только приходят в образовательные системы со своими смыслами, своими потребностями, которые нельзя игнорировать [4].

Следующая кризисная тенденция современного образования в Декларации обозначается как образовательная политика менеджеризма и коммерциализации. Образовательная политика в разных регионах мира абсолютизирует коммерческую составляющую образования, лишает учителей автономии, превращает их в поставщиков, которые поставляют услуги, потребляемые учениками. К учителям как поставщикам услуг предъявляются жесткие требования с точки зрения контроля эффективности, которые подразумевают огромную отчетность, рейтинги и проч. Ученики подвергаются чрезмерному тестированию. Все это делает из участников образования объекты манипуляций, которые постоянно измеряются и тестируются.

Также, исследователи со всего мира акцентируют внимание на кризисе социально-гуманитарных наук. В образовании данный кризис связан с господством STEM-образования (Science, Technology, Engineering, Mathematics), которое связано с его монетизацией, ограничивает социально-гуманитарную составляющую образования. Цель образования для третьего тысячелетия в Декларации обозначается как подготовка обучающихся к постоянному самоформированию, сосуществованию с другими на основании принципа ненасилия и этики ответственности. Реализация этой цели немыслима в отрыве от освоения социально-гуманитарных дисциплин.

Еще одно кризисное состояние, которое отражено в Декларации – это ограничение свободы учителей и учеников. Это создает ситуацию, в которой поощряется не инициативность, а конформизм, стандартизация, следование стереотипам. Такая ситуация опасна тем, что система образования выпускает пассивных работников. На нехватку активности и инициативности указывают работодатели [5]. Также тем, что система образования выпускает пассивных граждан. Образование для третьего тысячелетия, согласно Глобальной Декларации, должно быть нацелено на формирование активных и мыслящих граждан, чтобы противостоять

популизму, ксенофобии, теориям заговора, пропаганде ненависти и насилия. Возвращение учеников управляемыми и пассивными не остановит эти разрушительные тенденции, но будет способствовать их укоренению в обществе.

Декларация в том числе подчеркивает проблемы демократии и экологии. Указывает на тот факт, что политическая безграмотность и неспособность образовательной системы донести смысл демократии может привести к укреплению позиций авторитаризма в мире. В отношении экологии, недостаточное внимание к формированию экологического сознания, которое подразумевает понимание непродуктивности человекоцентричного отношения к природе и продуктивности парадигмы сотрудничества, угрожает обострением экологического кризиса.

Преодоление вышеуказанных кризисных тенденций современного образования видится создателями Глобальной Декларации, как уже было сказано, в признании в качестве целей образования следующих: «подготовка учащихся к постоянному формированию себя (саморегуляции и самоорганизации) ради возможности жить в мире с другими (ненасилие), брать ответственность за себя, свое общество и мир (этика ответственности) и быть способными нести эту ответственность, опираясь на свои социальные, гражданские и профессиональные качества», а также рост обучающихся как личностей, как субъектов, не сводимых к редукциям в духе *homo economicus* [1, с. 6]. Ответ на кризисные тенденции современного образования также раскрывается через институциональное измерение. Декларация призывает к созданию образовательными системами площадок для обмена мнениями, трансформации образовательных институтов в сторону очеловечивания, а не дегуманизации, инструментализации и объективации. Декларация утверждает, что в политике в сфере образования необходимо существенно снизить бюрократическую нагрузку на учителей и преподавателей, обеспечить им уважение, достойную оплату, доверие, безопасность и автономию. Более того, Декларация акцентирует важность созидания возможностей учета мнений преподавателей и учителей, а также гражданского общества в формировании образовательной политики. Данные меры позволят закрепить вышеуказанные важнейшие принципы, цели и смыслы в образовательных институтах.

Таким образом, Глобальная Декларация образования человечества для третьего тысячелетия выступает важным документом современности, который обозначает кризисные тенденции современного образования, а также формулирует цели, принципы и идеалы, которые содержат в себе

потенциал преодолеть кризисные тенденции этой важнейшей сферы жизни общества. Кризисные тенденции современного образования – это прежде всего укорененность в концепции *homo economicus*, редукция человека к экономическому измерению его существования. Не менее важными проблемами выступают образовательная политика менеджериализма и коммерциализации, кризис социально-гуманитарных наук, ограничение свобод и автономии учеников и учителей, проблемы демократии и экологии. В качестве целей, которых необходимо придерживаться для преодоления кризисных тенденций современного образования, указывают подготовку учащихся к постоянному самоформированию, сосуществованию с окружающим миром в соответствии с принципом ненасилия и этикой ответственности, а также рост обучающихся как личностей, как субъектов, не сводимых к редукциям в духе *homo economicus*. Более того, Глобальная Декларация призывает закрепить эти важные цели на институциональном уровне посредством следующих принципов и решений: создания образовательными системами площадок для обмена мнениями, трансформации образовательных институтов в сторону очеловечивания, существенного снижения бюрократической нагрузки на учителей и преподавателей, обеспечения им уважение, достойной оплаты, доверия со стороны общества, безопасности и автономии, созидания возможностей учета мнений преподавателей и учителей, а также гражданского общества в формировании образовательной политики.

Список литературы

1. Глобальная Декларация образования человечества для третьего тысячелетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://educatinghumanityforum25.org/wp-content/uploads/2024/08/Декларация-русский-перевод_Russian.pdf. – Дата доступа : 20.03.2025.
2. Кожевникова, М.Н., Асмолов, А.Г., Борисов, С.В., Брызгалина, Е. В., Иванова, С. В., Кирьякова, А.В., Лебедев, О.Е., Макаров, А.И., Монахов, В.М., Ретюнских, Л.Т., Розин, В.М., Романенко, И.Б., Сериков, В.В.. Образование человека в третьем тысячелетии: проблемы, цели и ценности образования в современном мире // Ценности и смыслы. – №6. – 2021. – С. 117-149.
3. Кожевникова, М.Н. Феномен субъектности: проблемы интерпретации // Ценности и смыслы. – 6 (70). – 2020. – С. 31-44.
4. Biesta, G. Risking ourselves in education : qualification, socialization and subjectification / Educational theory. – Volume 70. – Issue 1. – 2020. – P. 89-104.

5. Миркес, М. Субъектность : уже признаем важность, но пока не решаемся действовать [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://edexpert.ru/subjektnost>. – Дата доступа : 20.03.2025.

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Доброродный Данила Григорьевич

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, Международный институт управления и предпринимательства

Верещако Алексей Иванович

кандидат философских наук, начальник центра цифровизации образовательного процесса, Белорусский государственный экономический университет

Аннотация. В данной статье рассматриваются наиболее острые проблемы взаимодействия человека и технических объектов с искусственным интеллектом. Авторы анализируют различные подходы к описанию данных процессов, ссылаясь на современные концепции философии техники. Особое внимание уделяется постфеноменологии, как наиболее перспективному способу дискрипции взаимодействий человека и техники основанному на междисциплинарном подходе к исследуемой предметной области.

Ключевые слова: философия техники; постфеноменология; «квази-другой»; нейронные сети; искусственный интеллект; акторно-сетевая теория.

POSTPHENOMENOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF TECHNICAL OBJECTS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Dabrarodni Danila G.

PhD in Philosophy, Head of the Academic Department of General Education Disciplines
International Institute of Management and Business

Verashchaka Aliaxey I.

PhD in Philosophy, The Head of Digitalization Center of the Education Process
Belarus State Economic University

Abstract. This article examines the most pressing issues of human interaction and technical objects with artificial intelligence. The authors examine various approaches to describing these processes, referring to modern concepts of the philosophy of technology. Particular attention is paid to postphenomenology, as the most promising way of describing human-technology interactions based on an interdisciplinary approach to the subject area under study.

Keywords: philosophy of technology; postphenomenology; "quasi-other"; neural networks; artificial intelligence; actor-network theory.

Научно-технический прогресс буквально на глазах меняет окружающий нас мир. В последнее время наиболее заметно и ярко это проявляется в насыщении среды «техническими объектами с искусственным интеллектом» (ТОИИ). Это понятие охватывает весь спектр устройств и программного обеспечения, способных выполнять функции, которые ранее могли быть выполнены исключительно человеком, благодаря его интеллектуальным способностям [1]. Происходящие изменения поражают воображение и вызывают массу тревожных вопросов: каков онтологический, социальный, этический статус ТОИИ? как ТОИИ трансформируют экономику, политику, образование и мир повседневности? как нам (людям) следует относиться к ТОИИ, это пока еще просто инструмент или уже нечто иное?

Все эти и многие другие вопросы носят философский характер, поскольку затрагивают фундаментальные основания социального и индивидуального бытия, всеобщие мировоззренческие и ценностные представления. В современной философии есть ряд концепций, которые предлагают оригинальные подходы к переосмыслению статуса техники в целом и ИИ в частности. Например, акторно-сетевая теория (АСТ) инициирует новое понимание онтологии вещей и сущности социальности. Широкая трактовка «действия» как «способствования» или «благоприятствования» позволила АСТ пересмотреть значение технических артефактов встроенных в сеть социальных связей. В АСТ технические объекты, вплетенные в сложные многоуровневые связи с людьми и другими техническими объектами, понимаются как полноценные акторы, совершающие действия, без которых социальная сеть распадается, а социальное взаимодействие останавливается. Автономность действия делегируется техническим артефактам людьми, чьи функции в конкретной ситуации и по заданному алгоритму выполняет техника. Такой подход оказывается более релевантен современной ситуации распространения ТОИИ, их встраивания в социальные взаимодействия в качестве полноценных акторов, по сравнению с классическими социальными теориями [2].

Значимый вклад в развитие философского осмысления проблематики взаимодействия человека и техники внесен рядом исследователей, относящих себя к постфеноменологической традиции [3]. Постфеноменология изучает изменения субъективного опыта при использовании людьми технических артефактов и технологий. Обобщая различный эмпирический материал, философы настаивают на

неинструментальном понимании сущности техники, демонстрируя насколько глубоко встроены в повседневные практики самые разные технические объекты (от молотка и скамейки до микроскопа и терминала). Постфеноменологический подход позволяет лучше понять роль ТОИИ в нашей жизни.

Постфеноменологическая интерпретация состоит из четырех основополагающих направлений. Первое состоит в том, что технические объекты рассматриваются как медиаторы между человеком и миром. Техника расширяет границы опыта взаимодействия человека с миром. Очевидно, что ТОИИ значительно увеличили спектр человеческих познавательных и креативных возможностей, благодаря ТОИИ мы получаем больше информации об окружающем мире и создаем больше информационной продукции, получаем больше возможностей для воздействия на окружающие объекты. ТОИИ (роботы, дроны, агенты) как бы расширяют границы человеческого тела и разума.

Следующее направление – герменевтическое отношение между человеком и техникой. Герменевтические отношения возникают, когда технические объекты сообщают человеку информацию об объективном мире. Данную информацию необходимо уметь интерпретировать. Например, изображение, которое продуцирует аппарат УЗИ, имеет смысл только для специалиста, а для обывателя это выглядит как абстрактная черно-белая картинка. Эволюция ТОИИ имеет тенденцию к упрощению герменевтического отношения, поскольку большие языковые модели способны подстроиться к любому запросу пользователя, переводя ему любую информацию в доступную языковую форму. Это новый этап расколдовывания мира, новая степень ясности и открытости мира для человека.

Третье направление постфеноменологической интерпретации связано с представлением техники как «квази-другого», взаимодействуя с которым человек вынужден осваивать новые знания и навыки. Техника в целом представляет собой мир, устроенный по собственным «законам и правилам». ТОИИ (голосовые помощники, виртуальные консультанты, агенты) выступают подлинным квази-другим для человека. Инаковость ТОИИ заключается в их автономности, способности предлагать или принимать решения, которые зачастую для человека остаются недоступным для понимания. ИИ – это черный ящик, из которого мы получаем ответ на наш запрос, но не можем его ни предсказать, ни в точности воспроизвести. Использование ТОИИ, которые выполняют сложные «человеческие»

функции, как бы очеловечивает технику, побуждая нас взаимодействовать с ней как с Другим. Этот другой останется иным для человека, но своей сложной функциональностью он способен вызывать восхищение, уважение или разочарование, страх или надежду не как другой человек, но как квази-другой.

Наконец, четвертое направление постфеноменологической интерпретации связано с осмыслением фонового взаимодействия с человеком. Такие ТОИИ как умный дом или умный город окружают людей, но не находятся в фокусе их постоянного внимания. За счет своей интеллектуальности они становятся необходимой и незаметной частью повседневного опыта, условием комфортного существования. Чем более интеллект ТОИИ будет приближаться к интеллекту человека, тем комфортнее и незаметнее он будет формировать среду для человека, поскольку будет понимать его потребности лучше самого человека.

Человеческое присутствие в мире всегда ограничено его телесностью, но ТОИИ впервые в истории человечества создают условия для выхода человека за пределы физического присутствия. Осмысление ТОИИ в категориях постфеноменологии и обучение человека осознанному взаимодействию с ними позволят выработать адекватный способ восприятия современных технологий. Сложность решения этой задачи обусловлена консервативными представлениями людей о своей субъектности, рациональности, свободе, воле, а также иррациональной верой в свою исключительность. Данные предубеждения пока не позволяют человеку воспринимать ТОИИ за пределами технократической и утилитарной парадигмы, а следовательно, не позволяют в полной мере оценить их потенциал, возможности и, главное, правила взаимодействия с ними.

Список литературы

1. Доброродный, Д.Г. Верещако А.И. Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024 – №1. – С. 66–74.
2. Латур, Б. Переборка социального: ведение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – Москва : Высш. шк. экономики, 2014. – 381 с.
3. Ihde, D. Postphenomenology: essays in the postmodern context / D. Ihde. – Evanston : Northwestern Univ. Press, 1993. – 161 p.

ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ. ЕДИНСТВО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ГРАНИЦЫ РАЗНООБРАЗИЯ

Екадумов Андрей Иванович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Культуры, достигая определенного уровня сложности, нуждаются в производстве автометаописаний, организующих социодинамику. Формирование автометаописаний современной культуры характеризуется конкуренцией темпорализованных репрезентаций общества в обществе. Полярными подходами к метаописанию глобального мира выступают универсалистский монокультурализм Порсвещения и постмодернистский мультикультурализм. Европоцентрический монокультурализм, игнорирующий отличия или допускающий единение путем ассимиляции, неадекватен культурному разнообразию и нарастающей сложности глобального общества. Однако мультикультурализм, утверждающий равноценность и разнообразие культур, не решает проблему мирного сосуществования культурных сообществ внутри глобального социокультурного пространства. Мультикультурализм не является эффективной альтернативой универсалистскому монокультурализму, поскольку сам выступает его оборонительно-изоляционистской версией, масштабируемой относительно не всего человечества, но локальных культурных сообществ. В глобальном современном обществе сложность кросс-культурных коммуникаций и растущее многообразие субкультур возможны благодаря минимальной общности формализованных правил, обеспечивающих сосуществование различных сообществ в едином социокультурном пространстве. Система унифицированных правил, гарантирующих воспроизводство разнородных культур независимо от их универсалистских притязаний, определяет границы толерантности к разнообразию в глобальном обществе.

Ключевые слова: темпорализация; мультикультурализм; глобальное общество; космополитизм; созидательное разрушение.

POSTMULTICULTURALISM. THE UNITY OF THE GLOBAL WORLD AND THE LIMITS OF DIVERSITY

Ekadumov Andrew Ivanovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. Cultures, reaching a certain level of complexity, need to produce autometa-descriptions that organize their sociodynamics. The forming of autometa-descriptions of

modern culture is characterized by the competition of temporalized representations of society within society. The polar approaches to the meta-description of the global world are the universalist monoculturalism of the Enlightenment and the postmodern multiculturalism. Eurocentric monoculturalism, which ignores differences or allows unity through assimilation, is inappropriate to the cultural diversity and growing complexity of global society. However, multiculturalism, which affirms the equal value and diversity of cultures, does not solve the problem of peaceful coexistence of cultural communities within the global sociocultural space. Multiculturalism is not an effective alternative to universalist monoculturalism, because it is itself a defensive-isolationist version of the latter, scaled in relation not to the whole of humanity, but to local cultural communities. In the global modern society, the complexity of cross-cultural communications and the growing diversity of subcultures are possible due to the minimal commonality of formalized rules that ensure the coexistence of different communities in a single sociocultural space. The system of unified rules that guarantee the reproduction of heterogeneous cultures regardless of their universalist claims defines the boundaries of tolerance to diversity in the global society.

Keywords: temporalization; multiculturalism; global society; cosmopolitanism; creative destruction.

Культуры, достигая определенного уровня сложности, продуцируют автометаописания, способствующие структурированию социодинамики [1].

Характеристикой современного общества, определяющей его специфику относительно традиционного, является темпорализация. [2] Если традиционное общество способно довольствоваться автометаописанием, предполагающим концепцию статичного космоса и социума, то общество модерна вынуждено описывать себя в историческом времени. Темпорализация мировосприятия порождает феномен, охарактеризованный К. Манхеймом как утопия, подлежащий реализации проект желанного будущего, тогда как совокупность представлений о данности настоящего трактуется как идеология [3]. Однако, отмечает Н. Луман, именно настоящее утрачивает в современном обществе статус самодостаточной очевидности непреложного порядка вещей [2]. Из данности, подлежащей проживанию, настоящее представляется данностью, подлежащей преодолению. Идеология, как апологетическое сознание настоящего, и утопия, как его критика и проект предпочтительного будущего, совмещаются в темпорализованном мировосприятии.

При модернизации в обществе полностью или частично утверждаются институты так называемого открытого доступа, воспроизводящиеся в логике самообновления через «созидательное

разрушение», в отличие от домодерного порядка ограниченного доступа, ориентированного на баланс рент и ресурсов насилия. [4] Механизму созидательного разрушения, т.е. процессам рыночной конкуренции, обновления технологий и ротации политических элит, соответствует конкурентное обновление образов будущего. При умножении мировоззренческих альтернатив, высокой поляризации конкурирующих элит, последние могут оперировать доводами, не относящимися к общей, единой для оппонентов картине мира. В обществе, утратившем безальтернативность своих репрезентаций, возрастает не просто их количество, но качественная вариативность. Умножаются концептуализации, утверждающие принципиально несовпадающие картины реальности. Общность социальной онтологии, при несовпадении ценностных приоритетов обеспечивавшая взаимопонимание и возможность коммуникации, по мере дифференциации культуры, функционально проигрывает и уступает универсализации не содержания, но процедур межкультурной коммуникации. Недостающая общность мировоззренческой перспективы компенсируется общностью формализованных протоколов коммуникации.

По итогам глобализации как мировой экспансии современных представлений и практик, множественность локальных культурных миров воспроизводится внутри единой социокультурной системы, чье развитие соответственно минимально конфликтогенным сценариям предполагает механизмы транскультурной коммуникации, эффективные в условиях принципиальной гетерогенности культурного пространства.

Монокультурный универсализм, как и предельно толерантный мультикультурализм неадекватны в ситуации мультикультуральной глобальности. Наивный просвещенческий универсализм Первого Модерна, навязывающий тождественность инокультурным группам, игнорирует их уникальность, либо исключая из транскультурной коммуникации, либо включая на условиях ассимиляции. В свете постмодернистской критики он предстает как самолегитимирующийся империалистический монокультурализм. Но по итогам социокультурной модернизации с ее подрывом безальтернативности идеологий, даже в условиях моноэтнического и моноконфессионального общества конкурирующие описания настоящего сосуществуют в сочетании с конкурирующими образами желанного будущего, предпочтительными для различных социальных групп.

Проблемой современного общества, претерпевшего постмодернистскую ревизию универсалистских концепций человечества и истории, заключается в масштабировании и совместимости автометаописаний, соотносимых культурными группам, утверждающим свою автохтонность в условиях социокультурной глобальности. Общество, сформированное глобализацией, не имеет единого, глобально масштабируемого темпорализованного автометаописания. На рубеже XX – XXI веков наступил кризис политических проектов будущего [5]. Но динамичное мировосприятие модерна, соответственно принципу созидательного разрушения, самотрансформации социотехнической системы, как имманентного ее воспроизводству, предполагает если не проект всеобщего блага, то хотя бы рамочную концепцию будущего, позволяющую осуществлять темпорализованное автометаописание. Универсалистские проекты справедливого общества, созданные философией Просвещения, после осмысления духовных предпосылок трагедий, пережитых в эпоху модерна, дискредитированы. На смену идеологии модернистского европоцентрического монокультурализма пришла идеология ацентричного постмодернистского мультикультурализма, ставшая логичным следствием заката метанарративов. Она так же обнаружила несостоятельность в качестве нормативно-ценностного ориентира для постнационального мира. Мультикультуралистская идеология не предоставила глобальному человечеству общепринятый образ себя, способствующий бесконфликтному сосуществованию культурных групп в едином социокультурном пространстве. Она не разрешила противоречия нарастающей сложности, множественности субкультурных автометаописаний, при насущной функциональной потребности социокультурной системы в универсальном самоописании, содействующем не изоляции и разобщению, а интеграции при сохранении разнообразия.

Мультикультурализм не мог стать эффективной альтернативой империалистическому монокультурализму в силу того, что сам является масштабированной версией монокультурализма, соотносимого не глобальному человечеству, но представленным в нем культурным общностям. Отрицая культурную универсальность как диктатуру тождества, мультикультурализм содействует диктатуре отличия, поощряя агрессивно-оборонительный, локальный мнокультурализм, масштабированный не национальным государством, где доминирует этнокультурный образец титульной нации, и не постулируемым единством человечества в соответствии с просвещенческим метанарративом, но

отдельными культурными сообществами, консолидированными представлением о самоценности своей идентичности.

Отвергая монокультурный универсализм и мультикультурализм, как его локально масштабируемую, агрессивно-оборонительную версию, У. Бек видит потенциал снижения глокальных конфликтогенных рисков в минимальной, негативной универсальности правил на принципах гуманистического космополитизма. Консолидация глобального общества связывается с принятием минимума правил-запретов, оберегающих человеческое достоинство [6]. Предметом согласия выступают не общие идеалы, а разделяемые запреты, чья ситуативная конкретизация в условиях текущей модерности становится насущной политико-юридической задачей. Множественность сосуществующих культурных образцов обеспечивается единством организации их осуществления. Как отмечает Г. Люббе: «...условия единства современной, плюралистической культуры сводятся все более к условиям чисто формального характера, но значимость именно этих условий строгая и не знает исключений» [7, с. 123].

В условиях мультикультурального общества универсальное пространство диалога формируется не унификацией ценностных предпочтений, но единством формализованных процедур.

Культура, подвергаясь темпорализации представлений в процессе перехода от архаики к модерну, утрачивает безальтернативность автометаописания, переходя от доминирования моноидеологии к идеологической конкуренции в границах институционально обеспеченных стандартизированных процедур, гасящих конфликты на почве несовпадающих представлений о благе. Поскольку темпорализация диверсифицированных саморепрезентаций общества накладывается на процессы перманентного институционально-технологического самообновления, при наложении исторически сменяющихся картин мира, эффект одновременности разновременного, отмеченный Г. Люббе, налагается на процессы созидательного разрушения, характеризующие не только динамику технаук, экономики и политики, но и производство образов будущего. Универсальность формальных правил, оберегающая культурную множественность, но блокирующая конфликтогенные эффекты мультикультуральной разобщенности на некотором субкритическом уровне, ограничивает практики отстаивания культурной уникальности легальными средствами. Разнообразие социальных практик на принципах равноценности культур ограничивается и блокируется формально-юридическим, инструментальным универсализмом процедур.

Представленность локальных культурных сообществ в нормативно унифицированном пространстве межкультурного диалога, даже в случае дисбаланса их влияния на глобальную социодинамику, исключает монополию на легитимность. Тогда как среди множества культурных групп возможны темпорализованные автометаописания, санкционирующие тотальную гегемонию, агрессию и подавление других сообществ. Ни одно темпорализованное мировоззрение не может утвердиться в качестве победившего монокультурного образца, вернувшего себе домодерную безальтернативность репрезентации общества в обществе. Минимальная универсализация запретов, отстаиваемая У. Бекон, упраздняя последовательный мультикультурализм отсутствия общеобязательных правил, допускает диверсификацию образов будущего, предпочтительных для различных культурных сообществ. Мирная конкуренция за лояльность диверсифицированным образам будущего предполагает консолидацию локальных культур вокруг общности минимальных запретов, выступающих негативным, апофатическим метаописанием для глобального культурного пространства.

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Феномен культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. – Талин – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – С. 34 – 45.
2. Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Н. Луман // Социо-Логос. – 1991. – Вып. 1. – С. 194–218.
3. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – Москва: Юрист, 1994. – С. 7–276.
4. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгайт – Москва: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
5. Гоше, М. Задачи политической философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/5331>. – Дата доступа: 12.03.2025.
6. Бек, У. Космополитическое мировоззрение. / У. Бек. – Москва: Журнал «Свободная мысль» Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
7. Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Г. Люббе. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ ПОСТПРАВДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Екадумова Ирина Ивановна

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Современная трансформация публичной сферы под влиянием цифровизации неразрывно связана с феноменом постправды. Сравнение особенностей традиционной и цифровой публичной сферы выявляет ключевые уязвимости последней: деградацию рационального дискурса, фрагментацию общественного диалога, доминирование экономических интересов над общественными, рост враждебности в дискуссиях и снижение качества информации. Особую значимость приобретают вызовы эпохи постправды, включая кризис доверия к институтам, распространение конспирологических теорий и усиление популизма. Преодоление этих тенденций требует комплексного подхода к обновлению цифровой публичной сферы через повышение прозрачности и подотчетности цифровых платформ, развитие медиаграмотности пользователей и формирование институциональных механизмов верификации информации.

Ключевые слова: публичная сфера; цифровизация; постправда; социальные медиа; цифровые платформы; общественный диалог; медиаграмотность.

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN THE DIGITAL AGE: POST-TRUTH CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Ekadumova Irina I.

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Social Communication,
Belarusian State University

Abstract. Contemporary transformation of the public sphere under the influence of digitalization is inextricably related to the phenomenon of post-truth. The comparison of the features of traditional and digital public sphere reveals the key vulnerabilities of the latter: degradation of rational discourse, fragmentation of public dialog, dominance of economic interests over societal ones, growth of hostility in discussions and decrease in the quality of information. The challenges of the post-truth era, including the crisis of trust in institutions, the spread of conspiracy theories and the rise of populism, are becoming particularly significant. Overcoming these trends requires a comprehensive approach to the renewal of the digital public sphere through enhancing transparency and accountability of digital platforms, development of media literacy of users and formation of institutional mechanisms for information verification.

Keywords: public sphere; digitalization; post-truth; social media; digital platforms; public dialogue, media literacy.

Стремительное развитие цифровых технологий коммуникации в XXI веке привело к фундаментальной трансформации публичной сферы. Современное коммуникативное пространство, охватывающее социальные сети, блоги, форумы и новостные платформы, не только расширило возможности участия каждого желающего в выработке общественного мнения по актуальным вопросам, но и создало новые вызовы для общественного диалога и коллективного принятия решений.

Концепция публичной сферы развивалась в работах немецких философов И. Канта и А. Арндт, получив свое классическое оформление в творчестве Ю. Хабермаса. В качестве общих для этих трех мыслителей аргументов исследователи называют такие, как способность граждан к разумным суждениям, ценность разнообразия позиций и соревновательности, публичные дискуссии в качестве основы для артикуляции и агрегирования политических предпочтений, доступ к участию в публичных дискуссиях для всех граждан, публичное обсуждение как источник права, необходимость общего социокультурного пространства для общественных дискуссий, значимость публичного дискурса для легитимности демократической власти [1].

Концепция публичной сферы опирается на идеал рациональной коммуникации между гражданами. Однако, если традиционная публичная сфера часто характеризуется ограниченным доступом и ориентацией на рациональный дискурс, то цифровая публичная сфера открывает более широкий доступ к дискуссиям и их результатам, создавая разнообразные стили общения. Кроме того, цифровая публичная сфера включает в себя различные субпублики и точки зрения, что отражает более сложное и многогранное участие в решении общественных проблем [2]. Подобно традиционной публичной сфере, цифровая публичная сфера является пространством онлайн-общения, участие в котором открыто и свободно доступно для всех, кто заинтересован в обсуждении вопросов, представляющих общий интерес [3]. При этом она имеет особую специфику. Она характеризуется наличием технологической основы в виде цифровой инфраструктуры, главным образом, в виде платформ социальных медиа, инструментов электронного участия, включающих возможности онлайн-обсуждений и голосования, а также цифровых платформ, использующих искусственный интеллект и большие данные, которые

помогают единомышленникам проще находить друг друга и координировать совместные действия.

Функционирование цифровой публичной сферы сопряжено с рядом существенных уязвимостей, подрывающих ее демократический потенциал. Как отмечает швейцарский исследователь Майк С. Шефер, цифровые публичные сферы лишь в редких случаях соответствуют идеям рациональности и гражданственности [2]. Основные уязвимости цифровой публичной сферы по сравнению с традиционной включают отсутствие рационального дискурса, фрагментацию, влияние экономических интересов, враждебность участников дискуссий и низкое качество информации. В отличие от традиционной публичной сферы, которая делает акцент на рациональном, гражданском обсуждении, цифровая публичная сфера часто характеризуется чрезмерно эмоциональным и конфронтационным стилем общения, что может отвлекать от конструктивных дебатов. Кроме того, цифровая публичная сфера фрагментирована. Она разделена на различные субпублики и каналы, что затрудняет возникновение общего дискурса. Различные группы могут взаимодействовать в изолированных «пузырях фильтров» и эхо-камерах, ограничивая возможность ознакомления с чужими мнениями. Существенным недостатком цифровой публичной сферы является доминирование коммерческих интересов, когда публичные онлайн-дискуссии трансформируются в маркетинговые коммуникации, а поиск общественного консенсуса подменяется стратегической коммуникацией, нацеленной на извлечение прибыли. Не менее серьезной проблемой являются различные проявления ненависти и притеснения в онлайн-дискуссиях, которые препятствуют полноценному диалогу из-за чрезмерного влияния на их содержание со стороны маргинальных голосов, оплачиваемых комментаторов и автоматизированных решений (ботов). Наконец, хотя цифровая сфера может предоставлять разнообразные точки зрения, распространение дезинформации и экстремистских взглядов существенно снижает качество общественных дискуссий и нивелирует их конструктивный потенциал [2]. Кроме того, как отмечает австрийский социолог Кристиан Фукс, усиление контроля за пользователями через механизмы сбора и анализа данных создает риски для неприкосновенности частной жизни, что может вести к самоцензуре и избеганию публичных высказываний [4]. Подобные уязвимости цифрового публичного пространства свидетельствуют о трудностях поддержания конструктивного

и содержательного общения в цифровой среде по сравнению с более традиционными формами публичных дискуссий.

Наступление эпохи постправды, характеризующейся приоритетом эмоций и личных убеждений над объективными фактами, усугубляет эту проблему. Постправда – это ситуация, в которой факты перестали создавать общепринятую картину реальности, поскольку люди в публичных дискуссиях руководствуются не фактами, а чувствами и убеждениями. В 2016 году, на фоне таких событий, как референдум о выходе Великобритании из Евросоюза и выборы в США, термин «постправда» («post-truth») стало словом года по версии Oxford Dictionaries. Предпосылки для такой ситуации сложились под влиянием цифровой коммуникации. В условиях, когда получатели новостной информации сами отбирают источники, у них имеется возможность потреблять только ту информацию, которая соответствует их убеждениям. В эпоху постправды факты вместо того, чтобы служить основой для достижения общественного согласия, превращаются в предмет манипуляций и политической борьбы [5], а представления потенциальных участников дискуссий о социальной реальности фрагментируются. В результате разногласия охватывают не только ценности и мнения, но и представления о фактах.

Эпоха постправды создает серьезные вызовы для публичной сферы, что проявляется в нескольких ключевых симптомах: подрыве доверия к политическим институтам и экспертному знанию, распространении конспирологических теорий и усилении влияния популистской риторики. Для преодоления этих вызовов необходимо обновление цифровой публичной сферы по трем основным направлениям. Во-первых, требуется совершенствование регуляторных механизмов в отношении цифровых платформ, включая повышение их подотчетности, обеспечение алгоритмической прозрачности и усиление защиты персональных данных. Во-вторых, важно развивать медиаграмотность и критическое мышление пользователей, опираясь на потенциал существующих сетевых сообществ. В-третьих, необходима разработка новых институциональных механизмов верификации информации с усилением роли экспертных сообществ в цифровой публичной сфере.

Список литературы

1. Атнашев, Т. Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Б. Велижев (ред.). – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 739 с.

2. Schäfer, M. S. Digital Public Sphere / M. S. Schäfer et al. // The International Encyclopedia of Political Communication. – 2015. – Vol. 15. – P. 1–7.

3. Филатова, О. Г. Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований / О. Г. Филатова // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11 (131). – С. 180–192.

4. Fuchs, C. The Digital Commons and the Digital Public Sphere: How to Advance Digital Democracy Today / C. Fuchs // Westminster Papers in Communication and Culture. – 2021. – Vol. 16. – № 1. – Mode of access: <https://www.westminsterpapers.org/article/id/917>. – Date of access: 21.03.2025.

5. Davies, W. The Age of Post-Truth Politics / W. Davies // The New York Times. – 2016. – Aug. 24. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html>. – Date of access: 21.03.2025.

«СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ»: МЕТАФОРА ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Еремеева Наталья Владимировна

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Могилёвский институт МВД Республики Беларусь

Аннотация. Статья посвящена открытию сотериологического дискурса в философии посредством метафоры поворота. Понимание поворота дается в трех аспектах – методологическом, ретроспективном и онтологическом. Методологический аспект сотериологического поворота раскрывается с помощью «экзистенциальной сотериологии» М. Мамардашвили и примеров конверсивных практик субъективности. Постулирование сотериологического поворота в ретроспективном смысле позволяет актуализировать философские концепции спасения прошлого, как минимум, через призму истории философии. В данном аспекте отмечается терминологическое напряжение между философской и богословской сотериологией. Онтологический аспект сотериологического поворота предполагает междисциплинарный характер исследования человека и природы и переосмысление антропного принципа в преодолении расщепленности и хаотизации. Делается вывод об эвристическом и стратегическом потенциале развития идей сотериологического поворота.

Ключевые слова: сотериологический поворот; сотериология; спасение; философия спасения; М. Мамардашвили; антропный принцип.

«SOTERIOLOGICAL TURN»: METAPHOR OR NECESSITY?

Eremeeva Natalya V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Senior teacher
of the Department of social and humanitarian disciplines
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the discovery of soteriological discourse in philosophy through the metaphor of turning. The understanding of the turn is given in three aspects – methodological, retrospective and ontological. The methodological aspect of the soteriological turn is revealed with the help of M. Mamardashvili's "existential soteriology" and examples of conversive practices of subjectivity. Postulating a soteriological turn in a retrospective sense allows us to actualize philosophical the past concepts of saving at least through the prism of the history of philosophy. In this aspect, the terminological tension between philosophical and theological soteriology is noted. The ontological aspect of the soteriological turn presupposes the interdisciplinary nature of the study of human and nature

and the rethinking of the anthropic principle in overcoming fragmentation and chaos. The conclusion is made about the heuristic and strategic potential of the development of ideas of a soteriological turn.

Keywords: soteriological turn; soteriology; salvation; philosophy of salvation; M. Mamardashvili; anthropic principle.

Цель данной статьи – с помощью метафоры поворота проследить основания для экспликации идеи спасения в философии. С одной стороны, поворот рассматривается как методологическое открытие, возможность новой точки зрения на привычные предметные области [1, с. 66], с другой – обращение назад, к потерянным в прошлом смыслам [2, с. 8-9], наконец, поворот фиксирует новую реальность, которая требует новой эпистемологии [3, с. 126]. Во всех перечисленных аспектах обнаруживается своевременность открытия сотеариологического дискурса философии, что и обосновывается в качестве вывода. При написании статьи использовался метод историко-философского анализа, метод сравнительного анализа, традиционные для гуманитарного исследования методы культурно-контекстуального анализа и интерпретации.

Актуальность проблемы спасения в философии обусловлена посткризисными явлениями в понимании идеи прогресса. Складывавшаяся в убедительную картину неуклонного роста благосостояния, ощущение прогресса, поддерживаемого достижениями цифровой индустрии, становится тем более убедительным, чем более мы наблюдаем коммерциализацию насилия, коллекционирование культуры или триумф потребления. Когда социальная реальность производства сменилась социальной реальностью потребления [4, с. 116], появилась возможность создания и новых социальных практик по управлению собственной гибридностью, так как человекоразмерная система оказалась довольно ригидной для того, чтобы разрушить свое основание, но достаточно подвижной для замещения отдельных элементов. Понимание того, что структура позитивна, а системность – источник здоровых социальных отношений, тогда как хаос античеловечен и антисоциален, заставило нашего «бога порядка» создавать из подручного материала новые победы над «культурными призраками» [5, с. 110] гуманизма путем собирания альтернативного субъекта постчеловеческой теории [6, с. 175]. Однако его жизнеспособность остается вторичной по отношению к развитию технологий, а последствия игры с сознанием человека разумного очевидны

всем нам, что ставит вопрос спасения не только в этической, но и в онтологической плоскости.

Предостерегая от понимания спасения исключительно посредством богословской категориальности, мы обращаемся к первому указанному пониманию поворота как возможности иначе взглянуть на привычную предметность. Как выразился Э. Ю. Соловьев, характеризуя философскую позицию зрелого Мераба Мамардашвили, традиционная проблема как человеку остаться самим собой, или обрести себя, выходит на новый уровень экзистенциальной сотериологии, если целью является противостояние духовной энтропии в смысле хаотизации духовной культуры [7, с. 75]. Сам Мамардашвили, толкуя Платона, говорил о повороте глаз души к созерцанию блага и удержанию себя в нем [5, с. 110]. Очевидная метафора поворота влечет за собой необходимые онтологические следствия о единстве души с самой собой и разумным началом мира, в обретении всего мира разумным [5, с. 112]. Это единое и есть благо, смысл которого в том числе в трансцендировании человека к внеантропологическому «самому себе» [5, с. 110]. Аврелий Августин позже выскажет вполне платоническое по методологии требование к душе «сосредоточиваться более в самой себе» для сохранения образа Божьего, ибо Он «дал нам нас же самих такими, что выше нас нельзя считать ничего, кроме Него самого» [8, XXVIII, с. 229-240]. Однако понимание этой методологии требует искать истоки сотериологического поворота в конверсивной практике философии – радикальном изменении строя сознания и образа жизни философа [9, с. 297]. «Поворотный» механизм способствует появлению ответов на методологические вызовы, например, по образцу «герменевтики субъекта» в раскрытии взаимосвязи субъективности и истины [10, с. 14] или экзистенциальном выборе субъектом определенного образа жизни, который лишь поддерживается философским дискурсом логико-речевой сферы, но никак не обусловлен им [11, с. 189-190].

Раскрытие предшествующих миссий философии в деле формирования человека проводит нас долгой дорогой от платоновских протрептик [12, с. 247] до социально-преобразовательных деконструкций постмарксизма [9, с. 301-302], оправдывая, таким образом, постулирование сотериологического поворота во втором указанном мной смысле как минимум через призму истории философии. Обращение к очевидному в прошлом и странно заброшенному ныне сотериологическому назначению философии, по-видимому, еще ожидает преодоление трепета перед

терминологией, прочно ассоциирующей с религиозной проблематикой. Возвращение понятиям «спасение», «надежда», «обращение» всей полноты коннотаций предполагает объединение и философско-антропологической, и этико-теологической, и социально-политической семантики, но в наибольшей степени вызывает к опыту той реальности, знаками которой они являются.

И славянофильская, замешанная на немецком романтизме философия всеединства, и западное, но так отозвавшееся в русской душе неистребимое чаяние лучшего мира от Августина до Маркса, а также множество современных работ, посвященных отдельным аспектам проблематики спасения, в наше гуманистическое, но не гуманитарное время еще не сложились в целостную научно-методологическую основу философии спасения. Тем не менее, очевидно, что она будет демонстрировать междисциплинарный характер и представлять возможности для переосмысления антропного принципа. Так, В.С. Степин рассматривает антропный принцип через призму религиозно-христианской и геофизической трактовки [14, с. 49], очевидны также его эволюционно-биологические и цивилизационные аспекты. Неорганическое тело человека предстает как неорганическое тело цивилизации [14, с. 53], и эта специфическая жизнедеятельность, преподанная еще Марксом, в которой «заключается весь характер данного вида, его родовой характер» [15, с. 565] отражается и в надбиологической программе социальной, культурной реальности [14, с. 73]. Однако «мультинатурализм» и «онтологический плюрализм», не распределяющий заранее вещи на культурные и природные [1, с. 63; 65-66], сегодня фиксирует новую реальность в третьем из названных мной аспектов поворота. И если в рамках онтологического поворота речь как раз идет не об улучшении мира, а о методологической целесообразности той или иной его онтологической картины [1, с. 66], то сотериологический поворот предполагает обнаружение миром лучшей версии себя в преодолении расщепленности, разорванности, распада собственной природы. Космос и глубины человеческой души вызывают работу с бытием в смысле упорядочивающей абстракции, которая, будучи выражена в мире, в космосе, упорядочивает и человека, спасая его от хаоса [5, с. 107].

Таким образом, метафора сотериологического поворота позволяет артикулировать необходимость философской концептуализации спасения. В рамках актуальных междисциплинарных социогуманитарных исследований развитие идей сотериологического поворота, будучи

объективированным в форме научного дискурса, обладает значительным эвристическим и стратегическим потенциалом не только как перспективная историко-философская область знаний, но и как позитивная целостная программа социального бытия и социального действия.

Список литературы

1. Скрипник, К.Д. Метафилософия философских «поворотов»: несколько примеров на одну тему / К.Д. Скрипник // Философский журнал. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 55-68..
2. Савчук, В.В. Медиафилософия. Приступ реальности / В.В. Савчук. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2014. – 350 с.
3. Керимов, Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии / Т. Керимов // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. - № 1. – С. 109-130. DOI: 10.17323/1728-192X-2022-1-209-130
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – Москва: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
5. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили; под ред. Ю.П. Сенокосова. – Москва: Аграф, 1999. – 216 с.
6. Медушевский, А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) / А. Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 3. – С. 171-185. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185
7. Фан, И.Б. «в поисках смысла, с заботой о форме и стиле»... интервью с Э. Соловьёвым / И.Б. Фан // Дискурс-Пи. – 2001. – Т. 1. – № 1.– С. 72-78.
8. Блаженный Августин. О количестве души / Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии; сост. С.И. Еремеев. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – С. 183-263.
9. Пылькина, М.С. Сотериологический аспект философской практики / М.С. Пылькина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 295-303.
10. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 677 с.
11. Адо, П. Что такое античная философия / П. Адо; пер. с франц. В.П. Гайдамака. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
12. Слезак, Т.А. Как читать Платона / Т.А. Слезак; пер. с нем., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 314 с.

14. Степин, В.С. Человеческое познание и культура / В.С. Степин. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2013. – 140 с.

15. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1884 года / Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений; пер. с нем. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 517-642.

ФЕНОМЕН ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Зеленков Анатолий Изотович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и
методологии науки факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Феномен трансдисциплинарности как актуальная методологическая новация рассмотрен в аспекте его различных интерпретаций и попыток обосновать метаметодологический статус данной стратегии развития науки в условиях её соединения с социальной практикой и высокими технологиями. Анализ существующих в западной и отечественной литературе подходов к истолкованию сущности и функциональных возможностей трансдисциплинарности в её отличии от дисциплинарных, междисциплинарных и мультидисциплинарных подходов позволил сделать вывод о приоритетности вычленения двух основных ипостасей или направлений исследования трансдисциплинарности: 1) когнитивно-эпистемологическом и 2) социокультурном.

В рамках первого направления трансдисциплинарность как внутринаучный методологический императив ориентирует учёных на исследование сложных саморазвивающихся объектов в парадигме эволюционно-синергетического холизма. Второе направление представляет собой метаметодологический феномен поскольку выводит современную науку за пределы сугубо когнитивных задач в пространство социокультурной проблематики, где теоретические исследования и практика технологических инноваций соединяются под эгидой целостного восприятия универсума культуры.

Ключевые слова: трансдисциплинарность; метаметодология; эволюционно-синергетический холизм; технонаука и высокие технологии.

THE PHENOMENON OF TRANSDISCIPLINARITY: POSSIBLE INTERPRETATIONS AND METHODOLOGICAL DIMENSIONS

Zelenkov Anatoly Izotovitch

Doctor of Science in Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science,
the Faculty of Philosophy and Social Sciences at Belarusian State University

Abstract. The phenomenon of transdisciplinarity as a relevant methodological innovation is considered in the aspect of its various interpretations and attempts to substantiate the meta-methodological status of this strategy for the development of science in the context of

its connection with social practice and high technologies. Analysis of existing approaches in Western and Russian literature to the interpretation of the essence and functional capabilities of transdisciplinarity in its contrast to disciplinary, interdisciplinary and multidisciplinary approaches allowed us to conclude about the priority of two main hypostases or directions of transdisciplinarity research: 1) cognitive-epistemological and 2) socio-cultural. Within the framework of the first direction transdisciplinarity as an intra-scientific methodological imperative orients scientists to the study of complex self-developing objects in the paradigm of evolutionary-synergetic holism. The second direction is a meta-methodological phenomenon since it takes modern science beyond purely cognitive tasks into the space of socio-cultural problems, where theoretical research and practice of technological innovations are united under the auspices of a holistic perception of culture universe.

Keywords: transdisciplinarity; meta-methodology; evolutionary-synergetic holism; technoscience and high technologies.

Динамизм и парадоксальную турбулентность современного мира трудно рационально объяснить без понимания той роли и влияния, которые характерны для науки как важнейшего компонента культуры и стиля жизни эпохи постсовременности. Наука – это сегодня не только сугубо академический феномен, она не просто интегрируется с технологиями, приобретая статус технонауки, а активно продуцирует так называемые высокие технологии, среди которых всё более осязаемо начинают доминировать NBICS технологии, радикально изменяющие жизненный мир человека.

Системная совокупность этих нано- и биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологических стратегий являет собой принципиально новый шаг в развитии научно-технического прогресса. Они не только радикально интенсифицируют научное познание и исследование природы, но и вторгаются в самые потаённые пласты социального и человеческого мира. Традиционное для классической рациональности понимание объективного мира трансформируется в конвергентную модель «естественное-искусственное», в которой предметом научного познания всё чаще выступают «антропологически размерные» системы.

В этих условиях беспрецедентной интенсификации научных исследований особо актуальным становится вопрос об их методологическом обеспечении, о стратегических трендах научного прогресса, призванного открыть для человечества новые оптимистические перспективы. Такой акцент при исследовании современного этапа научной

революции предполагает специальный анализ проблемы методологических новаций. В различных версиях классификаций методологических новаций, как правило, выделяют три их основных разновидности:

1) методологические новации, возникающие на дисциплинарном уровне научного познания (метод математической гипотезы как инструмент системного моделирования сложных и сверхсложных предметных комплексов, метод вычислительного эксперимента и др.);

2) междисциплинарные и мультидисциплинарные стратегии научного исследования (метод парадигмальных прививок, проблемно-ориентированная методология научных исследований, метод дополнительных и коррелятивных описаний исследуемой предметной области и др.);

3) новации, имеющие место на метатеоретическом уровне научного познания и связанные с процессами становления постнеклассического типа научной рациональности, синергетического и глобально-эволюционного стиля мышления в современной науке. В последнее время эти новации все чаще обозначаются интегральным термином «трансдисциплинарность», или «трансдисциплинарный подход» [1, с. 221–222]. Именно третья группа методологических новаций представляет особый интерес, поскольку они выводят современную науку в пространство метатеоретических и философских обобщений, позволяют конструировать социально размерный её образ.

В последние годы проблема трансдисциплинарности стала одной из самых востребованных и популярных в философско-методологическом дискурсе. Но как правило, семантика и операциональный статус самого термина «трансдисциплинарность» определяются исследовательским контекстом либо сугубо конвенциональными соображениями. Поэтому приходится констатировать весьма очевидный разброс мнений относительно сущности и функций трансдисциплинарного подхода и впечатляющий релятивизм в понимании трансдисциплинарности как методологической новации. Ряд авторов (В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Е.Н. Князева, И.В. Черникова и др.) считают, что наиболее акцентированно трансдисциплинарный подход обнаруживает себя в теории сложности (синергетика), исследованиях будущего (futures studies), когнитивной науке. Достаточно популярной является точка зрения, согласно которой имеет смысл выделять два существенно различных толкования трансдисциплинарности. Трансдисциплинарность в Режиме 1 (Mode 1), которая означает, что понятия или методы из различных дисциплин

соединяются и взаимодействуют по принципу дополнительности либо даже «переплавляются», создавая принципиально новые синтетические категориальные структуры. Что же касается трансдисциплинарности в Режиме 2 (Mode 2), то она обеспечивает некоторого рода метауровень, или метаструктуру, позволяющую сочетать различные когнитивные стратегии и способы рассуждения, объединяющие теорию и практику [2, с. 12–13].

Один из основателей трансдисциплинарного направления в современной науке и философии румынский исследователь Б. Николеску также считает обоснованным и рациональным выделять несколько уровней дифференциации трансдисциплинарности как современной методологической стратегии. Он солидарен с теми подходами, в рамках которых различаются функциональные возможности таких версий трансдисциплинарности, как Mode 1 и Mode 2. Но при этом, считает Б. Николеску, не учитывается метаметодологический и философско-аксиологический контекст трансдисциплинарности. Он состоит в необходимости интегрировать в науку и высокие технологии этико-размерные и мировоззренческие компоненты, без которых невозможно достичь подлинно номологического единства мира. «Скрытое третье, имеющее отношение к уровням реальности, играет фундаментальную роль в понимании необычного мира (единого мира), описание которого может быть выражено понятием “космомодернити”. Реальность одновременно и едина, и множественна» [3, с. 72]. Таким «скрытым измерением» или онтологическим основанием реальности, по мнению Б. Николеску, может быть духовное её измерение. Без учета этого духовного компонента в структуре мироздания и его концептуально-теоретических моделей невозможно обеспечить подлинное единство знания о мире, реализовать программу системной интеграции биофизической реальности и её социокультурных проекций.

Не трудно заметить, что предлагаемая румынским исследователем интерпретация феномена трансдисциплинарности в его метаметодологической функции отчётливо коррелирует с философскими представлениями о Едином, которые еще в эпоху Античности в трудах Платона и неоплатоников были осмыслены на высоком уровне теоретической абстракции и умозрительной философской рефлексии. И весьма симптоматично, что в современных условиях кризиса техногенной цивилизации эти идеи обретают новую форму своего истолкования в рамках различных вариаций холистической картины мира (теория аутопоэзиса, теория сложности, теория фракталов, теория турбулентности и др.).

Интересную и достаточно перспективную попытку эксплицировать понимание трансдисциплинарности и её функционального статуса в современной методологии научного познания и практике научных исследований предлагает В.В. Анохина. Она считает, что «можно зафиксировать два основных направления интерпретации понятия «трансдисциплинарность»:

- 1) когнитивно-эпистемологическое;
- 2) социокультурное» [4, с. 8].

Такая дифференциация позволяет вполне корректно и в значительной степени инструментально зафиксировать специфику трансдисциплинарности как внутринаучного и методологически ориентированного феномена, существенно отличающегося от таких модальностей современной науки, как междисциплинарность, полидисциплинарность, мультидисциплинарность. В то же время в рамках этого подхода реальной остаётся перспектива учесть множество существующих интерпретаций трансдисциплинарности, в которых акцент делается на её социокультурных проекциях: взаимосвязи науки с философией и культурой, инновационными технологиями и современными формами институционализации науки и образования, практико-ориентированными стратегиями научных исследований.

Говоря о когнитивно-эпистемологическом направлении в использовании методологического потенциала трансдисциплинарности, следует в первую очередь обозначить такие области научных исследований, как синергетика и теория саморазвивающихся систем, парадигма сложности и её преломления в когнитивной науке, теория фракталов, теория турбулентности и др. Своеобразным методологическим инвариантом этих современных направлений научных исследований является эволюционно-синергетический холизм, провозглашающий приоритетность интегральной картины мира, в которой единство человека как субъекта деятельности и природы как объекта его конструирующей активности не просто провозглашается в качестве нормативного предписания, а является онтологически значимым постулатом, конституирующим реальное бытие таких сложных систем. Этот тезис вполне оправданно подчеркивается И.В. Черниковой, утверждающей, что «современная наука, ориентируясь на целостное, холистическое мировидение, сопрягает познавательный опыт с эпистемологией соучастия, которая предполагает и новую онтологию, и новую этику» [5, с. 59].

Характеризуя второе, социокультурное направление в интерпретации сущности и функционального статуса трансдисциплинарности следует отметить, что в последнее время оно осязаемо доминирует среди множества

исследований, посвящённых трансдисциплинарному переходу в социодинамике науки и философии. Возможно, это объясняется и тем обстоятельством, что социокультурная версия понимания трансдисциплинарности является гораздо более конкретной и инструментально ориентированной. Как правило, она проявляется в требовании соединения природного и социального, теоретического исследования и практики технологических инноваций, ориентируясь на презумпцию целостного восприятия универсума культуры. Этот тезис стал одним из основных и важнейших выводов Международного симпозиума по трансдисциплинарности, который состоялся в 1998 году под эгидой ЮНЕСКО. По итогам работы этого симпозиума было констатировано, что трансдисциплинарность не является лишь сборкой дисциплинарных подходов и методологий, а представляет собой именно метаметодологию, требующую такой интеграции научных знаний, которая была бы способна обеспечить не только когнитивный, но и социокультурный эффект [6, р. 37–38]. Можно сказать, что трансдисциплинарность представляет собой своеобразный гибрид фундаментальных научных исследований, ориентированных на познание истины, и научно-конструкторских разработок, направленных на получение полезного эффекта. Иными словами, трансдисциплинарность размещена в интервале между истиной и пользой [7, с. 110].

Специфика социокультурной интерпретации феномена трансдисциплинарности раскрывается в исследованиях многих западных философов и методологов. Среди них Б. Николеску, М. Гиббонс, Д. Кэмпбелл, Д. Уотсон и др. Одна из популярных версий такой интерпретации принадлежит современному канадскому исследователю М. Гиббонсу. В широко известной его работе «The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies», впервые изданной в 1994 году, он совместно с рядом соавторов предлагает концепцию социодинамики современной науки, в которой выделяет два существенно различающихся режима её функционирования. Эти режимы М. Гиббонс интерпретирует как специфически организованные конфигурации производства знания и называет их также Режим 1 и Режим 2 (Mode 1 и Mode 2). Согласно его концепции, Режим 1 характеризуется гегемонией дисциплинарно организованной науки и сциентистской ориентацией по отношению к иным ненаучным формообразованиям культуры. Для этого Режим 1 свойственна относительная автономия и изолированность различных научных дисциплин, а также форм их

институциональной организации (факультетская и кафедральная специализация научных исследований и образовательной инфраструктуры в современных университетах). Трансдисциплинарность же предполагает утверждение новой парадигмы производства знаний (Режим 2). Актуальные результаты научных исследований в рамках этой парадигмы могут быть получены лишь при условии междисциплинарной кооперации учёных. К тому же трансдисциплинарная методология ориентирует исследователя на генерацию социально распределённого знания, что означает наличие презумпции множественной ответственности учёного и практико-ориентированной его мотивации.

По мнению М. Гиббонса, трансдисциплинарность имеет четыре отличительных черты. Во-первых, для неё важен контекст применения знания, фиксируемый в самом начале научного поиска. При этом особое значение приобретают подлинное творчество и теоретический консенсус. Во-вторых, хотя трансдисциплинарное знание возникает из определенного контекста его последующего применения и использования на практике, оно включает свои собственные теоретические структуры, методы исследования и способы их практической верификации. В-третьих, в отличие от Режима 1, где результаты научного исследования передаются через институциональные каналы посредством сообщения о них в профессиональных журналах или на конференциях, в случае Режима 2 распространение полученных научных результатов во многом определяется новыми проблемными контекстами, которые выявляются в процессе их практического применения. В-четвёртых, трансдисциплинарность динамична. Для неё характерна способность решать проблемы в движении. Режим 2 отличается всё более тесным взаимодействием производства знаний с последовательностью проблемных контекстов их социально практического применения [8, p. 5].

Под влиянием трансдисциплинарного перехода формируется новая современная архитектура производства знания, в которой собственно научные исследования с необходимостью интегрируются в более широкий культурный и социальной контекст. В этих условиях «радикально изменяется роль университетов, национальных научно-исследовательских центров и экспертных сообществ, становящихся частью транснациональных инновационных кластеров и сетей, формирующих новую инновационную экосистему «общества знания», основанную на конвергентных технологиях» [4, с. 11]. А это означает, что социокультурное измерение трансдисциплинарности обнаруживает себя не только в сфере

организации научного поиска, но и в области трансляции научных знаний в системе образования и социализации личности. Этот тренд обозначается сегодня как стратегия развития университета 3.0, предполагающая органичное соединение образования, науки и инновационного менеджмента.

Таким образом, трансдисциплинарность ориентирует современных учёных не просто на объединение и синтез предметных областей или методологических принципов, характерных для отдельных научных дисциплин. Она предполагает более глубокий, метаметодологический уровень интеграции и конвергентного взаимопроникновения этих дисциплин, их методов и социально-практических приложений. Также трансдисциплинарный переход формирует отчётливый социальный заказ на интеграцию результатов научных изысканий и открытий в структуры повседневности и культурное пространство гуманитарных инициатив и проектов. Соответственно, магистральной стратегией развития науки в рамках метаметодологии трансдисциплинарности становится её коэволюция с обществом и культурой.

Список литературы

1. Зеленков, А. И. Феномен трансдисциплинарности как метаметодологический императив современной науки / А.И. Зеленков // Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности : сборник научных статей и материалов XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Республика Беларусь, Минск, 7–8 декабря 2021 г. / БГУ, Ин-т философии НАН Беларуси, РИКК, фак. философии и социальных наук, каф. философии и методологии науки, каф. философии культуры, Совет молодых ученых БГУ ; редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2021. — С. 220-228.
2. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. — Москва: Навигатор, 2015. — 564 с.
3. Nikolescu, B. The Hidden Third and the Multiple Splendour of Being / B. Nikolescu // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. — Москва: Навигатор, 2015. — С.62-79.
4. Анохина, В. В. Роль философии в трансдисциплинарном синтезе современных знаний / Анохина В.В. // Академик В. С. Стёпин и исследовательские традиции минской философско-методологической школы : сборник научных статей и материалов Международной научной конференции памяти академика В. С. Стёпина и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в

современной социальной философии», 24 ноября 2022 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ, Фак. философии и социальных наук, каф. философии и методологии науки, каф. философии культуры ; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 3-18.

5. Черникова, И. В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки / И. В. Черникова. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 86 с.

6. Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge. – UNESCO: Division of Philosophy and Ethics, 1998. – 82 p.

7. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению / Л.П. Киященко // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. Москва: Навигатор, 2015. – с.109-135.

8. Gibbons, M. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. – FRN, 1994. – 131 p.

ГЕТЕРОГЕННЫЕ СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ НАУКИ XXI ВЕКА

Кисель Наталья Константиновна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Процесс институционализации современной постакадемической науки протекает в условиях информационно-компьютерной революции, что накладывает отпечаток на формирование новых организационных форм научно-исследовательской деятельности. Поскольку в цифровой культуре информационного общества особую роль приобретают качественно различные сетевые структуры, то и в развертке знаниевых практик в современной науке дают о себе знать гетерогенные сетевые структуры, обеспечивающие успех научного поиска. В силу этого обстоятельства институционализация современной постакадемической науки может быть представлена как процесс гетерогенной инженерии, нацеленный на формирование синтагматических комплексов на основе разнокачественных составляющих концептуального и социального характера.

Ключевые слова: сетевая структура; сетевая наука; интеллектуальный трансфер; постакадемическая наука; кластеры науки.

HETEROGENEOUS NETWORK STRUCTURES IN THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF SCIENCE IN THE 21ST CENTURY

Kisel Natalia Konstantinovna

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. The process of institutionalization of modern post-academic science takes place in the context of the information and computer revolution, which leaves its mark on the formation of new organizational forms of scientific research activity. Since qualitatively different network structures acquire a special role in the digital culture of the information society, heterogeneous network structures that ensure the success of scientific research make themselves felt in the development of knowledge practices in modern science. Due to this circumstance, the institutionalization of modern post-academic science can be presented as a process of heterogeneous engineering aimed at the formation of syntagmatic complexes based on different-quality components of conceptual and social nature.

Keywords: network structure; network science; intellectual transfer; post-academic science; science clusters

Развитие науки на рубеже XX-XXI вв. происходит на фоне существенной трансформации всей системы общественных отношений в современном обществе. Их репрезентация, в частности, предполагает обращение к моделям, акцентирующим внимание на новых феноменах – разнообразных сетевых структурах социума [1].

Сетевая структура подразумевает функционирование некоего комплекса взаимосвязанных узлов, способного расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. При этом иерархия в системной организации сменяется децентрализацией и гетерогенностью, обеспечивающими доминирование отношений координации во взаимодействии элементов сети и сетевых узлов.

Эволюция современной науки в качестве важнейшего социального института демонстрирует возникновение новых организационных форм, в основе которых лежат гибкие и динамично развивающиеся гетерогенные структуры.

Метаморфозы институализации науки осуществляются в разных вариациях, предполагающих формирование кластеров науки, появление сетевой науки, функционирование временных научных коллективов, а также возникновение сетевых узлов в развертке научных исследований.

Появление сетевой науки как своеобразной развертки большой науки XX века инспирировано информационно-компьютерной революцией. Вхождение в жизнь миллионов людей феномена сетевой науки началось в 1999 г. с создания сетей, состоящих из множества частных компьютеров. Первоначально сетевая наука была привлечена к реализации проекта SETI, предполагающего, в частности, поиск внеземных цивилизаций. В английском языке со временем даже укоренилось понятие «ученые по призванию» или «граждане-ученые» («citizen scientists»), т.е., энтузиасты науки, ее добровольческий корпус. В 2006 г. был открыт первый сайт с доступом к 40 научным проектам, сегодня их число перевалило за сотни. Работа ведется бесплатно, но поскольку стимуляция интереса к науке в обществе налицо, постольку можно ожидать, что рано или поздно появятся инвестиционные вложения в сетевую науку.

Сетевая наука, будучи своеобразным продуктом дигитализации культуры, свидетельствует о растущей ангажированности, по крайней мере, сетевого сообщества миром интенсивно развивающейся и весьма

авторитетной в обществе науки. Ареал сетевой науки – это обработка больших массивов информации (анализ фотоизображений, выбор нужной пространственной модели из многих тысяч возможных, работа с фотокопиями архивных документов) или же сбор информации путем полевых наблюдений.

Если сетевая наука на сегодняшний день выступает в качестве «боковой ветви» научного поиска, то формирование современных кластеров науки определяет одно из магистральных направлений ее развития. Коммерческий характер кластеров науки, объединяющих усилия науки и производства, предполагает разработку не только наукоемких прикладных технологий, но и технологий внедрения, а также поиск партнеров, наличие комплекса информационных услуг, обучение и переподготовкой персонала для работы и т.д. Так, например, один из крупнейших кластеров науки во Франции «Генополис», соединяя исследовательские центры, высшие учебные заведения и предприятия высоких технологий, ведет научную работу на стыке молекулярной биологии и органической химии, инженерного дела и нанотехнологии.

Университетская и академическая наука отличаются сложной иерархической структурой, в то же время для современной постакадемической науки в силу вступают гетерогенные, нежесткие структуры организации исследования. С одной стороны, это совершенствующаяся система получения грантов на проведение научных изысканий, функционирование временных научных коллективов, а с другой – появление сетевых узлов, модернизирующих сам процесс научных исследований.

Продуктивная работа в современной науке предполагает создание и использование развитой околonaучной инфраструктуры, актуальной модификацией которой, в частности, выступают сетевые узлы. Сетевой узел как новая форма организации научно-исследовательской деятельности предполагает, что отдельные институты (например, лаборатории) сходного профиля существуют не в изоляции друг от друга, а погружены в систему связей с подобными учреждениями по всему миру. В случае необходимости ресурсы всех участников сети, а это открытая система, доступны друг для друга. Эта своеобразная форма научной кооперации делает отдельные институты (элементы сети) фактически вспомогательными, но абсолютно необходимыми участниками решения задачи, стоящей перед одной из них. Они делятся компетенциями, обеспечивают доступ к сложной и дорогостоящей приборной технике, уникальным реагентам и т.д. Вклад всех

участников после завершения исследовательского проекта ранжируется и учитывается в виде авторства, что содействует получению ими грантов для проведения дальнейших исследований.

Новые институциональные формы науки являются своеобразным воплощением интеллектуального трансфера. Первоначально его осуществление было связано с появлением венчурных фирм в процессе создания кластеров науки, а затем и венчурных фондов. Венчурные организации призваны связать научно-исследовательские и внедренческие подразделения технопарков и кластеров науки с заинтересованными представителями различных игроков на экономических рынках разного масштаба и значимости.

Появление сети венчурных организаций меняет характер связи между наукой и обществом. Изначально предполагалось, что наука, выполняя свою культурно-мировоззренческую функцию, призвана информировать заинтересованную общественность о своих новейших достижениях. На сегодняшний день, наряду с традиционными потоками научной информации, адресованных ее широкому потребителю в разных слоях общества, набирают силу интенции прямо противоположного свойства: общество проявляет заинтересованность в том, чтобы сообщить науке о своих потребностях, желаниях, а в ряде случаев и опасениях. В своей развертке наука получает новые стимулы к развитию – потребности и ожидания потребителей.

В этой связи нельзя не обратить внимания на появление в Интернете онлайн-овых информационных систем, особых научных коммуникационных хабов, призванных сначала аккумулировать информационные потоки, создаваемые децентрализованными научными сообществами, а затем обеспечить систематизированный доступ к ресурсам потребителям разного ранга.

Такая своеобразная организация работы с информацией получила наименование «лоскутная интеграция». Рост численности информационных хабов научного профиля не просто вносит элемент новизны в научную коммуникацию, а знаменует собой появление нового механизма в осуществлении общественного разделения труда в рамках профессионального научного сообщества.

Таким образом, современная наука предстает как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от

основополагающих установок предшествующего этапа развертки философского методологического сознания: противопоставлений общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т.д.

На смену разделению на социальные и природные феномены приходит обращение к технологии, позволяющей описывать взаимное наложение человеческого и не-человеческого, социального и несоциального и тем самым уходить от субъект-объектной дихотомии, свойственной традиционной философии науки. К этому следует добавить актуализирующуюся проблему совмещения научной объективности с аксиологическим измерением современной науки, включающим ее политическую релевантность [2].

В свою очередь, обращение к эволюции науки и выяснение соответствующих механизмов, характерное для постпозитивистской философии науки, вытесняется анализом процессов управления наукой, реализующих определенные социальные цели. Исходной точкой исследования становится научная лаборатория. Эксплицируется новая исследовательская площадка, т.е. научный коллектив как коммуникативная целостность, функционирующая в особых исторических и социокультурных условиях.

Глубинные изменения науки и вновь открывающиеся проблемы философско-методологического дискурса, на наш взгляд, в свою очередь стимулируют переход философии науки в постакадемическую фазу развития со своими особенностями концептуального, методологического и институционального характера.

Список литературы

1. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Ид. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
2. Шаповалова, Л.В. Как возможна пост-нормальная наука? / Л.В. Шаповалова // Эпистемология и философия науки. – 2022. – № 3. – С. 61–73.

ОТ ТРАДИЦИИ К НОВАЦИИ: ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ

Климович Анна Игоревна

кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики, психологии и клинического
моделирования,

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье рассматривается один из значимых элементов системы полоцкой неосхоластики – философия образования. На основе контент-анализа и компаративистского подхода выявлено, что осмысление полоцкими авторами обозначенной проблемы подчинялось единым требованиям, связанным с достижением идеалов социально-политической и этической мысли. Главной идеей, проходившей через их работы, был поиск обновленного варианта модели образования в рамках религиозной традиции, позволившей бы сохранить элементы академической схоластической традиции, с одной стороны, а с другой, соответствовавшей бы идеям образования XIX века, призванным к жизни представителями немецкого и французского Просвещения. Для этого полоцкими авторами была разработана система, включающая не только знаниевый компонент, но и воспитательный, ориентированный на категории добродетели и общего блага.

Ключевые слова: философия образования; философия университета; полоцкая неосхоластика; Полоцкая иезуитская академия; Просвещение.

FROM TRADITION TO INNOVATION: PHILOSOPHY OF EDUCATION IN POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM

Klimovich Anna Igorevna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and
Clinical Modeling,

Belarusian State Medical University

Abstract The article examines one of the significant elements of the Polotsk neo-Scholasticism system – the philosophy of education. Based on content analysis and a comparative approach, it was revealed that the understanding of the designated problem by the Polotsk authors was subject to uniform requirements associated with achieving the ideals of socio-political and ethical thought. The main idea running through their works was the search for an updated version of the education model within the framework of religious tradition, which would allow preserving elements of the academic scholastic tradition, on the one hand, and on the other hand, would correspond to the ideas of education of the XIX th century, called to life by representatives of the German and French Enlightenment. For this purpose, the

Polotsk authors developed a system that included not only a knowledge component, but also an educational one, focused on the categories of virtue and the common good.

Keywords: philosophy of education; philosophy of the university; Polotsk neo-Scholasticism; Polotsk Jesuit Academy; Enlightenment

Одним из значимых элементов полоцкой неосхоластики, обладающих и сегодня актуальностью, была философия образования. Она разрабатывалась полоцкими авторами в поисках ответа на кризисные явления, охватившие традиционную схоластическую педагогику в конце XVIII – начале XIX вв. Основные представители полоцкой неосхоластики, посвятившие свои работы осмыслению роли и места образования в жизни общества, были В. Бучиньский, Ф.К. Стаховский, Ж.Л. Розавен.

В это время актуальными становятся философско-педагогические идеи о необходимости акцентирования внимания на индивидуальном развитии личности, все большее распространение получает персоналистско-аксиологический подход к проблеме цели и задач педагогики. В связи с этим представители Полоцкой иезуитской академии должны были отреагировать и представить свой взгляд на обучение, связанный с обоснованием продолжения существования схоластической академической традиции.

Также необходимо было обосновать в учебных планах наличие религиозных дисциплин, таких, как, например, теология. В этот период уже произошло отделение самого философского знания от теологии, соответственно необходимо было переосмыслить форму и содержание академического курса философии.

Обсуждение целей и задач образования в творчестве полоцких авторов во многом определялось уникальностью философского контекста эпохи. С одной стороны, на него оказывали влияние общеевропейские тенденции – в частности, появление множества педагогических концепций в трудах немецких и французских просветителей, что послужило толчком к публичному осмыслению идеалов, целей и методов воспитания. С другой стороны, в локальном масштабе развернулась идейная борьба между двумя университетскими центрами – Полоцкой иезуитской академией и Виленским университетом. Они представляли собой противоположные подходы: классическую схоластическую педагогику и новую педагогическую парадигму, сформировавшуюся под влиянием деятельности Эдукационной комиссии.

Проблемное поле философии полоцкой неосхоластики было представлено следующими направлениями: основные идеалы образования,

реализуемые на основании этих идеалов цели и задачи, осмысление ценности образования как отдельного вида общественного блага, переосмысление соотношения гуманитарных и точных наук в образовании.

Специфической чертой философии образования полоцкой неосхоластики является ее тесная связь с этическим и социально-политическим аспектом.

Основополагающим элементом социально-политических взглядов полоцких неосхоластов являлась категория *societas perfecta*, воплотившаяся в образе христианской цивилизации. Теоретические и практические пути реализации этого идеала и обусловили во многом специфику развития философии образования полоцкой неосхоластики. В свою очередь, социально-политические взгляды полоцких авторов были фундированы этической проблематикой. Таким образом, философия образования полоцкой неосхоластики также выступает как синтез этических и социально-политических идей.

Для полоцких мыслителей нравственность является продуктом воспитания. Одновременно ее становление неразрывно связано с усвоением культурных паттернов единого универсального пространства, создаваемого образованием благодаря явному акценту на гуманитарных дисциплинах, особо важное место среди которых занимают риторика и философия. Так, например, об этом упоминает, требуя поддержания в современных ему учебных планах идеалов античности, Ф.К. Стаховский: «Древние смотрели на философию совершенно с иной точки зрения, чем обычно смотрят на нее сегодня. По их мнению, философия, если бы она не делала человека лучше и не служила основой его практической жизни, не была бы достойна этого названия. Они не отделяли теорию от практики или разум от добродетели» [1, с. 68]. Добродетель в философии образования представителей полоцкой неосхоластики выступает как стержень, объединяющий общество для достижения, во-первых, государственного блага, а, во-вторых, для достижения абсолютного блага. Ее воспитание соотносится с гуманитарной составляющей образования.

В качестве примера можно привести также третью часть «Философских наставлений» В. Бучиньского. в разделе, где автор размышляет о взаимных обязанностях детей и родителей. В частности, он отмечает, что воспитание должно быть направлено как на воспитание разума, так и на формирование воли [2, с. 188].

В. Бучиньский пишет о необходимости формирования у воспитанника активной познавательной позиции, противопоставляя ее

«вечной дремоте ленивого разума» [2, с. 189]. Основные темы его рефлексии – это соотношение духовного и материального начал в человеке, достижение баланса этих двух аспектов через воспитание, а также роль последнего в приобщении к культурным нормам. Очевидно, что философским основанием этой теории выступает антропология Фомы Аквинского, в рамках которой человек рассматривается как составное бытие материального и духовного элементов. Отсюда вытекает и необходимость наличия в академическом плане дисциплин, целью которых является надлежащее воспитание именно духовного аспекта, а не только акцентуация на знании.

Конфликт систем образования, одна из которых нацелена на развитие личностного потенциала, а вторая на удовлетворение нужд общества, представлен в стихотворении неизвестного автора «Воспитание детей» [3, с. 163]. В нем сравниваются две противоположные системы воспитания: мегарская и спартанская. Мегарская система воспитания представляет собой классический пример аристократического или «благородного» воспитания, главная роль здесь отводилась формированию личности, способной к изящному времяпрепровождению. Спартанская же, по мнению автора, воспитывает добродетель [3, с. 164].

Этот текст представляет интерес для исследования, поскольку отражает конфликт двух философских направлений. С одной стороны, речь идет о педагогике Просвещения, представленной множеством теорий, которые возникли как результат осмысления идей свободомыслия, равенства, антиклерикализма и свободы совести. Эти идеи могли быть реализованы только через светские формы образования. С другой стороны, противопоставляется классическая иезуитская (игнатинская) система педагогики, существовавшая веками и ориентированная на интересы общества, ибо, как известно, чем добро универсальнее, тем оно лучше.

Что касается главных элементов философии образования полоцкой неосхоластики, то в первую очередь укажем на такую ее характерную черту, как понимание образования в качестве общественного блага. Эта мысль обнаруживается у Ф.К. Стаховского, когда он так и отмечает, что воспитание молодежи является основным предметом общественного блага [2, с. 67], а итогом его реализации является работа на благо общества через осуществление своих талантов, заслуг и жертвенности [2, с. 66].

Полоцкие авторы пытались на основе гуманистики создать единое культурное пространство, первым элементом которого должен был стать язык (латынь) [4, с. 90]. Вслед за единым языком полоцкие авторы

указывают и на необходимость усвоения в образовании единых правовых норм. Эта идея артикулировалась в работе И. Залесского, доказывавшего необходимость использования римского права как при обучении, так и при рассмотрении различного рода судебных тяжб как «всеобщего права человеческого рода» [5, с. 90]. По его мысли, универсальным основанием государственных правовых систем, способным объединить в единое ценностное пространство, должна была выступать философия, которую именно поэтому также следовало тщательно изучать, поскольку она позволяет познать «саму природу и сущность человеческого права» [5, с. 103]. Она ответственна за выработку аксиологического элемента права. Также целью философии, по И. Залесскому, является становление универсальной системы добродетели, единой для всего общества. Об этом пишет и К.Ф. Стаховский [2, с. 72]. Полоцкие авторы стремятся сформировать и единые моральные образцы поведения, этой цели должна служить история. На это указывает Ж.-Л. Розавен в цикле статей «О воспитании молодежи», увидевших свет в 1818 г. на страницах «Полоцкого вестника» [6, с. 103].

Если точные науки ответственны за воспитание разума, то гуманитаристика обязана через «окультуривание» взращивать добродетель человека. Такое восприятие цикла гуманитарных наук позволяет рассматривать их как предтечу воспитательного компонента, характерного для современного образования. При этом для каждой из академических дисциплин сохраняется в системе педагогики полоцкой неосхоластики особая функция.

История была ответственна за патриотизм, любовь к Родине, формирование нравственности на основании правильного, соответствующего требованиям академического плана, анализа исторических событий.

Преподавание права было призвано способствовать формированию соответствующей правовой культуры.

Риторика в академическом плане, по мысли представителей полоцкой академии, была необходима не только для умения четко выражать свои мысли, но и выполняла воспитательную функцию через формирование любви к языку.

Отдельно в рассматриваемой системе стоит философия, она, по сути, является центральным элементом, поддерживающим существование всех остальных. Она находилась в основании философии права, составляя метатеорию правовой науки. Одновременно она была глубоко практична,

поскольку цель ее изучения – достижение личного и общественного блага. Философия у полоцких авторов не являлась любовью к мудрости сама по себе, она изучалась сквозь призму этических категорий и была ответственна за формирование моральной личности.

На наш взгляд, представляется возможным утверждать, что философия образования полоцкой неосхоластики является элементом дискуссии о новой форме университета и образования вообще, развернувшейся в Западной Европе в конце XVIII века. Особенное участие в этой дискуссии приняли представители немецкой философии. В частности, это «Спор факультетов» И. Канта, «Лекции о методе университетского образования» Ф. Шеллинга. Помимо названных в контексте данной дискуссии следует также упомянуть имена Ф. Шлейермахера, В. фон Гумбольдта, К.Ф. Савиньи. Именно в творчестве этих авторов зарождается направление философии университета и происходит обоснование новой модели образования. В современности данная тема достаточно широко изучена, ей посвящен ряд как зарубежных, так и отечественных исследований. Одновременно за пределами исследований остается система взглядов представителей тех течений, которые, осмысливая новые модели, предлагали оставить в них ряд идей, принадлежавших классической схоластической академической традиции, к числу которых следует отнести и представителей полоцкой неосхоластики.

Хотя формально Полоцкая иезуитская академия, оснащенная рядом лабораторий, подходила под критерии уже заложенных основ «исследовательского университета» нового типа, акцентуация не только на познавательных способностях, но и на формировании нравственных начал делает ее альтернативным вариантом, получившим затем развитие в сети католических религиозных высших учебных заведений XIX века.

Список литературы

1. Stachowski, F. K. O wychowaniu młodzieży / F. K. Stachowski. – Kraków, 1853. – 143 s.
2. Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.
3. Wychowanie dzieci // Miesięcznik Połocki. – 1818. – №. 7. – S. 163-172.
4. Brzozowski, T. Zagaienie czytane na publicznem posiedzeniu od Rektora Akademii 18 września 1818 roku O sposobie zatrzymania i rozszerzenia zdrowego smaku mowy i wymowy oyczystey / T. Brzozowski // Miesięcznik Połocki. – 1818. – T. 1, № 3. – S. 70-78.

5, Zaleski, J. Rozprawa o potrzebie umiejętności prawa rzymskiego dla prawodawców, czytana na posiedzeniu akademickim 1818, dnia 16 września / J. Zaleski // Miesięcznik Połocki. – 1818. – T.3, № 10. – S. 86-105.

6, Rozaven, J.L. Uwagi nad wychowaniem młodzieży / J.L. Rozaven // Miesięcznik Połocki. – 1818. – T.1, № 1. – S. 93-107.

КОНЦЕПТ ЖИЗНЕННОГО МИРА КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ В РАБОТАХ Э. ГУССЕРЛЯ

Кобяк Евгения Александровна

студентка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Наливайко Инна Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье изложен концепт «жизненного мира», описанный Э. Гуссерлем в работе «Кризис европейских наук трансцендентальная феноменология». Приводится краткий анализ основных характеристик и причин кризиса европейских наук. Изложены причины появления в поздней философии Э. Гуссерля концепта жизненного мира в связи с попыткой преодоления кризиса классической европейской рациональности. Изложены основные способы тематизации концепта жизненного мира в работе «Кризис европейских наук Э. Гуссерля». Концепт жизненного мира представлен как основание для трансдисциплинарности в философии Э. Гуссерля.

Ключевые слова: кризис европейских наук; жизненный мир; феноменология.

THE CONCEPT OF LEWORLD AS A TRANSDISCIPLINARY ASPECT IN HUSSERL'S WORKS

Kobyak Eugenia Aleksandrovna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific supervisor - Nalivaiko Ina Michailovna,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article outlines the concept of 'lifeworld' described by E. Husserl in his work 'The Crisis of European Sciences and transcendental phenomenology'. A brief analysis of the main characteristics and causes of the crisis of European sciences is given. The reasons for the appearance of the concept of the lifeworld in the late philosophy of E. Husserl in connection with the search for the basis for sciences, which was an attempt to build a foundation for European science and, accordingly, an attempt to overcome the crisis of classical European rationality. The main ways of thematisation of the lifeworld concept in E. Husserl's The Crisis of the European Sciences are outlined. The concept of lifeworld is presented as a basis for transdisciplinarity in the philosophy of E. Husserl.

Key words: crisis of European sciences; lifeworld; phenomenology.

XX век – век технологического прогресса, что неоспоримо. И вместе с тем век кризиса науки. Работу «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», которая так и осталась незаконченной, Э. Гуссерль посвящает проблеме истории наук и историчности философии. Эта книга является ответом на вопрос «Как возможен кризис при столь явных достижениях?»

Человечество, став свидетелем невиданного ранее технического прогресса, заметив, что методы естествознания строги, и потому приводят к развитию, увеличению количества благ, пришло к выводу, что сами эти методы являются залогом успеха естествознания, и потому их следует применять повсеместно. Так зарождается позитивизм. Особенный вред этот феномен наносит гуманитарным наукам. Сам поиск строгой методологии для гуманитарных наук ведет к развитию: гуманитарные науки связаны со сферой идей, идеи, распространяясь, значительно влияют на человечество, следовательно, именно в этой сфере стоит требовать такой же верификации, как и в сфере естествознания. Попытки осуществления этого проекта привели к разочарованию в смысле и ценности гуманитарных наук, а особенно философии, что в конечном итоге стало причиной как многочисленных социально-политических кризисов 20-го века, так и кризиса научного познания.

Сама по себе объективизация и натурализация науки приводит к тому, что человеку не находится в ней места. В позитивистской трактовке науки как науки о фактах познающий субъект начисто лишен человеческих целей и качеств. Также объективный мир рассматривается скорее как мир идеальных сущностей, а не вещей как таковых. Теряется понимание того, что любая идеализация происходит путем абстрагирования от предметов жизненного мира. Отсюда берет начало дуализм науки и философии: в естествознании предполагалось, что мир сам по себе обладает смыслом, который можно открыть. Отсюда также происходит разделение теоретической науки и практической жизни, цели науки становятся столь далеки от ежедневной практики, что они противопоставляются целям обыденной жизни. Такое противопоставление приводит к критике всяких смыслов и целей вообще. Наука перестает быть связанной с философией и не развивается более по пути, предлагаемым ею.

Именно в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль впервые использует концепт «жизненного мира». Такое положение вещей прежде всего связано с основной целью

работы: показать безосновательность критики философского метода в сфере познания сознания, логике и иных научных дисциплинах, а также использование методов естественных наук или отдачи предпочтения в этих вопросах естественным наукам, претендующим на проблемное поле философии, что приводит к одностороннему взгляду на процесс научного познания, а также явить философию как строгую науку, как основу для всех остальных наук. Сам кризис наук связан с тем, что наука в позитивистском понимании является только лишь наукой о фактах. В таком случае теряется изначальное понимание науки как устремленности к беспредпосылочному и всеохватывающему знанию. Концепт жизненного мира используется Э. Гуссерлем как базис для научного познания, так как он понимается как фундаментальный слой сознательной деятельности. Можно переформулировать цель работы следующим образом: показать, что научное познание берет свое начало в донаучном опыте. И этот преднаучный опыт и обозначен у Э. Гуссерля как «жизненный мир».

В феноменологии Э. Гуссерля «жизненный мир» понимается как «единственно действительный, действительно данный через восприятие, через опыт осваиваемый и могущий быть освоенным в опыте мир – наш повседневный жизненный мир» [3, с. 253]. При этом ошибочно понимать концепт жизненного мира как действительного в смысле реальности. Э. Гуссерль понимает жизненный мир не как предмет естествознания – мир реальный, а прежде всего как мир духовный – предмет феноменологии. В «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерль допускает множественность «жизненных миров», то уже в более поздней философии, которая представлена в «Кризисе европейских наук», он рассматривает жизненный мир как один единственный. Такая данность достигается не потому, что стирается индивидуальное представление индивидов о мире, а потому, что «жизненный мир» каждого из субъектов имеет схожую структуру. Структура «жизненного мира» включает в себя связь с другим, отражая, таким образом, коллективный опыт бытия. Так, посредством анализа концепта жизненного мира Э. Гуссерль формулирует понятие интерсубъективности.

Само понятие «жизненного мира» предполагает трансдисциплинарность, так как жизненный мир понимается как мир духовного опыта, он включает в себя не только философские аспекты, но и феноменологический опыт индивида, социальные, культурные аспекты. В то время как позитивистская наука стремится к редукционизму и моделированию реальности, исключая субъективный опыт, в

феноменологии Э. Гуссерля субъективный опыт рассматривается не только как необходимый компонент научного опыта, но и как его основание. Исходя из этого, жизненный мир есть условие всех научных изысканий. Жизненный мир есть основа для понимания.

Поскольку «жизненный мир» всегда принадлежит одному субъекту, необходимым условием для наличия жизненного мира является «моё живое тело». Так, его можно рассматривать с точки зрения социологии, как видение конкретной историко-культурной ситуации «глазами каждого человека». Концепт жизненного мира предполагает интерсубъективность, что создает возможности для диалога между разными сферами научного познания и разными научными подходами.

Итак, появление в поздней философии Э. Гуссерля концепта жизненного мира связано с поиском основания для наук. Концепция жизненного мира служит философским и методологическим основанием, которое дает возможность для проведения трансдисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Антология реалистической феноменологии / под ред. Д. Атласа и В. Куренного. – М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. – 743 с.
2. Борисов, Е. В. Феноменология Э. Гуссерля и М. Хайдеггера: моменты преемственности / Е. В. Борисов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 1999. – № 267 – С. 14-18.
3. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль Сост. В. А. Куренной. // М.: Изд. дом «Территория будущего» – 2005. – 464 с.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль пер. с нем. А. В. Михайлова. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2009. – 399 с.

КОНСТРУКТИВНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ КРИЗИСА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ

Колядко Илья Николаевич

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Кризис базисных оснований культуры модерна в аспекте трансформации идентификационных паттернов способствует кардинальному изменению стереотипов общественного сознания, регулятивных принципов мышления и деятельности. Цивилизационный кризис инициирует также реинтерпретацию смыслов ключевых универсалий культуры модерна, способствуя, таким образом, переходу к новым параметрам гомеостатического (равновесного) состояния системы под воздействием усиливающихся стохастических факторов внешней среды. Одним из таких факторов выступает дивергенция локальных социокультурных систем, проявляющаяся в росте этнического, религиозного фундаментализма и экстремизма. В качестве конструктивных альтернатив этим проявлениям могут быть представлены такие формы взаимодействия цивилизаций, как полилог, сотрудничество, партнерство. Их конститутивным основанием выступает взаимное признание самобытности локальных культурных традиций и этнокультурного разнообразия, что в перспективе позволит выстраивать эффективные стратегии конструктивного преодоления системного кризиса культуры модерна.

Ключевые слова: кризис; культурно-цивилизационная идентичность; мозаичная культура; переходный период; транзитивные общества.

CONSTRUCTIVE-CREATIVE ROLE OF CRISIS IN THE FORMATION OF CULTURAL-CIVILIZATIONAL IDENTITY OF TRANSITIVE SOCIETIES

Kolyadko Ilya N.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. The crisis of the basic foundations of modern culture in the aspect of the transformation of identification patterns contributes to a fundamental change in the stereotypes of public consciousness, regulatory principles of thinking and activity. The civilizational crisis also initiates a reinterpretation of the meanings of the key universals of modern culture, thus contributing to the transition to new parameters of the homeostatic (equilibrium) state of the

system under the influence of increasing stochastic factors of the external environment. One of such factors is the divergence of local socio-cultural systems, manifested in the growth of ethnic, religious fundamentalism and extremism. Such forms of interaction between civilizations as polylogue, cooperation, partnership can be presented as constructive alternatives to these manifestations. Their constitutive basis is the mutual recognition of the originality of local cultural traditions and ethnocultural diversity, which in the future will allow us to build effective strategies for constructively overcoming the systemic crisis of modern culture.

Keywords: crisis; cultural and civilizational identity; mosaic culture; transition period; transitional societies.

С современным изменением вектора в направлении дивергенции локальных социокультурных систем глобализация не перестала оказывать ощутимое влияние на трансформацию базисных оснований культуры модерна. Более того, вследствие усиления региональной дифференциации большинство локальных социумов предстало перед острой необходимостью формирования и утверждения своей культурно-цивилизационной идентичности, чтобы не оказаться на геополитической периферии, в социально-экономической и культурно-информационной изоляции. Одним из противоречий глобализации в начале XXI века является устойчивая тенденция к сохранению и углублению дифференциации социально-культурных общностей и локальных социокультурных систем в условиях формирующейся интегрированной экономической и социально-коммуникативной среды. Новую глобальную угрозу представляет перманентный процесс дивергенции локальных социокультурных систем.

Обращение к проблемам формирования и репрезентации культурно-цивилизационной идентичности современных обществ обусловлено процессами глобализации и деглобализации [1, с. 24–25]. Так, глобализация несет вызов культурной унификации, что инициирует всплеск националистических настроений и провоцирует межэтнические и межконфессиональные конфликты. Вместе с тем процессы трансформации базисных оснований культуры модерна выступают источником социокультурных флуктуаций (П.А. Сорокин), приводящих к фрагментации культурно-цивилизационной и иных форм идентификации людей. Кризис идентичности и поиски ее новых конфигураций тесно связаны с процессами глобализации, инициирующими саму возможность появления дискурса идентичности в эпоху постсовременности.

Влиянию глобализации и массовой культуры фрагментации подвергаются все сферы жизнедеятельности современного человека, а его идентичность становится все в большей степени подвижной и размытой. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий существенно трансформировало традиционные каналы социализации индивида, а также оказали необратимое влияние на канонические формы трансляции ценностных императивов и мировоззренческих структур национальной культурной традиции. Опираясь на обоснованные выводы крупнейших социальных философов, анализирующих процессы перехода современных модернизирующихся обществ в новую фазу мировой истории, следует отметить, что в условиях современного – дивергентного – этапа глобализации на первый план выходит проблема формирования и сохранения культурно-цивилизационной идентичности локальных социокультурных систем. Кризис базисных оснований культуры модерна и связанный с ним процесс трансформации идентификационных матриц выступают ключевыми характеристиками социокультурного развития современных модернизирующихся и переходных социумов.

Несмотря на то, что формирование культурно-цивилизационной идентичности переходных обществ вызвано кризисом конвергентных стратегий глобализации, становление новой, полицентричной, конфигурации мирового сообщества в целом обусловлено постулируемым «постидеологическим» характером современных государств и геополитических блоков. Культура и культурные ценности сегодня все чаще предстают в национальном, этническом своеобразии и формах. Как следствие – формирование в мировом масштабе новых субъектов политического, государственного и межкультурного взаимодействия, что, в свою очередь, выступает в качестве ведущего фактора «социокультурных флуктуаций» (П.А. Сорокин) и возрастания нестабильности. Глобальный кризис культуры модерна и ее оснований в аспекте трансформации идентификационных паттернов способствует переосмыслению аксиологических оснований отдельных культурных традиций, а также паттернов мышления и деятельности, оказываясь одним из факторов динамики и развития социальной системы. *Позитивный характер данных изменений* проявляется в форме «перестройки категориальных структур сознания» [2, с. 76], когда реинтерпретация смыслов культурных универсалий, фундирующих систему ценностных ориентаций и легитимизирующих конкретные формы индивидуальной и коллективной идентичности, направлена на реализацию ими трансляционной функции.

Благодаря последней происходит «ассимиляция нового, важного для людей социального опыта, соединение его с традицией и передача от поколения к поколению» [2, с. 76].

Говоря о трансформации идентификационных матриц в условиях дивергенции транзитивных социумов, важно подчеркнуть, что стратегии формирования новых идентификационных паттернов, в том числе их культурно-цивилизационных импликаций, часто приобретает форму узкоэтнических, националистических, неоконсервативных и даже фундаменталистских движений, что выступает источником геополитической нестабильности. Однако следует четко зафиксировать и особенность процессов трансформации сущностных параметров идентичности как значимого модуса системного кризиса базисных оснований культуры модерна, связанную с внутренней необходимостью модернизирующихся и переходных социумов в выстраивании аутентичных проектов культурно-цивилизационного самоопределения. Как отмечает В.С. Стёпин, одновременно *обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества*, в периоды его фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [2, с. 76]. Таким образом, при акцентировании конструктивных аспектов кризисных этапов социодинамики речь идет прежде всего о том, что преобразованию подвергаются те из базисных смыслов универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, а также «обеспечивать воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения» [2, с. 75].

Интенсивные трансформации мировой цивилизации в конце XX – начале XXI в. вновь поставили на повестку дня проблемы, связанные с процессами идентификации людей на самых разных уровнях. Как отмечает С.А. Кравченко, «под влиянием увеличивающейся открытости границ страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей и иных образов жизни. Дело не только в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей. Важнейшей проблемой для формирования человеческого капитала становится усложняющееся изменение само по себе, в котором содержится

значительный компонент неупорядоченного хаоса, что приводит к сокращению долгоживущих качеств социума, что относится и к параметрам человеческого капитала» [3, с. 10]. С усилением стандартизации и унификации в качестве атрибутов глобализации отмечается возрастание роли культурно-цивилизационной и этноконфессиональной форм идентичности, являющихся составной частью процессов реальной дивергенции социокультурных систем.

Новая геополитическая структура цивилизации будет основываться не на одной, а на нескольких культурных и цивилизационных парадигмах, находящихся в состоянии противоборства, конкуренции. Это связано с тем, что на авансцене мировой истории с неожиданной быстротой стали появляться новые субъекты, которые, хотя и не принадлежат к мировым лидерам, прежде всего по уровню социально-экономического развития, тем не менее, способны создать под своим патронажем региональные блоки, противостоящие дальнейшей экспансии западной цивилизации. К тому же формирующиеся региональные центры все в большей степени оказываются в состоянии отстаивать свои политические и экономические интересы, а также сформировать коалиции, не зависящие от стран-лидеров глобализации. Таким образом, они способны существенно ослабить стратегию утверждения моноцентричной геополитической структуры, трансформировав ее в полицентричную. Как отмечает в этой связи О.А.Романов «многие государства мира стихийно выработали политику не глобальной, но региональной интеграции, при которой в глобальной конкуренции участвуют не отдельные страны, а целые группы стран, поддерживающих и дополняющих друг друга. <...> Реалии XXI столетия потребовали национальных государств и локальных цивилизаций нахождения новых форм своей исторической субъектности. Для евразийской цивилизации и входящих в ее состав народов и государств такой формой сохранения себя в жестком высококонкурентном мире является региональный центр развития и силы, созданный на собственной культурно-исторической основе. Развитие евразийских народов в рамках самостоятельного интеграционного проекта открывает для них перспективы использования собственного социокультурного опыта в деле преодоления многомерного социального кризиса, многие параметры которого обусловлены некритическим принятием инокультурных образцов» [4, с. 77, 82].

Таким образом, феномен возрождения культурно-цивилизационных идентичностей в начале третьего тысячелетия является одним из важных

факторов дифференциации и дивергенции социокультурных систем в условиях трансформации их ценностно-нормативных оснований. Сегодня геополитическая конфигурация локальных социокультурных систем существенно трансформировалась и выстраивается как процесс формирования полицентричной геополитической структуры. Вместе с тем не следует полностью исключать и противоположный сценарий, в рамках которого противостояние локальных социокультурных систем будет нарастать и в конечном итоге трансформируется в конфликт цивилизаций, имеющий разрушительные последствия. Избежать «столкновения локальностей» (Р. Робертсон) в мире, вектор развития которого все более смещается от моноцентричной геополитической структуры к плюралистической, полицентричной, пожалуй, полностью не удастся. Однако от совокупных усилий всего человечества во многом зависит то, по какому из сценариев и в каких формах будет осуществляться взаимодействие социокультурных систем модернизирующихся и переходных обществ с их стремлением к актуализации своей самобытности и самостоятельности.

Список литературы

1. Бауман, З. Текущая современность : пер. с англ. / З. Бауман. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер : Питер Пресс, 2008. – 238 с.
2. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин. – Санкт-Петербург: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. – 408 с.
3. Кравченко, С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей / С.А. Кравченко // Социс. 2013. – № 5. – С. 3–12.
4. Романов, О.А. Евразийская регионализация в контексте глобальных трансформаций миропорядка: историческое значение и сущность / О.А. Романов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 50. – С. 75–83.

НАСЛЕДИЕ С. КЬЕРКЕГОРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ DATA-АНАЛИЗА

Коховец Ярослав Александрович

аспирант факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Сидоренко Ирина Николаевна,**

доктор философских наук, профессор

Аннотация. В статье рассматривается применение программ анализа данных для исследования философских текстов, на примере работ С. Кьеркегора. Автор анализирует возможности использования инструментов, таких как Atlas.ti и perplexity.ai, для выявления ключевых концептов в текстах С. Кьеркегора, включая «Понятие страха» и другие произведения. В статье демонстрируется, как данный подход может быть полезен для историко-философского анализа, выделения основных идей и их эволюции в творчестве авторов. Подчеркивается, что использование программ data-анализа позволяет исследователям более эффективно работать с большими объемами текстовых данных, обнаружить новые подходы к работе с наследием философов и выявлять ранее скрытые имманентные тексту структуры.

Ключевые слова: концепт; анализ данных; нейросеть С. Кьеркегор; понятие страха; текст; методология; perplexity.ai.

LEGACY OF S. KIERKEGAARD THROUGH THE PRISM OF DATA ANALYSIS

Kakhavets Yaraslau Alexandravich

Postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

Scientific supervisor –Sidorenko Irina Nikolaevna,

Doctor of Philosophy, Professor

Abstract. The article examines the use of data analysis programs for the study of philosophical texts, using the example of the works of Søren Kierkegaard. The author analyzes the possibilities of using tools such as Atlas.ti and perplexity.ai to identify key concepts in S. Kierkegaard's texts, including "The Concept of Fear" and other works. The article demonstrates how this approach can be useful for historical and philosophical analysis, highlighting the main ideas and their evolution in the works of the authors. It is emphasized that the use of data analysis programs allows researchers to work more effectively with large amounts of textual data, discover new approaches to working with the legacy of philosophers and identify previously hidden immanent text structures.

Keywords: concept; data analysis; S. Kierkegaard; neural network; the concept of fear; text; methodology; perplexity.ai.

В современном мире информационных технологий и «Big Data» при проведении историко-философского анализа актуальным остается вопрос методологии работы с философским текстом. В разрезе этой проблематики представляется возможным рассмотреть использование программ анализа данных в рамках междисциплинарного подхода к философскому исследованию.

Программы data-анализа представлены широким спектром инструментов, которые помогают специалистам обрабатывать, анализировать и интерпретировать большие объемы данных. Эти программы могут включать в себя различные функции, такие как визуализация данных, статистический анализ, и многое другое.

Отличительной особенностью программ высокоуровневого, качественного анализа текста является наличие процедуры лемматизации, как процесса приведения слова к его начальной форме, или лемме [1]. Именно эта процедура позволяет компьютеру распознавать различные грамматические формы как одно и то же слово, исключить дубли и оценить частотность запроса. Пример лемматизации целого предложения может выглядеть так: «Кошки весело играли с мячом» → «Кошка весело играть с мяч».

Для демонстрации возможностей программ data-анализа нами была выбрана программа atlas.ti. при обработке текстовых данных, инструмент автоматически обрабатывает текст, чтобы идентифицировать наиболее распространенные и обладающие смысловой окраской слова, исключая стоп-слова (такие как «the», «and» и т.д.). Затем, на основе статистики эти ключевые слова визуализируются на экране в различных размерах, где размер отражает их частоту в наборе данных.

На первом этапе определяются акцентные существительные (например, любовь), чтобы определить наиболее часто встречающиеся в массиве текстов концепты. На втором этапе выделенные слова собираются по всем обрабатываемым файлам, после чего, «атлас» фильтрует концепты отображая в результатах только наиболее существенные [2].

В результате определения концептов, программа предлагает оператору сто наиболее релевантных для источника терминов, и предоставляет их в виде «облака слов». При нажатии на конкретное слово «Атлас» предлагает ознакомиться со всеми контекстами его употребления.

Таким образом, если проанализировать восьмой том полного собрания «Kierkegaard's Writings», который содержит «Понятие страха» [3], то мы получаем следующие десять наиболее важных концептов этого произведения: Anxiety (Тревога); Sin (Грех); Man (Человек); Individual (Личный); Way (Путь); Sense (Смысл); Time (Время); Relation (Отношение); Moment (Момент); Spirit (Дух).

Удивительно, что если продолжить обработку результата программными методами, и создать запрос в одном из популярных нейросетевых агрегаторов perplexity.ai с функцией «reasoning with o3 mini» созданием запроса: «Что можно сказать о тексте главными концептами в котором являются: Anxiety (Тревога); Sin (Грех); Man (Человек); Individual (Личный); Way (Путь); Sense (Смысл); Time (Время); Relation (Отношение); Moment (Момент); Spirit (Дух)», то программа не только безошибочно определит автором текста именно С. Кьеркегора, но и предложит рассмотреть концепты именно через призму «понятия» страха:

«Текст, в котором главными концептами являются тревога (anxiety), грех (sin), человек (man), личность (individual), путь (way), смысл (sense), время (time), отношение (relation), момент (moment) и дух (spirit), вероятно, связан с философскими размышлениями о человеческом существовании, свободе, ответственности и духовной природе. Эти темы особенно характерны для работ С. Кьеркегора, который исследовал эти концепты в контексте экзистенциальной философии» [4].

Ссылка в списке литературы была оформлена как shareable, у читателя есть возможность перейти по ней и ознакомиться с результатом.

Программы дата- и концепт-анализа могут быть использованы не только по отношению к единичным источникам, но и целым массивам текста, таким как полные собрания трудов, такие как 11-томное собрание неопубликованных "дневников и записок" под названием «Kierkegaard's Journals and Notebooks» [5], а также работ, опубликованных в 26-томном издании Принстонского университета «Kierkegaard's Writings» [6].

Итак, для полного собрания работ, записей и журналов С. Кьеркегора, характерны следующие основные концепты: God (Бог); Person (Личность); Way (Путь); Life (Жизнь); Time (Время); World (Мир); Order (Порядок); Love (Любовь); People (Люди); Man (Человек).

При этом, если создавать такой же запрос нейросети как и после обработки «Понятия страха», то она уже не распознает непосредственного автора, однако укажет на тесную взаимосвязь концептов в контексте христианской теологии этики и антропологии описывая эту взаимосвязь

следующим образом: Бог является источником жизни, порядка и любви; человек наделен личностной свободой для следования пути к Богу; мир существует во времени как арена для реализации этого пути. Таким образом делается вывод о том, что корпус текстов такого рода отражает глубокую связь онтологии, этики и антропологии с религиозным мировоззрением.

Проведенный анализ позволил определить некоторое «облако смыслов», содержащее характерные С. Кьеркегору категории, что позволяет исследователю провести проинтерпретировать результаты и провести дальнейший необходимый анализ.

Представленные концепты дают возможность самому тексту «говорить» с читателем напрямую, отобразить имманентную автору структуру мышления, зачастую не подвергнутую саморефлексии.

Методологически, при использовании программ data-анализа исследователю предоставляется инструмент, не ограничивающийся только выделением ключевых концептов самих по себе, но и возможность их анализа в совокупности контекстов, что, несомненно, облегчает и улучшает качество работы по обработке огромных массивов данных. Также, намного упрощается процесс хронологического изучения становления и эволюции идей в течение жизненного пути автора, а также влияния на его взгляды факторов окружения, что позволяет вывести историко-философское исследование на качественно новый уровень.

Исследование философских текстов С. Кьеркегора через призму современных технологий data-анализа и искусственного интеллекта открывает новые горизонты для понимания его философского наследия. Применение программ, таких как Atlas.ti, позволяет не только систематизировать и визуализировать ключевые идеи, но и проникнуть в глубинные структуры его философии, которые могут оставаться скрытыми при традиционном подходе.

Также, перспективным выглядит использование «больших языковых моделей» и нейросетей, таких как perplexity.ai, с оговоркой на необходимость тщательного составления технического задания для формирования запроса и дальнейшей интерпретации. Также следует учитывать несовершенство современных моделей нейросетей и относиться к ним с осторожностью.

Такие инструменты в рамках междисциплинарного подхода подчеркивают, что философия не является статичной дисциплиной, заключенной в текстах прошлого, но живет и развивается в диалоге с современными методами и технологиями.

Список литературы

1. Лемматизация // Loginom company. – URL: <https://wiki.loginom.ru/articles/lemmatisation.html> (дата обращения: 13.02.2025).
2. Find Concepts and Auto-Code // Loginom company. – URL: <https://doc.atlasti.com/ManualMac.v22/SearchAndCode/SearchAndCodeFindConcepts.html> (дата обращения: 13.02.2025).
3. Kierkegaard, S. Concept of Anxiety: A Simple Psychologically Orienting Deliberation on the Dogmatic Issue of Hereditary Sin / S. Kierkegaard ; ed. a. translated with introd. a. notes H. V. Hong, E. H. Hong. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1992. – 276 p. – (Kierkegaard's writings ; 8)
4. Perplexity AI : [сайт]. – URL: <https://www.perplexity.ai/search/chto-mozhno-skazat-o-tekste-gl-e1wsNa3LRWe1g17u0h8bhg> (дата обращения: 20.02.2025).
5. Kierkegaard, S. Kierkegaard's journals and notebooks : in 11 vol. / S. Kierkegaard ; ed.: B. H. Kirmmse (gen. ed.) [et al.]. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2007–2020.
6. Kierkegaard's Writings: in 27 vol. / ed.: H. V. Hong E. H. Hong. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2013. – 8 vol.

КОНЦЕПЦИЯ «СПОСОБНОСТИ-НЕ» ДЖ. АГАМБЕНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Курачинская Дарья Сергеевна

магистрантка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Сидоренко Ирина Николаевна,**

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры

Белорусский государственный университет

Аннотация. Концепция «способности-не» итальянского мыслителя Дж. Агамбена разработана в рамках его эстетической теории, переходящей в проект биополитики. Данная концепция приобретает особую значимость в современных гуманитарных и социальных науках. Концепция «способности-не» Дж. Агамбена является инструментом для разрешения кризисов современности – от искусства до политики. В данной статье рассматривается концепция «импотенциональности» Дж. Агамбена, истоки понятия «способности» и влияние концепции философа на современное искусство.

Ключевые слова: Дж. Агамбен; Аристотель; «способность-не»; акт творения; сопротивление; современное искусство.

THE CONCEPT OF "ABILITY-NOT" OF G. AGAMBEN IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY ART

Kurachinskaya Daria Sergeevna

Master's student, Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of

Culture, Belarusian State University

Abstract. The concept of "ability-not" by the Italian thinker G. Agamben is developed within the framework of his aesthetic theory, which turns into a project of biopolitics. This concept acquires special significance in modern humanities and social sciences. The concept of "ability-not" by G. Agamben is a tool for resolving the crises of modernity - from art to politics. This article examines the concept of "impotence" by G. Agamben, the origins of the concept of "ability" and the influence of the philosopher's concept on modern art.

Keywords: G. Agamben; Aristotle; "ability-not"; act of creation; resistance; contemporary art.

Концепция «способности-не» итальянского мыслителя Дж. Агамбена разработана в рамках его эстетической теории, переходящей в проект биополитики. Данная концепция приобретает особую значимость в современных гуманитарных и социальных науках. Во-первых, Дж. Агамбен совершает трансформацию субъективности. Философ демонстрирует, что подлинная свобода заключается не в действии, а в способности его не совершать. Например, социальные сети как принуждение к самовыражению, к демонстрации «лучшей жизни». Во-вторых, Дж. Агамбен предлагает альтернативу традиционным формам сопротивления возрастающему контролю над жизнью. Например, «молчаливые» протесты, отказ от цифровой идентификации. Следовательно, концепция «способности-не» Дж. Агамбена является инструментом для разрешения кризисов современности – от искусства до политики. В данной статье рассматривается концепция «импотенциональности» Дж. Агамбена, истоки понятия «способности» и влияние концепции философа на современное искусство.

Концепция Дж. Агамбена «способности-не», или импотенциональности, проявляется в искусстве как отказ от продуктивности: молчание, намеренная пассивность. Эти стратегии бросают вызов капиталистическому механизму воспроизводства-потребления. Концепция «способности-не» является узлом переосмысления традиционных представлений о потенциале и действии. В отличие от классического понимания творчества как реализации замысла, философ видит в творчестве незавершенность, невыразимость, неполноту – то, что сохраняет возможность-не (переходить к действию).

«Истинно философский элемент, содержащийся в произведении – будь это произведение искусства, науки, мысли, – это его способность к дальнейшему развитию, что осталось невысказанным и что теперь нужно найти и подобрать» [1, с. 46]. Невысказанное есть неисчерпаемая сфера творения. Сердцевину произведения составляет объем и количество невысказанного. Последнее есть «толчок к» тому, чтобы актуализироваться; «толчок к» осуществлению в виде поэзии, картины или музыкальной композиции. Однако останется и от «уже высказанного» то, что «еще не высказано», невыразимо, требующее в самом себе высказываемости. Сфера «невысказанного» есть сфера наиндивидуального, всеобщего, внеличная зона неразличимости, где «пропадают любое имя собственное, любое авторское право и любая претензия на оригинальность» [1, с. 46].

В марте 1987 г. Ж. Делез прочитал лекцию «Что такое акт творения?» в рамках конференции о кино. Философ определяет творчество в качестве акта сопротивления. Акт творения – всегда разрыв с привычным, выход за рамки сложившихся социальных, культурных, языковых кодов. Творчество как акт

сопротивления, согласно Ж. Делезу, есть «сопротивление информационной парадигме, посредством которой осуществляется власть в обществах», определяемых как «общества контроля» [1, с. 46]. Однако философ не дает четкого определения термину «сопротивления», понимая в общепринятом смысле как противодействие внешней силе.

Ж. Делез подчеркивает, что акт творения связан с высвобождением способности. В вопросе способности Дж. Агамбен идет дальше и связывает высвобождение способности не с внешним проявлением, а с внутренним порывом самого акта. Следовательно, акт творения должен содержать в себе не только освобождение способности, но и сопротивление этому высвобождению.

Концепция способности в западной философии начинает свой отсчет от Аристотеля. Дж. Агамбен опирается на «Метафизику» Аристотеля, в которой философ противопоставляет способность (*dynamis*) действию (*energeia*), при этом связывая их. Противопоставление способности и действия есть акт творения, понимаемый Аристотелем как практика *technai*, то есть искусство в самом широком смысле. «Архитектор, музыкант, играющий на цитре, скульптор, но также грамматик и, в целом, любой человек, владеющий знанием или техникой» – субъект творчества, который обладает способностью, или *hexis* [1, с. 49–50]. Последнее есть навык; владение какой-либо способностью или умением. Значит, субъект, овладевший соответствующими знаниями и умениями, есть способный.

Обладающий особыми знаниями человек может как задействовать свои способности, так и не задействовать. По важнейшему замечанию Дж. Агамбена, «способность, – и это гениальный, несмотря на его полную очевидность, тезис Аристотеля – по сути, определяется возможностью её нереализованности» [1, с. 50]. Аристотель доводит до крайности свой тезис о возможности не задействовать собственную способность, делая вывод об основополагающей взаимопричастности способности и неспособности. «Неспособность [*adynamia*] и неспособное – это противоположное способности [*dynamis*] такого рода отсутствие [её], так что способность бывает всегда к тому же и в том же отношении, как неспособность» [1, с. 51]. *Adynamia* означает способность-не-(переходить к действию). Согласно Дж. Агамбену, способность определяется амбивалентной природой: способностью быть или не быть в отношении к своей лишенности. Человек способен быть неспособным, лелеять свою способность к неспособности – и в этом заключается его «способность к». «Он [человек] может существовать и действовать, потому что поддерживает своё отношение к собственному небытию и недеянию» [1, с. 52]. И мы должны рассматривать человеческую сущность диалектически: возможность быть или делать соотносится с собственной лишённостью; способность к деянию уже содержит способность-не-деяния.

Следует подчеркнуть, что акт творения не есть простой переход от способности к действию. «Художник – это не тот, кто обладает способностью к творению и в определенный момент решает, неизвестно как и почему, реализовать и задействовать её» [1, с. 52-53]. Здесь уместным будет обращение к определению акта творения как акта сопротивления Ж. Делеза. Сам творческий акт содержит нечто противодействующее выражению. «Сопротивление» есть остановка, удерживание в неподвижности. И, согласно мысли Дж. Агамбена, способность-не есть эта «сила, удерживающая и останавливающая способность в её движении к действию» [1, с. 53]. Следовательно, способность понимается как внутренний спор противоположностей, которые входят в сопротивление друг с другом. Акт творения рассматривается нами как пространство действия данных сил. Например, поэт обладает способностью писать, но его гениальность заключается в равной способности не писать, сохраняя потенциал в чистом виде. «Живопись – это приостановка и демонстрация способности взгляда, как поэзия является приостановкой и демонстрацией способности языка» [1, с. 64].

Дж. Агамбен переосмысливает творчество через негативность, через незавершенность. Шедевр есть не законченный объект, а то, что могло бы и не возникнуть. То есть то поле невыразимого, невысказанного, что является настолько же важным, как и сотворенное. Например, в «Божественной комедии» Данте Алигьери пробелы так же важны, как и сами слова. Творец – не тот, кто реализует потенциал, а тот, кто держит его открытым, поэтому вдохновленный художник остается без произведения. Следовательно, подлинное творчество по Дж. Агамбену – это то, что не случилось, тот «остаток» творческого акта. Таким образом, акт творения по Дж. Агамбену есть сохранение отсутствия, то есть поддержание способности-не быть актуализированным. Данная концепция итальянского мыслителя демонстрирует акт сопротивления обществу, где культивируется образ «продуктивности», «успешности». И Дж. Агамбен подчеркивает важность не-бытия: творчество – место для того, что может не произойти: молчание внутри речи, пустота в картине, пауза в музыке.

Яркий пример реализации концепции «способности-не» является перформанс Марины Абрамович «Ритм 0», осуществленный в галерее Studio Morra, Неаполь. Данный перформанс – это 6-часовой эксперимент, где художница добровольно отказывается от активного участия со зрителями, то есть отказ от воли, при этом передавая контроль и ответственность зрителям. «Она [Абрамович] не оказывала никакого сопротивления и оставалась бездействующей, позволяя зрителям поступать с ней таким образом, как они сами хотели». [2] Данный эксперимент является ключевым примером концепции Дж. Агамбена «способности-не» в искусстве – жест, раскрывающий суть свободы через отказ от

активного действия. Свобода заключается не в действии, а в способности не действовать. Следовательно, данный перформанс есть пример критики Дж. Агамбеном инструментального творчества – искусство «во имя» славы, денег.

Иной пример проявления концепции «способности-не» – это «белые картины» Р. Раушенберга. Их можно рассматривать как «некие нейтральные поверхности, которые подобно зеркалам могли отражать окружающие явления. Их создал сегодняшний мир» [3]. «Белые картины» – серия монохромных полотен, покрытых белой краской, являющихся экраном для теней, меняющегося света. Данные картины меняются в зависимости от контекста: картины не являются статичным объектом, а воспринимаются в качестве процесса, зависящего от внешних сил. Как отмечал и сам автор работы: «Это не белые картины, а зеркала воздуха». Следовательно, Р. Раушенберг стирает себя из объекта творения: его картины не выражают, а принимают. «Белые картины» – картины в постоянном становлении, выражающие чистую потенциальность, в которых искусство существует как возможность, а не как данность.

По замечанию Дж. Агамбена, классические философские вопросы: «о чем говорить? как говорить?» сменились вопросом: «во имя чего?». Современность живет в режиме «во имя»: во имя прогресса, рынка, успеха, однако эти цели пусты. «Философия – это чрезвычайное положение, объявленное в любом знании и любой дисциплине». Чрезвычайное положение представляется в качестве истины, то есть содержания наших слов. Говоря во имя истины, мы говорим правду. Во имя чего тогда сегодня может говорить философ? К чему должен обращаться?

Таким образом, концепция «способности-не» Дж. Агамбена представляет собой радикальный пересмотр традиционных категорий потенциальности и актуальности, предлагая новый способ осмысления человеческого бытия в условиях современной биополитики. В отличие от аристотелевской модели, где потенция неизбежно стремится к актуализации, модель Дж. Агамбена сохраняет потенциал в его чистой незавершенности, открывая пространство для подлинной свободы.

Концепция «способности-не» открывает новые горизонты для понимания субъективности. Дж. Агамбен предлагает новый способ мышления о бытии, власти и свободе. Данная концепция является инструментом осмысления ключевых вызовов современности – от цифровизации до экологического кризиса. В этом смысле концепция «способности-не» представляет собой не только важный вклад в современную философскую мысль, но и действенный инструмент критики и преобразования социальной реальности.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Костёр и рассказ / Дж. Агамбен. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2015. – 192 с.
2. Клентух, Б. А. Интеграция перформанса в эстрадный номер: анализ практического опыта / Б. А. Клентух, Д. А. Гаврилов // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. – №. 4 (73). – С. 708–714.
3. Ярцева, О. А. Роберт Раушенберг: от “combine painting” к инсталляции / О. А. Ярцева // Искусство Евразии. – 2018. – №. 2 (9). – С. 212–220.

КТО ВООБРАЖАЕТ НАЦИЮ?

Курбачёва Ольга Владиславовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется концепция Б. Андерсона о нации как воображаемом сообществе и акцентируется внимание на вопросе авторства этого воображения. Поднимается вопрос о статусе воображающего: является ли народ субъектом истории или его движущей силой. Автор приходит к выводу, что при исследовании воображаемых сообществ Б. Андерсона важна не сама персонификация субъекта истории (личность, элита или народ), а возможность воображения того или иного национального конструкта, который, в свою очередь, обладает предзаданной образцовой формой.

Ключевые слова: нация; национализм; национальная идентичность; Б. Андерсон; воображаемые сообщества, социальный конструкт.

WHO IMAGINES A NATION?

Kurbacheva Olga V.

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The article analyzes B. Anderson's concept of a nation as an imagined community and focuses on the issue of the authorship of this imagination. The question of the status of the imaginer is raised: is the people the subject of history or its driving force. The author comes to the conclusion that when studying the imagined communities of B. Anderson, what is important is not the personification of the subject of history (individual, elite or people), but the possibility of imagining one or another national construct, which, in turn, has a predetermined exemplary form.

Keywords: nation; nationalism; national identity; B. Anderson; imagined communities, social construct.

Нация как категория является одним из самых расхожих понятий в политическом и социально-гуманитарном дискурсе. Однако при все кажущейся очевидности и популярности само понятие претерпевало колоссальные исторические трансформации и семантические вариации. Например, эволюция термина нация, как элемента социальной классификации, охватывает и коренное значение термина («быть урожденным»), и отсылку к гильдиям, корпорациям, феодальным сословиям, а также отношение к политическому, гражданскому порядку. В

силу своей концептуальной многогранности само понятие нация можно отнести к символической категории. Сегодня нации, безусловно, являются важнейшим символом и основой национальных государств: нацию как категорию используют при фиксации взаимоотношений между государством и его гражданами, а также между самими государствами. Начиная с эпохи печатного капитализма, именно посредством понятия нация закрепляется гражданская принадлежность субъектов к определенной государственной системе, что впоследствии отражается в рамках их национальной идентичности.

К пониманию сущности и природы наций всегда проявлялось особое исследовательское внимание. Однако, именно с конца 80-х и начала 90-х годов XX века, в период событий, повлиявших на завершение так называемого «короткого XX века», отмечается особенное акцентированное отношение к проблематике. Как подчеркивает американский антрополог К. Вердери, формируется целая индустрия интеллектуального производства в осмыслении сущности нации [1. с. 297]. Среди современных исследователей, анализирующих тему наций и национализма, особое место занимают такие авторы, как Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, М. Грох, М. Биллиг и, безусловно, Б. Андерсон. Именно Б. Андерсону принадлежит известная идея о воображаемой природе наций и введение в научный категориальный аппарат таких понятий, как «печатный капитализм» и «официальный государственный национализм». Несмотря на то, что большая часть работ британского социолога посвящена политическим проблемам Юго-Восточной Азии, мировая известность к нему пришла именно после публикации в 80-х годах XX столетия работы «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма» (на русский язык книга была переведена только в 2001 году). Эта работа, став буквально обязательным источником для исследователей теории национализма и наций, а также инициировала еще больший всплеск научного интереса к проблемам наций и национального самоопределения, породив множество вопросов и проблемных дискуссий.

Одним из таких вопросов, возникших после публикации идеи о воображаемой природе национальных сообществ, а также других работ конструктивистской парадигмы является вопрос об субъекте воображения. Кто является субъектом, тем автором, кто конструирует национальную реальность? Для разрешения данного вопроса, предлагается использовать декартовскую дедуктивную методологию, которая позволит нам разделить главную проблему на локальные вопросы и поочередно их разрешив,

собрать воедино картину воображаемого сообщества и определить её авторство.

В первую очередь, обозначим концептуальный остов концепции воображаемых сообществ. Нация представляет собой «воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2, с. 47]. Б. Андерсон в своей работе методично, опираясь на богатый эмпирический материал, продемонстрировал, что нации как таковые не являются финальным продуктом внешних исторических и социальных обстоятельств, а в их возникновении большую роль играет субъективный фактор, определяющий воображаемость наций, то есть их конструируемый характер. Важная особенность нации, на которую необходимо обратить наше предметное внимание и перейти к следующему этапу анализа проблемы, связана с тем, что по мнению Б. Андерсона, нации будучи представленными в воображении, способны «моделироваться, адаптироваться и трансформироваться» [2, с. 236]. То есть нации представляют собой незавершенный продукт и способны со временем менять свои характеристики. Но каким образом это происходит и главное – кто инициирует эти трансформации? В своей концепции Б. Андерсон апеллирует к народу, что нации являются продуктом воображения самого народа. И здесь возникает определенная семантическая лакуна, которую можно заполнить в зависимости от позиции интерпретатора. Народ как автор воображения представляет собой слишком обобщенный вариант ответа. Является ли народ субъектом истории или её движущей силой, действующий по наитию его бессознательных импульсов или является объектом внешних манипуляций? У Б. Андерсона мы можем найти следующее: «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их всеобщности» [2, с. 47]. На первый взгляд, мы можем здесь отметить отсылку к авторству конституирования и автономности народа: в умах народа живет образ их общности. Но ведь этот образ каким-то способом был сформирован в умах народа, а значит в данном случае народ находится не в статусе воображающего, а в качестве вместилища этого воображаемого конструкта. То есть получается, что народ Б. Андерсона обладает общественным сознанием, в которое кем-то инкорпорируется воображаемое суверенное и ограниченное политическое сообщество.

Возникает следующий закономерный вопрос – есть ли образец воображения, идеальный прототип конструирования? Б. Андерсон в своей работе обращается к опыту становления национализма в Западной Европе, России, Южной и Северной Америки, тем самым предложив варианты стандартов национализма, из которых можно выбирать наиболее подходящий для своего пути геополитическим субъектам. Но в таком случае остается ли место самому воображению, если мы находимся уже в заданном пространстве конструирования, сформированном ещё в рамках колониального дискурса? При таких заданных моделях национализма любые его постколониальные версии все равно будут ссылаться на образцовые формы национального общества: либо развивая и продолжая их, либо сопротивляясь и отрицая их, что по большому счёту сводит антиколониальные усилия построения своего варианта нации к борьбе против готовых образцовых форм, а значит косвенно все равно подтверждает свою зависимость и связь с ними.

Конечно, важно избегать однозначной оценочной позиции самого факта конструирования или воображения социальной реальности. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман в своей теории феноменологического конструктивизма, социальная реальность перманентно «конструируется и реконструируется» воспринимающими субъектами [3, с. 9]. То есть важно не столько механизмы исторического конструирования (они в большинстве своём повторяющиеся), сколько сами субъекты истории, которые интерпретируют события исходя из собственных социально-политических, идеологических, историко-культурных установок и тем самым конструируют реальность.

Итак, мы возвращаемся к вопросу об авторстве. При воображении нации, мы понимаем, что существенное воздействие на социальную общность, осознанные и целенаправленные шаги конструированию возможны только субъектом истории. По мнению Б. Андерсона субъектом воображения выступает не какой-либо пассионарий (Л. Гумилёв), исторический герой (Т. Карлейль) или национальная элита, а именно народ. Вместе с тем выше мы отметили, что народ скорее представлен как носитель образа воображаемого сообщества. Но что, если мы посмотрим на проблему субъекта истории с позиции не конкретной личности, а историко-культурного и духовно-мировоззренческого контекста? В таком случае будет неважен сам вопрос персонификации субъекта истории (личность, элита, народ), а значима сама возможность воображения того или иного национального конструкта. Б. Андерсон подчеркивает, что нация

сформировалась в период печатного капитализма и наделяет колоссальной ролью национальные языки и культуру. Так сам язык, традиции, культурные стандарты становятся тем базой, на которой возможно само воображение нации. А народ, как носитель общественного сознания укореняет в своих практиках и паттернах поведения эти маркеры национальности. С такой точки зрения, народ действительно является тем субъектом, в сознании которого возможно конструирование, а затем и принятие образа национального сообщества. Потому что именно народ или само воображаемое сообщество подтверждает свое существование как таковое, принимает его или нет. Вместе с тем эти рассуждения открывают нам новые векторы для предметных исследований о субъектах истории, их влиянии на конструирование национальной идентичности и национальной символике в контексте современных геополитических событий, характеризующиеся высоким уровнем социокультурной турбулентности.

Список литературы

1. Вердери, К. Куда идут «нации» и «национализм» / К. Вердери // Нации и национализм; пер.с англ. Л.Е. Переяславцевой, Москва: Праксис, 2002. – С.297–307.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской, Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2016. – 287 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Курилович Наталья Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Репрезентируется специфика социологического подхода к анализу цифровой трансформации общества. Актуализируется противоречивость цифровизации, имеющей не только несомненные преимущества, но и нежелательные для человека, общества и государства последствия. Раскрываются социальные аспекты процессов интеграции цифровых технологий в разнообразные сферы жизнедеятельности общества, в том числе появление новых форм социальности. Характеризуются основные подходы к изучению места культуры в цифровом обществе: историко-просветительский, историко-этнографический, социально-деятельностный, технократический и гуманитарный. С позиции выделения их общей основы рассматриваются реальные риски цифровизации в современном мире.

Ключевые слова: цифровизация; социологический подход; новые формы социальности; цифровое общество; культура цифрового общества; риски цифровизации.

DIGITALIZATION AS A SOCIAL PHENOMENON

Kurilovich Natalia V.

PhD in Sociology, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology,
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the specifics of the sociological approach to the analysis of digital transformation in society. The author actualizes the contradictory nature of digitalization, which has undoubted advantages and undesirable consequences for people, society and state. The article reveals social aspects of the processes of digital technologies integration into various spheres of society, including the emergence of new forms of sociality. The author of the article characterizes main approaches to the study of the culture's place in the digital society: historical-enlighten mental, historical-ethnographic, socio-activity, technocratic and humanitarian. The article considers the real risks of digitalization in modern world from the point of identifying their common basis.

Keywords: digitalization; sociological approach; new forms of sociality; digital society; culture of digital society; risks of digitalization.

Цифровизация выступает предметом активного исследовательского интереса со стороны представителей естественных, социальных и гуманитарных наук. Не будет большим преувеличением признание

внедрения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни одной из самых популярных тем в научном дискурсе не только западных, но и постсоветских стран. Выступая трендом мирового развития, цифровизация, кажется, затронула практически все области жизнедеятельности современного индивида, которому сложно уже даже представить свое существование без интернета, лежащего в основе цифровой трансформации самых разнообразных сфер человеческого бытия.

Признавая несомненную продуктивность междисциплинарного подхода к изучению такого сложного явления как цифровизация общества, сфокусируем свое внимание на специфике его социологического анализа. В социологии тема цифровой трансформации общества, как правило, ассоциируется с изучением ее социальной природы, выявлением, как позитивных, так и негативных ее последствий для индивидов, социальных групп, общностей и институтов. Главным образом цифровизация исследуется как «диалектически противоречивый процесс, который не только способствует росту эффективности экономики и облегчению повседневной жизни людей, но и продуцирует гуманитарные риски» [1, с. 61]. Можно встретить социологические работы, в которых обосновывается, что «цифровизация в постсоветских обществах в целом и в Беларуси и России в частности является формой модернизации, исторически связанной с модернизациями прошлого» [2, с. 31].

В работах социологической направленности часто подчеркивается, что небывалые темпы цифровизации, именуемой К. Швабом четвертой индустриальной революцией, вступают в противоречие с эволюционным развитием социума. Действительно, скорость внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различные сферы деятельности человека буквально поражает. Например, на протяжении жизни людей, родившихся в период с 1964 по 1984 год (так называемого поколения X), серьезные технологические изменения происходили неоднократно. Будучи представителем указанного поколения, автор статьи еще застала те времена, когда даже в квартирах стационарные телефоны (модели с дисками или кнопками) были доступны далеко не всем жителям столицы. А затем пришло время факсов, модемов и пейджеров, которые вскоре были заменены простейшими сотовыми телефонами, уступившими через совсем небольшой промежуток времени место смартфонам. Ускоренные темпы интеграции ИКТ в жизнь человека не только отражают беспрецедентную быстроту технологических изменений, но и выступают значимыми индикаторами трансформации окружающей людей реальности, в которой

появляются и активно развиваются новые формы социальности (например, дистанционное обучение, работа на удаленке, онлайн-сообщества, нейросети, интернет вещей и др.).

В научном дискурсе уже стало аксиомой признание того, что цифровые технологии существенно видоизменяют ландшафт современной культуры, являющейся культурой цифрового общества, ключевым субъектом которого становится «человек информационный (*homo informaticus*)». Отмечая, что цифровые технологии влияют на культуру посредством изменения механизмов социальных интеракций, белорусский социолог И.П. Салтанович дифференцирует пять традиционных подходов к изучению места культуры в цифровом обществе [3, с. 75–76]:

1. историко-просветительский подход, фокусирующийся на поиске параллелей между динамикой развития цифровой эпохи и эпохи Просвещения;

2. историко-этнографический подход, популяризирующий глокализацию в противовес глобализации;

3. социально-деятельностный подход, противопоставляющий генезис культуры как формы человеческой деятельности и культуры как формы деятельности искусственного интеллекта;

4. технократический подход, восхваляющий позитивные стороны цифровизации;

5. гуманитарный подход, акцентирующий риски (угрозы) цифровизации для человечества.

При условии учета вышеперечисленных подходов исследователям также необходимо обратить внимание на новейшие разработки в анализе культуры цифрового общества, среди которых И.П. Салтанович выделяет теории Г.Д. Болмера, М. Каневаччи, В. Миллера и Л. Флориди [подробнее см. 3, с. 77–78].

Цифровизация не только создает новые возможности для человека, улучшая его повседневную жизнь и делая удобными способы его профессиональной деятельности во многих сферах, но также порождает серьезные риски, под которыми принято понимать нежелательные последствия интеграции ИКТ в общество. Описанию такого рода угроз цифровизации посвящены многочисленные публикации как отечественных, так и зарубежных социологов, философов, историков, психологов, политологов, правоведов, экономистов и др.

Если попытаться привести все реальные угрозы цифровизации общества к единому знаменателю, то, по нашему мнению, таковым станет

обеспечение безопасности жизнедеятельности социальных субъектов. Действительно, выделяемые специалистами в качестве негативных последствий цифровизации и получившие в настоящее время широкое распространение такие угрозы, как киберпреступления (например, кибербуллинг, кибератаки, кибермошенничества и т.п.), цифровой разрыв (неравный доступ разных социально-экономических групп к цифровым технологиям), цифровые аддикции (например, так называемая дофаминовая зависимость от гаджетов, или «цифровая наркомания»), связаны с невозможностью общества гарантировать безопасность (экономическую, профессиональную, эмоционально-психологическую и т.д.) индивидов и организаций при использовании ИКТ в своей деятельности.

Как известно, цифровая трансформация всех сфер общественной жизни выступает одним из приоритетов Республики Беларусь. В стране сейчас многое делается для успешной цифровизации: регулярно актуализируется ее нормативно-правовая база, выделяются ресурсы на внедрение цифровых технологий, ведется подготовка кадров, необходимых для обеспечения успешной интеграции ИКТ в целях улучшения качества жизни населения. Вместе с тем в контексте социологического подхода важно видеть во всех проявлениях перехода на «цифру» не только научно-техническое или материально-техническое измерение, а прежде всего, социально-культурное измерение, за которым стоят серьезные трансформации социальных взаимодействий в различных сферах. В содержание самого понятия цифрового общества социологи вкладывают именно результаты внедрения ИКТ в быту, торговле, медицине, образовании, транспорте, сельском хозяйстве, государственном управлении, масс-медиа и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что цифровизация относится к числу сложных социальных феноменов, изучаемых разными науками, акцентирующими внимание на том или ином из его аспектов. Представители социологической науки, фокусируясь на социальной природе цифровизации, единодушно предостерегают от опасности ее понимания как универсального средства решения буквально всех проблем современного общества, которое отличается максимальной степенью непредсказуемости и противоречивости. В этой связи ярким адептам цифровизации следовало бы обратить самое пристальное внимание на неоднозначность влияния ИКТ на общественные отношения.

Список литературы

1. Титаренко, Л. Г. Цифровая трансформация и гуманитарные риски / Л. Г. Титаренко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – №3. – С. 60–66.
2. Смирнов, В. Э. Цифровизация как форма модернизации / В. Э. Смирнов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – №1 – С. 23–32.
3. Салтанович, И. П. Изучение культуры цифрового общества: традиции и новые подходы / И. П. Салтанович // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024. – №2. – С. 74–80.

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кучук Алина Александровна

магистрантка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Лещинская Ирина Ивановна**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации базовых характеристик феномена войны в условиях современной технологической революции. В качестве концептуально- методологических оснований анализа использованы философские идеи П. Вирильо и М. Фуко. Анализ основных концептов философии П. Вирильо («дромология», «исчезновение пространства» и «логика аварии»), позволил раскрыть влияние скорости социальных жизни и современных технологий на процесс трансформации природу войны, на формирование ее децентрализованного и деперсонализированного характера. Особое внимание уделено современным военным технологиям, которые создают новые риски и угрозы для глобальной безопасности. Посредством анализа идей М. Фуко выявлена роль технологий как инструмента власти и контроля. Обосновано, что современные военные технологии делают условными границы между войной и миром, насилием и порядком.

Ключевые слова: П. Вирильо; М. Фуко; война; биовласть; технологии; «дромология»; «исчезновение пространства»; «логика аварии».

THE PHENOMENON OF WAR IN THE CONDITIONS OF MODERN TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Kuchuk Alina Aleksandrovna

Master's student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific Director – Leshchinskaya Irina Ivanovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Culture, Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of the basic characteristics of the phenomenon of war in the context of the modern technological revolution. The philosophical ideas of P. Virilio and M. Foucault are used as a conceptual and methodological basis for the analysis. The analysis of the main concepts of P. Virilio's philosophy («dromology», «intoxication space» and «logic of events») allows us to reveal the

influence of social life and modern technologies on the process of transformation of war in nature, on the channels of its delocalized and depersonalized nature. Particular attention is paid to modern military technologies that reflect new risks and threats to global security. Through the analysis of M. Foucault's ideas, the role of technology as an instrument of power and control was determined. It is substantiated that modern military technologies make the boundaries between war and peace, recipients and order conditional.

Keywords: P. Virilio; M. Foucault; war; biopower; technology; «dromology»; «disappearance of space»; «logic of accident».

Современные военные технологии кардинально трансформируют онтологию войны, реконструируя ее пространственно-временные параметры. В условиях глобальной нестабильности, обострения геополитических конфликтов и технологической гонки вооружений, война ведется в виртуальном пространстве, стирая границы между фронтом и тылом. Кроме того, быстрое развитие гиперзвукового оружия и внедрение искусственного интеллекта ведет к тому, что война трансформируется в «технологизированный» и «невидимый» аппарат стратегического превосходства. Указанные процессы актуализируют необходимость философской рефлексии в рамках трансдисциплинарной парадигмы.

Французский философ П. Вирильо, который стал известен благодаря своим работам, посвященным актуальным вопросам жизни современного общества таким, как взаимосвязь скорости и власти, развитие современных городов и технологий, природа войны, информационные войны. Его концепты «дромология», «исчезновение пространства», «логика аварии» позволяют критически осмыслить процессы изменения онтологии войны, которые нашли свое проявление в устранении значимости географических границ и сокращении временных интервалов до минимальных величин.

П. Вирильо рассматривает войну как феномен, эволюция которого обусловлена развитием технологий и ускорением темпов современной жизни общества. Он писал: «... война – это не только столкновение сил, но и столкновение скоростей» [1, р. 144]. В работе «Скорость и политика» (1899) философ разработал концепцию «дромологии» – науки о скорости, которая становится ключевым фактором в организации пространственно-временных отношений в военном контексте. Согласно убеждениям П. Вирильо, «война больше не происходит в пространстве, она происходит во времени» [1, р. 144]. В силу этого наблюдается трансформация феномена войны: от конфликтов, ограниченных географическими рамками, к войне, где скорость коммуникаций и ударов определяет ее характер и исход. В

результате возникает феномен «исчезновения пространства», при котором физические границы утрачивают значение, а война становится мгновенной и повсеместной. П. Вирильо был убежден, что «... скорость – это не просто инструмент, это оружие, которое изменяет саму природу войны» [1, р. 128].

По мнению французского философа, такие современные средства ведения войны, как гиперзвуковое оружие и дроны, способные преодолевать значительное расстояние за минуты, демонстрируют как скорость трансформируется в оружие, нивелируя традиционные представления о пространстве и времени. «Технологии создают новую топологию войны, где расстояние больше не является препятствием», а использование современных военных технологий предопределяет стратегические параметры войны [2, р. 132].

В контексте развития технологического прогресса, необходимо затронуть одну из ключевых идей П. Вирильо – «логика аварии». Согласно убеждениям философа, «... каждая новая технология несет в себе потенциал катастрофы, будь то экологической, социальной или этической» [3, р. 104]. Технологические инновации способны не только решать существующие общественные проблемы, но и порождать новые формы риска. Развитие дронов, автономных систем и искусственного интеллекта способно привести к непредсказуемым и катастрофическим последствиям. П. Вирильо по данному поводу писал, что «... прогресс технологий – это не только решение проблем, но и создание новых форм уязвимостей» [3, р. 134].

Таким образом, применение современных технологий ведения войны снижает порог применения насилия, делая его все более изощренным, с одной стороны, и менее затратным, с другой. Все это увеличивает риски эскалации и дестабилизации конфликта. П. Вирильо предупреждал европейскую общественность, что «... будущее войны – это будущее технологий, и мы должны быть готовы к его последствиям» [3, р. 144]. Под влиянием развития данных технологий также происходит трансформация восприятия реальности. Технологические медиа и средства массовой информации конструируют новую гибридную реальность, где физическое и виртуальное переплетаются. Так, атаки на критическую инфраструктуру или информационные операции, создают симулякры, которые замещают реальные события их виртуальными аналогами. Такие технологии порождают иллюзию контроля над пространством и временем, одновременно усиливая отчуждение от реальных последствий войны. Например, оператор дрона, находящийся за тысячи километров от места

боевых действий, воспринимает войну как абстрактный процесс, что снижает эмоциональную и этическую вовлеченность. Данный феномен П. Вирильо описывает как «конец географии», где физическое пространство утрачивает свое значение, а война становится делокализованной и деперсонализированной. В таких условиях эпистемологическая граница между реальным и виртуальным становится размытой, а «... технологии не только изменяют наше восприятие, но и разрушают саму возможность различения между истиной и иллюзией» [4, р. 128].

В сложившихся условиях война перестает быть непосредственным вооруженным столкновением армий, она превращается в сложный механизм осуществления власти и контроля. Технологии становятся инструментом управления обществом, а не только средством ведения войны. Дроны, применяемые для мониторинга гражданского населения или точечной ликвидации, становятся инструментом биовласти, где технологическое превосходство используется для поддержания дисциплины и подавления сопротивления. Как подчеркивает французский философ М. Фуко в работе «Безопасность, территория, население», технологический детерминизм переплетается с механизмами власти, создавая новые формы социального контроля [5].

По убеждениям М. Фуко, технологии создают новые формы контроля и регуляции, которые выходят за рамки традиционных военных действий. В современном обществе война становится информационным и психологическим воздействием, где контроль над сознанием и поведением становится ключевым элементом военной стратегии [5]. Это особенно заметно в контексте кибервойн, где информационные операции и манипуляции данными используются для дестабилизации противника и контроля над населением. Согласно убеждениям М. Фуко, дисциплинарные технологии трансформируются в технологии управления, где информация становится оружием, а дискурс полем битвы.

В силу этого война, по мнению М. Фуко, внедряясь в основание всех властных институтов, трансформировалась в постоянное социальное измерение [5]. Война перестала быть исключительно экстремальной мерой политической борьбы или военным действием, она превратилась в основной элемент социальной структуры, пронизывающий все уровни власти. Война и политика стали неразделимыми. Теперь война ведется не только на полях битв, но и в коридорах власти, в законодательных собраниях и даже в повседневных социальных взаимодействиях.

В этом контексте киберпространство становится новой ареной для осуществления власти. Виртуальные атаки и информационные войны позволяют достигать стратегических целей без прямого физического вмешательства. Технологии создают паноптический эффект, где постоянное наблюдение и угроза вмешательства формируют саморегулирующееся поведение индивидов. Алгоритмическое управление и большие данные становятся инструментами тотального контроля.

Таким образом, в условиях технологической революции война становится менее видимой, но более первазивной, вездесущей, проникающей во все сферы общественной жизни. Это приводит к утверждению представления о «нормальности» и допустимости насилия. В силу военные действия воспринимаются как рутинный процесс, а жертвы превращаются в абстрактные цифры и бездушной статистике. Согласно убеждениям Военные технологии усиливают социальное неравенство, так как доступ к передовым технологиям становится привилегией мощных государств и корпораций. Это создает новые формы глобальной асимметрии, где технологическое превосходство становится инструментом геополитического доминирования.

Технологическая революция кардинально трансформирует природу войны, переопределяя ее пространственно-временные, социальные и этические параметры. Скорость и технологии становятся ключевыми факторами, которые стирают традиционные границы между войной и миром, физическим и виртуальным, реальным и искусственным. Современные военные технологии, такие как дроны, гиперзвуковое оружие и кибервойны, иллюстрируют, как война становится автономной, децентрализованной, деперсонализированной, что создает новые риски и угрозы для глобальной безопасности.

Список литературы

1. Virilio, P. *Speed and Politics: An Essay on Dromology* / P. Virilio. – New York : Semiotext(e), 1977. – 174 p.
2. Virilio, P. *War and Cinema: The Logistics of Perception* / P. Virilio. – London ; New York : Verso, 1989. – 95 p.
3. Virilio, P. *The Art of the Motor* / P. Virilio. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1995. – 144 p.
4. Virilio, P. *The Aesthetics of Disappearance* / P. Virilio. – Los Angeles : Semiotext(e), 1991. – 168p.

5. М. Фуко, М. Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Колледже Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. – СПб. : Наука, 2011. – 544 с.

ДИСКУССИИ О ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ: КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX ВВ.

Легчилин Анатолий Александрович,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье анализируются социально-философские представления о философии государственности в интеллектуальной культуре Беларуси конца XIX – начало XX вв. Представлено два полюса философской рефлексии по данной проблеме. Одни видели в лице государства и власти в отношениях с подданными как высшую рациональность, тем самым выступали за сохранение веками складывающихся ценностей национальной культуры (язык, территория, религия). Другие - убеждали, что этнос как специфический национальный феномен имеет свою особую историческую судьбу и ратовали за самостоятельность и самоопределение нации.

Ключевые слова: Беларусь; 19 век; нация; философия государственности.

DISCUSSIONS ON THE PHILOSOPHY OF STATEHOOD IN THE INTELLECTUAL CULTURE OF BELARUS: LATE 19TH EARLY 20TH CENTURY

Liahchylin Anatoly Aleksandrovich

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Professor of the Department of Philosophy of
Culture,
Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the socio-philosophical ideas about the philosophy of statehood in the intellectual culture of Belarus in the late 19th - early 20th centuries. Two poles of philosophical reflection on this problem are presented. Some saw the state and power in relations with subjects as the highest rationality, thereby advocating for the preservation of the centuries-old values of national culture (language, territory, religion). Others - convinced that the ethnos as a specific national phenomenon has its own special historical destiny and advocated for the independence and self-determination of the nation.

Keywords: Belarus; 19th century; nation; philosophy of statehood.

Идея государственной независимости Беларуси в конце XIX – начале XX вв. возникла как реакция на национальные движения, широко развернувшиеся в Европе еще с середины XIX в. Белорусское национальное движение вписывается в аналогичные процессы, происходившие среди

народов Центральной и Восточной Европы. Как и западноевропейские движения, белорусская национальная идея опиралась на конкретные модели философии государства.

В общем плане они были представлены мыслителями, выражающими противоположные точки зрения по проблемам нации, национального языка, национальной культуры, национального государства, власти. В более широком философском плане это было следствием, когда в Европе активно обсуждалась тема феномена государства, его роли в национальной культуре того или иного народа. В первой половине XIX в. идеи философии государственности нашли свое отражение в французском Просвещении, где государство олицетворялось в образе «Левиафана», в романтизме, где приоритет отдавался национальному духу народа, философии права немецких идеалистов, прежде всего Г. Гегеля. Во второй половине XIX в. появляются более радикальные оценки роли государства и места его в обществе и, прежде всего, малых европейских наций, претендовавших на самостоятельность и самоопределение.

Национальное государство, согласно данной стратегии, создается духом народа (Volksgeist), оно оформляет народную жизнь с ее нравами и обычаями. Государство есть духовно-нравственный организм: истинное государство стоит не над индивидами, но пребывает в них самих, а потому оно есть «осуществление свободы». Однако один народ неизбежно сталкивается с другими: у каждого свое право и своя правота, свои Боги. Этническая и национальная традиция здесь играет главную роль. В этом контексте отдельные интеллектуалы убеждали, что этнос как специфический национальный феномен имеет свою особую историческую судьбу. Эти идеи были свойственны некоторым отечественным интеллектуалам и молодым людям, обучавшимся за границей, отличавших белорусов от русских (великороссов) и поляков.

Другой полюс философской рефлексии по данной проблеме представляли тогдашние течения консервативной мысли. В Европе они выражали утверждавшуюся высшую рациональность в лице государства и власти в отношениях с подданными, тем самым выступали за сохранение веками складывающихся ценностей данной национальной культуры (язык, территория, религия).

В культурном регионе Северо-Западного края Российской империи, как наиболее восприимчивым к западноевропейским течениям философской мысли, эти полярные точки зрения проявились достаточно ярко и недвусмысленно. Условно их можно разделить на представителей так

называемого «западнорусизма», т. е. сторонников общерусского единства и «этнонационализма» («нациоцентризма») [1]. По существу, это были социально-политические дискуссии по проблемам концепта идентичности Беларуси, игравшей важную роль в западных губерниях Российской империи.

Приведем буквально два противоположных мнения по поводу сути государства, с одной стороны таких мыслителей, как М.О. Коялович, Е.Ф. Карский, Д.В. Скрынченко, а с другой - сторонников общества «Гомон» и М. Богдановича, которые базировались на соответствующих моделях философии государства.

М.О. Коялович (1828 – 1891) – представитель церковной, политической и общей истории Западнорусского края, выводил свои рассуждения с опорой на славянофильство, которое в свою очередь базировало на постгегельянских идеях, отмеченных выше. Он отстаивал тезис о единстве восточнорусского и западнорусского народов, под последними подразумевались белорусы, малороссы и литовцы. Основные результаты его работы по систематизации исторических знаний о Западной России были изложены в следующих трудах: «Литовская церковная уния» (т. 1-2, 1859–1861), «О заселении племен западного края России» (1863), «Об этнографическом атласе западных губерний» (1863), «Об этнографической границе между Западной Россией и Польшей» (1864), «Лекции по истории Западной России» (1864), «История воссоединения западнорусских униатов старины» (1873).

Им подготовлен и издан ряд важнейших исторических источников по истории западнорусского края: «Документы, изъясняющие историю западнорусского края и его отношения к России и Польше» (1865) на трех языках (польском, русском, французском), «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся преимущественно к заключению Польского мира» (1867), «Дневник Люблинского сейма 1569 года» (1869) и др.

Широкую известность получил его труд «История русского самосознания» (1884), в котором был предложен систематический взгляд на генеалогию русской исторической науки. При этом исследователь не чурается критики научного «объективизма» и открыто говорит, что ближе всего ему тот «русский субъективизм», который он находит в трудах «так называемых славянофилов»: «он лучше других и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможного правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации». Под влиянием М.О. Кояловича

сложилась интеллектуальная традиция, получившая название «западный русизм». Среди его известных учеников следует выделить белорусских соотечественников – П. М. Жуковича, К. В. Харламповича, Ю. Ф. Крачковского и др.

Приведем несколько рассуждений М.О. Кояловича по этому поводу из его работы «Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности»: «В русской истории тех времен есть много типических явлений, показывающих в русском человеке глубокое уважение к государственной власти и признание важности ее». <...> «Замечательно, что на всем этом длинном пути государственного строения русский исторический человек показывал чисто европейское, в лучшем смысле этого слова, свойство, – настойчиво, самоотверженно строил свою государственность, не поддаваясь искушениям разрушить ее» » <...> «... развивая свою земскую жизнь в селах и городах, русский народ в весьма раннее время сознал необходимость государственного строения, государственной объединяющей власти... Путем долговременных усилий и вырабатывались формы этих отношений, и близко уже было время, когда готово было составиться общерусское вече с вечевым властным князем во главе» [2, с.74,78].

Сходные идеи развивал другой представитель «западнорусизма» – Е.Ф. Карский, (1860-1931) следуя также идеям славянофилов. Е.Ф. Карский – первый белорусский академик, основатель белорусского научного языкознания и литературоведения, филолог-славист, этнограф, фольклорист, палеограф, педагог. Его трехтомный труд в семи книгах «Белорусы» (1903–1922) – высшее достижение европейской славистики конца XIX – начала XX в., своеобразная энциклопедия жизни белорусского народа. Он содержит исчерпывающую научную информацию о начальном этапе становления белорусского народа и его языка, быта, поэтического творчества белорусского народа.

Вот лишь один фрагмент его вывода из данной работы: «В настоящее время не приходится много распространяться о том общеизвестном факте, что язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа...Словом, природа оказывает большое влияние на ход народной жизни, на ее историю, а вместе с тем и на развитие языка, а также изменения в нем. Отсюда становится само собой понятно, что изучению языка необходимо предпослать общий очерк физического устройства страны, занятой народом, и ее границ, с одной стороны, а с другой – рассмотрение разных наслоений в языке и изменений

в нем необходимо сопровождать указанием тех событий в исторической жизни народа, которые давали новое направление течению последней или по крайней мере усиливали или задерживали ее естественный ход. Подобных приемов исследования будем держаться и при изучении белорусского наречия. Основой для определения границ Белорусской области служит у нас исключительно язык; вследствие этого, например, те литовцы Виленской губернии, которые в настоящее время говорят только по-белорусски, у нас отнесены к белорусам, а те обитатели калужского и орловского Полесья, которые говорят по-южновеликорусски, отнесены к южновеликорусским, хотя предки их, несомненно, были белорусы» [3, с.34-35].

Еще больше вопросам «западнорусизма» уделял Д.В. Скрынченко (1874–1947). После окончания Казанской духовной академии, где занимался под руководством русского философа и богослова, профессора В.И. Несмелова, преподавал в различных семинариях. С 1903 по 1912 гг. работал педагогом истории и латинского языка в Минской духовной семинарии, будучи одновременно редактором издания «Минские епархиальные ведомости» и газеты «Минское слово». В минский период своей деятельности Д.В. Скрынченко активно содействовал пробуждению русского национального самосознания, противодействуя процессу полонизации Северо-Западного края: укрепление позиций Православия, борьбе за русскую идею, создание политических объединений на позициях западного русизма, изучение исторического прошлого Минской губернии. Придерживаясь «консервативно-охранительной идеологии», направленной на сохранение традиционных ценностей для поддержания стабильности в обществе и государстве, исходя из складывающейся реальной социально-политической ситуации на Беларуси, с опорой на славянофильство, достаточно радикально отстаивал суть «западнорусизма».

В подтверждение приведем несколько оценочных суждений Д. В. Скрынченко относительно феномена государственности в границах Северо-Западного края Российской империи. «В душе своей и душе западнорусского народа вы должны вырабатывать сознание необходимости объединения славянских народностей под знаменем России, объединения не в смысле политического подчинения, например, сербов, болгар России, чего, скажу в скобках, эти последние так боятся, а объединения духовного, такого, при котором каждая славянская ветвь жила бы сознанием своего единства и нераздельного родства с могучим славянским организмом — Россией; в этом смысле пусть «славянские ручьи сольются в русском море»

[4, с. 420]. «Русскому народу, как воздух, нужна национальная школа, в лучшем благородном смысле этого слова. Только такая школа в состоянии создать новую молодую Россию, крепко сплоченную, всеми уважаемую, могучую. Кстати, и условия для этого подходящие: старый, прогнивший бюрократический строй рушится. Пора нам опомниться от космополитизма и приняться за создание Национальной школы» [5, с.197]. «Не касаясь других областей, буду говорить о Северо-Западном крае. Тайными и явными, тонкими и грубыми мерами поляки шли к однажды намеченной цели – ополячиванию русского народа, многострадальная история которого вопиет к небу! Изучая прошлые судьбы русского народа этого края, знакомясь с тем, как поляки истребили здесь православие и русскую народную душу, хочется в негодовании крикнуть полякам, кричащим о насильственном якобы «обрусении»: Лжецы! вы оторвали от нас тысячи православных людей, вы *заставили* их говорить на пшикающем вашем языке, вы навязали им мысль, что только Польша – их «ойчизна», и, самое главное, вы вырвали у русского народа этого края его мозг – дворянский класс. Что ж, радуйтесь! радуйтесь своему бесчеловечному *убиванию* здешнего народа! «Исторический спор между здешним русским народом и поляками, или правильнее, ополячившимися русскими дворянами еще не окончен, а, по-моему, он еще только разгорается. Весьма возможно, что будущее этого края чревато важными событиями... Русское национальное самосознание в этом крае началось, и не потушить его... [6, с. 2]. «Со своей же стороны скажу, что возвращение здешнего народа к его исстари русскому самосознанию не есть политика «обрусения». Не применяйте этого жупела к нашему краю: этот термин оскорбителен для местного русского населения – белорусов. Здесь по древности-то – более коренная Русь, чем, напр., в Пензе; она здесь лишь покрыта польским лаком. И весь вопрос «обрусения» здесь сводится к тому, чтобы сбросить этот польский лак» [7, с. 796]. «Умерло ли, спрашивается, дело, ради которого всю жизнь работал князь Острожский? Нет. Если мы заглянем в историю только минского дворянства, то и здесь увидим отклики работы знаменитого князя. В конце XVI и в начале XVII вв. минские дворяне грудью встали против унии и ополячения и жертвовали огромные имения и земли на церкви и монастыри...Мы не можем забывать своих знаменитых деятелей, свою красу, свою гордость» [8, с. 41].

В то же время либерально настроенные отечественные интеллектуалы по поводу национальной государственности предлагали несколько иные варианты белорусской государственной действительности.

Они строили свою логику философии государственности на принципах западноевропейской модели самоопределения национального государства – независимого, самостоятельного, федеративного, этнонационального по сути. Наиболее заметными были рассуждения радикальной группы белорусских студентов Петербургского университета, изложивших свои взгляды в гектографическом издании «Гомон», выпущенного в 1884 г.

В первом номере журнала «Гомон» обосновывалась идея создания федерации свободных славянских народов после свержения самодержавия, в которой будущее белорусское государство должно стать равноправным её субъектом: единство территории, единство экономической жизни, языка, культуры, национального самосознания и общей исторической памяти. Во втором номере журнала «Гомон» была опубликована статья, суть которой проясняла их философское кредо по поводу философии государственности Беларуси. Она была без названия, но исходя из эпиграфа к этой работе, было заявлено, что авторы следовали идеям работы Миртова «Исторические письма». Как известно это псевдоним П.Л. Лаврова (1823-1900), одного из идеологов народничества. В «Исторических письмах» П.Л. Лаврова содержался призыв к «критически мыслящим» и «энергически стремящимся к правде личностям», прежде всего молодым, проснуться, понять задачи исторического момента, потребности народа, помочь ему осознать свою силу и вместе с ним приступить к творению истории, к борьбе против старого мира, погрязшего во лжи и несправедливости. Это произведение Лаврова стало одним из идейных побудителей для практической деятельности революционных интеллигентов. В указанной статье в журнале «Гомон» излагаются основные идеи П. Л. Лаврова, а соответственно и доктрина гомоновцев.

Вот эти философские размышления о сути белорусской государственности. «Национальный вопрос как вопрос вполне «теоретизированный» и получивший специфическую самостоятельность среди других общественных вопросов, играющих в последнее время весьма видную роль в общечеловеческой мысли, появился сравнительно недавно» ... «Французская нация вместе с своим национальным конвентом первая дала толчок для возникновения этого вопроса, который скоро в устах философа, величайшего патриота Германии Фихте, получил и теоретическую формулу. Несмотря, однако, на свое недавнее возникновение, национальный вопрос подвергался значительным изменениям как в теоретическом понимании, так и в практическом применении. Тем не менее он до сих пор настолько заключает той

односторонности, с которой появился в свет, что нам беларусам, необходимо бы раз навсегда высказаться относительно этого вопроса, во избежание всяких недоразумений и обвинений нас в узком сепаратизме»... «Односторонность и узость в понимании национального вопроса состояла и состоит в том, что в понятие о национальности всегда вносилась тенденция насильственного вмешательства, преобладания одних наций над другими и замкнутость наций в своих непосредственных часто регрессивных интересах. Такое понимание чисто буржуазное, оно логически вытекает из принципа «laissez faire», царствующего в буржуазной развитой Европе. Как государству, так и личности внушалась та зоологически-примитивная борьба для себя, борьба всех против всех, борьба, оправданная буржуазной наукой и буржуазной жизнью. Отсюда национальный антагонизм в практике, антагонизм, которым так удачно пользовались и продолжают пользоваться для своих личных целей разные коронованные и некоронованные проходимцы — Наполеоны, Францы-Иосифы, Виктор-Эммануилы, Вильгельмы с их достойными сподвижниками Бисмарками, Дизраэли и др.»... «Итак, национальный вопрос, выдвинутый великой революцией и теоретически обоснованной Фихте, был пущен в обращение с тою односторонностью, какую придал ему в своем понимании красноречивый философ. Все эти славянофилы, англофилы, французофилы, консерваторы и либералы ничего нового не прибавили к пониманию национального вопроса и к более широкой его постановке, соответствующей потребностям времени. Все восхищаются национальным насилием, когда угнетать приходится своей нации, а объектом угнетения явится нация чужая; угнетение тогда извиняется национальным превосходством и поддержкой своих национальных интересов. Такое насилие извиняется как необходимая мера для внедрения своей «высшей» культуры, которою народ «высокоцивилизованный» желает «облагодетельствовать низшую расу» ... «Но обратимся к нашей родине. Эта страна имеет все оригинальные особенности, которые сообщают ей своеобразную физиономию и самым естественным образом выдвигают ее как особую отрасль славянского племени. Ее климатические и этнографические условия — эти непроходимые болота и тут же эти сыпучие пески, это слияние озер и притоков Днепра, Немана и Двины — резко отличают страну от ее соседей — Великороссии, Польши и Малороссии. Народ, живущий здесь, благодаря непроходимости болот, песков и редящих ныне лесов, сохранил до сих пор чистый тип славянского племени кривичей и дреговичей, где еще не редкость увидеть

патриархальную родовую общину вроде «Атошкиной» (см. «Отечественные записки», 1882). Недоступность Белоруссии укрывала не раз и великороссов от народных бедствий и гонений правительства, где изгнанные достигали сравнительного спокойствия и достатка (знаменитая Ветка и др.). Разделяя в продолжении многих веков одну и ту же горькую участь от своих благодетелей — Польши и Великороссии, — народ Белоруссии чувствует свою органическую связь и отличает свои интересы от интересов польских и великороссийских. Он до сих пор, несмотря на долгое влияние великороссов, называет их «москалями» и находит большую разницу между собою и ими. Сухость натуры и практическая смелость великороссов делают их подозрительными в глазах добродушно-недоверчивого белоруса, готовыми всегда его обойти. Такая же, если не большая, подозрительность проявляется и по отношению к полякам. В большинстве случаев белорус со словом «поляк» отождествляет барина и крепостное право, которое так тяжело давило бедных «хлопов». Дело в том, что почти все помещики Белоруссии по культурным привычкам и религии — поляки, а известно, насколько велика ненависть народа к барам вообще. Таким образом, национальная рознь усиливается антагонизмом экономическим, с которым связаны воспоминания о «пригоне» — крепостном праве. Что касается до религиозной розни, то она здесь настолько слаба, что о ней нечего говорить. Религиозная терпимость развита здесь до индифферентизма. Известно, что белорусские крестьяне одинаково охотно посещают как церковь, так и костел, без всякого почти предпочтения»... «Искусственность форм общественных отношений между людьми вовсе не говорит о неуместности их практического осуществления, потому что эти формы до сих пор были создаваемы искусством человека и все они результат «практического творчества людей», как выразился бы Лавров, хотя и вытекают из естественных потребностей людей устроиться лучше, счастливее и проч. Разве самый социализм не дело человеческого творчества? Если же г. Тихомиров слово «искусственность» употребил в смысле отсутствия реальной точки опоры среди белорусского народа, то ему следовало бы это доказать, тем более что Бакунин, Драгоманов и многие другие, говоря о распадении Российской империи на естественные федерации, рядом с Польшей и Малороссией ставят Белоруссию; даже правительство, преследуя идеал казарменного единообразия, считается с ней, как с областью своеобразной, и существует целый ряд экономических и административных мер, касающихся

специально Белоруссии. Конечно, в народе пока еще нет сознательного стремления к федеративной независимости в том ее виде, как это понимает интеллигенция, но необходимость этой независимости вытекает сама собой из сознания народом своей розни от соседей, эта самостоятельность вытекает из экономических и климатических условий Белоруссии, много отличных от условий других областей России, из оригинальности характера самого народа. Народ российский тоже не сознает важности политической свободы, равно как не понимает требований научного социализма, тем не менее народовольцы добиваются того и другого под знаменем «Народной воли» именно потому, что смотрят шире на потребности народа и понимают лучше средства их удовлетворения. Указания на «искусственность» и «неуместность» давно служат оружием в руках рутины и реакции против всякой разумной общественной реформы, и негодность его доказывается уже тем, что на него давно никто не обращает внимания»...«Все эти особенности Белоруссии дают право на автономную федеративную самостоятельность в семье других народностей России в будущем, самостоятельность, на которую претендует весьма основательно, например, Малороссия»...«Итак, мы, Белорусы, так как мы должны бороться во имя местных интересов белорусского народа и федеративной автономии страны; мы, революционеры, потому что, разделяя программу борьбы «Народной воли», считаем необходимым принять участие в этой борьбе, мы, социалисты, потому что нашей главной целью является экономическое улучшение страны на началах научного социализма. Вот основные положения программы, которые ясно могли бы определить отдаленные цели и ближайшую практическую деятельность Белорусов» [9, с. 45-64].

Примерно того же мнения был и М.Богданович по поводу белорусской идентичности в европейском контексте культур конца XIX – нач. XX ст. В своем социокультурном манифесте «Белорусское Возрождение» он выразил дух нарождавшейся либеральной модели государственности в начале XX ст., активно заявлявшейся в европейском дискурсе. Выделим их специфику для белорусского контекста, о которых пишет М. Богданович. «Приступая к характеристике и описанию белорусского национального движения, определим прежде всего соотношение между ним и общеевропейским прогрессом. Основные линии этого последнего обозначились твердо и ясно: именно они ведут в сторону все более и более увеличивающегося дробления культур вообще и литератур в частности. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого обзора цепи наиболее значительных и выпуклых фактов из истории европейских культур» ... «Видное место в этом грандиозном

сдвиге занимает процесс размежевания родственных культур. Одни разнородные культурные массивы прямо расползаются по шву, примером чего является обособление трех скандинавских культур, издавна слипшихся, но не слившихся в одно целое. От других отслаиваются более слабые, близкие к ним по происхождению, но все же не тождественные с ними национально-культурные единицы. От чешской культуры откалывается словацкая, сербской — словинская, польской — кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская. Таким образом, перед нами в лице этой последней находится не монстр, не раритет, не уникум, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле общеевропейского прогресса» ... «Бегло выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащие, мы убеждаемся, что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры великорусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга. Разнясь между собою и по бытовым первоосновам, и по влияниям, направленным извне, и по событиям дальнейшей исторической жизни, они, естественно, пришли к далеко не тождественным конечным результатам» [10, с. 257-259].

И в итоге делает вывод, который был сделан в период войны 1914г.: «В сознании местного общества белорусский народ не *tabula rasa*, а самостоятельная национальная величина, белорусское же движение — живая культурно-общественная сила. Вот один из результатов белорусской национальной работы, который вскрыт войной и который мы желали бы подчеркнуть» [Там же, с. 285].

Таким образом, теоретизирование национальной проблематики государственности среди отечественных интеллектуалов обострилось на рубеже XX ст., но еще ярче проявилось в первой трети XX ст., когда реально была создана уже Советская Беларусь как самостоятельное государство.

Список литературы

1. Марзалюк, І.А. Вытокі беларускага заходнерусізму і літвінізму // Беларуская думка. 2012, №8. С.53-59.
2. Коялович, М. О. Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности / М. О. Коялович // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. №5. С. 73–78.
3. Карский, Е.Ф. Белорусы. Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности. Минск: «Беларуская энцыклапедыя», 2006. С. 33-39.

4. Скрынченко, Д.В. Общемировое призвание России и в связи с ним задачи западнорусских семинарий // Минские епархиальные ведомости. 1904. № 20. С. 417-425.
5. Скрынченко, Д.В. По поводу текущих событий. О национализме // Минские епархиальные ведомости. 1906. № 8. С. 193-197.
6. Скрынченко, Д.В. Обрусение или полонизация // Минское слово. 1907, 15 авг..С. 2.
7. Скрынченко, Д.В. У нас своя «Босния»: Открытое письмо членам Государственной Думы // Минские епархиальные ведомости. 1908, № 24. С.790-796.
8. Скрынченко, Д.В. 300-летний юбилей // Минские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 34–41.
9. Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881–1884). Минск: Изд-во БГУ, 1983. 134 с.
10. Богданович, М. Белорусское возрождение // Багдановіч М. Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 2. Мн.: Навука і тэхніка. 1993. С.257-285.

СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В УЧЕНИИ КОНФУЦИЯ

Лещинская Ирина Ивановна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Го Цзячэн

магистрант факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена семьи как модели социальной и политической структуры в философии Конфуция. Показано, что семья рассматривается Конфуцием как модель иерархических отношений в обществе и как важнейший институт нравственного развития его членов. Раскрыта идея Конфуция о том, что семейная иерархия играла важную роль в обществе и нашла свое отражение в его политической структуре. Рассмотрена концепция взаимной ответственности правителя и подданных. Обосновано, что данная концепция является основой конфуцианства. Показано, что Конфуций представляет семью как основу добродетельного человека, благополучного общества и гармоничного государства.

Ключевые слова: Конфуций; семья; моральные принципы; общество; социальная иерархия; государство; воспитание; «добродетельное правление».

FAMILY AS A MODEL OF SOCIAL AND POLITICAL STRUCTURE IN THE TEACHINGS OF CONFUCIUS

Liashchynskaya Iryna Ivanovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophy of Culture, Belarusian State University

Guo Jiacheng

Master student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the family as a model of social and political structure in the philosophy of Confucius. It is shown that the family is considered by Confucius as a model of hierarchical relations in society and as the most important institution of moral development of its members. Confucius's idea that the family hierarchy played an important role in society and was reflected in its political structure is revealed. The concept of mutual responsibility of the ruler and subjects is considered. It is substantiated that the concept of family is the basis of Confucianism. It is shown that Confucius presents the family as the basis of personal virtue and a harmonious state.

Keywords: Confucius; family; moral principles; society; social hierarchy; state; education; «virtuous rule».

В условиях системного кризиса современного общества особую актуальность имеет проблема ценностных оснований и моделей организации жизни общества и государства. В конфуцианской философии идея семьи как модели социальной и политической структуры общества, занимает центральное место. Для Конфуция семья – это та сфера, где начинается нравственное и гражданское воспитание человека, так как именно в семье происходит усвоение системы нравственных ценностей и принципов, которые будут определять его поведение на протяжении всей жизни.

Одним из наиболее значимых принципов, которым должен следовать человек, является принцип «Сяо» (сыновняя почтительность). Он провозглашает уважение и почтение, которые дети должны оказывать своим родителям. Такого рода отношение не есть просто послушание, оно предполагает эмоционально окрашенную моральную ответственность, проявляющуюся в постоянной заботе о своих родителях. Конфуций утверждал, что сыновняя почтительность – это не только долг перед родителями, но и «моральное обязательство, лежащее в основе всех других добродетелей, включая уважение к власти, лояльность и социальную ответственность» [1, с. 456].

Сыновняя почтительность также связана с более широкими моральными принципами конфуцианства, которые подчеркивают важность совершенствования личности посредством практической реализации принципов «Жэнь», «Ли» и «И». Это необходимо для гармоничных отношений в семье, которые затем служат образцом для общества в целом. Таким образом, семья – это не просто совокупность родственных отношений, но «фундаментальный институт нравственного развития» [2, с. 347]. Конфуций верил, что если бы люди могли практиковать надлежащее поведение в семье, то оно естественным образом распространилось бы на их взаимодействие с обществом в целом.

В конфуцианстве иерархия играет центральную роль не только в представлении о семье, но и в более широкой социальной структуре. Поэтому семья рассматривается как модель иерархических отношений, которые характерны для общества в целом. В семье существует четкое разделение ролей в зависимости от возраста, пола и занимаемого положения. Эти роли регулируются принципами уважения и

ответственности. Отец, как глава семьи, олицетворяет власть, в то время как мать и дети играют различные, но дополняющие друг друга роли, которые способствуют поддержанию семейной гармонии.

Эта семейная иерархия отражена также в политической структуре конфуцианского общества. Правитель подобен отцу, а подданные – детям. Подобно тому, как отец управляет своей семьей с доброжелательностью и мудростью, точно также правитель будет управлять государством, обеспечивая социальную гармонию и моральную чистоту. Конфуций рассматривал отношения между правителем и подданными как отношения взаимной ответственности: правитель должен заботиться о благополучии народа, а народ в ответ должен проявлять лояльность и послушание. Эта концепция взаимной ответственности является основой конфуцианства, так как в ней подчеркивается, что основа мудрого и успешного управления заключается в моральных качествах как правителей, так и подданных.

Конфуцианский идеал иерархии, как было показано выше, основан не на силе или принуждении, а на моральном авторитете и примере. Полагалось, что правитель, подобно отцу, будет править добродетельно, подавая пример для подражания другим. Это нашло свое выражение в знаменитой конфуцианской максиме: «Если правитель прав, то и народ будет прав». В семье отец должен быть образцом добродетели для своих детей, а дети должны следовать его примеру не из страха, а из уважения и почтения. Это учение основано на вере в то, что если отношения в семье гармоничны, то это естественным образом приведет к созданию гармоничного общества. Семья, таким образом, «становится идеальной моделью политической и социальной организации, где принципы сыновней почтительности, уважения и долга определяют отношения между правителями и их подданными» [3, с. 54].

Структура семьи, в рамках которой ее членам строго заданы их роли, служит образцом для организации государства. Это проявляется в том, что в конфуцианстве подчеркивается важность социального порядка, который поддерживается посредством практики ритуалов (Ли) и надлежащего исполнения человеком своих ролей в обществе. По мнению Конфуция, надлежащее функционирование каждого человека в государстве является отражением семейных отношений. Так, правители должны добродетельно руководить, министры – верно служить, а простые люди должны следовать за ними с уважением [4].

Конфуцианский идеал правления как продолжение семейных отношений, имеет важное значение для устроения гармоничного

государства. Конфуций утверждал, что легитимность правителя основана не на принуждении, а на его моральных качествах и авторитете. Главная роль правителя заключается в том, чтобы «управлять с доброжелательностью, мудростью и справедливостью, подобно тому, как от отца ожидают, что он будет бережно и добросовестно руководить своей семьей» [5, с. 313]. Таким образом, воспитание добродетели в семье оказывает непосредственное влияние на моральные качества государственных лиц. Добродетельный правитель, подобно добродетельному отцу, обеспечивает моральное благополучие своих подданных, создавая общество, в котором у каждого есть своя роль в этом общем организме.

Таким образом, Конфуций продвигал идею «добродетельного правления», при котором главной обязанностью правителя является моральное воспитание своего народа. Легитимность государства, согласно конфуцианской философии, зависит от добродетели его правителей. Обязанность правителя – обеспечивать благосостояние народа, управляя справедливо, мудро и скромно. Точно так же, как отец обеспечивает свою семью и поддерживает порядок, правитель должен заботиться о народе и поддерживать социальную гармонию.

В конфуцианской философии отношения между семьей и государством, таким образом, основаны на взаимозависимости. Крепкая и гармоничная семья ведет к сильному и гармоничному обществу, в то время как неблагополучная семья ведет к социальной нестабильности. Конфуций верил, что моральный облик отдельных людей, воспитываемый в семье, в конечном счете формирует моральный облик государственных мужей. Если люди проявляют добродетель, уважение и сыновнюю почтительность в семье, они естественным образом будут применять эти ценности в своих взаимоотношениях с другими членами общества. Они будут уважать свои политические обязанности. Таким образом, стабильность и порядок в государстве зависят от моральной чистоты его граждан, которая воспитывается прежде всего в семье.

В конфуцианстве практика ритуалов (принцип «Ли») играет важную роль в укреплении иерархического и морального порядка в семье и государстве. Ритуалы, как в семье, так и в государстве, помогают поддерживать общественный порядок, поощряя уважение к своей роли и обеспечивая надлежащее поведение отдельных людей. Конфуций верил, что ритуалы – это не просто формальности, а имеют глубокое моральное и духовное значение. Исследователь А. В. Курганов отмечал: «С помощью ритуалов люди воспитывают добродетель, выражают уважение к другим и

укрепляют социальную структуру, которая скрепляет общество» [6, с. 62]. Семейные ритуалы отражают более широкие общественные ритуалы, которые призваны определять жизнь людей в соответствии с их местом в социальной иерархии.

Таким образом, в конфуцианской философии семья – это не только частная сфера личных отношений, но и модель социального и политического устройства. Принципы иерархии, уважения, морального долга и взаимной ответственности, которые регулируют семейную жизнь, распространяются на все общество в целом, формируя основу для гармоничного государства. «Для Конфуция семья, – писал Лю Синцан, – это первая школа добродетели, где люди приобретают моральные качества, необходимые для выполнения своей роли в обществе. Воспитывая добродетель в семье, отдельные люди могут способствовать благополучию государства и обеспечивать его стабильность» [7, с. 100].

Модель семьи в конфуцианстве, с его акцентом на иерархию и взаимную ответственность, находит свое отражение в политической организации общества, которая основана не на силе, а на доброжелательной власти, где правители и подданные в равной степени выполняют свои обязанности, следуя принципам «Жэнь» и «Ли». Конфуций рассматривал правителя как «отца нации», обязанностью которого было обеспечивать благополучие своего народа, в то время как подданные, подобно детям в семье, должны уважать и поддерживать своего правителя. Отношения внутри семьи выступают образцом для создания стабильного и гармоничного общества, в котором каждый человек, выполняет свою роль и тем самым вносит вклад в поддержание порядка.

Таким образом, конфуцианство подчеркивает важнейшую роль семьи в формировании как индивидуальной морали, так и общественного и политического порядка в целом. Семья служит образцом социальной гармонии, воспитывая членов общества в духе традиционных ценностей и принципов. Кроме того, семья, как основная сфера нравственного и гражданского воспитания, функционирует как микрокосм государства. Модель семьи является основанием его структуры, призванной обеспечить стабильность и целостность общества. Рассматривая государство как продолжение семьи, Конфуций предлагает систему управления, основанную на взаимной моральной ответственности, при которой каждый человек несет ответственность не только перед своей семьей, но и перед обществом в целом. Благодаря этому, для Конфуция, семья выступает в качестве основы добродетельного человека, благополучного общества и

гармоничного государства. Это учение является краеугольным камнем конфуцианской мысли и продолжает оказывать влияние на жизнь современного китайского общества и государства.

Список литературы

1. Конфуций. Уроки мудрости / Конфуций. – М.: Эксмо, 2005. – 958 с.
2. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М.: Восточная литература, 2001. – 488 с.
3. Кобзев, А. И. Философия и духовная культура Китая / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. «Философия». – М., 2006. – С. 53 –54.
4. Конфуцианский трактат «Чжун Юн»: переводы и исследования / Сост. А. Е. Лукьянов; отв. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2003. – 247 с.
5. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова и др. – М.: Восточная литература, 2004. – 432 с.
6. Курганов, А. В. Конфуцианство об изначальных свойствах человеческой природы / А. В. Курганов // Гуманитарный трактат. – 2017. – № 10. – С. 61-63.
7. Лю, Синцан. Анализ сочетания конфуцианства и даосизма в династиях Вэй, Цзинь, Южной и Северной / Синцан Лю // Журнал Института молодых менеджеров Хэбэя. – 2017. – № 29 (3). – С. 99 – 101.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: СЦЕНАРИЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ РЕАЛЬНОГО

Лунская Маргарита Олеговна,

студентка факультета философии и социальных наук

Научный руководитель – **Сидоренко Ирина Николаевна,**

доктор философских наук, доцент

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей общества потребления через призму постмодернистских идей Ж. Бодрийяра. В процессе анализа был установлен ряд радикальных трансформаций, произошедших в данном типе общества, ключевой из которых явилось превращение социальной системы в язык, а ее внутренних структур в знаки. В противовес обыденному пониманию общества потребления как общества изобилия, современный социум был проинтерпретирован в качестве новой системы принуждения, основанной на символическом насилии. Символическое насилие было определено как механизм, посредством которого осуществляется включение индивидов в знаковую систему, внутри которой они принуждаются к следованию логике потребления. Выявлена мифическая природа общества потребления, легитимирующего свое существование благодаря поддержанию веры в миф о собственном существовании. В результате проделанного исследования был сделан вывод о неэффективности традиционных методов борьбы с потребительской метареальностью, в связи с чем в статье предложена возможность трансцендирования современной системы принуждения посредством философского теоретизирования.

Ключевые слова: общество потребления; символическое насилие; метапотребление; языковая реальность; миф; знак.

THE SYMBOLIC VIOLENCE OF THE CONSUMER SOCIETY: A SCENARIO OF THE DISAPPEARANCE OF THE REAL

Lunskaya Margarita Olegovna,

Student of the faculty of Philosophy and Social Sciences

Supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Associate Professor

Abstract. This article is devoted to identifying the peculiarities of consumer society through the prism of postmodernist ideas of J. Baudrillard. In the process of analysis, a number of radical transformations that took place in this type of society were identified, the key of which was the transformation of the social system into a language and its internal structures into signs. In contrast to the conventional understanding of the consumer society as a society of abundance, the modern society was interpreted as a new system of coercion based on symbolic violence. Symbolic violence was defined as the mechanism by which the incorporation of

individuals into a sign system within which they are coerced to follow the logic of consumption is realised. The mythical nature of the consumer society, which legitimises its existence by maintaining a belief in the myth of its own existence, was identified. As a result of this research, it was concluded that traditional methods of combating consumer meta-reality are ineffective; therefore, the article suggests the possibility of transcending the modern system of coercion through philosophical theorising.

Keywords: consumer society; symbolic violence; metaconsumption; linguistic reality; myth; sign.

В работе «Общество потребления» Ж. Бодрийяр фиксирует, что эпоха позднего капитализма произвела не только массовое производство, но и повсеместное потребление благ: отныне человек не управляет вещами, но, скорее, вещи диктуют ему свою волю. Концептуализация потребления как ключевого атрибута современного социума, радикально отличающего его от всех других типов обществ, требует постановки вопроса о дифференциации между «классическим» и современным потреблением. Витальные потребности индивидов исторически являются основанием непрерывного потребления благ, в связи с чем потребление, в его обыденном понимании, не может выступать отличительной характеристикой современного социума. Новизна заключается именно в специфической трактовке потребления Ж. Бодрийяром: витальный уровень потребностей не интересует французского постмодерниста, он ставит перед собой задачу раскрыть основания смещения центра тяжести с устранения естественных потребностей к удовлетворению символических желаний.

Для Ж. Бодрийяра недопустима редукция общества потребления к потребительскому капитализму, чисто экономический подход к рассмотрению первого не позволяет выявить фундаментальные трансформации субъектов и объектов потребления, а также системы, в рамках которой эти отношения осуществляются. Ж. Бодрийяр рассматривает социум сквозь призму структуралистской методологии, где все элементы системы потребления являются знаками, а сама система и осуществляющиеся в ней отношения представляют собой язык. Исходя из этого, более правомерной может выступать трактовка потребления в философии Ж. Бодрийяра как метапотребления, в котором больше не идет речи о непосредственном потреблении вещей, потребляются знаки, поскольку в системе не остается ничего, кроме них.

Трансформация вещей в знаки знаменует их конец как функциональных объектов, отныне они потребляются как знаки отличия,

посредством которых становится единственно возможным обретение места в социальной иерархии. В обществе потребления к объектам более не применимы критерии хорошего и плохого, правильного и неправильного, прекрасного и безобразного, поскольку они неотделимы от реального, которого больше нет. Картина больше не может являться прекрасной или безобразной, она не оценивается индивидом, а потребляется или не потребляется в зависимости от ее соответствия желаемому социальному статусу консюмера.

Индивиды ошибочно полагают себя творцами своего социального положения, которое в действительности продиктовано логикой системы. Отказ от потребления оказывается тождественен отказу от своего места в социальной структуре, который не является выходом за ее пределы, но означает существование внутри нее в маргинализированном положении. Утрата вещей означала бы утрату идентичности, поэтому индивид оказывается втянут в «игру» потребления. Он вынужден увеличивать темпы и количество потребляемых благ, чтобы не отставать от непрерывной динамики знаков.

Трактовки структуры как статичной сущности неприменимы к структуре общества потребления, она изменчива и динамична в виду утраты когерентности между вещами и знаками. Последние принадлежат к двум разным уровням – реальности и метареальности, где последняя, будучи безразличной к вещам, поглощает все реальное. Знаки метареальности изменчивы, в виду чего структура перманентно находится в ситуации становления и никогда не является завершенной. Таким образом, потребление превращается в форму труда, который требуется своевременно выполнять, а общество – в фабрику по производству различий.

Главным механизмом «гармонизации» отношений между системой принуждения общества потребления и индивидами является символическое насилие. Обязанность потреблять и следовать движению знаков не осознается индивидами как принуждение, поскольку культура тщательно маскирует свои цели под личный выбор индивидов: «Некритически принимая очевидность повседневной жизни, действующие лица верят в "миф потребления": в реального субъекта, наделенного потребностями и противостоящего вещам» [1, с. 8]. Потребители якобы самостоятельно принимают решения о покупке тех или иных вещей, самостоятельно выбирают объекты своего потребления, и, вместе с тем, именно система порождает горизонт вещей, среди которых возможно выбирать, диктует их

значение и она же, в случае отказа от следования этим императивам, лишает индивида самой иллюзии участия в социальной жизни.

В обществе потребления реализация равенства невозможна, поскольку сама логика такого типа общества базируется на противоречиях. Социальная система, как мы уже показали, являет собой язык, состоящий, говоря структуралистским языком, из бинарных оппозиций. Социальная система, в основе которой лежит логика потребления, не устремлена к равенству, она нацелена на создание различий: без насилия индивиды не могли бы помыслить мир, а богатства не существует без бедности. Таким образом, конструирование обществом потребления мифа о благосостоянии оказалось бы невозможным без этих оппозиций. Общество реального благосостояния не могло бы себя так назвать именно потому, что оно не знало бы иного по отношению к благосостоянию состояния.

Именно вера индивидов в достижение равенства посредством потребления благ позволяет системе наиболее успешно воспроизводить социальное неравенство. Граница между верхами и низами не стирается, однако те и другие «уравнены» в необходимости следования логике общества потребления. Блага, которые вчера были привилегией наиболее обеспеченных, сегодня становятся достоянием малообеспеченных масс. В результате, первые вынуждены отказываться от этих благ, чтобы поддерживать статусное отличие, а вторые обзаводятся этими вещами, чтобы тешить себя иллюзией равенства. Таким образом, все оказываются равны в своей «ничтожности» (в сартровском понимании) перед вещами, однако стремление заполнить эту негативность приводит к усилению неравенства.

В обществе потребления индивид превращен в Ничто, он является пустым и стремится наполнить себя содержанием посредством потребления вещей, однако, «чем в большей степени человек признает потребительскую кажимость как ценность, тем слабее он осознает свои настоящие желания» [2, с. 8]. Общество изобилия – это репрессивное общество, которое подавляет индивидов, вынуждает их стремиться к счастью, но не собственному счастью, а счастьем системы, выдаваемому за личное счастье. В действительности индивидуального потребления не существует, потребление всегда социально, голосом потребителя говорит группа, общество и т.д. Вышеперечисленные проявления символического насилия локализуются в бессознательном потребителей, в результате чего их ответной реакцией на него становится прямое насилие.

Рост насилия в обществе потребления уже не кажется парадоксальным. В социуме, где все превращено в знаки, прямое насилие оказывается единственным сохранившимся измерением реального. Именно поэтому СМИ столько внимания уделяют насилию: реальное является угрозой метареальному, на котором базируется общество потребления, поэтому его необходимо превратить в знак, подчинить символической системе общества потребления. Неизменно возрастающий уровень потребления связан с неосознанной ностальгией индивидов по реальному, чем и обусловлен высокий спрос на насилие. Однако потребленное посредством новостей, фотографий и репортажей насилие превращается в знак наряду с другими знаками, оно оказывается вписано в логику метареального и прекращает представлять угрозу для системы.

Ж. Бодрийяр постулирует конец трансцендентного, нет больше ничего выходящего за пределы логики системы и способного ее трансцендировать: «Наше общество мыслит о себе и говорит о себе как об обществе потребления... оно потребляет себя в качестве общества потребления, в идее» [3, с. 242]. Структура общества потребления превосходно защищена против внутренних опровержений, поскольку они и есть элементы этой структуры, существующие как различия, необходимые для подтверждения ее существования. Именно поэтому традиционные способы борьбы с символической системой контроля оказываются неэффективными: «Нужно поэтому признать всю подлинную ответственность "критического дискурса"... именно он превращает отношение к объекту в мифическую и зачарованную антиобъектную критику» [3, с. 245].

Несмотря на пессимистические выводы французского философа, на наш взгляд, из общества потребления все же возможен выход, что демонстрирует сам Ж. Бодрийяр: попытка философского осмысления социальной системы всегда является некоторой формой дистанцирования от нее. Теоретизация общественной действительности в философском языке выступает своеобразной формой символического насилия, где посредством концептуализации система заключается в понятийные рамки, тем самым утрачивая свою тотальность. Мы показали, что прямое насилие не является основанием для разрушения системы потребления – символическая система может быть подорвана единственно посредством символического насилия. Именно философия, как зарождающаяся внутри системы и против нее форма ответного символического насилия, обладает потенциалом

трансцендирования общества потребления с целью освобождения человека от власти мифической метареальности.

Список литературы:

1. Фурс, В. Н. Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра / В. Н. Фурс // Социологический журнал – 2002. – № 1 – С. 5–40.
2. Ильин, А. Н. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма / А. Н. Ильин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» – 2015. – № 5 – С. 58–82.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр // пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Республика, 2006. – 269 с.

СПЕЦИФИКА КИНОЭСТЕТИКИ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Любецкая Марта Витальевна,

студентка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Лещинская Ирина Ивановна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье эксплицируются концептуальные основания киноэстетики метамодернизма, раскрыта их связь с принципами эстетики модерна и постмодерна. Обосновывается ценность теории метамодернизма (Р. ван ден Аккер, Т. Вермюлен) как методологии описания наличной социально-культурной реальности. Выявлено, что в условиях переходного характера современной культуры, базовыми концептуальными формами мета-эстетики становятся осцилляция (колебание «в-между») и «структура чувства» (возрождение субъектности и аффекта). Показано, что данные концепты находят свое наиболее полное отражение в основных принципах киноэстетики начала XXI в. Установлено, что на фоне неоромантического поворота новейший кинематограф пребывает в ситуации «качания» между иронией и искренностью, стремится к артикуляции «ценностного» высказывания.

Ключевые слова: метамодернизм; киноэстетика; осцилляция; «структура чувства»; неоромантизм; новая искренность; постирония; супергибридность; возрождение метанарративов.

THE SPECIFICITY OF FILM AESTHETICS OF METAMODERNISM

Liubetskaya Marta Vitalievna,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Supervisor – **Liashchynskaya Iryna Ivanovna,**

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of

Philosophy of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article explicates the conceptual foundations of film aesthetics of metamodernism, revealing their connection to the principles of modern and postmodern aesthetics. The value of metamodernism theory (R. van den Akker, T. Vermeulen) is substantiated as a methodology for describing the existing socio-cultural reality. It is revealed that in the conditions of the transitional nature of contemporary culture, the basic conceptual forms of meta-aesthetics are oscillation (“in-between” fluctuation) and the “structure of feeling”

(a revival of subjectivity and affect). It is shown that these concepts are most fully embodied in the fundamental principles of early 21st-century film aesthetics. It is established that, against the background of the neo-romantic turn, contemporary cinema oscillates between irony and sincerity, striving to articulate a “value-driven” discourse.

Keywords: metamodernism; film aesthetics; oscillation; “structure of feeling”; new romanticism; new sincerity; post-irony; super-hybridity; revival of metanarratives.

Каждая эпоха артикулирует собственную систему концептуально-методологических оснований, которые служат адекватному отражению социокультурной реальности. Тренд на философские исследования в области ремедиации и трансформации визуального опыта актуализирует проблему исследования парадигмальных установок современной эстетики. Кроме того, именно изучение киноискусства позволяет взглянуть на эстетику как на глобальный процесс саморазвертывания разнообразных установок в культуре. В этой связи необходимо обратиться к реконструированию концептуальных оснований метамодернистской киноэстетики, эксплицировать ее специфику.

Важно отметить, что возникновение метамодернизма генетически связано с переходом к «постпостмодернизму» в конце XX – начале XXI вв. Как отмечают исследователи, данный термин фиксирует «усталость» от эстетики постмодернизма, сложившийся культурный кризис [1, с. 354]. Социально-историческими маркерами указанного перехода явились крушение башен-близнецов в США 11 сентября 2001 года, а также глобальное распространение Интернета, цифровизация и дигитализация.

Стратегии упразднения эстетики постмодернизма представлены многообразием теорий. Так, в трансферный период были сформулированы: альтермодернизм (Н. Буррио), реновализм (Дж. Тот), космодернизм (К. Морару), перформатизм (Р. Эшельман), теория нарциссической культуры (П. А. Ореховский и В. И. Разумов) и др. Однако, несмотря на многообразие философских подходов к описанию состояния культуры, на сегодняшний момент самой разработанной и востребованной эстетической теорией считается метамодернизм.

Концепция метамодернизма была предложена медиатеоретиком Т. Вермюленом и философом Р. ван ден Аккером в 2010 году в рамках опубликованного ими манифеста «Заметки о метамодернизме» [2]. В нем исследователи артикулируют, что в нынешней культуре произошел «неоромантический поворот» (от цинизма – к искренности) [2]. Данная трансформация, по мысли авторов, свидетельствует о возникновении новой,

специфической парадигмы. В настоящий момент метамодернизм занимает доминирующую позицию среди интерпретационных моделей современной культуры вследствие расширения его методологического пространства. Более того, концепция стремится к поглощению других теорий таких, как реновализм, перформатизм и пр. Термин «метамодернизм» стал широко использоваться в публичном и академическом поле. В этом отношении следует отметить, что эвристический потенциал концепции признается даже ее критиками. Они отмечают: «Метамодернизм является наиболее успешным “модернизмом”, претендующим на то, чтобы заменить постмодернизм» [3, с. 3].

Фундаментальным свойством метамодернистской эстетики необходимо прежде всего назвать принцип осцилляции – колебание между концептуальными основаниями модернизма и постмодернизма. Метафизика колебания связана, по мысли авторов концепции, с принципом историчности; подобное «качание» суть избирательное возвращение к важнейшим установкам предшествующих эстетических теорий [4].

Данная особенность метамодернистской эстетики проявляется в целом ряде аспектов. Во-первых, метамодернизм – это всегда осцилляция между иронией постмодерна и искренностью модерна [3]. Маятник между этими регистрами культуры постоянно раскачивается, формируя онтологический ритм вечного становления (подобно хаосу в трактовке И. Р. Пригожина). Такая динамика не просто отражает эпоху неопределенности, но активно конституирует ее, превращая саму нестабильность в методологический принцип движения.

Во-вторых, рассматривая «качание» как эстетический принцип, необходимо указать, что метамодернизм характеризуется положением «в-между» или «бытием между», которое соответствует платоновскому понятию метаксиса (μεταξύ). В диалоге «Пир» Диотима разъясняет Сократу сущность Эрота: «Занимая место между богами и людьми, демон восполняет тех и других, связуя собою все» [5, с. 49–50]. Метамодернизм, таким образом, становится способом удержания множественности мира, ибо его цель не в разрешении, но в поддержании экзистенциального напряжения как условия творчества.

В связи с последним замечанием возникает необходимость раскрыть другую значимую идею эстетики метамодерна. Она нашла свое выражение в концепте «структура чувства». Данный концепт был введен Р. Уильямсом для обоснования теории культурного материализма. Автор считал, что «структура чувства» позволяет описать непосредственное переживание

настоящего до его осмысления (в динамике). По сути он выступил против описания тенденций культуры с точки зрения прошедшего времени (в статике) [6, с. 132]. В результате «структура чувства» понимается как категория аффективных состояний, предполагающая длящуюся эмоцию, которую достаточно стабильно испытывает зритель при взаимодействии с художественным произведением [4, с. 44]. Задача метамодернистского искусства состоит в том, чтобы возратить произведению «глубину» и «аффект» (в терминах Ф. Джеймисона), возродить субъектность.

Рассмотрение киноэстетики как наиболее репрезентативной области приложения метамодернистской теории, предполагает его обоснование. В этом отношении следует отметить, что ключевой характеристикой современной эстетики является диалектика концептуальных оснований эпохи модерна и постмодерна. Кинематограф, в свою очередь, также является предельным выражением этого колебания. Кроме того, хронологические рамки его возникновения и развития находятся ровно в обозначенных границах. Наиболее значимыми характеристиками киноэстетики метамодернизма являются новая искренность, постирония, стремление к возрождению метанарративов, неоромантизм, супергибридность. Указанные концепты не только находятся во взаимном пересечении, но также исходят из фундаментальных составляющих эстетики метамодернизма, рассмотренных ранее – осцилляции и «структуры чувства».

Для более полного анализа киноэстетики метамодернизма необходимо рассмотреть ее наиболее существенные черты.

Во-первых, к ним следует отнести метамодернистскую чувственность. Ее можно назвать неоромантизмом, указывая на ее связь с европейским романтизмом конца XVIII – начала XIX вв., для которого, как и для метамодерна, ощущение ностальгии оказывается чрезвычайно важным. «Sehnsucht» Ф. Шлегеля наиболее полно выражает эту тенденцию киноэстетики. В связи с этим он писал: «Художественная натура непрестанно стремится и жаждет в неудовлетворенном томлении» [7, с. 96]. Неоромантическая чувственность есть стремление современного искусства избавиться от постмодернистской пустоты и тотального цинизма.

Во-вторых, постирония выступает в качестве значимой особенности искусства метамодерна. Она выражается в специфичной осцилляции, которая являет собой дважды перевернутое прямое высказывание. Постирония – положение «в-между» искренностью и цинизмом. Подобное положение позволяет использовать возможности иронии для реализации

серьезного смысла. В пространстве современного кино этот концепт ярко представлен в *quirky*-кинематографе (режиссеры У. Андерсон, М. Гондри, Ч. Кауфман, Д. Миллс и др.).

В-третьих, немаловажной чертой метамодернистской оптики является новая искренность, которая строится на базе постиронии и направлена на преодоление дискурсивных ограничений. В кино XXI века это проявляется через анализ маргинализированных идентичностей и травматического опыта. В качестве примера приведем следующие кинофильмы: «Говорят женщины» С. Полли (2022), «Далласский клуб покупателей» Ж.-М. Валле (2013), «Искушение» П. Верховена (2020) и др. Указанные тенденции, связанные с мультикультурализмом и толерантностью, представляют собой попытку кинематографа напомнить социуму о принципиальной инаковости Другого.

В-четвертых, специфика метамодернистской киноэстетики нашла свое отражение в таком феномене, как «супергибридность» [4, с. 111]. Он представляет собой совершенно новый феномен, который предусматривает использование различных культурных приемов и практик для создания художественного произведения. В кино осуществляется активное внедрение современных технологий, в том числе производится попытка конструирования избыточной реальности с помощью компьютерных программ, голографии и иных достижений технического прогресса. Мы наблюдаем феномен мета-осцилляции, так как с одной стороны, супергибридность не совпадает с постмодернистской коллажностью и модернистской «чистотой» авангардного искусства, но, с другой стороны, вбирает в себя эти две оппозиции. Й. Хейзер предлагает дополнить «супергибридность» понятием «неодновременность», введенным еще Э. Блохом [4, с. 113]. В силу этого в метамодернистских произведениях искусства отражено стремление соединить архаику и современность.

Указанное стремление метамодернизма к избирательному возвращению метанарративов, ранее отвергнутых постмодернизмом (Ж.-Ф. Лиотар), возможно только при условии плодотворного применения «великих повествований». В кино это выражается через реконструкцию супероснований (Бога, автора, субъекта), ранее деконструированных постмодернистской критикой. Метамодернистское кино стремится к отражению «высших ценностей», которые способствуют поддержанию гуманистических ориентаций в общественном сознании.

Таким образом, эстетика метамодернизма фундируется посредством двух ключевых принципов – осцилляции и «структуры чувства». Наиболее

существенными характеристиками метамодернистской эстетики в контексте киноискусства являются: пафос неоромантизма, связанный с чувством ностальгии; новая искренность (обращение к опыту травмированного субъекта и его уязвимости); постирония (средство реализации новой искренности – осцилляция между иронией и серьезностью); супергибридность и неодновременность (диалектика «чистого» и эклектичного искусства); стремление к возрождению метанарративов через новую мифологизацию.

Кинематограф начала XXI в., ориентированный на возрождение субъектности и экзистенции, на исследование различных феноменов культуры через постиронию, позволяет выявить и в определенной степени оценить тенденции развития современного социума. Такие возможности кинематографа обусловлены тем, что он раскрывает через метамодернистскую «структуру чувства» такие формы опыта индивидуального и коллективного сознания, которые не всегда могут быть различимы в других видах искусства.

Список литературы

1. Бычков, В. В. Постпостмодернизм / В. В. Бычков // Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. – С. 354.
2. Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс] / Р. ван ден Аккер, Т. Вермюлен. – Режим доступа: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>. – Дата доступа: 16.03.2025.
3. Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А. В. Павлов // Логос. – 2018. – № 6. – С. 1–19.
4. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер [и др.]. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
5. Платон. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Платон. – СПб.: Академия, 1992. – Т. 5 : Пир. Федр / Платон. – 176 с.
6. Williams, R. Marxism and literature / R. Williams. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1977. – 217 p.
7. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / Ф. Шлегель. – М. : Искусство, 1983. – Т. 1 / Ф. Шлегель. – 479 с.

ДИАЛОГИЗМ В ЭПОХИ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Майборода Дмитрий Владимирович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук,
Минский государственный лингвистический университет

Аннотация. Современность антидиалогична, что – симптом доминирования эгоистического духа, жажды утверждать свои правоту и интерес в противовес консенсусу и общему благу. Одна из причин этого – потеря понимания деструктивности этого духа, что было элементом коллективной памяти после Мировых войн XX века. Диалогизм должен по возможности сохранять это понимание, распространять диалогическую культуру общества, поддерживать кооперацию в публичной сфере, ограничивая свою непродуктивность и переоценку значения меньшинств и слабых групп. Все это требует освоения особого диалогического искусства, которое должно базироваться не только на философии, но и на достижениях коммуникативистики и теории медиации.

Ключевые слова: диалог; диалогизм; современное общество; эгоизм; благо.

DIALOGISM IN PERIODS OF SOCIAL TURBULENCE

Maiboroda Dmitrij Vladimirovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of History and
Social Sciences, Minsk State Linguistic University

Abstract. The egoistic orientation dominates in modern society, which makes it anti dialogic. This is the thirst to assert private rightness and interest as opposed to consensus and the common good. One of the reasons for this is the loss of understanding of the destructiveness of the spirit of egoism, which was an element of collective memory after the World Wars of the 20th century. Dialogism should, if possible, preserve this understanding and spread the dialogic culture of society. It should also support cooperation in the public sphere, limiting its own unproductivity and overestimation of the importance of minorities and weak groups. All this requires mastering a special dialogic art, which should be based not only on philosophy, but also on the achievements of communication studies and mediation theory.

Keywords: dialogue; dialogism; modern society; egoism; good.

Если в современной философии позволительно все еще говорить о духе эпохи применительно к ситуации современности, то кажется, что одно из лучших его описаний – антидиалогичность. Конечно, «дух современной эпохи» кажется термином архаичным, однако в отличие от более технологичного понятия «современной культуры» он концентрируется не

столько на некоторых устоявшихся структурах, а на сети тенденций, которые разворачиваются вследствие коллективных желаний. Иными словами, понятие «духа эпохи» в постмодернистском дискурсе не кажется уже столь архаичным, если, разумеется, не возрождать напрямую его религиозную и спиритуалистскую трактовки из «долгого XIX века».

Дух современного антидиалогизма – желание утверждать собственные правоту и интерес в противовес консенсусу и общему благу. Ясно, что такой жажды никогда не доставало и в повседневной, и в общественно-политической жизни. Однако утверждение собственной выгоды в ущерб общим интересам ранее представлялось постыдным, а потому его по возможности прятали или избегали. Особенно сильно это касалось публичной жизни в отличие от обыденной сферы, где к жажде личной выгоды относились более снисходительно, хоть и не поощряли. Сегодня же в самых разных областях публичной жизни стала широко распространяться эмоция «Aut Caesar, aut nihil» (или «Всё или ничего»), – эмоция, которая делает диалог невозможным.

Кажется, общественность может быть относительно стабильной при некотором числе людей, которые находятся во власти этой эмоции, особенно если она реализуется в средах институционализированной соревновательности. Но если эта эмоция становится по-настоящему коллективной и на смену установившемуся порядку состязательности приходит изменение правил игры по своим интересам в самом широком объеме публичных дел, то это начинает напоминать «сейсмический рой», – за ним может последовать землетрясение, а может – и нет, однако готовым к нему нужно быть. Также ясно, что рано или поздно эпоха господства этой эгоистической эмоции прекратится – вопрос лишь в издержках, к которым она приведет. И для того, чтобы уменьшить их, важно противопоставлять ей дух диалогизма.

Конечно, для продуктивного противопоставления важно понимать, что именно вызвало дух эгоизма современности и что способствует его интенсивному распространению. Часто можно услышать, что это – результат того, что установленный порядок достижения общего блага ущемляет частные интересы. Однако общее благо не может полностью удовлетворять все частные интересы, а расчет на то, чтобы оно служило некоторому интересу более, чем остальным – уже результат, действие эгоистического духа. Также нередко можно услышать, что причина – то, что установленный порядок достижения общего блага уже служит каким-то частным интересам в ущерб интересам всех остальных. Ясно, что это –

критика тех, кто обеспечивает этот порядок. Сложно поддерживать справедливость судейства, если судья – один из игроков. Непросто и отстаивать свои интересы, если в том же деле выступаешь судьей. И если мы научились более или менее разграничивать статусы игрока / стороны и судьи в спортивных соревнованиях и в судебных процессах, то во многих других сферах публичной жизни – прежде всего в общественно-политической – это пока так и не удалось. А поскольку именно эта область управляет другими областями нашей жизни, то – доминирование в ней духа эгоизма означает то, что эта жажда захватывает все сферы нашей жизни.

Но почему дух эгоизма начал доминировать в общественно-политической сфере? Чем более думаешь об этом, тем яснее понимаешь, что спрашивать нужно, наоборот, о том, почему дух сотрудничества преобладал в этой сфере ранее. Эгоизм для людей кажется не менее, а более естественным, чем альтруизм и преследование взаимовыгодного диалога. Разумнее было бы, конечно, утверждать, что и то, и другое равно естественно и важно. Тогда можно предположить, что есть некая цикличность в истории в этом отношении, а разочарование в развитии общества вызвано кризисом упрощенного образа прогресса.

Чувство ценности диалога и сотрудничества второй половины XX века – несомненное следствие мировых войн. Сами они – результат предшествующей эпохи эгоистического духа. Видимо, цикл в значительной мере определяется из-за потери настоящей коллективной памяти об последствиях распространения эгоистического духа. Потому так важно по возможности поддерживать традицию этой памяти, не давая ей быть подмененной бюрократическим фантомом. Диалогизм как раз и должен обеспечивать эту традицию. Для этого важно, чтобы диалогисты распространяли идеалы и нормы диалогизма особенно в сфере образования, что должно тем самым обеспечивать поддержание и рост диалогической культуры общества.

В эпохи распространения эгоистического духа диалогисты должны по возможности поддерживать кооперацию в публичной и особенно – в политической сфере, сознавая сложность этой задачи. М. Бубер обсуждал со значимыми интеллектуалами той эпохи за считанные месяцы до Первой мировой войны кооперацию для недопущения предчувствуемой ими катастрофы. Это не предотвратило войны как из-за внутренних разногласий интеллектуалов, так и из-за нечувствительности политиков к их советам. Однако это повлияло на складывание таких площадок впоследствии, – прежде всего «Лиги наций» после Первой мировой и ООН после Второй.

Следует отметить, что именно потеря диалогичности этих организаций, сопутствующая их бюрократизации, сделала их неэффективными, что сыграло свою роль в возрождении духа эгоизма.

И, наконец, важно, чтобы диалогизм ограничивал некоторые свои особенности, способствующие привлекательности эгоистического духа. Это – прежде всего непродуктивность, увлеченность процессом в ущерб результату. Хорошей иллюстрацией этого является ситуация с Сократом и Платоном. Вероятно, Сократ завершал почти все диалоги констатацией того, что результаты недостаточны и нужно продолжать обсуждение. Это отразилось в ранних диалогах Платона, но затем он начинает фактически подменять диалоги монологами вероятно именно потому, что монолог результативнее. Ясно, что важнейшая задача диалога – заложить основу дальнейшего диалога. Но диалог также должен давать какие-то результаты для актуальной практической жизни людей, иначе он будет скатываться к софистике (интеллектуальному фокусничеству) или схоластике (абстрактным размышлениям, потерявшим связь с реальностью).

Другое важное ограничение, которое должен наложить на себя диалогизм – не придавать слишком большого значения позиции меньшинств и слабых групп. Ясно, что усиление этих позиций важно как для интересов самих этих групп, так и для интенсификации диалога и развития общества. Однако переоценка важности рано или поздно может привести к тому, что большинство и сильные группы откажутся от диалога, предпочтя попросту диктовать свои условия. Тут есть дополнительная существенная сложность, – позиция большинства и сильных групп далеко не всегда рациональна, адекватна и вообще диалогична. А поскольку такая «умная позиция» всегда приоритетна для диалогизма, то диалогист должен находить сложный баланс позиций, который бы приводил бы к рационализации, повышению адекватности и диалогичности, при этом не разрушая само диалогическое взаимодействие.

Все эти задачи требуют от диалогистов освоения особого диалогического искусства, для которого диалектика и майевтика – важные, но не единственные составляющие. В этом искусстве недостаточна даже только философская составляющая – важно опираться и на достижения наук и прежде всего – коммуникативистики и теории медиации, поскольку они дают реальную информацию о процессах коммуникации, которая необходима для управления диалогом.

КРОССДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Малафеевская Вероника Сергеевна

преподаватель кафедры социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта становятся неотъемлемой частью жизни современного человека. При разработке алгоритмов в области искусственного интеллекта нельзя опираться только на точку зрения одной науки, так как разрабатывая код, который может самостоятельно делать выводы и принимать решения, надо учитывать и морально-этическую сторону вопроса, так как информационные технологии не могут самостоятельно понимать что является, а что не является правильным и этичным с точки зрения человека. В этой статье будет рассмотрено как исследователи из различных областей принимают участие в совместной разработке алгоритмов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; новые технологии; трансдисциплинарность; современная наука.

CROSSDISCIPLINARITY IN THE STUDY OF THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Malafeevskaya Veronika Sergeevna

Lecturer at the Department of Social Communication,
Belarusian State University

Abstract. Artificial intelligence technologies are becoming an integral part of modern human life. When developing algorithms in the field of artificial intelligence, one cannot rely solely on the point of view of one science, since when developing code that can independently draw conclusions and make decisions, one must also take into account the moral and ethical side of the issue, since information technology cannot independently understand what is and what is not correct and ethical from the point of view a human being. This article will look at how researchers from various fields are involved in the joint development of artificial intelligence algorithms.

Keywords: artificial intelligence; new technologies; transdisciplinarity; modern science.

Искусственный интеллект — технология, которая позволяет имитировать интеллектуальную деятельность человека, как правило, путем обучения и делать выводы, имитируя понимание сложного контента [2, с.

117] – считается самым мощным из ныне существующих вычислительных инструментов, который потенциально обладает возможностью для разрешения тех сложных задач, решение которых человечество на данный момент не нашло.

Проблемы, связанные с разработкой и развитием искусственного интеллекта, возникают не только с программной и технической стороны, при применении технологий искусственного интеллекта также возникают и более широкие социальные проблемы. В связи с этим становится недостаточным полагаться исключительно на технические знания при попытке понять социальные или этические проблемы, возникающие при конструировании технологий искусственного интеллекта, так как каждая технология встроена в определенный социокультурный контекст, который по-разному формирует и усложняет ее.

В последние годы произошел всплеск популяризации и распространения междисциплинарных знаний из-за возросшей обеспокоенности общественности по поводу проблем окружающей среды, здоровья, особенности коммуникации и конфиденциальности. Эти сложные вопросы требуют сотрудничества социологов, естествоиспытателей, инженеров, юристов и профессионалов в сфере бизнеса.

Междисциплинарность в сфере искусственного интеллекта – это не современное изобретение ученых, а неотъемлемая часть его происхождения. Многие идеи, которые сейчас связываются с искусственным интеллектом, уходят корнями в зародившуюся в середине XIX века науку – кибернетику, которая обязана своим появлением американскому математику и философу Норберту Винеру. Кибернетика занималась исследованием «управления и коммуникации в машинах, живых организмах и обществе» [1, с.73]. Объединив идеи из таких разных областей, как философия, психология, биология, социология и математика, Винер представил науку, в которой технологии разрабатываются для совместной работы человеком и компьютера.

На современном этапе, используя большие данные и передовые алгоритмы искусственный интеллект создает модели, адаптированные для решения конкретных задач. Кроме того, интеллектуальные компьютерные системы поддерживают принятие решений в режиме реального времени, зачастую превосходя возможности человека.

Хотя революция искусственного интеллекта в исследованиях, здравоохранении и промышленности в настоящее время идет полным ходом, ее долгосрочное влияние на общество проявится не сразу. В научных

исследованиях и здравоохранении слепое применение методов искусственного интеллекта может привести к серьезным проблемам, в случае, если технология на сегодняшний день не готова (например, IBM Watson для онкологии) или приложение является сомнительным с этической точки зрения (например, прогнозирование сексуальной ориентации по лицам людей, использование распознавания лиц в правоохранительных органах или для коммерческого использования).

Одной из этических проблем, с которой пользователи столкнулись уже сейчас – это расизм у чат-ботов. Данные, которые использовались при обучении алгоритмов для подбора персонала, оказались гендерно-предвзятым; а инструменты оценки рисков, разработанные американским подрядчиком, отправляли невиновных людей в тюрьму. Очевидно, что необходимо более тщательно учитывать влияние технологий искусственного интеллекта, следуя глобальным и местным этическим и юридическим принципам.

Доктор социологии и права Лай-Цзе Фан занимается исследованиями в области технологий и социальных изменений. Она исследует технологический дизайн и предвзятость в области искусственного интеллекта, проверяя на предмет сексизма, расизма и классового неравенства программы голосовых помощников, систем распознавания лиц. Фан работает над определением того, как искусственный интеллект усиливает социальное неравенство и пытается найти решения данной проблемы.

По мнению доктора, скорость развития искусственного интеллекта является большой проблемой, поскольку Open AI продвигается вперед, подталкивая другие компании двигаться быстрее и работать над новыми способами интеграции искусственного в повседневную жизнь: «Они развиваются изо дня в день, а вопросы управления и регулирования решает сам генеральный директор Open AI. Но это всегда было проблемой между технологической индустрией и законодательством и управлением: она развивается настолько быстро, что регулирующие органы не успевают за ней» [5].

Еще одним примером изучения гендерной проблемы в контексте развития искусственного интеллекта является проект KInIT под названием «Социальные предубеждения в словацком искусственном интеллекте». Проект фокусируется на проблеме гендерных предубеждений в системах искусственного интеллекта, работающих со словацким языком, таких как Google Translate, DeepL, Microsoft Translator, или различных инструментов

интеллектуального письма, с которыми пользователи сталкиваются на компьютерах, телефонах и планшетах.

Благодаря сотрудничеству с экспертами по гендерному равенству и переводчиками из академического сообщества проект смог создать основополагающий и постоянно расширяемый список гендерных стереотипов, который учитывает нюансы, характерные для словацкого языка, несоответствующие принципам, разработанным для широко распространенных языков. Данный список содержит тысячи примеров проблемных предложений и служит инструментом для оценки систем искусственного интеллекта, подозреваемых в использовании стереотипов и он постоянно пополняется [4].

Кроме того, междисциплинарный подход может помочь решить сложную проблему установления ответственности, когда системы искусственного интеллекта принимают неправильные решения или причиняют вред. Вопросы, касающиеся справедливости, требуют подхода, выходящего за рамки одной дисциплины. Существует множество определений и пониманий справедливости, и выбор руководствоваться определенными системами ценностей и правил — это не просто технический вопрос, поскольку он будет иметь социальные последствия. Используя знания поведенческой науки, организационной науки, права и смежных областей, можно разработать эффективные решения, учитывающие участие в процессе множества заинтересованных сторон.

Междисциплинарный подход подразумевает не только взаимодействие специалистов в области технических и социальных наук с целью решения этических вопросов, возникающих при развитии и употреблении технологий искусственного интеллекта. Так как разрабатываемые технологии искусственного интеллекта сосредоточены не на одной сфере, а захватывают много различных направлений, начиная от медицины и заканчивая проектированием новых строений и технических устройств.

Искусственный интеллект является мощным вычислительным инструментом, который можно применять для решения сложных задач, требующих обработки большого количества данных. Однако не только искусственный интеллект способен оказывать влияние на другие области, но и другие области, такие как нейробиология, психология развития, робототехника развития и эволюционная биология могут вдохновить разработки в области искусственного интеллекта. Исследования в области других наук предлагают новые способы структурирования данных, или

помощь в открытии новых алгоритмов, таких как нейронные сети, вдохновленные строением человеческого мозга. Также в развитии возможностей искусственного интеллекта используется обучение с подкреплением, для которого черпали вдохновение из принципов психологии развития 50-х годов. Дальнейшие примеры взаимного обогащения можно увидеть в биоинспирированных подходах, где принципы природных систем используются для разработки алгоритмов нейроэволюции, которые способствуют развитию нейронных сетей посредством эволюционных алгоритмов.

Примером междисциплинарной программы, показывающей, что успех данного подхода в развитии искусственного интеллекта не утопичен, является Лаборатория развития Frontier, основанная в результате подписания соглашения о сотрудничестве между НАСА, Институтом Seti и ЕКА (Европейское космическое агентство), созданная для работы над исследованиями искусственного интеллекта в области космической науки, разведки и для всего человечества [3].

Конечно, изучение и разработка систем искусственного интеллекта совместно с другими областями не лишены проблем. Как и в любое время, когда взаимодействуют разные сферы, возникают барьеры в общении из-за различий в терминологии, методах, культуре и интересах. Как преодолеть такие пробелы, остается открытым вопросом. Для начала необходимо устранить пробелы в знаниях относительно технических возможностей искусственного интеллекта, найти общий категориальный аппарат, а также учитывать незнание концепций другой дисциплины, что имеет тенденцию ограничивать способность осмысленно оценивать или критиковать работу других людей.

Доктор социологии и права Лай-Цзе Фан пришла к выводу, что «быть дисциплинарным больше не имеет смысла. Студенты, изучающие информатику и инженерные специальности, смогут помочь нам изучить риски и преимущества технологий искусственного интеллекта, которые они сейчас учатся разрабатывать и производить. Студенты социальных и гуманитарных наук, обученные критическим теориям пола, расы и классового неравенства, а также качественным и количественным методам, могут решать реальные проблемы развития в индустрии и политике искусственного интеллекта» [5].

Таким образом, можно увидеть, что область искусственного интеллекта является междисциплинарной, и она должна оставаться таковой для достижения наибольших результатов. Ведь другие области оказывают

значительное влияние на развитие технологии и увеличение ее эффективности и возможностей. При этом междисциплинарный подход необходим также для решения этических вопросов, возникающих при работе искусственного интеллекта, для избегания различных видов дискриминации при работе технологии.

Список литературы

1. Новиков, Д.А. Кибернетика 2.0 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibernetika-2-0>. – Дата доступа 27.02.2024.
2. Прохоров, А., Коник, Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. – 368 с.
3. Kusters, R. Interdisciplinary Research in Artificial Intelligence: Challenges and Opportunities [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdata.2020.577974/full>. – Date of access: 27.02.2024.
4. Oreško, Št. Artificial intelligence and interdisciplinarity [Electronic resource]. – Mode of access: <https://kinit.sk/artificial-intelligence-and-interdisciplinarity/#:~:text=Interdisciplinary%20approach%20means%20that%20people,between%20technical%20and%20natural%20sciences>. – Date of access: 27.02.2024.
5. Philpott, W. The future of AI is interdisciplinary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://uwaterloo.ca/news/arts-research/future-ai-interdisciplinary>. – Date of access: 27.02.2024.

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ «ПРОИЗВОДСТВА ПРОСТРАНСТВА» А. ЛЕФЕВРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Марченко Мария Павловна

студентка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Наливайко Инна Михайловна**,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрена концепция социального пространства, предложенная А. Лефевром в работе «Производство пространства» и ее роль в междисциплинарных исследованиях социального пространства. Приводится краткое описание основных характеристик и особенностей социального пространства А. Лефевром. Проанализировано понимание социального пространства как продукта общественного производства. Изучена «пространственная триада», введенная А. Лефевром в свою концепцию для более глубокого анализа проблемы социального пространства.

Ключевые слова: социальное пространство; неомарксизм; А. Лефевр; производство пространства.

THE ROLE OF A. LEFEVRE'S CONCEPT OF "SPACE PRODUCTION" IN INTERDISCIPLINARY STUDIES OF SOCIAL SPACE

Marchenko Maria Pavlovna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Nalivaika Ina Mikhailovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy

of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article examines the concept of social space proposed by A. Lefebvre in his work "Production of Space" and its role in interdisciplinary studies of social space. A brief description of the main characteristics and features of social space by A. Lefebvre is given. The understanding of social space as a product of social production is analyzed. The "spatial triad" introduced by Lefebvre into his concept for a deeper analysis of the problem of social space is studied.

Keywords: social space; neo-marxism; A. Lefebvre; production of space.

В последние годы проблема социального пространства привлекла значительное внимание во множестве общественных наук, что привело к своего рода «пространственному повороту» в социальных дисциплинах. Это явление связано с несколькими факторами. В первую очередь наблюдается рост интереса к роли пространства в различных процессах – культурных, экономических, политических, правовых и антропологических. Также возникают новые специализированные области исследования, которые рассматривают пространство как нечто большее, чем просто географическое измерение.

Важно отметить, что концепт «социальное пространство» является ключевым для теоретической социологии, и его изучению уделяли внимание такие классики как О. Конт, Э. Дюркгейм, П. А. Сорокин, Т. Парсонс и П. Бурдьё, однако именно в контексте социологии города этот концепт получил наиболее полное развитие [4]. Так, ключевой фигурой в разработке нового подхода к концепту социального пространства, в контексте городской проблематики, является фигура французского исследователя и мыслителя Анри Лефевра. Его фундаментальной работой является труд «Производство пространства», написанный в 1974 году, но переведенный на английский язык, только к 1991 году, после чего он обрел широкую известность. Сам феномен междисциплинарности очень близок французскому мыслителю. Об этом свидетельствует его нежелание причислять себя только лишь к одной отрасли знания, будь то социология или философия. Грамотно производя синтез двух дисциплин, Лефевр, однако, пояснял, что в основе всех его идей лежит мировоззренческая установка марксизма. Его расположенность к идеям К. Маркса, во многом предопределила и собственное понимание концепта социального пространства.

Задавшись вопросом о том, как формируется социальное пространство, Лефевр пришел к выводу о том, что пространство создается в процессе экономического развития. При этом пространство не становится простым объектом, будучи произведено и создано субъектами. Лефевр утверждает, что пространство является результатом комплекса операций, будучи результатом действий, совершенных в прошлом, создает условия для новых действий, направляя и ограничивая их. Эти действия могут быть связаны как с производством, так и с потреблением, то есть с использованием результатов производственной деятельности.

По мнению Лефевра, только лишь объективные факторы, например, природные, такие как климат и географическое положение или

предшествующая история, не способны полностью объяснить природу социального пространства. Важнейшим фактором существования пространства в таком виде, в котором оно существует, для Лефевра являются действия социальных групп, идеология и культурные особенности. В социальном пространстве сосредоточено множество различных объектов – как природных, так и социальных, а также сетей и путей, позволяющих передавать материальные вещи и информацию. Оно не сводится ни к отдельным объектам, которые его составляют, ни к простой их сумме. Эти «объекты» включают не только вещи, но и отношения [1].

В итоге, Лефевр трактует пространство как продукт общественного производства, подчеркивая его социальную природу. Таким образом, французский исследователь утверждает, что пространство не является нейтральным или фиксированным, а активно создаётся через взаимодействие экономических, социальных, культурных и политических процессов, что означает необходимость применения трансдисциплинарного подхода при изучении социального пространства.

При анализе пространства он вводит концепцию «пространственной триады», которая предполагает рассмотрение пространства через три взаимосвязанных аспекта: материальный, социально-политический и научно-исследовательский. Лефевр утверждает, что для полного понимания пространства необходимо учитывать все эти компоненты, а также процессы, которые их связывают [1].

Первая категория в пространственной триаде – это «репрезентации пространства», или пространство, как оно воспринимается и интерпретируется различными профессионалами, такими как архитекторы, урбанисты, социологи и политики. Это пространство, которое определяется через системы знания, знаков и кодов, и часто служит инструментом власти и идеологии. Репрезентации пространства выражаются в архитектурных формах, памятниках, зданиях, и других элементах, которые создают определённый порядок и организуют общественное пространство в соответствии с интересами доминирующих групп.

Вторая категория – это «пространства репрезентаций», или обжитое пространство, которое относится к личному и повседневному восприятию пространства. Это пространство, которое люди не столько осознают, сколько «чувствуют» и переживают в своем ежедневном опыте. В таком пространстве могут формироваться привязанности, например любовь к родному дому, к любимому парку. Но оно также может стать местом, где обнаруживаются отношения господства, подчинения и сопротивления, а

также возможные альтернативные пространства, которые могут выступать против доминирующего порядка.

И третья категория – это «пространственные практики». Это те социальные действия и практики, которые структурируют и изменяют пространство: организация труда, досуга, политической жизни и другие аспекты повседневной деятельности. Пространственные практики представляют собой те действия, которые связывают репрезентации пространства и обживаемое пространство, обеспечивая социальную связанность и устойчивость. Лефевр относит их к категории воспринимаемого пространства, поскольку они действуют непосредственно на восприятие людей и формируют повседневные условия жизни.

Лефевр акцентирует внимание на важности учета всех этих аспектов при анализе пространства. Подобный подход, по его мнению, позволяет раскрыть пространство как «социальный продукт», который не существует вне социальных и исторических контекстов. Так французский мыслитель предлагает метод исследования, который позволяет относиться к пространству не как к статичной сущности, а как к динамическому и изменяющемуся объекту, чьи формы и значения всегда зависят от конкретных исторических и социальных условий.

Список литературы

1. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // М.: Изд. дом «Streike Press» – 2015. – 432 с.
2. Вершина И. А. Анри Лефевр: от «Права на город» к «Урбанистической революции» / И. А. Вершина // Вестн. Моск. ун-та. – 2018. – № 18. – С. 48–60.
3. Бедаш, Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра / Ю. А. Бедаш // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 11 – С. 219-224.
4. Вальдес О. С. Эволюция социологических теорий города XIX-XX вв. / О. С. Вальдес // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2 – С. 319-324.

NATIONAL IDENTITY AND TRADITIONAL VALUES IN MODERN CHINA: TENSION AND INTEGRATION

Meng Yiyi,

postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – **Novikava Volha U.,**

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. This paper discusses the relationship between China's national identity construction and traditional values under the background of globalization from the cross perspective of philosophy and social science. By analyzing the modern transformation of national identity and traditional values and their roles in identity construction, the author reveals the cultural integration dilemma and innovation path faced by contemporary China in the process of modernization. It is found that traditional values provide a cultural foundation for national identity through family cultural ties, ethical community memories and symbolic ceremonies. The research conclusion emphasizes that the creative transformation of traditional values is the key to solve the problem.

Keywords: National identity; Traditional values; Creative transformation; Dialectical unity.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: НАПРЯЖЕННОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ

Мэн Ии,

аспирантка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Новикова Ольга Владимировна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье с философских позиций рассматривается взаимосвязь между конструированием национальной идентичности Китая и традиционными ценностями на фоне глобализации. Анализируя современную трансформацию национальной идентичности и традиционных ценностей и их роли в конструировании идентичности, автор обращается к проблеме культурной интеграции, с которой сталкивается современный Китай в процессе модернизации. Установлено, что традиционные ценности обеспечивают культурную основу для национальной идентичности через семейные культурные связи, этические ценности, коллективную

память и символические церемонии. Подчеркивается, что ключом к решению проблемы выступает творческая трансформация традиционных ценностей.

Ключевые слова: национальная идентичность; традиционные ценности; творческая трансформация; диалектическое единство.

Theoretical Framework: The Dual Dimensions of National Identity

Under the background of globalization, the relationship between ethnic identity and national identity has become an important topic both in public and in scientific discussions. In China, which is a multi-ethnic unified country, the construction of national and ethnic identities is unique and complex.

First of all, as two different identities, ethnic identity and national identity have overlapping connotations and generating logic, but there are essential differences.

The core of ethnic identity lies in the group's sense of belonging to common cultural symbols and historical memories. According to Benedict Anderson's classic exposition in *"Imagined Communities"*, a nation is essentially an "imagined political community" [1], even if its members don't know each other, they can form an emotional connection through shared language and collective narrative spread by the media (such as history textbooks and literary classics). "Zhonghua Minzu" in the context of China includes not only the traditional recognition of Confucian culture by the Han nationality, but also the attribution of ethnic minorities to the Chinese nation community under the framework of "pluralism and unity".

Correspondingly, national identity emphasizes the loyalty of political entities and their institutional legitimacy. It often takes citizenship as the carrier and relies on territorial sovereignty, legal system and ideology to unite individuals.

Regarding the origin of national identity, there are disputes between "natural ties theory" and "artificial construction theory" in academic circles. Proponents of the first approach, which goes back to J. Herder with his concept of "Volksgeist" and German Romanticism of the 18th century, can be designated as primordialists. They are characterized by faith that the original factors such as blood, region and historical tradition are the basis for the formation of national identity. The second approach, more characteristic of modern times and presented in the works of B. Anderson, E. Balibar, I. Wallerstein and others, is constructivism. It emphasizes that modern countries purposefully shape national identity through media propaganda, education system and ritual symbols.

It is worth noting that after academic discussion, China's national identity construction is neither completely natural nor purely man-made, but the product

of dynamic interweaving of the two. Relying on the Yellow River and the Yangtze River, China has formed a stable geographical core. In terms of consanguinity, from ancestor worship and patriarchal clan system enfeoffment, and then to the construction of consanguinity pedigree, it reflects the role of consanguinity as a natural bond in the construction of China's national identity. In the development of modern China, the national identity and social system were firmly bound through the household registration system, patriotic education and the promotion of Putonghua. The propaganda of Xinhua News Agency, CCTV and other official media, various patriotic film and television works, military parade, Confucius Institute and other artificial activities have further deepened national identity.

In the process of national identity construction in modern China, traditional values have shown multi-level tension in modern times, which is the pain of civilization transformation and also provides room for the growth of new identity models.

Antony Giddens believes that globalization has promoted the changes of modern society [2]. With the globalization, various western cultural thoughts have flooded into China, which makes China's traditional values face deconstruction. On the one hand, the traditional family concept and hierarchical order are challenged by individualism and equality; On the other hand, modern science and technology and means of communication provide conditions for the reconstruction of traditional values, and people begin to integrate modern elements on the basis of tradition to reshape values.

In a word, there is a complex tension between modern China's national identity and traditional values, which requires us to resolve contradictions with rationality and wisdom and build a more harmonious, stable and dynamic society.

The Function of Identification and Construction of Traditional Values

Confucianism has always been the axis of Chinese traditional values since the Han Dynasty. Its core "benevolence, courtesy, loyalty and filial piety" not only regulates interpersonal relationships, but also closely binds individual morality, family responsibility and national identity through the ethical framework of "the same structure of the clan and country". Confucianism emphasizes the extension of personal cultivation to the level of family, society and country, which makes the concept of "integration of family and country" deeply rooted in people's hearts. For example, the imperial examination system takes Confucian classics as the examination content, unifies cultural identity and political loyalty, and forms an elite identity path of "study, be an official, and serve country". Confucian "destiny view" and "rule of virtue" thought provide moral legitimacy for dynasty rule. Emperor Kangxi of the Qing Dynasty regarded

Confucian etiquette as the ruling tool of multi-ethnic empires and strengthened the cultural identity of “Chinese orthodoxy” [3]. The rise of traditional Chinese culture is not only a return to cultural tradition, but also a strategy for the country to shape the image of a civilized country and gather cultural consensus at home through Confucian symbols.

Genealogy constructs family common memory by recording lineage, clan rules and ancestors’ deeds. For example, the “genealogy joint repair” activity of Hakka people in Fujian transcends regions and even national boundaries, and strengthens the sense of belonging of “the same root and origin”. In contemporary rural rejuvenation, rebuilding genealogy has become an important means to rebuild local identity.

Nowadays, the sacrificial ceremony has also changed from ancestor worship to traditional national symbol. Strengthen the ethical concept of “pursuing the future with caution” through ritual repetition. The official public sacrifice activities upgraded it to the symbol of “the ancestor of the Chinese nation”, giving the sacrifice a national identity significance. The activities of offering sacrifices to Mazu and Guandi on both sides of the Taiwan Province Strait also show how traditional culture transcends political differences and becomes an emotional bond of “a family on both sides of the strait”.

The Dilemma of Integration under the Impact of Modernity

Now, national identity and traditional values are faced many difficulties of integration. These difficulties are mainly reflect in the cultural shock and intergenerational cognitive differences.

Globalization has made various sub-cultures spread rapidly and become popular. Sub-culture, as a unique cultural expression of a specific group, has strong attraction and influence. The controversy over the renovation of the Confucian Temple in Shanghai’s 2D Holy Land is very symbolic: When the government tried to restore the Confucian architectural regulations, ACG enthusiasts used itasha to turn Confucius into an animation role exhibition space. This “battle for space” in the sense of Henri Lefebvre exposes the fierce conflict between “locality” and “super-locality” in the process of globalization [4]. There are 32.7 billion broadcasts under the topic of “Hanfu Cross-dressing” in Tik Tok, but traditional costumes are stripped of cultural context and become visual fast-moving products.

In addition, the “differential pattern” bred by farming civilization is being reshaped by the urbanization process [5]. According to the data of the seventh census, the average number of households in China dropped to 2.62, and the proportion of “atomized families” increased by 37% compared with 20 years ago

[6]. This directly disintegrated the practice foundation of filial piety that “While parents are living, it is better for child not to stay far away from home”.

A deeper phenomenon occurs at the value level. The “individualization trap” mentioned by Ulrich Beck [7] appears in intergenerational relations: the younger generation regards traditional family responsibilities as shackles, while the parents still cling to the view of “raising children for old age”. This cognitive dislocation has resulted in an annual growth rate of 23% in cases of maintenance disputes after the implementation of the Civil Code. In Douban’s “parents are evil” group, 42,000 members rebelled against traditional filial piety, forming a typical confrontational form of Karl Mannheim's so-called “intergenerational unit” [8].

The service of “electronic sacrifice” caused controversy, when filial piety can be quantified as a virtual candle in 68 Yuan, the spiritual dimension is compressed into a computable data flow. This colonization of instrumental rationality on value rationality, as Jürgen Habermas said, makes cultural inheritance a vassal of “system integration” [9].

Integration Path: from the Perspective of Philosophical Methodology

Firstly, Hegel’s dialectics can provide meta-logic for cultural transformation. Evolution of filial piety ethics proves the process of “positive-negative-combination”: from the traditional “patriarchal supremacy” to the individualized impact, the intergenerational reciprocity is finally realized in the “spiritual support” clause of the Law on the Protection of the Rights and Interests of the Elderly. The coupling of national public holiday day and traditional solar terms system transforms historical trauma memory into cultural identity resources. The practice course of ancestor worship at Qingming Festival in primary and secondary schools enabled the younger generation to recognize the symbol of “descendants of the Yellow Emperor” in the ceremony, and completed the intergenerational transmission of Halbwachs’s collective memory[10]. In Halbwachs’s “collective memory” theory, Tomb-Sweeping Day's ancestor worship practice transformed the symbol of “descendants of the Chinese people” into a commemorative memory through a ritualized social framework, such as sweeping graves and memory fields (ancestral halls). As a memory agent, the education system completes intergenerational transmission in a specific space-time anchor, reproduces identity, and at the same time implies the normative screening of memory by power. This critical and inherited thinking can realize the creative transformation of traditional culture.

Besides, the use of the Internet and information technology to build a digital community provides a platform for people to exchange and share traditional

culture, so that people can participate in the discussion and exchange of traditional culture anytime and anywhere. Virtual reality (VR) and augmented reality (AR) technologies can also allow people to reproduce and experience historical scenes. By creating virtual historical scenes and cultural heritage models, people can feel the charm of traditional culture in an immersive way.

In the tension between national identity and traditional values, the construction of Chinese national identity shows the characteristics of dynamic balance: it is not only dependent on the “natural ties” of blood and geography, but on the “artificial construction” of national projects, but the dialectical unity of the two in the long history. Traditional culture injects modern identity and spiritual nutrients; under the impact of globalization, traditional values are forced to reconstruct themselves.

Ultimately, the scale of cultural integration lies in “all-round development of human beings”. This enlightens us that the success of civilization transformation depends on whether we can protect the cultural depth in the technological storm and make traditional values the support of individual life significance. In the future, it is necessary to deepen the study of intergenerational cognitive differences, build a dynamic evaluation model of cultural policies, and provide a Chinese solution for the global modernity dilemma.

References

1. Anderson B. Imagined communities Imagined Communities: Reflections on the origin and spread of nationalism // Shanghai People's Publishing Company Press. –2006. P.24-25.
2. Giddens A., Pierson C. Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity// Stanford University Press. –1998. P. 94-117.
3. Duan Chao, Gao Yuanwu. From “Discrimination between Yi and Xia” to “Integration of Hua and Yi”: An Investigation of the Ideological History of the Formation of Chinese Community Consciousness// Journal of South-Central University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition). –2020. – Vol.40, №.5. –P.1-8.
4. Gieseeking, J. J., Mangold, W., Katz, C., Low, S., & Saegert, S. (Eds.). The people, place, and space reader. //Routledge Press. –2014. –P.289-293.
5. Fei, Xiaotong. From the soil, the foundations of Chinese society; A translation by Hamiton and Wang Zheng// University of California Press.–2017. –P.15-29.
6. National Bureau of Statistics (NBS), Bulletin of the Seventh National Population Census.// Beijing. –2021. [Internet] [cited 2025 March 25]. Available from: https://www.stats.gov.cn/sj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/202302/t20230206_1902002.html
7. Beck U, Beck-Gernsheim E. Individualization// Peking University Press. –2011.

P.88-101.

8. Bettelheim B. The problem of generations// Daedalus Press, –1962. P.68-96.
9. Strecker D. The theory of society: the theory of communicative action (1981): a classic of social theory; The Habermas Handbook//Columbia University Press. –2017. P.360-382.
10. Halbwachs M. On collective memory// University of Chicago press, –2020.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Мысов Евгений Андреевич

студент факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет

Воробьева Светлана Викторовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье уточняются направления в разработке методологии культурного трансфера применительно к истории белорусской государственности. Для этого выявлены особенности трех направлений, связанных с неклассической трактовкой бинарных оппозиций, границей и пограничьем, трансграничными процессами. Раскрыто их значение в формализации процессов государственного самоопределения в пространстве локальных историй и истории глобальной.

Ключевые слова: история белорусской государственности; методология культурного трансфера; государственное самоопределение; граница; пограничье; трансграничные процессы.

HISTORY OF BELARUSIAN STATEHOOD IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRANSFER METHODOLOGY

Mysau Yauheni Andreevich

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University

Vorobyova Svetlana Victorovna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article specifies the directions in the development of the methodology of cultural transfer in relation to the history of Belarusian statehood. For this purpose, the features of three directions related to the non-classical interpretation of binary oppositions, border and borderland, trans-border processes are identified. Their significance in the formalization of the processes of state self-determination in the space of local histories and global history is revealed.

Keywords: history of Belarusian statehood; methodology of cultural transfer; state self-determination; border; borderland; trans-border processes.

Методология культурного трансфера непосредственно связана с историей цивилизаций, историей философии и историей идей, что позволяет актуализировать ее применительно к исследовательскому полю истории белорусской государственности. Контекст идей можно считать более существенным, поскольку они (идеи), порожденные одним контекстом, циркулируют вне его, и, попадая в другой контекст, получают иную интерпретацию, которая зависит от структуры воспринимающего поля – иной цивилизации или иной национальной философии [1–4]. Это означает, что видимость свободы от контекста оборачивается достаточно тесной связью с ним и не может игнорироваться в дисциплинарном поле истории белорусской государственности [3]. В методологических аспектах это ведет к неизбежности реконструкции системы связей и отношений как семантических и прагматических условий, в которых могут быть выявлены особенности указанной истории и государственного самоопределения [4; 5]. Исходя из такой постановки проблемы, цель статьи – уточнить направления в разработке методологии культурного трансфера применительно к истории белорусской государственности.

Методология культурного трансфера обусловлена, прежде всего, дискурсивным мышлением, специфика которого объясняется с позиции законов и принципов логики. Применительно к истории белорусской государственности и особенностям ее самоопределения это означает ряд рационально-критических трансформаций классической методологии, предполагающих переход к целостности бинарных оппозиций, границам и пограничью, а также к трансграничным процессам. Рассмотрим некоторые элементы рациональной критики в этих направлениях.

Первое направление связано с критическим пониманием бинарных оппозиций. Бинарные оппозиции являются универсальным классическим средством рационального описания мира, основанного на логических отношениях противоположности и противоречия, значит, на законах запрета противоречия и исключенного третьего. В противоположных отношениях устанавливается связь, при которой в одном понятийном содержании утверждается некоторое свойство (качество), раскрываемое в объекте познания, в другом – оно отрицается и заменяется на иное. В противоречащих отношениях имеет место только отрицание некоторого свойства. Представления о бинарных оппозициях восходят к диалектике Платона и формальной логике Аристотеля. На их основе были разработаны бинарные теории, положившие в свою основу принцип двоичности, что позволило редуцировать многочисленные оппозиции дифференциальных

признаков к двухэлементным, и принцип ограниченного набора дифференциальных признаков, свойственных всем языкам мира. В частности, бинарные оппозиции *свой/чужой*, *верх/низ*, *свет/тьма* отражают мысленное разделение мира на два универсума, присущее каждому народу. Такое восприятие мира, по словам К. Леви-Строса, является отражением мифологического мышления человека, основы которого зародились в глубокой древности, так как, например, еще «первобытные общества определяли границы человечества пределами своей племенной группы, вне которой они воспринимали себе подобных лишь как чужаков» [6, с. 201].

Древнекитайские философские школы даосизма, мин-цзя, мо-цзя исходили из бинарных оппозиций в построении своих теорий. Даосизм пытался выразить дуальный мир посредством женских и мужских, темных и светлых, холодных и теплых начал. Школа мин-цзя, поставив противоречие в центр своей философии, изучавшей проблемы форм и методов познания, мышления, спора, показала, что у всего есть две стороны без абсолютной правильности и правды. Школа мо-цзя, продвигая идею доброжелательности и взаимопомощи, стремилась разработать идеальную логическую систему, формализовав реальный процесс достижения взаимной выгоды и взаимопонимания [7, с. 18–22].

Для стратегий западного мышления также характерны бинарные оппозиции, восходящие к логике Аристотеля. Э.Р. Лич подчеркнул, что в культурную систему западного механистически организованного общества «встроено так много “настоящей”, Аристотелевой логики, что мы по большей части считаем само собой разумеющимся, что логика такого рода – основная составляющая здравого смысла». Однако «на практике принципы формальной логики применяются нами только в относительных случаях, когда мы стремимся передать точную информацию». Но когда люди общаются посредством нескольких каналов передачи сенсорной информации – «через прикосновения, взгляды, восприятие на слух и т. д., – логическая упорядоченность индивидуальных посланий менее очевидна» [8, с. 39].

Целесообразность применения логической процедуры сравнения заключается в выявлении и обосновании различий, образующих четкие оппозиции, с помощью которых задается ортогональный порядок, и поэтому используемых в исследованиях в качестве категориальных переменных. М. Эспань указал на пределы применимости такой методологии в исторических исследованиях: «Сравнение двух объектов означает их противопоставление, в которое первоначально входит

перечисление одновременно их сходств и различий». При этом «целью... является создание жесткой оппозиции, конструируемой, по правде сказать, не без неизбежного при этом смешения смыслов», так как «сравнению... поддается только то, что не является смешанным». Значит, «сравнение лишь укрепляет национальные различия, не позволяя поставить их под сомнение» [1, с. 79]. Поэтому бинарные оппозиции вынуждают актуализировать тему границы.

Второе направление связано с темой границы и пограничья. Граница является водоразделом, где язык и категории сосуществуют со своим иным. Размышление о границе связано с отношениями конечности и бесконечности. Философское определение границы исходит из того, что весь мир пронизан этими отношениями. Любой объект познания одновременно конечен и бесконечен. Конечным он становится вследствие осмысленности, или интеллектуального оформления. Как утверждал А.Ф. Лосев, в «умной бесконечности», находят себя и бесконечное становление вещи, и ее границы [9, с. 537].

Границы в «умной бесконечности» и зоны смыслового пограничья позволяют, во-первых, дополнять унификацию, которая опасна своей поверхностностью и легковесностью в научном аргументировании, во-вторых, не опасаться разнообразия как результата взаимопроникновения и взаимовлияния. Это можно иллюстрировать историей философии, представляющей именно такой процесс «умной бесконечности», в которой сосуществуют разнообразные теории, концепции, системы, идеи, понятия. Исследовательские задачи связаны с методологическими подходами к границе как, например, источнику новых предметных, смысловых и прагматических значений, значит, идей, концепций, теорий, или источнику альтернатив: застрять на границе как временном рубеже или краю пропасти либо преодолеть ее. Поэтому историю белорусской государственности методологически важно исследовать именно как такую пограничную структуру, движение за пределы которой оказывается невозможным. Эта структура неоднородна, поэтому по ней можно перемещаться целесообразно и осмысленно. Но если она представляется однородным пространством, то по нему можно двигаться бесконечно, бессмысленно и бесцельно.

Третье направление обусловлено неоднородностью структуры, позволяющей рассуждать о трансграничных процессах, генерирующих гибридные состояния, поскольку их можно характеризовать как следствия множественных перемещений, пересечений, инкорпораций, преодолений.

Неоднородность означает наличие периферии, т.е., как подчеркнул М.А. Румянцев, имеет место, «такое пространство около своей границы, которое не дает возможности выйти за эту границу и принуждает нас двигаться по этой границе, по периферии вещи». Такое «движение вещи по границе есть особое движение с особыми видоизменениями, предполагающими деформации, мутации и мнимые формы» [10, с. 27], или гибриды.

Латинская приставка «транс» означает «над», «сверх», «через», «по ту сторону». Этимология непосредственно указывает, что трансграничные контексты подразумевают пересечение нескольких культур (например, существование среди разных национальностей, времен, языков), особость культурной потусторонности, когда нечто нельзя отнести к конкретному месту или времени, наличие множества точек отсчета, среди которых могут быть и «горячие точки». В самоопределении белорусской государственности пограничье и трансграничные зоны могут иметь разные формы конкретизации – языковые, национальные, географические, исторические, политические и др. Поэтому возможно построение различных моделей государственности, в которых акцентируются соответствующие границы, пограничья, трансграничные процессы и территории. Если необходимость проведения границы обусловлена недостаточностью жесткой оппозиции, то в условиях пограничья движение мысли принимает особые формы переходов и трансформаций, переосмыслений и новых означиваний, зачастую долговременных и не сразу заметных, пока не возникнет новая реальность. Внимание к такой реальности как трансграничной зоне смысла, собственно, и составляет предмет трансфера. М. Эспань и Е.Е. Дмитриева отметили преимущества культурного трансфера как методологии, подчеркнув, что «изучение трансфера делает акцент более на механизмах постоянной реконструкции новых условий существования общества, нежели на устойчивости традиционных структур» [11, с. 43].

Таким образом, основные направления в разработке методологии культурного трансфера применительно к истории белорусской государственности обусловлены проблемами неклассической трактовки бинарных оппозиций, границы и пограничья, трансграничными процессами. Это позволяет формализовать процессы государственного самоопределения в пространстве локальных историй и истории глобальной.

Список литературы

1. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань / Пер. с франц. Под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой., вступ. ст. Е.Е. Дмитриевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.
2. Эспань, М.О понятии культурного трансфера. Предисловие / М. Эспань // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. – М.: ИМЛИ РАН. 2009. – С. 7–18.
3. Гигин, В.Ф. Методологические основы изучения современной белорусской государственности / В.Ф. Гигин // Образование в современном мире: горизонты и перспективы. – Сб. науч. ст. – Изд-во «ЮрСаПринт», 2018. – С. 180–188.
4. Легчилин, А.А. Интеллектуальная история белорусской государственности: методологические аспекты исследования / А.А. Легчилин, С.В. Воробьева, В.С. Сайганова // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности: материалы Восьмой междунар. науч. конф. (21–22 ноября 2024 г., г. Минск). В 2 томах. Том 1. /Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Четыре четверти, 2024. – С. 85–88.
5. Гнучих, В.Б. Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты / В.Б. Гнучих, С.В. Воробьева // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. – Минск: БГУ, 2023.– С. 73–76.
6. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
7. История логики / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, С.В. Воробьева и др. – Минск: Новое знание, 2001. – 170 с.
8. Лич, Э.Р. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Э.Р. Лич. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.
9. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 524–590.
10. Румянцев, М.А. Трансграничные процессы в экономике: природа, логика, формы / М.А. Румянцев // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 27–32.
11. Эспань, М. Антропологическая составляющая культурного трансфера / М. Эспань, Е.Е. Дмитриева // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2019. – Том 78. – № 6. – С. 43–53.

ФЕНОМЕН СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В БИОЭТИКЕ

Навицкая Полина Сергеевна

магистрантка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Беляева Елена Валериевна**

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Цель данной статьи – охарактеризовать феномен смерти и бессмертия с точки зрения биоэтики. Смерть в биоэтике трактуется как естественный, необратимый процесс и прекращение жизнедеятельности организма человека. Бессмертие связывается с применением инновационных технологий и новейших медицинских практик и интерпретируется как вмешательство в естественные жизненные процессы.

Ключевые слова: смерть; бессмертие; биоэтика; биомедицинская практика; нравственная оценка.

PHENOMENON OF DEATH AND IMMORTALITY IN BIOETHICS

Navitskaya Polina Sergeevna

Master's student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific supervisor – **Belyaeva Elena Valerievna**

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University

Abstract. The aim of this article is to characterise the phenomenon of death and immortality from the point of view of bioethics. Death in bioethics is interpreted as a natural, irreversible process and termination of vital activity of the human organism. Immortality is associated with the application of innovative technologies and the latest medical practices and is interpreted as interference in natural life processes.

Keywords: death; immortality; bioethics; biomedical practice; moral evaluation.

Смерть неотъемлемо связана с жизнью человека: это естественный биологический процесс, который необратим. В общем понимании смерть представляет собой прекращение жизнедеятельности организма человека.

Проблема смерти и бессмертия всегда рассматривалась и продолжает рассматриваться с точки зрения различных аспектов: философских, медицинских, религиозных, художественных и

психологических. Данная тема затрагивает абсолютно все сферы общественной жизни и имеет не только обыденный, но и сакральный характер.

В психологическом контексте чужая смерть характеризуется как переживание человеком утраты и большого горя, в медицинском – прекращение жизни. Религиозная установка предполагает, что смерть – это не конечная точка жизни, а переход в новое состояние. Цель данной статьи – охарактеризовать феномен смерти и бессмертия с точки зрения биоэтики.

Новые аспекты проблемы отношения к смерти и бессмертию выявила биоэтика, которая исследует данные феномены не только как теоретические проблемы, но и одновременно как реальную ситуацию в биомедицинской практике. Кроме того, она включает в себя потенциал нескольких научных дисциплин – этики, медицины, психологии, техники, программирования, физики – и сохраняет актуальность моральной оценки современных трансдисциплинарных новаций в применении к человеческой жизни и смерти.

Ранее констатация смерти была прерогативой священников, которые находились рядом с человеком до самой его кончины. Затем, с течением времени, произошла медиализация смерти и начиная с XIX в. ответственность за установление смерти человека перешла в руки врачей.

В настоящее время известны два критерия определения смерти. Первый из них – прекращение функций кровообращения и дыхания. Данный критерий характеризуется как традиционный. Вторым критерием – прекращение всех функций мозга – является новейшим. «Современной медицине соответствует современный образ человека как прежде всего разумного существа, чему соответствует и новый критерий его смерти – "смерть разума" или "смерть мозга", или "неокортексовая смерть", т.е. невыполнение мозгом своих функций мышления, рассуждения, контакта с людьми [1, с. 74].

Несомненно, трансдисциплинарные научные разработки и новации достигли невероятных результатов, которые в значительной мере облегчили человеческую жизнь. Благодаря научным достижениям человек в состоянии не только контролировать и поддерживать свое здоровье, но и продлить свою жизнь и замедлить приближение смерти. «Однако эти же научно-технические достижения привели к появлению трудностей морально-этического, а также юридического характера» [2, с. 270].

Стремительное научно-техническое развитие возрождает идеологию трансгуманизма, которая включает в себя результаты трансдисциплинарных

разработок и согласно которой новейшие достижения науки и техники способны улучшить физические, психические и умственные возможности человека. Также предотвратить неприятные компоненты человеческого существования – старение и смерть – тем самым утверждая возможность увеличения продолжительности жизни и бессмертия. Смерть трактуется не как естественный и необратимый процесс (как это было ранее), а как контролируемое явление, которое можно отсрочить либо вовсе отменить; более радикальная точка зрения – достигнуть бессмертия.

Использование инновационных технологий и медико-биологических вмешательств – клонирование, репродуктивная практика, генная инженерия, крионика – является одним из примеров стремительного преодоления смерти человеком. «Коренные изменения, вносимые достижениями медицинской науки во временное и качественное измерение смерти, оборачиваются ростом этической напряженности врачебной деятельности» [1, с. 74].

Императивы передовых инновационных технологий и медико-биологических процедур так или иначе оказывают значительное влияние не только на установление совершенно нового социального порядка, но и на понимание человека и его естественных процессов. Однако, несмотря на притягательность новейших разработок, биоэтика исследует собственно моральную сторону тех или иных радикальных действий в отношении человеческой смерти и бессмертия.

Одна из серьезных этических проблем может быть связана с нивелированием ценности жизни и всего живого в целом, что в корне противоречит принципу биоэтики (признание жизни наивысшей ценностью).

Девальвация моральных ценностей также может быть следствием легкого отношения человека к смерти и «жизни без конца»: неизбежно трансформируется понимание смысла жизни, уникальности человеческого существования и будущих целей.

С другой стороны, с легитимацией практик бессмертия конструируется отрицание естественного права человека на достойные смерть и умирание, что впоследствии ставит под вопрос деятельность паллиативной медицины и организации хосписов. Еще один вопрос, который беспокоит современных исследователей: является ли продукт бессмертия собственно человеком и обладает ли он моральным статусом.

Таким образом, смерть в биоэтике трактуется как естественный, необратимый процесс и прекращение жизнедеятельности организма

человека. Бессмертие, в свою очередь, связывается с применением инновационных технологий и новейших биолого-медицинских практик и интерпретируется как качественное вмешательство в естественные процессы жизнедеятельности человеческого организма.

Список литературы

1. Силуянова, И. «Физика» и «метафизика» смерти / И. Силуянова // Современная медицина и православие. – М. : Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – Гл. 5. – С. 73–81.

2. Юдин, Б. Г. Смерть и умирание. Эвтаназия / Б. Г. Юдин // Введение в биоэтику. Учебное пособие. – М. : Прогресс – Традиция, 1998. – Гл. X. – С. 265–294.

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наливайко Инна Михайловна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры факультета
философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена способам тематизации города как объекта междисциплинарных исследований. В ней раскрывается статус и роль города в современной культуре, с необходимостью предопределяющие междисциплинарный характер городских исследований, обосновывается базовое методологическое значение социально-философского подхода в сочетании с концептуальными рамками философии культуры. Особое внимание уделяется пространственно-темпоральным аспектам городской культуры, своего рода «хронотопу города», как исторически сложившимся основополагающим условиям формирования социальной общности и культурной самоидентификации, что позволяет сделать вывод о том, что город является одной из самых эффективных моделей исследования социального пространства, направленных на практические цели совершенствования культурной политики и городского планирования.

Ключевые слова: город; городская культура; городское пространство; место; темпоральность города; хронотоп; культурная идентичность; Чужой.

THE CITY AS THE OBJECT OF CROSSDISCIPLINARY STUDIES

Nalivaika Ina Mikchailovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Philosophy of Culture Department,
Belarusian State University.

Abstract. The article is devoted to the modes of thematization of the city as an object of interdisciplinary research. It reveals the status and role of the city in contemporary culture, which necessarily predetermine the interdisciplinary nature of urban studies, substantiates the basic methodological significance of the socio-philosophical approach in combination with the conceptual framework of the philosophy of culture. Particular attention is paid to the spatial and temporal aspects of urban culture, a kind of "chronotope of the city", as historically established foundations for the formation of social community and its cultural self-identification. As a result, one may conclude that the city is one of the most effective models for studying social space, which is aimed at the practical goals of improving cultural policy and urban planning.

Keywords: city; urban culture; urban space; place; temporality of the city; chronotope; cultural identity; the Alien.

Место и роль города в современном социуме невозможно не заметить или переоценить. Помимо того, что современная фаза цивилизационного развития в части стремительного роста больших городов вполне соответствует прогнозу О. Шпенглера (что само по себе заставляет задуматься о грядущих судьбах европейской и мировой культуры), современные миграционные процессы и новые для человечества вызовы, порожденные глобализацией, делают город объектом пристального внимания как исследователей, так и представителей управленческих структур различного уровня. Современный город конденсирует и предельно обнажает проблемы, связанные с сосуществованием в одном пространстве представителей различных этносов, религиозных конфессий, культурных традиций и субкультурных групп. Он обостряет вопросы взаимодействия человека и техники, элитарной и массовой культуры, совмещения человекообразности и коммерческой эффективности организации городского пространства и так далее.

При той значимости, которую приобретает город в современной культуре, совершенно естественным является тот факт, что те или иные аспекты этого феномена становятся точкой приложения теоретических усилий представителей разных отраслей знания. Город в различных аспектах его существования становится объектом изучения экономических наук, социологии, бизнес-администрирования, экономической и политической географии, или той дисциплины, которая в англоязычном сегменте получила название *human geography*, и, разумеется, относительно новой и изначально междисциплинарной по своему характеру области знания, получившей название «урбанистика» (хотя более правильно ее было бы именовать «городскими исследованиями»).

Однако, ввиду особого статуса современного города и его влияния на жизнь социума во всем многообразии его проявлений, ведущую роль в этом мультидисциплинарном «многоголосии», на мой взгляд, должны играть и играют философия культуры и социальная философия. Разумеется, город как феномен культуры и особая форма организации и существования социума может изучаться во множестве аспектов, но в рамках данной статьи хотелось бы остановиться на тех, которые представляются основополагающими.

Можно начать с уже ставшего банальным тезиса о том, что каждую культурную традицию отличает свой специфический способ взаимодействия с пространством и временем, что и определяет своего рода «хронотоп» культуры. Не вдаваясь в дискуссию о том, что является определяющим в этом событийном единстве пространства и времени, следует все же отметить, что пространственный аспект является если и не генетически первым, то, по крайней мере, наиболее очевидным.

Неоспорим тот факт, что способ обживания пространства и вживания в него, формирование пространственных характеристик представителей той или иной культуры тесно связаны с природным ландшафтом заселяемых территорий. Город в этом плане служит очень яркой и плодотворной моделью для прояснения и изучения пространственного измерения культуры, за которым стоят и ее экзистенциальные аспекты. Исторически города возникают на достаточно зрелой стадии развития культуры, которая переходит от натурального хозяйства или кочевого образа жизни к более эффективным способам производства и обмена. Но сами города изначально выполняют в качестве доминирующей еще одну функцию – функцию локализации, определения границ и сохранения определенной социальной общности. А это, в свою очередь, предполагает некое пространственное самоопределение, обозначающее границу между своими и чужими. Это один из первых и наиболее устойчивых способов социальной и культурной самоидентификации. Эта функция даже закрепляется вербально в самом слове, обозначающем городское поселение. Так, например, в славянских языках слова «город», «град», «место», указывают на некое обжитое пространство, принадлежащий определенной человеческой общности, топоним, который создает некую пространственную границу, преграду, призванную охранять и сохранять свое перед лицом окружающего чужого [См.:1]. И не столь важно, как выглядела эта преграда – крепостная стена, ров, естественный водоем или скалы, в которые вписывался город, делая подходы врага невозможными или затруднительными. Главным в данном случае был тот факт, что город служил эффективной пространственной рамкой, обеспечивающей возможность определения и удержания собственной культурной идентичности.

Однако по мере развития городов и усложнения структуры городской жизни, сам город начинает создавать особые пространственные локации уже внутри своих границ. Городское пространство становится способом закрепления социальной и экономической стратификации, оно маркирует принадлежность к определенной сословной или имущественной группе,

определенному этносу или профессии. Мы до сих пор привычно пользуемся выражениями «Верхний город», «Нижний город», уже не вдумываясь в то, какие реалии предопределили возникновение этих названий. Именно городское пространство, в силу сложноструктурированности и многоуровневости городской жизни становится прообразом и идеальной моделью того, что в итоге получило название социального пространства и стало предметом изучения различных наук, но, прежде всего, социальной философии и социологии.

Именно в рамках этих дисциплин и возникает осознание того факта, что не только пространство в виде природного ландшафта диктует нам «правила игры», но сам социум активно преобразует, организует и структурирует пространство в соответствии со своими социокультурными, экономическими и политическими потребностями. Своего рода квинтэссенцией такого подхода к изучению социального пространства становится идея французского неомарксиста Анри Лефевра о том, что само пространство может стать продуктом производства. Пространство вплетено в сеть производственных отношений, оно является продуктом определенных социальных групп и доминирующих производственных отношений, что, с точки зрения Лефевра, подтверждается фактом планирования и застройки современных больших городов. Их пространство призвано обслуживать определенный способ производства, оно лишь закрепляет и усиливает порожденные им процессы отчуждения.

Эта идея «производства пространства», впервые озвученная в книге с одноименным названием [2], быстро набирает популярность, обретая в ходе своей ассимиляции множество ответвлений и интерпретаций. Одной из самых значимых и продуктивных является версия Мишеля де Серто, реализованная им в рамках большого исследования, получившего название «Изобретение повседневности» [3]. Серто при исследовании повседневной жизни напрямую отсылает к идеям Лефевра, но, присовокупив к ним концепцию микрофизики власти Мишеля Фуко, предлагает свое прочтение отношений человека с социальным пространством. С точки зрения де Серто, повседневная жизнь является наиболее очевидным подтверждением того, что наши отношения с социальным пространством являются сложным сплавом производства и потребления. Для обоснования этого тезиса он обращается к различным историческим примерам обживания пространства, одним из которых и является повседневная жизнь современного города. Пространственные характеристики жизни горожан формируются в результате синтеза стратегических усилий различных институций,

определяющих планирование городского пространства, и реальных действий жителей города, направленных на его апроприацию, на вживание в городскую среду. Серто доказывает, что повседневные практики, в том числе и пространственные, не являются всего лишь пассивным потреблением. Потребление тоже есть производство особого рода, оно применяет избирательные тактики, позволяющие в какой-то мере противостоять унифицирующему воздействию стратегий и противопоставлять навязываемым обезличенным «правильным» (или общим) местам уникальность «собственного места» - дома, любимого кафе и т.д.

Но пространство – лишь одна составляющая городского хронотопа. Город с неизбежностью определяет и особое переживание времени. Справедливости ради, следует заметить, что оно неотрывно от специфики организации городского пространства. Не секрет, что интенсивность городской жизни делает его суточный ритм более спрессованным и насыщенным различного рода активностями по сравнению с более размеренным и замедленным ритмом жителя сельской местности. Но дело не только и не столько в темпоральных ритмах. Специфика темпоральности горожанина задана и особым способом восприятия и организации времени, воскрешающим древнегреческое понимание времени как *кайрос*, и размеченностью городского пространства так называемыми памятными местами, или «местами памяти», которые как раз и предназначены к тому, чтобы вписывать время в городское пространство, схватывать и закреплять историю в траекториях движения горожан. Здесь, как и в пространственном освоении города, мы имеем дело с пересечением производства и потребления, стратегического планирования и тактического проживания времени. Но эта тема может послужить предметом отдельного исследования.

Список литературы

1. Lundén, Thomas. On the boundary: About humans at the end of territory / Т. Lundén// Huddinge: Södertörns högskola, 2004. - 232 p.
2. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // М.: Изд. дом «Streike Press» – 2015. – 432 с.
3. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Нестерович Никита Витальевич

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Воробьева Светлана Викторовна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье раскрывается сущность отчуждения в цифровом мире с точки зрения марксистской методологии. Анализируются проявления отчуждения от продукта и процесса труда, от других людей и от собственной сущности в контексте цифровой экономики, особенно в сфере платформенной занятости и социальных сетей. Рассматриваются возможности и риски, связанные с использованием цифровых технологий, и предлагаются пути преодоления отчуждения в цифровом мире.

Ключевые слова: отчуждение человека; марксистская концепция отчуждения; цифровой мир; цифровая экономика; платформенная занятость; социальные сети.

HUMAN ALIENATION IN THE DIGITAL WORLD IN THE CONTEXT OF MARXIST METHODOLOGY

Nesterovich Nikita Vital'evich,

Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Scientific Supervisor – Vorobyova Svetlana Viktorovna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Philosophy of Culture

Abstract. The article examines the problem of alienation in the digital space from the perspective of Marxist theory. It analyzes the manifestations of alienation from the product and process of labor, from other people, and from one's own essence in the context of the digital economy, particularly in the sphere of platform employment and social networks. The opportunities and risks associated with the use of digital technologies are considered, and ways to overcome alienation in the digital world are proposed.

Keywords: human alienation; Marxist concept of alienation; digital world; digital economy; platform employment; social networks.

В эпоху стремительного развития цифровых технологий и всепроникающей виртуализации проблема отчуждения человека

приобретает особую актуальность [1–3]. Марксистский подход к отчуждению, разработанный в контексте индустриального общества [4], является ценным методологическим инструментом, применимым в исследованиях этого феномена в современных реалиях [5; 6]. Поэтому цель статьи – раскрыть сущность отчуждения в цифровом мире с точки зрения марксистской методологии.

В основе марксистской концепции отчуждения лежит идея о том, что в капиталистическом обществе человек отстраняется от своего труда и его результатов, от других людей и, в конечном счете, от самого себя и своей сущности [1]. Это происходит потому, что, согласно К. Марксу, труд в капиталистическом обществе становится не средством самореализации и развития человека, а лишь средством выживания для него и средством обогащения для капиталиста. Поэтому отчуждение следует интерпретировать не только как психологическое состояние, но, прежде всего, как социально-экономическое явление, корнящееся в способе производства, а именно – товарного производства, где все, включая человеческий труд, превращается в товар и оценивается с точки зрения его меновой стоимости.

Впервые сформулированная К. Марксом проблема отчуждения человека в капиталистическом обществе по-прежнему остается актуальной. Однако следует учитывать, что «она принимала разное концептуальное оформление, предлагались разные способы ее решения в зависимости от социально-исторического контекста, идеологических установок или очередного экономического или политического кризиса» [5, с. 15–16]. Однако в современных реалиях, например, цифровой экономики «значимыми остаются вопросы сущностных аспектов марксистской концепции отчуждения, базовых форм отчуждения в ситуациях неопределенности и риска», а также «культурных механизмов конструирования идентичности» [5, с. 16]. Такие механизмы должны сдерживать отчуждение посредством недопущения или преодоления деструктивных переживаний, проявляющихся в эмоционально-чувственных формах бессмысленности, бессилия, аномии (отсутствия норм), одиночества (изоляции), чуждости всему.

Отчуждение, согласно К. Марксу, проявляется в утратах контроля или отстраненности человека от сфер, к которым он непосредственно причастен. К этим сферам философ отнес контроль личной трудовой деятельности, приобщение или получение результатов своего труда, непосредственно сам процесс труда, взаимоотношения с другими людьми и

собственную сущность [4]. Именно они составляют пять источников отчуждения человека. В условиях цифрового мира они приобретают новые черты, требующие более детального рассмотрения.

Первая форма отчуждения – контроль над процессом труда – особенно ярко проявляется в сфере платформенной занятости, где работник часто лишен полноценного контроля над своим трудом. Цифровые платформы, будучи посредниками между работником и потребителем, присваивают значительную часть созданной стоимости, а алгоритмы, определяющие условия работы, нередко лишают работника автономии и возможности влиять на свой заработок. Цифровая среда способствует формированию специфических форм социальной идентичности, которые основаны на гибридизации экстерриториальности и территориальности [7, с. 42]. Это означает, что работник, находясь в определенном физическом месте, одновременно включен в глобальное цифровое пространство, контролируемое платформой, что размывает его традиционные социальные и профессиональные идентичности. В результате возникает новая форма отчуждения, связанная с потерей контроля над пространством и временем своей трудовой деятельности, а также с размыванием границ между работой и личной жизнью.

Вторая форма отчуждения – отстраненность от результатов труда – приобрела особую актуальность в эпоху цифровых технологий и связана с их использованием. Производители контента (блогеры, стримеры, авторы текстов) создают интеллектуальную собственность, которая генерирует значительную экономическую ценность для цифровых платформ. Однако права на этот контент, как правило, принадлежат платформе, а не его создателю. Таким путем происходит экспроприация результатов труда, а создатель контента получает лишь часть созданной им стоимости, часто в виде косвенных выгод (реклама, донаты) или нематериального вознаграждения (признание, подписчики). Аналогичная ситуация наблюдается в сфере разработки программного обеспечения и искусственного интеллекта. Программисты и инженеры создают алгоритмы и программные продукты, которые становятся основой для цифровых сервисов и приносят огромную прибыль корпорациям. При этом они, как правило, не имеют прав на интеллектуальную собственность, созданную ими, и не контролируют ее дальнейшее использование. Более того, продукты интеллектуальной деятельности одних работников могут использоваться для автоматизации и вытеснения труда других, что является проявлением антагонистического характера капиталистического способа

производства. Поэтому в цифровой экономике складывается ситуация отчуждения от продукта труда, которая проявляется в отчуждении от интеллектуальной собственности, генерируемой работником, а также в подчинении результатов его труда логике капитала, направленной на максимизацию прибыли владельцев цифровых платформ и корпораций.

Третья форма отчуждения – отстраненность от процесса труда – также приобретает особый характер в цифровой среде, например, образовательной [1]. Алгоритмизация и автоматизация, проникая во все сферы деятельности, приводят к стандартизации и упрощению задач, что снижает уровень самореализации работников и лишает их возможности проявить свои творческие способности. Социальная инженерия в цифровой эпохе создает новые формы управления сознанием, приводящие к изменению структуры социального взаимодействия [8, с. 35]. Это означает, что цифровые технологии оказывают влияние не только на экономические, но и на когнитивные аспекты отчуждения, в частности в образовании [9]. Алгоритмы социальных сетей могут формировать информационный пузырь (ситуация, когда человек окружен информацией, соответствующей его взглядам), ограничивая доступ к альтернативным точкам зрения и усиливая расслоение общества. В результате, человек оказывается оторванным от объективной реальности и погруженным в мир иллюзий и предрассудков, что, в свою очередь, приводит к отчуждению от других людей, придерживающихся иных взглядов. Постоянное воздействие алгоритмов на сознание может привести к утрате способности к самостоятельному мышлению и критическому анализу информации, что является одной из ключевых характеристик отчужденного человека.

Четвертая форма отчуждения – отсутствие контроля над взаимоотношениями с другими людьми – обусловлена процессами виртуализации социальных и коммуникативных связей, которые в цифровом пространстве претерпевают существенные трансформации. С одной стороны, интернет предоставляет широкие возможности для общения и взаимодействия с людьми, находящимися в разных уголках мира, но с другой, – это общение часто носит поверхностный характер и может приводить к социальной изоляции. Цифровая среда создает иллюзию участия в социальных процессах, что способствует изменению традиционных механизмов идентификации [4, с. 45], а также приводит к тому, что количество онлайн-контактов не всегда переходит в качество реальных отношений. Постоянное участие в виртуальных дискуссиях и сообществах формирует ощущение вовлеченности, однако не заменяет

реального взаимодействия с людьми. В результате человек может чувствовать себя одиноким и оторванным от реального мира, несмотря на обилие онлайн-коммуникаций. Следует подчеркнуть, что, например, анонимность в интернете способствует распространению агрессии и ненависти, усиливая отчуждение и социальную изоляцию. Кибербуллинг, хейт-спич и другие формы онлайн-насилия оказывают разрушительное воздействие на психическое здоровье и социальное благополучие, особенно подростков и молодежи. Отчуждение от себя в цифровую эпоху может быть связано с нарушением идентификационных механизмов в обществе [2, с. 26], когда человек утрачивает способность к формированию устойчивой и целостной идентичности, становясь более уязвимым перед манипулятивными техниками и пропагандой. Таким путем цифровое пространство, открывая новые коммуникативные возможности, одновременно создает риски и вызовы, требующие осознанного и ответственного подхода.

Пятая форма отчуждения – отчуждение от собственной сущности – в цифровом мире становится «еще более глубоким» [6, с. 17]. Это выражается, например, в стремлении к созданию идеального образа в социальных сетях, что может привести к утрате подлинной идентичности. Постоянное стремление к самовыражению и зависимость от цифрового одобрения создают иллюзию самореализации, но на деле усиливают внутреннюю разобщенность. Формирование цифровой идентичности сопровождается эпистемологическими вызовами, связанными с переходом к новой форме существования знания. Это означает, что цифровые технологии изменяют сам процесс познания и восприятия реальности в условиях практик нomaдизма [3, с. 121–122]. Человек, постоянно находящийся в цифровом пространстве, может утратить способность к критическому мышлению и анализу информации, что, в свою очередь, приводит к отчуждению от собственной интеллектуальной сущности. Кроме того, постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях может привести к снижению самооценки, развитию комплексов и неврозов, что также является проявлением отчуждения от самого себя.

Таким образом, марксистская концепция отчуждения предоставляет ценные инструменты для анализа цифровой реальности, но требует адаптации. В цифровом мире отчуждение принимает новые формы, которые выходят за рамки классической социальной и экономической проблематики, охватывая сферы идентичности, познания и коммуникации. Важно учитывать, что отчуждение в цифровой среде не является чем-то

принципиально новым, а скорее представляет собой продолжение и усиление процессов, начатых в индустриальном обществе.

Список литературы

1. Виноградова, С.А. Изучение проявлений отчуждения в сфере учебного труда студентов вуза / С.А. Виноградова, Ю.В. Чунаева // Право. Экономика. Психология. – 2018. № 1 (9). – С. 83–88.
2. Гоноцкая, Н.В. Самоотчуждение как нарушение идентификационных механизмов в современном обществе / Н.В. Гоноцкая // Творческое наследие Карла Маркса – философа, экономиста, писателя и журналиста. Материалы международной научно-практической конференции. – Орел: ОГИК, 2018. – С. 26–30.
3. Воробьева, С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире : сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 121–124.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
5. Воробьева, С.В. Марксистская концепция отчуждения и культурная идентичность в условиях риска / С.В. Воробьева // Творческое наследие Карла Маркса – философа, экономиста, писателя и журналиста. Материалы международной научно-практической конференции. – Орел: ОГИК, 2018. – С. 15–25.
6. Дудник, С.И. Отчуждение в цифровом обществе / С.И. Дудник // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 17–20.
7. Воробьева, С.В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности / С.В. Воробьева // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 26 марта 2021 г. / БГУ. – Минск: БГУ, 2021. – С. 41–48.
8. Воробьева, С.В. Социальная инженерия: эпистемологические вызовы цифровой эпохи / С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов: материалы Седьмой междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Четыре четверти, 2023. – С. 34–37.
9. Хохлова, А.П. Отчуждение в образовательной среде: формы проявления и способы борьбы / А.П. Хохлова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 11. – С. 105–110.

КРИЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В МОДЕРНИСТСКОМ ИСКУССТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

Новикова Ольга Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется связь философии и модернистского искусства. Автор прослеживает трансформации в восприятии новаций в живописи второй половины XIX в. и рассматривает роль кризиса репрезентации реальности в зарождении модернистского искусства. Задачи, которые ставят перед собой постимпрессионисты и кубисты, позволяют им создать ряд приемов, которые становятся фундаментом для развития модернистской живописи. Принцип «наблюдаемое включает в себя наблюдателя» выводит на новый уровень роль зрителя — как соавтора произведения искусства. В заключении рассматривается вопрос о самоценности выразительных средств в искусстве модернизма.

Ключевые слова: модернизм; модернистского искусство; кризис репрезентации; философия; К. Малевич.

THE CRISIS OF REPRESENTATION OF REALITY IN MODERNIST ART: A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Novikava Volha U.,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the relationship between philosophy and modernist art. The author traces the transformations in the perception of innovations in painting in the second half of the 19th century and examines the role of the crisis of reality representation in the emergence of modernist art. The tasks set by postimpressionists and cubists allow them to create a number of techniques that become the foundation for the development of modernist painting. The principle of "the observed includes the observer" takes the role of the viewer to a new level - as a co-author of a work of art. In conclusion, the issue of the intrinsic value of expressive means in modernist art is considered.

Keywords: modernism; modernist art; crisis of representation; philosophy; K. Malevich.

Если связь философии и искусства в его традиционных направлениях принято рассматривать скорее через общность предмета (мир, человек, способы связи между ними), взаимодополнение абстрактно-логической и

образно-художественной форм познания мира и раскрытие личностных – авторских – аспектов миропонимания, то дрейф сначала модернистского искусства в сторону концептуализации демонстрирует новый ракурс его взаимосвязи с философией.

Само возникновение модернистского искусства на рубеже XIX–XX вв. было связано с попыткой осмысления масштабных трансформаций в материально-производственной и социальной сферах жизни общества. С одной стороны, это время научно-технического прогресса, обеспечившего появление в сравнительно короткие сроки ряда новшеств: от автомобиля и трактора до аэроплана, от беспроводного телеграфа и телефона до радио и кинематографа, от дагеротипии до липпмановского процесса в фотографии. С другой – это время бурного развития естественной науки (в химии – открытие радиоактивности, в биологии – возникновение генетики, в физике – идеи Э. Резерфорда, М. Планка, А. Эйнштейна и др.) и переломный момент в развитии гуманитарных наук и философии (т.н. «антропологический поворот»). Искусство же XIX в., в котором ключевую роль играли традиции академизма, было ориентировано не столько на новаторство, сколько на воспроизводство – традиций, стиля, манеры, сюжетов.

Еще во второй половине XIX в. революционно воспринимались даже небольшие с точки зрения современности отступления от канона: работа Г. Курбе «Похороны в Орнане» (1849–1850), созданная в духе реализма, вызвала резонанс и резкую критику из-за масштабности, темной цветовой гаммы, нарушения правил композиции фигур, нестандартного сюжета, а посетители Первой выставки импрессионистов в 1874 г., не приняв поначалу их творческий метод, упражнялись в остроумии – само понятие появилось благодаря журналисту Л. Леруа, окрестившему новых художников «импрессионистами», т.е. «впечатленцами», – по названию картины Клода Моне «Впечатление. Восход солнца» (*фр. Impression. Soleil levant*) [1].

Однако уже в начале XX в. художники ставят перед собой радикально новые задачи: кризис репрезентации реального задает необходимость поиска новых художественных форм. Постимпрессионизм в лице П. Сезанна ищет «фундамент вариативности восприятия», а именно синтез явления предметов и нашего их восприятия и обнаруживает его в простых геометрических телах и формах: «тракуйте природу посредством цилиндра, шара, конуса...» – пишет Сезанн художнику Э. Бернару [2]. Чем

более сложным и диверсифицированным становится мир естествоиспытателя, тем минималистичнее отображается мир в живописи.

Исследование развития этой идеи в кубизме позволяет зафиксировать ряд обнаруживающихся у кубистов художественных приемов:

- сведение отображаемой реальности к простым геометрическим формам;
- синтез пространства и предмета живописи;
- передача движения через разложение и соединение фрагментов движущегося объекта.

Такой подход предполагает не только работу художника, но и встречную работу зрителя по домысливанию изображенного; зритель подключается к интерпретации изображения, «наблюдаемое включает в себя наблюдателя» [3]. Если речь идет об изображении человека – к примеру, о «Портрете Амбруаза Воллара» кисти П. Пикассо (1910) [4], то восприятие его зрителем распадается на две фазы: фрагментации (множество дымчатых наслаивающихся друга на друга плоскостей, разомкнутость которых создает иллюзию движения) и сборки (плоскости сближаются в центральной точке, складываясь в волевое и спокойное мужское лицо, выступающее скорее как архитектурный объект, чем как человеческий облик). Портрет Воллара отсылает сразу и к вечности (цвета имитируют фактуру камня), и к временности – за счет динамизма многочисленных плоскостей и углов.

Восприятие кубистических работ требует от зрителя определенных усилий и известного уровня подготовки. Любопытный момент: в данной ситуации мы обнаруживаем нечто сродни бартовской «нулевой степени письма», которая делает интерпретатора соавтором, однако в случае живописи это не отменяет значения фигуры самого автора.

Кризис репрезентации реальности ставит перед художником еще один вопрос: как изобразить абстрактное понятие, не прибегая к конкретизациям и аллегориям? Например, *действие*? К. Малевич в работе «Супрематизм. 34 рисунка» пишет: «супрематические три квадрата есть установление определенных мировоззрений и миростроений. Белый квадрат кроме чисто экономического движения формы всего нового белого миростроения является еще толчком к обоснованию миростроения как «чистого действия», как самопознания себя в чисто утилитарном совершенстве «всечеловека». В общежитии он получил еще значение: черный как знак экономии, красный как сигнал революции и белый как чистое действие» [5,

с. 72] – как раз эта мысль часто вкладывается в интерпретации его трех супрематических квадратов.

Однако и этот философский смысл может восприниматься как избыточный при обосновании их значимости. «Самоценное в живописном творчестве есть цвет и фактура – это живописная сущность, но эта сущность всегда убивалась сюжетом» [5, с. 33] – можно пойти дальше и элиминировать из живописи любые отсылки к идеальному, оставив только цвет и форму, и рассматривать их не как минимальные лаконичные выразительные средства, но как самоценный предмет художественного творения (здесь от Малевича можно перейти к работам художников группы De Steijl, П.Мондриану, Ф. Фордемберге-Гильдеварту и др.). Квадраты Малевича в дальнейшем породили множество эпигонов, которые к цвету и форме добавляли разнообразные фактуры – к примеру, Л. Фонтана вспарывал холсты, создавая «бесконечные измерения» («Пространственная концепция. Ожидания», 1964), А. Бурри наносил на холст особый раствор, который, высыхая, образовывал трещины («Черный квадрат», 1975), а Р. Трёкель просто вязала квадраты из пряжи, добавляя к смыслам идею традиционного женского ручного труда (с 1980-х гг.).

Искусство модернизма создавало новую художественную реальность там, где до него никто не помышлял ее обнаружить: в буквальности холста и краски, соединение которых не вуалировалось претензией на реалистичность образуемого ими идеального содержания, а прямо утверждало свой онтологический статус.

Список литературы

1. Кrespель, Жан-Поль. Повседневная жизнь импрессионистов, 1863—1883 / Пер. с фр. Е. Пуряевой; предисл., науч. ред. А. П. Левандовского. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2012. — 284 с.
2. Сезанн Поль. Письма к Э. Бернару // Мастера искусства об искусстве : Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов : В 4-х томах : Том III. — Москва ; Ленинград, 1934. — 823 с.
3. Аппиньянези Р. Знакомьтесь: постмодернизм / При участии З.Сардара и П.Карри. Рис. К.Гэрретта. Пер. с англ. В.правосудова. — СПб.: Академический проект, 2004. — 176 с.
4. Пабло Пикассо. Портрет Амбруаза Воллара. 1910 // ГМИИ им. Пушкина. URL:https://www.pushkinmuseum.art/data/fonds/europe_and_america/j/1001_2000/zh_3401/index.php . Дата доступа: 10.03.2025.

5. Малевич К. Черный квадрат. Супрематизм. Мир как беспредметность. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 480 с.

МЕДИАТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО СИМВОЛИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Радевич Екатерина Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается влияние медиа на пространство современной культуры, тенденции медиатизации и цифровизации социума, которые обусловили формирование новой культурной парадигмы. В данной парадигме человек оказывается помещен в поле достаточно условных и символических взаимосвязей, которые зачастую не имеют реальных онтологических оснований, что позволяет ассоциировать этот новый тип культуры с платоновской пещерой, но в современном цифровом и виртуальном воплощении.

Ключевые слова: цифровизация; медиатизация; культура; ИКТ.

MEDIATIZATION OF CULTURE AND THE SPACE OF SYMBOLIC SOCIAL CONNECTIONS IN THE MODERN DIGITAL SOCIETY

Radevich Ekaterina V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
and methodology of science, Belarusian State University

Abstract. The article examines the influence of media on the space of modern culture, the trends of mediatization and digitalization of society, which have led to the formation of a new cultural paradigm. In this paradigm, a person is placed in a field of fairly conditional and symbolic relationships that often have no real ontological basis, which allows us to associate this new type of culture with Plato's cave, but in a modern digital and virtual embodiment.

Keywords: digitalization; mediatization; culture; ICT.

Современная культура, которая описывается такими терминами, как цифровая, информационная, виртуализированная, сегодня может в равной степени иметь такое определение, как медиатизированная. Трансформации, которые сегодня происходят под действием современных медиа, меняют культуру, создавая особое символическое пространство, господствует власть образов и имиджей, что дало основание М. Мак-Люэну назвать современную культуру «визуальной» [1]. Проведя анализ основных особенностей современной социокультурной реальности, вполне правомерно добавить к образу «визуальной» культуры еще одну ее черту,

порождаемую медиатехнологиями, – создание общности людей не на основе устойчивых социальных связей, а на основе общности эмоций, формируемых СМИ. Эта иллюзия единства создается при помощи нагнетания обстановки вокруг каких-либо событий – военных, политических или культурных, – тем самым ситуативно объединяя людей. Такие связи, основанные на краткосрочном аффективном единении вокруг определенного новостного ряда, едва ли могут быть долгосрочными и носить глубинный характер. «Массовые медиасистемы способны объединить людей всего мира вокруг “значимых событий”: экологических проблем, цен на нефть, политических конфликтов и т. д. Но, актуализируя мировые события дня, при всей своей универсальности и технологичности, они связывают людей весьма условно» [2, с. 113]. Кроме того, современные СМИ становятся своеобразным критерием для определения реальности события, что создает поле возможностей для искажения самой реальности: фактически существующими считаются только те события, которые освещались средствами массовой информации, а если такого упоминания не было, то и само событие не происходило. Более того, некоторых событий в реальности вообще могло не происходить, но современные СМИ и СМК могут их «создавать» в своем виртуальном пространстве, присваивая им ценностные интерпретации, навязывая те смыслы, которые требует «заказчик», создавая реальность, которой никогда не было. «Коммуникация из состояния некоего фона, фиксирующего события, превращается в стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно оказывая влияние на механизмы смыслообразования» [3, с. 102]. То есть современное информационное пространство, вовлекая людей в поле символического взаимодействия, может подменять сложившуюся систему ценностей, навязывать новые смыслы в интерпретации реальности, переформулировать универсалии культуры, которые складывались столетиями.

Тем не менее, на современном этапе развития масс-медиа человек способен активно участвовать в выборе источника информации, а не быть просто пассивным реципиентом. «Это становится возможным благодаря интерактивному телевидению и сети интернет, когда человек сам формирует область своих интересов (выбирая не только источник информации, но и сам медиапродукт, который “потребляет”). В сложившихся условиях появилась, например, возможность формировать телеканалы соответственно целевой аудитории – спортивные каналы, детские, музыкальные, каналы любителей культуры и др. Этим достаточно

умело пользуются специалисты маркетинговой сферы, направляя рекламу на конкретного потребителя. Все это стало возможно благодаря новейшим технологиям, использование и развитие которых требуют наличия соответствующих квалифицированных специалистов» [4]. Кроме того, в современных социальных сетях активно используется таргетированная реклама, позволяющая благодаря автоматизированным алгоритмам, осуществлять продвижение товаров непосредственно целевой аудитории.

Такой новый тип культурной парадигмы, формируемый процессами цифровизации, компьютеризации и медиатизации, имплицитно содержит в себе ряд особенностей, формирующих новый тип общества. В связи с этим, современное общество, которое обычно называют цифровым и информационным, «по праву можно назвать обществом, основанным на знании, или «knowledge-based society», так как в нем вся система технологий детерминируется и стимулируется опережающим развитием знаний, включая знания научные, социальные, экономические, политические, правовые, хотя особое значение отводится именно научным знаниям как высшей и наиболее ценной форме всей массы информации, циркулирующей в современном обществе» [5, с. 30–31]. Это вполне правомерно, поскольку информация – сообщение одномерное и ограниченное формой его передачи, будь то документ, изображение или речь. Его можно упаковать и немедленно передать любому реципиенту. Современные поисковые системы и нейросети выступают сегодня как основные информационные проводники, обеспечивающие практически мгновенный доступ к любой информации, которую только можно представить, включая технику проведения хирургических операций. Знания, в свою очередь, предполагают не просто получение разрозненной, эклектичной информации, а системный подход, реализуемый в первую очередь в процессе образования и обучения, а также опытную их проверяемость. В то время как ценность приобретения, хранения и передачи информации неуклонно падает, ценность знаний постоянно растет. Это происходит потому, что «даже высокие информационно-коммуникационные технологии пока не способны решить проблему ускорения получения знаний – для изучения иностранного языка или азов химии нужно столько же времени, сколько и столетие назад. Получение знаний – по-прежнему трудоемкий и затратный процесс с точки зрения времени» [6, р. 19].

«Многочисленные исследования показывают, что информационная технология, соединенная с аудиовизуальными средствами, телевизором, дисплеем, телевидением и т. д., создает целый мир поведенческих моделей,

которые постоянно, ежедневно в быту и на работе окружают человека и программируют его деятельность во все возрастающем масштабе» [5, с. 239]. Это дает возможность оказывать психологическое воздействие на отдельного человека, влиять на формирование его мнения, манипулировать сознанием, оказывать влияние на его поведение [4]. Анализируя данный вопрос, российский профессор В. В. Миронов сравнил современную ситуацию в информационном обществе с платоновской пещерой, где узники были прикованы цепями таким образом, что могли видеть исключительно тени, которые отбрасывали реальные предметы: «Люди, погруженные в мир теней, причем прикованные к нему даже не кем-то сознательно, а только собственной привязанностью к виртуальному миру в смартфоне» [7, с. 13]. В этой связи можно утверждать, что современный мир превращается в «мир теней» благодаря современным ИКТ, становится своеобразной «цифровой пещерой», в которой виртуальный мир может сильно отличаться от реального, будучи своего рода иллюзией, медийной конструкцией, куда помещен человек. Но главная проблема этой виртуальной «цифровой пещеры» состоит в том, что в ней часто искажены реальные факты и события, что, в свою очередь, затрудняет определение, что является истинным, а что нет. Данная особенность новой цифровой реальности и создает возможность для влияния на сознание людей, а значит манипулирования им. Создаваемые конструкции оказываются весьма правдоподобными, что не позволяет отличать их от реальных. Кроме того, если реальные события не имеют соответствующего отражения в виртуальных медиа, то возникает вопрос о том, были ли они на самом деле. Таким образом, складывается новая онтология – онтология реальной виртуальности и виртуальной реальности, которые тесно переплетены друг с другом, порой даже трудно различимы.

Список литературы.

1. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – Киев : Ника-центр, 2004. – 432 с.
2. Карпинский, В. В. Социально-культурные последствия информатизации современного общества / В. В. Карпинский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. – 2008. – № 2. – С. 108–113.
3. Миронов, В. В. Когнитивные аспекты эволюции культуры от классической к электронной. Философское введение в проблематику / В. В. Миронов // Когнитивистика,

математика в образовании : филос. проблемы и практические приложения : кол. моногр. / под ред. В. Г. Кузнецова, В. С. Меськова, Н. Р. Сабаниной. – М., 2019. – С. 94–105.

4. Радевич, Е. В. Информационная революция как фактор социокультурных трансформаций в современном обществе / Е. В. Радевич // Философия и соц. науки. – 2016. – № 4. – С. 38–42.

5. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.

6. Prusak, L. The world is round / L. Prusak // Harvard Business Rev. – 2006. – Vol. 84, № 4. – P. 18–20.

7. Миронов, В. В. Платон и современная пещера big-data [Электронный ресурс] / В. В. Миронов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 1. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>. – Дата доступа: 25.02.2025.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЗНАНИЯ

Радченко Антон Леонидович,

магистрант факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Зеленков Анатолий Изотович,**

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии

науки, Белорусский государственный университет

Аннотация. Доклад посвящен перспективам трансдисциплинарного синтеза в современных исследованиях сознания. Приводится краткое описание философской проблематики, связанной с сознанием, указываются характеристики сознания, затрудняющие его естественнонаучное исследование, а именно субъективность, приватность, а также качественность или квалитативность. Фиксируется междисциплинарный статус проблемы сознания, а также необходимость создания трансдисциплинарной исследовательской программы, объединяющей возможности философского теоретизирования и феноменологического описания с последними достижениями эмпирических дисциплин. Проводится анализ основных затруднений, стоящих перед таким проектом. Выделяются три блока проблем: проблемы метатеоретических оснований, проблемы междисциплинарного взаимодействия, проблемы эмпирического уровня исследований. Делается вывод о перспективах преодоления описанных затруднений, обозначается роль философии в их решении.

Ключевые слова: «метапроблема сознания»; метатеоретические основания науки; трансдисциплинарность; «трудная проблема сознания».

PROSPECTS OF TRANSDISCIPLINARY SYNTHESIS IN THE STUDY OF CONSCIOUSNESS

Radchenko Anton Leonidovich

Master's student, Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarussian State University

Scientific supervisor – Zelenkov Anatoly Izotovitch,

Doctor of Philosophy, Dr. Hab., Professor, Professor of the Department of Philosophy and

Metodology of Science, Belarussian State University

Abstract. The report is devoted to the prospects of transdisciplinary synthesis in modern studies of consciousness. A brief description of the philosophical problems associated with consciousness is given, the characteristics of consciousness that complicate its natural scientific study are indicated, namely subjectivity, privacy, quality or qualitativeness. A conclusion is

made about the interdisciplinary status of the problem of consciousness, as well as the need to create a transdisciplinary research program that combines the possibilities of philosophical theorizing and phenomenological description with the latest achievements of empirical disciplines. An analysis of the main difficulties facing such a project is carried out. Three blocks of problems are distinguished: problems of metatheoretical foundations, problems of interdisciplinary interaction, problems of the empirical level of research. A conclusion is made about the prospects for overcoming the described difficulties, and the role of philosophy in their solution is designated.

Key words: «metaproblem of consciousness»; metatheoretical foundations of science; transdisciplinarity; «the difficult problem of consciousness».

Понимание природы сознания и его места в мире относится к разряду классических философских проблем, чья разработка в различных формах ведется на протяжении всей истории мысли. На современном этапе традиционные инструменты философского теоретизирования дополняются богатейшим арсеналом естественнонаучных и социогуманитарных дисциплин. Однако исчерпывающего ответа на вопрос о том, что такое сознание, пока нет; в значительной степени эта ситуация объясняется уникальным статусом объекта исследования. Ключевыми характеристиками сознания являются субъективность и приватность, вследствие чего оно с трудом поддается исследованию с помощью объективной естественнонаучной методологии. Другую важную особенность сознания в современной литературе часто описывают как качественность или квалитативность – ментальные состояния ощущаются каким-то образом, и эти состояния крайне затруднительно вербализовать или выразить количественно. Указанные сложности исследования сознания составляют смысловое ядро современной аналитической философии сознания; их формулировал еще Томас Нагель в знаменитой статье 1974 года «Каково быть летучей мышью?» [1], а в более современном виде они представлены Дэвидом Чалмерсом как «трудная проблема сознания» [2].

Оба вышеуказанных философа пишут о том, что в современной науке просто отсутствует подходящий для описания субъективных и качественных процессов инструментарий. Следовательно, необходимо каким-то образом расширить диапазон научного поиска, добавив новые способы концептуального описания субъективности. В этом случае речь идет о создании некоторой трансдисциплинарной программы, объединяющей возможности философского теоретизирования и феноменологического описания с последние достижения эмпирических

дисциплин. Одной из попыток создания такой программы является гетерофеноменология Дэниеля Деннета [3]. Уже на примере проекта Деннета и в ходе дальнейших усилий ученых и философов обнаружилось несколько серьезных затруднений, дающих повод поставить под сомнение саму возможность реализации программы в полной мере. С некоторой долей условности можно выделить по крайней мере три вида проблем, с которыми сталкиваются современные исследователи сознания:

1. Метатеоретические основания исследований сознания. Всякое исследование начинается с хотя бы приблизительного понимания того, каковы границы исследуемого предмета, какие методы могут применяться, какие результаты могут быть достигнуты. В случае с сознанием нет ни единства проблемного поля, ни единства методологии; отсутствует даже определение, которое можно было бы считать общепринятым. Существует множество философских и научных теорий, претендующих на статус общей теории сознания, но каждая из них описывает лишь некоторый аспект или определенную модальность сознательных состояний. К примеру, популярная теория интегрированной информации Джулио Тонони [4] объясняет наличие субъективного опыта, его единство и каузальную значимость; конкурирующая с ней теория глобального рабочего пространства Бернарда Баарса [5] главным образом исследует механизмы внимания и стремится ответить на вопрос о том, какое именно содержание будет представлено субъекту. С другой стороны, «модель множественных набросков» уже упомянутого Деннета настаивает на том, что у сознания нет ни единства, ни воспринимающего субъекта [3]. Даже простое сопоставление этих трех теорий показывает существенные расхождения в понимании предмета исследования. Проблема экспликации четких критериев хорошей теории сознания все еще нуждается в решении. Кажется, что эта концептуальная работа должна проводиться в первую очередь философами.

2. Проблемы междисциплинарного взаимодействия. Выше уже был приведен пример несопоставимости трех теорий, каждая из которых опирается на солидную эмпирическую базу. В более широком рассмотрении обнаруживается схожая ситуация: разными проявлениями сознательных состояний интересуются представители самых разных дисциплин. К традиционным философским исследованиям с развитием науки добавились работы нейрочеловеческих, психологов, лингвистов, специалистов по искусственному интеллекту и даже физиков. При этом чаще всего они рассматривают изолированный проблемный блок без учета открытий,

совершенных в других областях научного знания. Неоднозначное отношение представителей точных наук к гуманитарным дисциплинам и философии также является традиционным камнем преткновения, вынуждая философов начинать диалог с позиции самооправдания. В исследованиях сознания это приводит к появлению так называемой «метапроблемы сознания» [6], которая заключается в необходимости доказывать, почему сознание вообще является проблемой. Отсутствие площадок междисциплинарной коммуникации сильно ограничивает возможности полноценного научного поиска с использованием всего доступного инструментария.

3. Проблемы эмпирического уровня исследований. Развитие технологий исследования мозга в сочетании с бурным развитием нейронаук в последние десятилетия привело к накоплению гигантского массива эмпирических данных. Ежегодно появляются тысячи научных статей, описывающих нейрофизиологические процессы, сопровождающие отдельные аспекты и модальности сознательного опыта. Это приводит, помимо очевидных позитивных следствий для развития науки, и к появлению новых проблем – современный исследователь сознания перегружен эмпирическими данными, которые не в состоянии подвергнуть теоретической обработке. Ситуацию усугубляет и принятый в когнитивных науках описательный стиль, в рамках которого добросовестный ученый воздерживается от далеко идущих спекуляций. В качестве наиболее характерного примера можно привести эксперименты Бенджамина Либета, которые поначалу интерпретировались как опровержение существования свободы воли; при этом сам Либет от таких смелых выводов воздерживался [7]. Результатом избытка дескриптивных эмпирических данных становится невозможность осуществления корректного метаанализа силами одного исследователя или небольшой исследовательской группы.

Как видно уже из приведенного схематичного описания, перечисленные проблемные блоки существуют не изолированно друг от друга, а в ситуации взаимного пересечения и влияния; можно предположить также, что решение хотя бы части проблем на одном уровне спровоцирует существенный прогресс других. Тем не менее, несмотря на описанные затруднения, перспективы трансдисциплинарного синтеза в исследовании сознания внушают сдержанный оптимизм: поступательное развитие происходит как в отдельных дисциплинах, так и в интенсивности их взаимодействия. Появляются новые концепции, продолжается взаимный обмен идеями между философами и учеными; новые технологии также

открывают возможности решения проблем, которые казались чрезвычайно сложными. Особые надежды в этом контексте возлагаются на искусственный интеллект, который позволит обработать непрерывно расширяющийся массив эмпирических данных, предоставляемый нейронауками. Это могло бы значительно упростить задачи по обобщению и концептуализации опытного знания, однако основная задача по его теоретическому осмыслению на современном этапе по-прежнему остается в компетенции философов.

Список литературы

1. Nagel, T. What Is It Like to Be a Bat? / Thomas Nagel // The Philosophical Review. – Vol. 83, No. 4. – 1974. – P. 435-450.
2. Chalmers, D. J. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory / D. J. Chalmers. – Oxford University press, 1996. – 413 p.
3. Dennett, D. C. Consciousness Explained / D. C. Dennett. – New York: Hachette Book Group USA, 1991. – 512 p.
4. Tononi, G. Integrated Information Theory: from Consciousness to its physical substrate / G. Tononi // Nature Reviews Neuroscience. – Vol. 17. – 2016. – P. 450-461.
5. Baars, B. In the Theater of Consciousness: The Workplace of the Mind / B. Baars. – N.Y.: Oxford University Press. – 1997. – 214 p.
6. Chalmers, D. J. The Meta-Problem of Consciousness / D. J. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. – Vol. 25 (9-10), 2018. – P. 6-61.
7. Libet, B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action / B. Libet // The Behavioral and Brain Sciences. – Vol. 4, No. 8. – 1985. – P. 529-539.

КОНСТРУИРУЕМЫЙ ОБРАЗ ВОСТОКА: ЭХО ЕГИПЕТСКОЙ КАМПАНИИ НАЧАЛА XIX В. В СТЕРЕОТИПНОМ ВОСПРИЯТИИ ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ровина Анна Сергеевна,

магистрант исторического факультета,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель - Курбачева Ольга Владиславовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются этнические стереотипы о Востоке, основанные на впечатлениях участников Египетской кампании 1798-1801 гг., надолго закрепившиеся в массовом сознании европейцев. Анализируется, какие элементы образа восточной культуры и общества сохраняются в массовом сознании уже более 200 лет.

Ключевые слова: этнические стереотипы; образ Востока; ориентализм; Египетская кампания.

CONSTRUCTED IMAGE OF THE EAST: ECHO OF THE EARLY 19TH CENTURY EGYPTIAN CAMPAIGN IN THE STEREOTYPICAL PERCEPTION OF EASTERN CULTURE

Rovina Anna Sergeevna,

Postgraduate student of the faculty of history, Belarusian State University

Scientific supervisor - Kurbacheva Olga V.

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and
Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract: The article examines ethnic stereotypes about the East, that have been entrenched in the mass consciousness of Europeans and were based on the participants of the Egyptian campaign of 1798-1801 impressions. It analyzes which elements of the image of eastern culture and society have been preserved in the mass consciousness for more than 200 years.

Keywords: ethnic stereotypes; image of the East; orientalism; Egyptian campaign.

На взаимоотношения различных этносов и культур зачастую серьезно влияют этностереотипы или образы этнических общностей – устойчивые мнения, отражающие свойства взаимодействующих групп и отношения между ними, но в искаженном или трансформированном виде [1, с. 139]. При этом в современной науке нет общепризнанного и однозначного

определение понятия «этнос», и некоторые ученые в рамках конструктивистской парадигмы утверждают, что этническая идентичность (самоидентификация) является наиболее значимым критерием этноса [1, с. 137]. С эпохи Возрождения знания и представления европейцев о представителях иных регионов основывались на впечатлениях первопроходцев, путешественников или членов экспедиций (напр. Аль-Бируни, Плано Карпини, Марко Поло и др.). Те, кто имел уникальную возможность контакта с «неевропейцами» оставили обширные воспоминания о культурах и описания, доступные нам для исследований и сегодня, однако эти сведения зачастую построены на этноцентризме – «стремлении оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной группы, выступающей в качестве некоего эталона или оптимума» [2, с. 810]. Их авторы стремились описать различия, обращали внимание на то, что для них было удивительным, нередко смотрели на местное население свысока, пытались предложить местным свою моделью ценностей и ориентиров, а их быт описывали как дикий и отсталый. Для современного исследователя такие источники не могут быть полноценны для изучения тех стран, которые они описывают, зато могут дать ценные сведения о формировании этнических и региональных стереотипов, о специфике выстраивания этнокультурного диалога и понимания статуса другой культуры.

Значительное влияние на формирование стереотипов о Востоке оказала Египетская кампания 1798–1801 гг. [3, гл. 3] (в других источниках – Средиземноморская кампания [4]), в которую кроме солдат отправились ученые, писатели, именитые врачи и др., начали проводиться разнообразные научные исследования Востока, и в результате был создан Институт египтологии, действующий до сих пор. Эта экспедиция также стала причиной очередного роста увлечения восточными мотивами в моде, интерьере и архитектуре. Исследователи, начиная с середины XX применяют для таких тенденций понятие «ориентализм», определенное Э. Саидом как «корпоративный институт, направленный на общение с Востоком при помощи высказываемых о нем, реконструируемых суждений, санкционируемых взглядах, освоения и управления» [5, с. 10].

Сохранилось множество отчетов, описаний, дневников, писем, мемуаров участников этой кампании на французском и английском языках, некоторые из них переведены на русский. Проанализируем некоторые из них с целью проследить в них корни стереотипов о Востоке, которые в

большей или меньшей степени присутствуют в европейском обществе до сих пор.

Одним из важнейших стереотипов можно назвать само противопоставление Востока и Запада, представление об их кардинальном различии. «Здесь вы найдете другие традиции, сильно отличающиеся от тех, к которым вы привыкли», предупреждает Наполеон Бонапарт солдат перед высадкой в Александрии в июне 1798 г, о том же пишет офицер британской армии: «Всё, кажется, делают здесь диаметрально противоположно тому, как делаем мы» [6, с. 14-15]. При этом Восток здесь представляется единым конструктом, создается генерализированный образ, который представляет собой обобщенный типаж, но не отражает локальные особенности. В мемуарах и дневниках также описываются детали повседневной жизни (употребление черного кофе, курение длинных трубок, привычка сидеть, скрестив ноги, особенности местного костюма), необычные для европейцев.

В то же время восточный мужчина и сейчас порой предстает в образе хитрого, агрессивного и враждебно настроенного по отношению к европейцам. Из отчета Наполеона Директории после битвы у пирамид (21.07.1798) мы выясняем: «Нам регулярно надоедают тучи арабов; они лучшие воры и плуты на Земле, атакующие и турок, и французов, и всех, кто попадает к ним на пути» [7], – не приходится сомневаться в убедительности для французов такого образа из уст командующего армией. Враждебно относились к османам и мамелюкам в то время и британские солдаты, несмотря на то, что воевали они на одной стороне. Неизвестный британский офицер описывает в своих мемуарах «...невежество и суеверность, нетерпимый и надменный характер этого самодовольного существа» [7, с. 42], подчеркивая таким образом недоверие и неприязнь к восточным мужчинам в целом.

Ж.-Б. Клебер, командующий французской армией в Египте после отъезда Наполеона Бонапарта, пишет: «Прибытие великого визиря, возбуждающего их (арабов) фанатизм» [8]. По этим сообщениям мы видим, что в оценке европейцев того времени представители востока глубоко, практически фанатично подчинены своему правителю или религиозному лидеру. Это формирует образ восточной деспотии в обыденном её понимании – не как формы производственных отношений, а как образа государственного управления с сильным авторитарным правителем и безукоризненно послушными подчиненными.

Участники Египетской кампании внесли вклад также и в формирование стереотипного образа восточной женщины. Так, британский

офицер Т. Эванс отмечал, что «меланхолия – единственное состояние женщины в этой стране <...> у нее нет иной возможности жить, кроме как в полной покорности тиранической воле мужчины» [9, с. 132]. Подобную же покорность мужчине, затворничество и практически полное отсутствие возможности общения с другими описывает и упомянутый выше офицер, оставивший анонимный дневник: «Им запрещено посещать и принимать гостей, и даже сидеть с мужчинами за столом» [7, с. 109]. Французы тоже отмечали затворничество и низкий статус мусульманок: «Женщины здесь – печальные рабыни, обреченные на пребывание в комнате, не имеющей окон на улицу» [10, с. 46], иные просто отмечали, что, выходя из дома, женщины «одеты с головы до ног в ткань, похожую на мешок» [11, с. 41]. С другой стороны, французские солдаты и офицеры нередко брали в жены или нелегально сожительствовали с местными женщинами. Пребывая в Каире, французы пользовались оставленными там мамелюками гаремами, и, например, офицер Ш. Франсуа писал об одной девушке: «Она была юна и прекрасна, как сама любовь» [12, с. 404]. Такие элементы образа могли сложиться в общее представление о восточной женщине как загадочно притягательной, покорной и печальной, нуждающейся в спасении от гнета и тирании. Это представление прочно закрепилось в сознании европейцев.

Таким образом, мы видим, что представления о жителях Востока, формировавшиеся на рубеже XVIII–XIX вв. во многом похожи на современные стереотипные представления о них, подкрепляемые произведениями литературы, кино и других видов искусства. Стереотип, будучи конструируемым и надолго закрепляющимся образом, способен сохранять актуальность в течение многих лет. Образы восточного мужчины (хитрого и враждебно настроенного), восточной женщины (загадочной, покорной и несчастной), а также представление о восточной деспотии, вклад в формирование которых внесли участники Египетской кампании 1798–1801 гг. до сих пор оказывают влияние на восприятие европейцами выходцев из Турции и Ближнего Востока. Сегодня в контексте межкультурного диалога важно преодолевать схематизированные образы и развивать принципы этнокультурной грамотности. Изучение корней этностереотипов, в частности стереотипов о Востоке, позволяет проследить их истоки и причины, а впоследствии перейти от оценочной позиции к признанию инаковости, принятию и одобрению отличительных особенностей культур.

Список литературы:

1. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология// Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект». – 1999. – 320 с.
2. Кон, И. С. Этноцентризм // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1983. – 812 с.
3. Тарле, Е. В. Наполеон// Е. В. Тарле. — М.: Государственное социально-экономическое издательство. – 1939. — 352 с.
4. Lavery, B. Nelson and the Nile: The Mediterranean Campaign of 1798// Brian Lavery. – London: Chatham publishing. – 1998. – 352 P.
5. Саид, Э. Ориентализм// Эдвард Саид. – СПб.: «Русский миръ». – 2006. – 636с.
6. Napoleon's Adresses:Selections from the Proclamations, Speeches and Correspondence of Napoleon Bonaparte// Edited by I.M. Tarbell. – Boston: Joseph Knight. – 1896.
7. A non-military journal, or The observations made in Egypt by an Officer upon the stuff of the British army (1803)//Anonimous. – British Library:Historical print editions. – 2011. – 190 p.
8. Kleber, J. B. Carnet d'Egypte// L'etat major de Kleber en Egypte (1798–1800). – Paris: La Vouivre, 1997.
9. Diary of Lt Thomas Evans, 8 Regiment on Foot, 1 May 1799 – 3 Sept. 1801, National Army Museum, 95-09-101-01.
10. Thurman, L. Chroniques egyptiennes des sables du desert au sables du Nil (1798-1801)// L. Thurman. – Paris. – 2013.
11. Malus, E. L'agenda de Malus: souvenirs de l'expedition d'Egypte/ Etienne L. Malus. – Paris: H.Champion. – 1892. – 224 p.
12. Francois, C. Journal d'un Officier Francois (1792–1815)//Charles Francois. – Tours: A. Mame et fils. – 1913. – 234.

СЕМИОТИКА КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Сакович Федор Юрьевич,

студент факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Воробьева Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье уточняются возможности семиотики как трансдисциплинарного тренда, способного методологически объединять разрозненные области современной философии и науки. Для этого раскрыты концепции Ч. Пирса и Ч. Морриса, составляющие теоретические основания для разработки трансдисциплинарной методологии. Продемонстрировано, как семиотический подход может способствовать преодолению фрагментации знаний, предлагая универсальный язык для междисциплинарного диалога и создания новых методологических моделей, отвечающих на вызовы эпохи цифровизации и глобализации. Социальная семиотика раскрыта как новое междисциплинарное направление, преодолевающее вызовы, связанные с адаптацией ее терминологии и методов к различным дисциплинам.

Ключевые слова: семиотика; трансдисциплинарность; семиотика Ч. Пирса; семиотика Ч. Морриса; знаковая природа познания; социальная семиотика.

SEMIOTICS AS A TRANSDISCIPLINARY TREND IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY AND SCIENCE

Sakovich Fiodor Yurevich,

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Vorobyova Svetlana Victorovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Culture, Belarusian State University

Abstract. The article clarifies the potential of semiotics as a transdisciplinary trend capable of methodologically uniting disparate fields of contemporary philosophy and science. To this end, the concepts of C. Peirce and C. Morris, which form the theoretical foundations for developing a transdisciplinary methodology, are explored. It is demonstrated how the semiotic approach can help overcome the fragmentation of knowledge by offering a universal language for interdisciplinary dialogue and the creation of new methodological models that address the challenges of digitalization and globalization. Social semiotics is presented as a new

interdisciplinary direction that overcomes challenges related to adapting its terminology and methods to various disciplines.

Keywords: Semiotics; transdisciplinarity; C. Peirce's semiotics; C. Morris's semiotics; the sign nature of cognition; social semiotics.

В эпоху трансформаций в науке и философии наблюдается тенденция к поиску новых универсальных методологических подходов, способных объединить разрозненные сферы знания. Причина заключается в том, что основная проблематика современного этапа развития науки обусловлена фрагментацией знаний и утратой единой методологической основы. В этом свете становится особенно актуальной задача разработки интегративного подхода, способного учитывать сложность и многогранность процессов познания [1]. Поэтому стоит заострить внимание на семиотике, как инструменте, преодолевающем традиционные барьеры между дисциплинами и способствующим выработке нового, универсального метода научного познания [2]. В этом контексте семиотика, как наука о знаках и процессах их интерпретации, выходит на передний план. Ч. Пирс, основоположник современной семиотики, и Ч. Моррис, развивший идею семиотики как универсального языка науки, предоставили концептуальные инструменты для переосмысления познавательных процессов в условиях растущей междисциплинарности [3; 4]. На основе этих проблемных аспектов поставлена цель в данном исследовании – уточнить возможности семиотики как трансдисциплинарного тренда в современной философии и науке.

Трансдисциплинарность означает целостное видение предмета исследования (холизм). В отличие от дисциплинарных подходов она не универсализирует или упрощает, а принимает во внимание многомерность и стремится к интеграции различных наук и их методов. Результатом трансдисциплинарности должна стать многомерная методология, поскольку, например, положительно зарекомендовавшие себя типологии и классификации в иных условиях могут стать недостаточными. Если один объект попадает в научное поле разных дисциплин, то он обретает разные одновременно сосуществующие образы истины и принятые относительно него исследовательские решения.

Актуальность трансдисциплинарной методологии обусловлена поворотом от универсализации к «обоснованию уникальных и контекстуальных явлений» [5, с. 42]. Это означает, что «автономия дисциплинарных практик становится гетерогенной и гетерономной» за счет

«выхода за свои пределы, пересечений между собой и с реалиями жизни» [5, с. 42]. Главной становится проблема формализации сложностей и моделирование прагматики сложных ситуаций» [5, с. 42–43]. В таких познавательных условиях семиотика как наука о знаковых системах оказывается «поверх предметных размежеваний», поэтому «позволит более ясно проследить уже существующие трансдисциплинарные методологические связи и наметить перспективы дальнейшей более продуктивной и систематизированной научной интеграции» [6].

Семиотика, раскрывая сущность знаков, их устройства и связи между ними, в перспективе позволит более ясно проследить уже существующие методологические связи и наметить перспективы дальнейшей более продуктивной и систематизированной научной интеграции. Ч. Моррис предложил рассматривать семиотику как «органон» метанауки, то есть как универсальную методологическую систему, способную синтезировать знания из различных областей. Он утверждал, что знаки и их функционирование могут служить языком науки, объединяя логику, философию и эмпирические исследования в единую структуру. «Семиотика создает общий язык, применимый к любому конкретному языку или знаку, а значит, применимый и к языку науки, и к особым знакам, которые в науке используются» [3, с. 47].

Ч.У. Моррис, предвидя перспективы семиотики, подчеркнул, что «понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических» [3, с. 38]. Он обосновал идею о том, что семиотика может стать центральным элементом в структуре современной научной методологии. «Если семиотика – это полноправная наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков» [3, с. 46]. По мнению Ч.У. Морриса знаковая система не только описывает мир, но и служит инструментом его познания. Универсальность семиотического подхода заключается в его способности адаптироваться к разным дисциплинам: от лингвистики и философии до биологии и кибернетики. Из этих посылок Ч.У. Моррис сделал вывод, что именно с помощью системы знаков выстраивается мост между эмпирическими данными и теоретическими построениями, обеспечивая целостное восприятие научного знания.

Ч. Пирс до исследований Ч.У. Морриса предложил идею семиотической триады, в которой знак понимается как нечто, стоящее

между объектом и его интерпретацией [4]. Эта триада, включающая иконы, индексы и символы, позволяет рассматривать знаковую систему как динамичный процесс. Каждый из компонентов триады выполняет свою функцию: икона отражает подобие объекта, индекс указывает на его существование посредством причинно-следственных связей, а символ обеспечивает произвольное, но устойчивое обозначение. Такая модель открывает возможность не только описывать, но и анализировать процессы формирования смысла, что особенно важно для междисциплинарных исследований, где понятие «значение» выходит за рамки классической логики языка.

Ч. Пирс акцентировал внимание на практической стороне познания. В своей прагматической философии он подчеркнул, что значение и смысл знака определяется его практическими последствиями, способностью влиять на мышление, чувства и поведение людей, вызывать действие. Ч.У. Моррис аргументировал этот аспект: «Любая реальность получает какой-либо социально значимый смысл и значение только будучи выражена в языковых структурах, вне которых абсурдно говорить о смысле какого-либо исторического события или же физического явления, поскольку человеческая деятельность есть непрерывный процесс порождения, обмена и преобразования ценностей и смыслов» [3]. Этот подход позволяет интегрировать эмпирические методы естественных наук с абстрактными концепциями гуманитарных исследований, создавая основу для трансдисциплинарного синтеза. Семиотика, рассматриваемая как универсальный язык науки, предлагает методологическую базу для анализа процессов интерпретации информации и установления связей между разными уровнями знаний. Это особенно значимо в условиях глобального цифрового мира, видоизменившего «пространство и время как формы восприятия мира, в котором непредсказуемость и рискованность будущего могут быть сняты только аргументами исторической памяти». Ее семиотические аспекты «обусловлены структурно-функциональными особенностями знаков как ее онтологической основы». Именно они «предопределяют фактическое, индексирующее и символическое содержание, различаемое в зависимости от способа связи означающего и означаемого, устанавливаемого в исторической памяти» [7, с. 43].

Методологические ресурсы и возможности семиотики (социальной, визуальной, политической и др.) обусловлены ее направленностью на контекст отношений между миром и языком [8] и на разработку соответствующего когнитивного инструментария с учетом семантических и

прагматических аспектов этих отношений [9]. В частности, социальная семиотика изучает «материальные ресурсы коммуникации и способы их социально регламентированного использования» [8, с. 404], процесс создания и интерпретации значений, на основе чего ведется поиск ответов на вызовы мультимодальности, обусловленные расширением знаковых средств конструирования смыслов в формировании идентичности [10, с. 78]. Подчеркнем, что эпистемология социальной семиотики, во-первых, «основана на теории динамических открытых систем, коренным образом изменившей теорию и практику естественнонаучных дисциплин», во-вторых, как исследовательская практика она «тесно связана с социальным конструктивизмом, оказавшим влияние на развитие гуманитарных и социальных наук». Поэтому социальная семиотика должна «сыграть ключевую роль в формирующемся новом диалоге между гуманитарными и социальными, естественнонаучными дисциплинами» [8, с. 404].

Таким образом, семиотика как трансдисциплинарный тренд представляет собой не просто методологическую новацию, но и философский ориентир, призывающий к пересмотру традиционных представлений о науке и познании. Начиная с исследований Ч. Пирса и Ч. Морриса, стал очевидным факт, что семиотика обладает потенциалом не только как теоретическая конструкция, но и как практический инструмент для анализа и синтеза знаний. Она способна предложить новые решения в условиях кризиса методологии, возникающего на пересечении естественных и гуманитарных наук. Однако, несмотря на очевидные преимущества семиотического подхода, на пути его практической реализации остаются вызовы, связанные с адаптацией терминологии и методов к различным дисциплинам и которые требуют переосмысления традиционных парадигм.

Список литературы

1. Азов А.В. Проблема нового интегративного знания: обзор дискуссий [Электронный ресурс] / А.В. Азов // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-novogo-integrativnogo-znaniya-obzor-diskussiy>. – Дата доступа: 23.03. 2025.
2. Золян С.Т. Семиотика как органон гуманитарного знания: возможности и ограничения [Электронный ресурс] / С.Т. Золян // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – С. 74–89. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-kak-organon-gumanitarnogo-znaniya-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>. – Дата доступа: 23.03. 2025.

3. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков Ч.У. Моррис // Семиотика. Антология. – Москва: Академический проект; 2001. – С. 45–97.
4. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс / Перевод с английского, предисловие В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина, – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
5. Воробьева, С.В. Эпистемологические и когнитивные основания трансдисциплинарной методологии в контексте дискурсивной аналитики / С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей междунар. науч. конф., 1516 ноября 2018 г., г. Минск. В 3 т. Т. I / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2018. С. 42–45.
6. Фомин И.В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария [Электронный ресурс] / И.В. Фомин // Политическая наука. – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-issledovaniya-v-transdistsiplinarnoy-perspektive-vozmozhnosti-semioticheskogo-instrumentariya>. – Дата доступа: 24.03. 2025.
7. Воробьева, С.В. Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты / С.В. Воробьева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 1. – С. 34–44.
8. Гаврилова, М.В. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы [Электронный ресурс] / М.В. Гаврилова // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2018. – С.404–417. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semiotika-opyt-sistematizatsii-terminologicheskoy-sistemy>. Дата доступа: 27.03.2025.
9. Воробьева, С.В. Семиотические основания когнитивной герменевтики / С.В. Воробьева // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв. ред. И. В. Дёмин. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 289–296.
10. Кресс, Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности / Г. Кресс // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 77–100.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Салтанович Ирина Петровна,

кандидат социологических наук, доцент,

Минский государственный лингвистический университет

Аннотация. Исследование представляет анализ социальных эффектов технологической революции, фокусируясь на проблеме гармонизации инновационных технологических достижений с культурными основами общественного развития. Работа акцентирует важность интеграции междисциплинарных подходов при изучении многоаспектных социокультурных противоречий, возникающих в условиях интенсивной технологизации. Автор предлагает ряд стратегических решений, направленных на минимизацию или преодоление выявленных противоречий, подчеркивая, что их результативность определяется спецификой социокультурной среды и качеством взаимодействия ключевых общественных институтов – государственных структур, бизнес-сообщества, гражданских организаций и образовательной системы.

Ключевые слова: технологическая революция; социокультурные противоречия; стратегии; цифровая реинтерпретация.

SOCIO-CULTURAL CONTRADICTIONS IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Saltanovich Irina P.

Candidate of Social Sciences, Associate Professor,

Minsk State Linguistic University

Abstract. The study presents an analysis of the social impact of the technological revolution, focusing on the problem of reconciling innovative technological achievements with the cultural foundations of social development. The paper emphasises the importance of integrating interdisciplinary approaches in the study of multidimensional socio-cultural contradictions arising under conditions of intensive technologisation. The author proposes a number of strategic solutions aimed at minimising or overcoming the identified contradictions, stressing that their effectiveness is determined by the specifics of the socio-cultural environment and the quality of interaction between key public institutions - government agencies, business, civil society organisations and the educational system.

Keywords: technological revolution; socio-cultural contradictions; coping strategies; digital reinterpretation.

В настоящее время мы живем в эпоху цифровой трансформации в контексте Общества 4.0. Первоначально Общество 4.0 ассоциировалось с изменениями в промышленном и производственном секторах, с потенциалом перестройки всей социальной сферы, как и предыдущие технологические революции. Однако становится очевидным, что эта технологическая эволюция затрагивает все уровни общества, а не только промышленность. Современные технологии вышли за рамки исследований, разработок и производства, проникнув в общественную и частную жизнь до такой степени, что, по-видимому, создают общество, сосредоточенное на интенсивной взаимосвязи технологий, людей и Больших данных, затрагивая и изменяя социокультурный ландшафт.

Цифровые технологии закреплены в широком социальном, политическом и идеологическом контексте — контексте, который в значительной степени определяет эпоху, в которой мы живем. Эта интеграция технологий, ИИ и культуры представляет новые этические проблемы и дилеммы в ее реализации. С одной стороны, технологии и ИИ радикально преобразуют нашу среду, с другой, часто без нашего осознания, они также меняют нас, определяя вектор развития культуры, которая «всё больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачей духовного цивилизационного наследия» [1, с. 21-22].

Первоначальное волнение по поводу научных открытий и инноваций часто смягчается опасениями по поводу непредвиденных социокультурных последствий. Любые потенциальные негативные последствия обычно считаются приемлемыми, если они напрямую не нарушают установленные социальные нормы и могут быть компенсированы положительными эффектами в соответствующей области. Поскольку технологии и ИИ быстро развиваются и играют все большую роль в обществе, необходимо тщательно учитывать их воздействие на все социальные подсистемы.

Обсуждение будущей общественной трансформации, вызванной цифровыми достижениями, учитывает не только значительное и положительное влияние этих технологических разработок, но и потенциальные неблагоприятные последствия. По мнению некоторых авторов, они могут даже привести к возникновению глобальных экзистенциальных угроз человеческой цивилизации [2].

Методология исследования содержит обзор литературы для установления основополагающего понимания существующего исследовательского ландшафта по этой теме, синтезируя выводы из широкого спектра академических источников. Она фокусируется на

междисциплинарном анализе, включая социологию, политологию и экономику. Подход объединяет философские и социологические теории для выявления скрытых механизмов социокультурных противоречий в контексте цифровизации.

Технологические революции [3], глубоко меняя общество, также порождают противоречия и напряженность из-за неравномерного темпа изменений в экономической, социальной и институциональной сферах. Остановимся на ключевых моментах, подчеркивающих эти противоречия. Концепцией творческого разрушения Й. Шумпетера, которую можно назвать «творческое разрушение и социальный разрыв» описывается, как технологические инновации «ломают» существующие системы, создавая возможности и подрывая устоявшиеся практики и нормы. К. Перес, опираясь на теории Шумпетера о кластеризации инноваций, объясняет, почему каждая технологическая революция приводит к смене парадигмы и «новой экономике» и как эти «взрывы возможностей» часто приводит к социальному сопротивлению, поскольку институты из всех сил пытаются адаптироваться к новым техноэкономическим парадигмам [4].

Технологические достижения могут усугубить социальное неравенство из-за неравномерного доступа к технологиям. В работе «The political and social contradictions of the human and online environment in the context of artificial intelligence applications» красноречиво показано, что те, у кого нет ресурсов или навыков, сталкиваются с невыгодным положением, что расширяет цифровой разрыв и усиливает существующие различия [5].

Распространение новых технологий часто опережает институциональную адаптацию. Поскольку старые системы не в состоянии эффективно усваивать изменения, это несоответствие вызывает нестабильность, включая потерю рабочих мест, устаревание навыков и географическое перемещение. Информационные технологии сместили общественные ценности в сторону интеллектуального роста и творчества, но также привнесли такие проблемы, как ментальный контроль, информационная перегрузка и появление «информационных элит», что еще больше усложняет социокультурную динамику [6].

Технологические решения часто создают конфликты между различными общественными интересами, рождающими споры из-за несходных интерпретаций технологических воздействий и предполагаемых угроз традиционному образу жизни. Глобализация, движимая технологическими революциями, способствует взаимосвязанности, но также может привести к культурной гомогенизации, вызывая

сопротивление со стороны местных сообществ, стремящихся сохранить свою идентичность.

Прежде чем говорить о конкретных стратегиях преодоления социокультурных противоречий следует выстроить алгоритм понимания проблем, с которыми сталкиваются отдельные лица или группы [7].

Поощрение открытого диалога и коллективных действий может способствовать их разрешению, что включает совместные усилия по решению и преобразованию существующих практик. Также следует принять трудность вопроса, так как социокультурные контексты по своей сути сложны и противоречивы. Принятие этой сложности вместо поиска упрощенных решений может привести к более эффективным стратегиям изменений, учитывая, что «традиционные ценности невозможно бережно воспроизвести и наполнить новым глубоким содержанием, руководствуясь только нормами формального права. Для этого необходимо синергетическое взаимоусиление ценностного воздействия общества и государства на формирование, развитие и практическую деятельность человека, всех созданных им духовных и материальных богатств» [8, с. 37].

И последней важной ступенью к конкретике является понимание внедрения трансформационных практик, которые устраняют коренные причины противоречий, выстраивая путь к долгосрочным изменениям.

В качестве стратегий преодоления социокультурных противоречий можно рассматривать:

- *институциональные*, включающие *развитие* технологической этики и регулирование через внедрение принципов ответственных инноваций, выстраивание баланса между инновационным развитием и социальной защитой, гармонизацию подходов к регулированию технологий в глобальном масштабе;

- *социально ориентированную инновационную политику*, содержащую доступность технологических благ для всех социальных групп, а также оценку и систематический анализ последствий внедрения новых технологий;

- *образовательные* - через формирование цифровой грамотности и критического мышления посредством многоуровневого обучения: от базовых навыков до понимания социальных и этических аспектов технологий; критической медиаграмотности; алгоритмической грамотности; программ по цифровой безопасности [9];

- *развитие межпоколенческого обучения* как реверсивное наставничество: обмен знаниями между поколениями (цифровые навыки от

молодежи, жизненный опыт от старших), межпоколенческие проекты: коллаборативное решение проблем с использованием разнообразного опыта.

Культурные стратегии имеет смысл выстроить особняком, так как любые технологические процессы всегда опираются на культурный код.

Развитие технокультурных гибридов, экспериментальные формы на стыке искусства и технологий, технологически опосредованные культурные практики (адаптация традиционных форм к новым технологическим возможностям), художественная рефлексия технологических трансформаций, а также партисипаторная культура: вовлечение аудитории в совместное творчество с использованием технологий – вот основные, как обозначение, направления стратегий, некоторые из которых уже успешно работают [10].

Также необходимо переосмысление культурных традиций в технологическом контексте через цифровую реинтерпретацию культурного наследия: новые формы представления и взаимодействия с традиционной культурой; технологическую актуализацию традиционных ценностей (поиск соответствий между традиционными этическими системами и современными технологическими вызовами), адаптацию ритуальных практик посредством трансформации традиционных ритуалов в цифровой среде, что и выстроит культурную преемственность в цифровую эпоху через механизмы передачи культурных кодов в изменившихся условиях.

Каждая из этих стратегий представляет собой потенциальный путь к смягчению или преодолению социокультурных противоречий, возникающих в контексте технологической революции. Их эффективность зависит от конкретного социокультурного контекста, а также от степени координации между различными акторами – государством, бизнесом, гражданским обществом и образовательными институтами.

Список литературы

1. Данилов, А. Н. Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего / А. Н. Данилов // Вестник Института социологии. – 2021. – 12(3). – С. 14–26. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735
2. Adams, Bert N. Sociological Theory / Bert N. Adams, R. A. Sydie. – SAGE Publications. – 2012: [сайт]. – <https://doi.org/10.4135/9781452233925> (дата обращения: 27.02.2025).
3. Technological revolution // Wikipedia: [сайт]. – https://en.wikipedia.org/wiki/Technological_revolution (дата обращения: 27.02.2025).

4. Perez, C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages / C. Perez. – E. Elgar Publishing. – 2003. – 224 P.

5. Rakowski, R. The political and social contradictions of the human and online environment in the context of artificial intelligence applications / R. Rakowski, P. Kowaliková // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – 11(1). – P. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-024-02725-y

6. Aladyshkin, I.V. Information Prospects for Socio-Cultural Development: Contradictory Grounds / I.V. Aladyshkin, S.V. Kulik, A.N. Michurin, N.E. Anosova // International Conference on Research Paradigms Transformation. – 2018. – 35 – P. 19–25. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.3>

7. Jones, M. L. Living with Contradiction: Cultural Historical Activity Theory as a Theoretical Frame to Study Student Engineering Project Teams / M. L. Jones // Conference: 2014 ASEE Annual Conference & Exposition. – 2014. – P. 1–14. DOI:10.18260/1-2--22804

8. Бабосов, Е.М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее / Е. М. Бабосов // Экономика. Социология. Право. – 2023. – 1(29). – С. 35-39. DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-35-39

9. Langemeyer, I. Contradictions in Expansive Learning: Towards a Critical Analysis of Self-dependent Forms of Learning in Relation to Contemporary Socio-technological Change / I. Langemeyer // Forum qualitative sozialforschung. – 2006. – 2(1). Art. 12: [сайт]. – <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/76/155> (дата обращения: 03.03.2025).

10. Long, C. Porous, shifting, contradictory: how our beliefs about culture shape TRIPTK's cultural strategy practice / C. Long. – Февраль 2022: [сайт]. – <https://www.linkedin.com/pulse/porous-shifting-contradictory-how-our-beliefs-culture-cecily-long> (дата обращения: 03.03.2025).

НЕТОКРАТИЯ: БЮРОКРАТИЗАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сарна Александр Янисович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перехода от «классической» к «сетевой» форме современной бюрократии, которая использует в качестве основных инструментов своей деятельности электронный документооборот и интеллектуальные системы обработки данных, что заметно упрощает работу органов государственного управления и способствует снижению издержек. Также могут использоваться такие гибкие формы контроля, как варьирование рабочего времени, отсутствие жестких правил, устранение формализма в коммуникациях и рабочем процессе. Однако стремление бюрократии формировать и контролировать цифровую среду в образовании, построенную в основном на отчетности по определенным показателям, противоречит необходимости повышения качества образовательных услуг. Это может способствовать возникновению «сверхбюрократизации», которая становится серьезным барьером для развития не только отдельных социальных групп, но и всего общества.

Ключевые слова: Нетократия; сетевая бюрократия; электронный документооборот; цифровая трансформация; информационное общество.

NETOCRACY: BUREAUCRATIZATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Sarna Alexander Yanisovich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,
Associate Professor of the Department of Social Communication,
Belarusian State University

Abstract. The article examines the features of the transition from the "classical" to the "network" form of modern bureaucracy, which uses electronic document management and intelligent data processing systems as its main tools, which significantly simplifies the work of government bodies and helps reduce costs. Flexible forms of control can also be used, such as varying working hours, the absence of strict rules, and the elimination of formalism in communications and the work process. However, the desire of the bureaucracy to form and control the digital environment in education, built mainly on reporting on certain indicators, contradicts the need to improve the quality of educational services. This can contribute to the emergence of "over-bureaucratization", which becomes a serious barrier to the development of not only individual social groups, but also the entire society.

Keywords: Netocracy; network bureaucracy; electronic document management; digital transformation; information society.

В своей работе «Netократия» шведские исследователи Александр Бард и Ян Зодерквист обосновали появление новой правящей элиты в эпоху «после капитализма», подчеркивая роль бюрократии, которая существенно изменила свои функции по сравнению с тем, как их описывали в прошлом веке. Так, в теории Макса Вебера бюрократия мыслилась как одна из важнейших предпосылок для формирования современного капитализма. Вплоть до последних десятилетий предполагалось, что идеальный «веберовский» тип бюрократии проник во все сферы жизни и управления, в корпорации и государственные организации, являясь паттерном, организующим современную социальную жизнь в целом. Однако такой тип бюрократии сегодня постоянно критикуют за жесткость, архаичность и неэффективность. Современные организации в условиях позднего капитализма претендуют на то, чтобы быть более гибкими и адаптивными, в силу чего стала активно обсуждаться возможность концептуализации нового типа социальной организации – сетевой бюрократии [1].

Подобный образ «распределенной» бюрократии позволяет понять, как осуществляется переход от дисциплинарной власти к децентрализованным практикам эпохи позднего капитализма. Сетевая бюрократия использует такие инструменты контроля, как варьирование рабочего времени, отсутствие жестких правил, устранение формализма в коммуникациях и рабочем процессе. Однако эта мнимая свобода дерегулирования оборачивается новой формой контроля, который, в отличие от классической веберовской бюрократии, осуществляется посредством делегирования полномочий самому работнику для самоконтроля своей деятельности, а также скрытого наблюдения за ним через видеокамеры, отслеживание действий сотрудника за компьютером, учета рабочего времени через электронные пропуска и т.п. «Эти новые сетевые формы бюрократического контроля предполагают микроконтроль за действиями работника с помощью новых технологий и таким образом реструктурируют устаревшие отношения власти, еще сильнее уменьшая пространство личной свободы и усиливая атомизацию индивида» [2, с. 28].

Важнейшим инструментом регулирования информационных потоков и человеческих ресурсов для современной бюрократии стали электронный документооборот и интеллектуальные системы обработки данных (ERP-системы), которые позволяют оптимизировать работу с документами и

повысить эффективность организации процессов делопроизводства в рамках общей стратегии развития организации. Это набор интегрированных приложений или модулей для управления основными информационными процессами в организации, включая финансы и бухгалтерский учет, цепочку поставок, управление персоналом, закупки, продажи, управление запасами и пр. ERP (enterprise resource planning) дословно переводится как «планирование ресурсов». Теоретически подобная программа может стать своеобразной стратегией предприятия, внутри которой будет учитываться управление определенными направлениями: финансами (ведется налоговый и бухгалтерский учет, планируется бюджет); трудовыми кадрами; активами; взаимодействиями с партнерами, ведением подробной истории операций с клиентами. В основе ERP-систем лежит принцип создания единого хранилища данных, содержащего всю корпоративную информацию и обеспечивающего одновременный доступ к ней любого необходимого числа сотрудников предприятия, наделенных соответствующими полномочиями. Данные интеллектуальные системы предназначены для расчета средств, регулирования ресурсов и ускорения процессов, которые ведутся в организации. С их помощью можно снизить негативное влияние человеческого фактора и оптимизировать функционирование организации, имеющей много отделов, подразделений и сотрудников [3].

Применение электронного документооборота позволяет использовать главное преимущество цифровой экономики – удаленный доступ к сети для удобного и быстрого оказания услуг посредством различных онлайн-сервисов. Тем самым с развитием информационных технологий на смену традиционной бюрократии приходит электронная, которая заметно упрощает деятельность органов государственного управления и способствует снижению издержек и экономии ресурсов, например, при работе с запросами со стороны населения в формате «одно окно» или «Госуслуги» (как в России). Однако используемые при этом электронные приложения далеко не всегда могут дать ответ на индивидуальные вопросы, требующие непосредственного общения со специалистом. Несмотря на то, что цифровизация затрагивает большое количество электронных услуг, весь их перечень охватить нельзя, так что приходится ждать обновлений, вносимых специалистами службы поддержки. Также множество людей еще не привыкли в полной мере предоставлять онлайн-сервисам свои персональные данные – несмотря на то, что современные системы

безопасности позволяют защитить информацию и почти исключают возможность ее потери или похищения.

Кроме того, госслужащие могут быть не заинтересованы в оптимизации их работы, т.к. базовые услуги для населения можно будет осуществить без их помощи, вследствие чего штат сотрудников заметно сократится. И хотя на данный момент не представляется возможным автоматизировать бюрократические процедуры в полном объеме, уже сейчас разрабатываются и внедряются удобные интерфейсы, которые будут решать большее количество вопросов без связи с оператором. Немаловажным фактором является обеспечение высокого уровня защиты данных, чтобы люди могли доверять государству. При этом нужно учитывать, что излишний оптимизм по увеличению темпов внедрения новаций, их доступности и открытости может обернуться неоправданными потерями, появлением возможностей для действий мошенников. Ситуация с цифровизацией в настоящее время такова, что планирование ее ускоренного расширения далеко не всегда соответствует реальному положению дел в разных сферах информационного общества. Это приводит к нестыковкам между элементами системы, различными учреждениями и ведомствами, которые вынуждают получателей услуг в случае ошибок тратить дополнительное время и силы на их устранение [4].

Бюрократия использует цифровизацию как инструмент управления обществом на современном этапе его развития, но зачастую превращает ее в самоцель, ради которой забывают о самом смысле бюрократических процедур. Ведь они призваны упорядочить и оптимизировать социальные взаимодействия, вводя повсеместные формы учета и контроля, так что цифровизация подходит для этого как нельзя лучше. Но любая идея, взятая в своем крайнем выражении, стремится к своей противоположности, как это происходит в системе высшего образования, для которой «характерен высокий уровень административного контроля ВУЗов» [5, с. 24]. В то же время «для эффективного управления необходим разумный баланс между автономией преподавательского состава и административным контролем» [5, с. 24], в настоящее время реализуемым с использованием цифровых технологий. В ВУЗах может стать проблемой эффективное внедрение цифровизации, если делать излишний акцент на функции контроля. И тогда стремление бюрократии формировать и контролировать цифровую среду в образовании, построенную в основном на отчетности по определенным показателям, будет противоречить необходимости повышения качества образовательных услуг.

Российские исследователи В.П. Бабинцев и В.П. Римский отмечают, что бюрократизация управления научно-образовательным и культурно-воспитательным пространством в ВУЗе «проявляется в виде комплекса управленческих практик, затрагивающих все аспекты функционирования учреждений ВПО и в современных условиях существенным образом девальвирующих интеллектуальную составляющую образовательного процесса» [6, с. 6]. Обращая внимание на преобладание отчетности над содержанием образования, авторы подчеркивают: «Следствием гипертрофированной установки на стандартизацию и регламентацию становится повышение роли всех видов отчетности» [6, с. 11].

Применяемые для анализа результатов педагогической деятельности индикаторы, реализуемые с использованием цифровых технологий, не учитывают специфики интеллектуального труда, тем самым создавая барьеры для совершенствования образовательной среды. В итоге развитие бюрократии в цифровом обществе может двигаться в направлении сетевой трансформации, но при этом возникает проблема «сверхбюрократизации», которая может ограничивать как необходимое развитие всего общества, так и отдельных его представителей или социальных групп.

Список литературы

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Москва: Academia, 2004. – 788 с.
2. Квачев В.Л. От веберовской бюрократии – к сетевой бюрократии // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 2, с. 28–40.
3. Бобков, О. Что такое ERP-система простыми словами: расшифровка понятия, примеры и классификация программы для управления предприятием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cleverence.ru/articles/biznes/chto-takoe-erp-sistema-prostymi-slovami-rasshifrovka-ponyatiya-primery-i-klassifikatsiya-programmy-d/>. – Дата доступа: 20.03.2025.
4. Рыбина Е.В. Цифровизация как инструмент бюрократического управления: возможности и ограничения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrf.ru/article/08-08-22>. – Дата доступа: 25.03.2025.
5. Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США / под ред. Ф. Альтбаха, Г. Андрушака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг; под науч. ред. М. Юдкевич; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 247 с.
6. Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация ВУЗа как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Выпуск 4. – С. 5-17.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ В. БЕНЬЯМИНА: ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ МЕХАНИЧЕСКОГО РЕПРОДУЦИРОВАНИЯ

Сидоренко Ирина Николаевна,

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье осуществлена историко-философская реконструкция философии культуры немецкого философа В. Беньямина, позволившая раскрыть специфику технического метода культуры модерна, посредством которого репродуцируются предметы искусства, что в свою очередь, приводит к тиражируемости и омассовлению не только произведений искусства, но и форм социально-политического поведения, сознания. Автором статьи анализируется историчность искусства как процесс постепенного замещения уникальности произведения и лишения его ауры, что приводит к разрыву традиции и в социально-политических процессах общества модерна (эстетизация политики и политизация искусства). Аргументируется вывод о том, что изменения способа экспонирования техникой в области искусства и политики продолжают оказывать значимое влияние на сферы жизнедеятельности общества постмодерна.

Ключевые слова: В. Беньямин; культура; аура; искусство; политика; техника; техническое репродуцирование; тиражирование.

W. BENJAMIN'S PHILOSOPHY OF CULTURE: ART AND POLITICS IN THE AGE OF MECHANICAL REPRODUCTION

I.N. Sidorenko

Doctor of science (Philosophy), docent; head at the department of philosophy of culture
Belarusian State University

Abstract. In the article the historical and philosophical reconstruction of the philosophy of culture of the German philosopher W. Benjamin is carried out, which allowed to reveal the specificity of the technical method of modern culture, through which art objects are reproduced, which in turn leads to the replicability and massification of not only works of art, but also forms of socio-political behavior and consciousness. The author of the article analyzes the historicity of art as a process of gradual replacement of the uniqueness of the work and deprivation of its aura, which leads to the rupture of tradition also in the socio-political processes of modern society (aestheticization of politics and politicization of art). The conclusion is argued that changes in the way of exposition by technique in art and politics continue to have a significant impact on the spheres of life of postmodern society.

Keywords: W. Benjamin; culture; aura; art; politics; technology; technical reproduction; replication.

Для объяснения сущности культуры, всего многообразия ее явлений, немецкий мыслитель еврейского происхождения Вальтер Беньямин применяет метод поиска первофеномена, функцию которого призвано выполнять отдельное произведение искусства. Наиболее полно идея объяснить сущность культуры модерна посредством выявления и исследования трансформаций в способах восприятия воспроизведения предметов искусства была представлена в таких работах В. Беньямина, как: «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», «Автор как производитель», «Краткая история фотография».

Основную задачу философии культуры В. Беньямин видел в том, чтобы раскрыть социальный смысл не столько того, о чем говорит искусство, сколько того, как оно об этом говорит. Поэтому если революция связана с изменением средств производства, то и подлинно революционное искусство, для В. Беньямина это авангардизм и сюрреализм, связано с отказом от прежних изобразительных форм. Таким новым средством производства эстетической формы становится фотография, но не просто как вид изображения, а как средство критического анализа складывающихся общественных структур. Фотография указала на новый способ существования искусства, в котором под вопрос был поставлен статус оригинала, а воспроизводимость, копируемость приобрели ведущую роль, определяя новые условия «уникальности» произведения. Таким образом, трансформация, отмеченная фотографией, затронула и сферу субъекта, изменив характер восприятия и его условия.

Импульсом к формированию проекта модерна в культуре современного общества, согласно В. Беньямину, послужили изменения, произошедшие в культуре Нового времени и приведшие к возникновению принципиального нового, технического, способа воспроизведения предметов культуры, который привел к утере произведением своей «ауры», т.е. его уникальность и аутентичность. Специфика технического метода репродуцирования предметов искусства заключается в тиражируемости, заменяющей уникальность произведения и лишаящей его ауры. Исчезновение ауры В. Беньямин связывал с развитием не только технических средств, но и соответствующих социальных потребностей, превращающих уникальную единичность произведения искусства в достояние масс, т. е. его омассовление. Такой процесс с неизбежностью

приводит к трансформации статуса культурной ценности и забвению традиции. В результате омассовления произведение искусства утрачивает культовую функцию и начинает выполнять совершенно новую функцию – экспозиционную, превращаясь в выставочную ценность. Так, новые технологии способствуют формированию «массовости» искусства и, следовательно, унифицированности масс, их некритичности мышления и всеядности в потреблении.

В. Беньямин использовал фотографию как инструмент исследования других процессов современности, выходящих за рамки визуальности. Так, в ходе анализа он отметил, что в ранних фотографиях техника в состоянии придать произведению магическую силу, задать иное восприятие субъекта: фотография не только раскрывает оптически-бессознательное, но и открывает изобразительные миры, до этого обитающие в видениях. Сама техника заставляла фотографируемого жить не от мгновения к мгновению, а вживаться в каждый миг, тем самым, запечатлевая ауру. Стремление же «приблизить» вещь к себе означает ее омассовление, преодоление уникального через его репродуцирование. Репродукция отличается от изображения тем, что в ней делается акцент на мимолетности и повторяемости, в отличие от изображения, в котором соединены уникальность и длительность. В силу этого, разрушение ауры произведения напоминает его очищение от оболочки. Согласно мысли В. Беньямина, человек модерна испытывает чувство «однотипного» ко всему, поэтому он с помощью репродукции добивается однотипности даже от уникальных явлений и произведений искусства. С развитием репродукционной техники изменилось восприятие великих произведений искусства и для того чтобы они не задавили своей мощью, техника посредством репродуцирования их уменьшает, наделяя тем самым человека господством над произведениями искусства, которое выражается в том, что он найдет наконец для них применение, т.е. употребит. Все это привело к обесцениванию «здесь и сейчас» произведения искусства, нивелированию его подлинности и исторической ценности. Репродукционная техника, лишая оригинал ауры, выводит его из сферы традиции, заменяя его уникальность на массовость.

Сюрреализм трактуется В. Беньямином как революционное искусство, способное разрушить установку однотипности, подготовив «целительное» отчуждение между человеком и его однотипным окружением, однако, вместе с тем, сюрреализм превращает произведение искусства в политический манифест. Первоначальное погружение произведения искусства в традицию было реализовано посредством культа,

который сообщал ему ритуальную функцию. С появлением первого революционного репродуцирующего средства – фотографии, искусство начинает ощущать приближение кризиса. Когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразается вся социальная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая, что и нашло выражение в искусстве сюрреализма и авангардизма. Вместо исторической ценности произведение искусства приобретает экспозиционную ценность.

За фотографией, как репродукционной техникой, следует кино. Вместо исчезнувшей ауры кино создает искусственную «personality», чье существование поддерживается культом звезд. Аппарат кинооператора постоянно оценивает игру актера и превращает зрителя не только в эксперта, но в профессионала. Это происходит, по справедливому замечанию В. Бенямина, не только в пространстве киноискусства и киноиндустрии, но и в литературном творчестве, в частности разделение на авторов и читателей размывается: теперь каждый может претендовать на участие в киносъемке, написать и опубликовать текст.

Техническая воспроизводимость предмета искусства изменяет и отношение масс к искусству. В. Бенямин выделил два типа такого отношения, связанные с социальным значением искусства: критическое и гедонистическое. При этом философ отмечал, что чем сильнее проявляется утрата социального значения какого-либо искусства, тем больше происходит разрыв между критической и гедонистической установками.

Изменение естественной дистанции между художником и репрезентируемым им объектом, накладывающее отпечаток и на характер самой репрезентации, является одним из главных вопросов философии культуры В. Бенямина. Участие технологии в производстве предмета искусства рассматривается им в качестве причины трансформации, а точнее сокращения этой дистанции. В качестве примера такого продуктивного, однако, не безобидного альянса между искусством и технологией В. Бенямин приводит кинематограф, сопоставляя его с различными традиционными видами искусства. Кино как форма искусства соответствует возросшей нестабильности жизни, в силу этого порожденная им зрительская потребность в шоковом воздействии представляет собой своеобразную адаптацию человека на социальные раздражители и опасности.

Замена созерцания развлечением осуществляется параллельно преобразованию восприятия посредством кино, а именно развитие «рассеянного восприятия». Посредством шокового воздействия кино вытесняет культовое воздействие не только тем, что превращает публику в эксперта, но и тем, что эта экспертная оценивающая позиция в кино не требует внимания. Таким образом, не происходит «соприкосновения» публики с исполнителем, так как находящаяся между ними камера опосредует как игру актера, так и восприятия зрителя. В результате возникает возможность идеологического манипулирования, так как общественное восприятие некритично: зритель, развлекаясь, не погружается в произведение искусства, а наоборот, погружает его в себя.

В. Беньямин зафиксировал изменение способа экспонирования техникой не только в области искусства, но и в политике. При этом им справедливо было подмечено, что кризис буржуазной демократии включает в себя и кризис условий, определяющих «экспонирование носителей власти». Так, демократия экспонирует носителя власти непосредственно народным представителям: парламент превращается в публику. Поэтому направление изменений способов экспонирования техникой, несмотря на различие их конкретных задач, одинаково для актера и политика. «Их цель – порождение контролируемых действий, более того, действий, которым можно было бы подражать в определенных социальных условиях. Возникает новый отбор, отбор перед аппаратурой, и победителями из него выходят кинозвезда и диктатор» [1, с. 42].

С изменением восприятия, изменяются и функции искусства, происходит замена ритуала политикой. Так исследуя трансформации, происходящие в сфере визуальных искусств, В. Беньямин актуализировал проблему идеологии и кинематографа, отмечая, что массовая репродукция оказывается созвучной репродукции масс. Именно аппаратура четко фиксирует движение масс, а не глаз, не имеющий способности увеличивать и фрагментировать. Это означает в свою очередь, что массовые действия, например, война, представляют собой ту форму человеческой деятельности, которая отвечает особенностям аппаратуры. Следовательно, возрастающая пролетаризация современного человека и возрастающая организация масс – это две стороны одного процесса. Например, фашизм пытается организовать пролетаризированные массы, не затрагивая имущественных отношений, т. е. он дает массам возможность выразиться в обмен на невозможность реализовать свои права. Таким образом, фашизм приходит к «эстетизации политической жизни», реализуемой посредством двойного

насилия: насилие над массами, организующимися вокруг культа кинозвезды-фюрера, и насилие над киноаппаратурой, которая порождает культовые символы. Война, в такой интерпретации, представляет собой высшую степень эстетизации политики, творящей свой идеал прекрасного – «металлизацию человеческого тела». Культурное поле, созданное эстетизацией политики, придает характер отчужденности всему, что в нем визуализируется, и создает идеал жизни как искусства, где главная эстетическая ценность – это красота, в данном случае, красота смерти.

В отличие от фашизма как эстетизации политики, В. Беньямин определил коммунизм как политизацию искусства. Если эстетизация политики приводит к господству фетишизма и политической утопии, то политизация искусства помогает проявить диалектические силы для обновления, дает возможность пробуждения от «мифического сна». При политизации искусства эстетическое погружается в сферу политики, в силу чего приобретает дополнительные нравственные задачи, т.е. к таким эстетическим категориям как прекрасное и безобразное прибавляются категории добра и зла. Именно в политизации искусства В. Беньямин видел выход из сложившейся культурной и политической ситуации современности. Однако, как показала история XX в., реализовать этот потенциал, указанный философом, не удалось. Внесение в пространство эстетики нравственных составляющих обернулось процедурой жесткого закрепления нравственных образцов за определенными типажам в начале в искусстве, а затем и в реальности.

Поднятый В. Беньямином вопрос о сущности массовой культуры, специфике ее воздействия на человека и возможной идеологической манипуляции сознанием с помощью новых технологий нашел продолжение своего рассмотрения в концепции «индустрии культуры» Т. Адорно и М. Хоркхаймера, согласно которой культура к середине XX в. превратилось в одну из областей индустрии, подчиняясь законам монополии. Однако в отличие от индустриальных сфер производства культура оказывается в ситуации самоликвидации. Приобщение личности к культуре технического репродуцирования современного общества оборачивается навязыванием идеологических клише, а сама личность превращается в иллюзию.

Список литературы

1. Беньямин, В. Произведение искусств в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусств в эпоху его технической

воспроизводимости / Предисловие,
С. Ромашко. – М.: «Медиум», 1996.

перевод,

и

примечания

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. КАССИРЕРА

Стаськевич Сергей Александрович,

аспирант кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Колядко Илья Николаевич,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация: цель данной работы – определить философско-методологические основания трансдисциплинарности в творчестве Э. Кассирера. Было выявлено, что на формирование трансдисциплинарного подхода к исследованию культуры у Э. Кассирера повлияла творческая интерпретация гносеологических положений неокантианства.

Ключевые слова: символизм; «символическая форма»; культура; трансдисциплинарность.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF TRANSDISCIPLINARITY IN THE WORK OF E. KASSIRER

Staskevich Sergey Alexandrovich,

Postgraduate student of the Chair of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Ilya Nikolayevich Kolyadko,

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Abstract: The aim of this paper is to determine the philosophical and methodological foundations of transdisciplinarity in the work of E. Cassirer. It was determined that the formation of transdisciplinary approach to the study of culture in E. Cassirer's work was influenced by the creative interpretation of the epistemological provisions of neo-Kantianism.

Key words: symbolism; “symbolic form”; culture; transdisciplinarity.

Проблема метода, применимо к естественным и гуманитарным дисциплинам, была и остается актуальной в философской и научной среде. Многие философы, посредством своих учений, предлагали пути разрешения оппозиции между науками о природе и духе. Среди них бесспорно яркой фигурой является Э. Кассирер, творчество которого выпало на первую половину XX века. Авторское философское учение было направлено, в первую очередь, на создание функциональной модели, в рамки которой укладывалось бы все многообразие культуры, как результата и процесса

человеческого творчества. Все элементы такой модели, как и сама культура, должны были восходить к некоему единому принципу. В случае немецкого мыслителя – это принцип символизма.

Символизм в творчестве Э. Кассирера – это способность человека к созданию и непрестанному преобразованию культуры, в различных ее областях. Этот процесс объединяет все автономные области духовной деятельности, которые в философском учении немецкого мыслителя получили название «символических форм». Учение о «символических формах» имеет под собой гносеологический фундамент в неокантианском духе. В рамках каждой «символической формы», будь то религия, наука, миф, язык, искусство, общие понятия, относящиеся к условиям созерцания (пространство и время), а так же категории рассудка имеют свои модификации. Иными словами, как в науке, так и, например, в искусстве, есть свое вполне правомерное понятие времени, пространства, качества и количества и так далее[1, с. 85-97].

Сохраняя общий смысл в гносеологической модели, эти категории и понятия отличаются в частностях, придавая каждой «символической форме» ее самобытность в освоении мира. Таким образом, каждая «символическая форма» получила в концепции культуры Э. Кассирера статус самостоятельной единицы, которая при этом неразрывным образом связана с целым. Эта связь достигается через понятие символа, адекватного для любой области культуры, вне зависимости от ее «гуманитарности», или «естественно научности». Саму связь различных областей культуры в их жизненной динамике, которую обеспечивает символ, немецкий философ определяет как «симпатию», в рамках которой изменение в одной области культуры отзывается во всех остальных определенным образом [1, с. 89]. В этих изменениях нет никакого нарочитого механицизма, культура в большей степени уподоблена развивающемуся и меняющемуся в качественном смысле организму.

Впрочем, отзвуки идей И. Канта приносят в данную концепцию еще одну существенную особенность. Имеется в виду статус культуры, как замкнутой в самой себе области бытия. Культура, в творчестве немецкого мыслителя, оторвана, как от трансцендентного бытия, так и от реальных вещей [2, с. 39-40]. Статус последних вообще не слишком интересует немецкого мыслителя [3, с. 130-133]. В связи с этим, становится невозможной и какая бы то ни была онтологическая разница в статусах «символических форм», что делает их рациональное сопоставление куда более обоснованным.

Таким образом, знаменитая фраза Э. Кассирера о том, что «человек – существо символическое» приобретает вполне конкретный философский смысл. Символическая реальность – и есть реальность самой культуры [4, с. 160]. И культура, определенная таким образом, становится потенциально познаваемой во всех ее многочисленных особенностях. А автономность «символических форм» располагает к тому, чтобы их исследованием занимались разные философские и научные дисциплины. Но, так как «символические формы» подразумевают неотчуждаемое единство самой культуры, дисциплины, их исследующие, будут по необходимости тяготеть к сотрудничеству. То есть, то, что называется трансдисциплинарностью, будет логическим выводом из общих положений философии культуры Э. Кассирера.

Нужно заметить, что и сам немецкий философ проводил свои изыскания подобным образом, то есть, с опорой на данные и подходы совершенно разных научных и философских дисциплин: физики, лингвистики, социологии, психологии, феноменологии и так далее. Такой подход требует от специалиста не только скрупулезной работы в своей непосредственной области, но и огромной эрудиции, общего понимания иных дисциплин и контекста интеллектуальной среды своего времени. Всем этим обладал немецкий философ. Для современного исследователя это хороший пример того, как трансдисциплинарность может быть и теоретически обоснована, и реализована практически. В случае Э. Кассирера фундаментом идеи трансдисциплинарности выступила творческая интерпретация гносеологических положений неокантианства, а также понимание культуры как онтологически однородного, замкнутого в самом себе духовного символического образования.

Список литературы

1. Кассирер Э. Мифическое, эстетическое и теоретическое пространство (доклад на четвертом конгрессе по эстетике и теории искусства. Гамбург, 1930) / Э. Кассирер // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011 г., номер 4, том 12, С. 85 – 97.
2. Ртищева О.В. Гносеологические принципы взаимосвязи языка и культуры в философии Эрнста Кассирера / О.В. Ртищева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2020 г., ном. 52. С. 37- 42.
3. Соболева М. Новые споры о главном: Джон Мак-Доуэлл и Эрнст Кассирер о познании / М. Соболева // Философско-литературный журнал «Логос». – 2013 г., ном. 2(92). С. 128-137.

4. Карымова С.М. Философия Э. Кассирера в исследовании вещного мира традиционных культур / С.М. Карымова // Вестник Томского государственного университета. – 2010 г., номер 340, С. 53-56.

ТЕОРИЯ ЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ КАК ПРИМЕР АНАЛИЗА ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Степанов Николай Андреевич,

магистрант исторического факультета,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель - **Курбачёва Ольга Владиславовна,**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные историко-философские причины возникновения теории зависимого развития в разных ее формах как одного из современных подходов к анализу всемирно-исторического процесса, а также ключевые идеи, отличающие данную теорию от других историко-философских подходов и направлений. Выявлены и проанализированы основные методологические преимущества и недостатки теории зависимого развития как инструмента анализа всемирно-исторического процесса в рамках рассмотрения мира как единой взаимозависимой в развитии системы. Приведены и проанализированы ключевые направления внутри теории зависимого развития: структуралистское и марксистское, названы основные представители данных направлений, приведены примеры ключевых работ и проанализировано их влияние на современные социально-гуманитарные исследования в области анализа всемирно-исторического процесса.

Ключевые слова: стадийный подход; цивилизационный подход; теория зависимого развития; всемирно-исторический процесс; Р. Пребиш; страны центра; страны периферии.

THE THEORY OF DEPENDENT DEVELOPMENT AS AN EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE WORLD HISTORICAL PROCESS

Stepanov Nikolay Andreevich,

master's student of the Faculty of History

Belarusian State University

Scientific supervisor - **Kurbacheva Olga V.**

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and

Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. This text examines the main historical and philosophical reasons for the emergence of the theory of dependent development in its various forms as one of the modern approaches to the analysis of the world historical process, as well as the key ideas that distinguish this theory from other historical and philosophical approaches and trends. The main

methodological advantages and disadvantages of the theory of dependent development as a tool for analyzing the world-historical process within the framework of considering the world as a single system interdependent in development are identified and analyzed. The key directions within the theory of dependent development are given and analyzed: structuralist and Marxist, the main representatives of these trends are named, examples of key works are given and their influence on modern socio-humanitarian research in the field of analysis of the world historical process is analyzed.

Keywords: stadium approach; civilizational approach; theory of dependent development; world-historical process; R. Prebisch; central countries; peripheral countries.

Современные социально-гуманитарные дисциплины рассматривают исторический процесс как всемирное явление. В рамках любых теорий и подходов, будь то различные стадияльные концепции или идеи разных представителей цивилизационного подхода к изучению истории, определенное внимание уделяется взаимодействию национальных, государственных, цивилизационных человеческих сообществ в ходе исторического процесса. Однако не стоит забывать о теории локальных цивилизаций, в рамках которой исторический процесс рассматривается как не универсальный, хотя взаимодействие между цивилизациями и взаимное влияние не отрицается.

Исходя из этого, исторический процесс в целом рассматривается как всемирно-исторический по характеру. Особенно это видно в рамках тех концепций и теорий, которые рассматривают историю человечества в рамках не отдельных локальных цивилизаций, а сквозь призму развития человечества в целом.

Однако доминировавшие вплоть до середины XX в. всемирно-исторические теории в определенный момент столкнулись с кризисом своей методологии. В марксизме с формационным подходом и классической теории модернизации, бывшими тогда главенствующими среди подобных макроисторических теорий, главной идеей была универсальная по характеру стадияльность общественного развития: отдельные страны и народы, общества и образуемые ими общественные системы, например формации по К. Марксу, в ходе исторического процесса проходят одинаковые или схожие стадии развития, в итоге идя к прогрессу, носящему универсальный и прогрессивный характер.

В противовес этой идее еще с XIX в. развивался цивилизационный подход, представители которого говорили о необходимости учитывать уникальные особенности развития всех локальных сообществ, проходящих

свои стадии развития, обобщенно названных затем цивилизациями [5, с. 16]. Но представителям цивилизационного подхода так и не удалось в итоге выработать единой методологии, терминологии и в полной мере учесть особенности развития мира как макросистемы.

Таким образом, перед исследователями из разных школ встали проблемы, вызванные осознанием разницы в уникальном развитии отдельных народов и государств, их различном положении на мировой арене и, как выяснилось, неспособности развиваться одинаково, одним универсальным способом, например для бывших стран-колоний «догнать более развитые страны», идя по их пути, при этом, и развития в рамках уникальных локальных цивилизаций не было, ведь мир находился на этапе уже глобального всеобщего взаимодействия в экономической, политической, культурной сферах.

Классические подходы не могли ответить на вставшие перед исследователями вопросы, которые можно объединить одним: «Почему разные общества в условиях всеобщего и уже глобального исторического процесса развиваются именно так?».

В поисках ответов на данный вопрос появились работы исследователей, создавших научную парадигму, названную затем теорией зависимого развития. Особенности научных методов данной теории в более полной мере показывают как проблему универсалистских подходов к анализу всемирно-исторического процесса, так и теорий локальных цивилизаций. Актуальность неравномерного развития мира и в наше время делает рассмотрение данной теории весьма актуальным для исследователей глобальных социальных проблем, ведь по словам одного из отцов теории зависимого развития Р. Пребиша, необходимо учитывать проблемы периферии и зависимого развития, чтобы избежать крупных потрясений, чего развитые страны зачастую не делали в то время, но также не делают и в наше время [4, с. 311].

Перед переходом к предметному рассмотрению сути теории зависимого развития, необходимо отметить, что по тексту по отношению к ней будут использоваться как слово «теория», так и слово «теории», что отражает многогранность и многовариантность направлений внутри данной исследовательской парадигмы.

Начало теорий зависимого развития лежит в середине XX в., когда несколько исследователей из разных стран Европы и Америки пришли к выводу о неравномерном развитии разных стран в условиях либеральной рыночной модели и, таким образом, неспособности классических

«западных» теорий (а заодно и классического ортодоксального марксизма-ленинизма) объяснить экономические и социальные проблемы внутри развивающихся стран: «У меня есть серьезные сомнения относительно ценности общепринятых теорий даже для экономики развитого капитализма, но я не хочу рассматривать этот вопрос. С меня достаточно и того, что они, в противоположность широко распространенному мнению, не дают ответов на вопросы, поставленные периферийным капитализмом. Я решительно не согласен с их претензиями на универсальность» [4, с. 21].

Господствовавшая тогда классическая теория модернизации, основанная на философии и социологии Т. Парсонса, гласила, что «общество есть такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы. Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимообмена с окружающими системами...все общества, о которых можно говорить как о «политически организованных », находятся с другими обществами в различного типа «международных отношениях, дружественных или враждебных» [3, с. 20-22].

Однако о характере взаимоотношений с точки зрения экономической, а не только политической, в рамках данного подхода ничего не говорилось. Таким образом, акцент смещался на политические и культурные взаимоотношения и самоорганизацию общества внутри самого себя, а внутренние уникальные особенности каждой отдельной социальной системы и внешний фактор практически не рассматривались. Обмен между обществами же рассматривался в качестве взаимовыгодного, но данная идея была опровергнута другими исследователями. Таким образом, встраивание в мировую экономику и систему взаимодействия рассматривалось как безусловное благо для всех участников экономической системы.

Это были экономисты Р. Пребиш и Х. Зингер. Вышеназванные исследователи независимо друг от друга пришли к идее существующей и все более нарастающей неравномерности в торговле, а значит и потенциальном экономическом развитии между более развитыми и менее развитыми сообществами, закрепив при помощи статистического материала выводы о неравномерности развития различных стран при глобальном капитализме [4, с. 255]. Таким образом, в сложившейся социально-

экономической системе бедные страны беднели еще сильнее, а богатые лишь больше богатели.

Идея неравномерности развития стран при капитализме была не нова: первыми ее предложили еще марксисты начала XX в., виднейший из которых, В.И. Ленин, отмечал, что при империализме разные страны растут в своей экономической мощи с разной скоростью и при разных условиях, входя в зависимость от других или делая других зависимыми от себя, как в приведенном им примере с Великобританией и Португалией, которые были союзниками и номинально равноправными европейскими державами, но на деле были абсолютно неравнозначны [2, с. 124], и потому положение в мире неустойчиво и не может быть просчитано в развитии на будущее для всех универсальным способом просто исходя из противоположных интересов разных субъектов международных отношений.

Как впоследствии было показано И. Валлерстайном, чья идея мир-системного подхода во многом обязана исследователям теорий зависимого развития [1, с. 65-66], данный тезис справедлив для всего периода становления капитализма, ведь тот изначально устанавливался как глобальная система, в которой существовали бедные и богатые страны периферии и центра.

Периферия и центр – важнейшие понятия в теориях зависимого развития. Вокруг них строится дискурс и вся суть теории, гласящей о неравенстве в международной экономической системе и как следствие в исторической процессе.

Страны периферии – большая часть мира, являющаяся для стран центра источником ресурсов. Это наиболее уязвимые страны с «отстающей» социально-экономической системой, которая с результате неравномерного развития мир-системы склонна скорее к консервации, чем к развитию.

Страны центра или ядра капиталистической системы в свою очередь – небольшое число государств развитого капитализма, прежде всего в Европе и Северной Америке, вся суть которых по словам Р. Пребиша в том, что развитый капитализм со всей очевидностью демонстрирует свой центростремительный характер, а также стремление присваивать и господствовать. Он распространяется вширь, чтобы использовать периферию, но не для того, чтобы способствовать ее развитию. В этом проявляется глубокое противоречие мировой системы капитализма [4, с. 21].

Идея же отхода от капитализма для преодоления проблем неравенства развития также представлялась весьма нелогичной, ведь к середине XX в. советский опыт социального и экономического строительства хоть и был изучен и частично учтен и перенят, но не вызывал большого энтузиазма у представителей теорий зависимого развития: «Наконец, мои доводы будут отвергнуты и ортодоксальными социалистами. Правда, наши точки зрения совпадают в вопросе о необходимости фундаментальной трансформации. И тем не менее есть большие расхождения в вопросе о характере этой трансформации» [4, с. 268].

Возвращаясь к теориям зависимого развития, следует отметить не только обширный статистический материал и развитие идей, разрушающих господствовавшее мнение о возможности успешного развития в рамках либерально-рыночной экономической системы, но и обширный задел с предложениями тех реформ, которые позволят странам периферии выйти из системы зависимого развития.

Эти реформы должны были коснуться самих основ общественных системы внутри стран периферии, ведь без подобных изменений реформы внешней торговли не имели бы смысла. Р. Пребиш отмечал, что трансформация как процесс перехода к новой социально-экономической системе, лишенной недостатков и противоречий, свойственных для периферийных стран, должна включить в себя синтез идей социализма и экономического либерализма, для снижения неравенства доходов, организации фондов для накопления средств к развитию, но при этом с учетом индивидуальных потребностей каждого гражданина [4, с. 282].

Исходя из этой идеи, возникает вопрос о возможности их реализации. Ни Р. Пребиш, ни его последователи и единомышленники из числа сторонников теории зависимого развития со стороны так называемого направления структуралистов, не предлагали революционной борьбы, опасаясь «ортодоксального марксизма» [4, с. 317], при этом, не говоря о возможности победить и легальным путем, ведь периферийные системы не только предельно недемократичны, но и зависят от стран центра, чью реакцию Р. Пребиш не считал необходимым даже пытаться просчитать [4, с. 315-317]. Вопрос о власти для реализации реформ на пути к трансформации в их концепции как бы повисал в воздухе, что и является ее главным недостатком.

Исправить этот недостаток, радикальнее говоря о революции и переменах с целью не изменения, но уничтожения самой капиталистической системы, попытались представители более радикального направления

теории зависимого развития, так называемые «марксисты», бывшие, правда, отнюдь не ортодоксальными сторонниками идей К. Маркса. Основа их идей, прежде всего в работах, затем легла в основу теорий мир-системного анализа И. Валлерстайна и А.Г. Франка и их последователей, бывших более радикальными в своих идеях, чем сторонники классической теории зависимого развития: «Нам нужно наконец осознать, что сегодня мы должны сделать все возможное, чтобы мир пошел туда, куда хочется нам» [1, с. 199].

Таким образом, теория зависимого развития является важной и полезной частью современных социо-гуманитарных наук, поднимая важнейшие и противоречивые вопросы и характере глобального исторического процесса, его проблемах и перспективах. Теория зависимого развития, будучи самодостаточной социальной и политической теорией, изменила отношение к ряду глобальных общественных проблем, заложила основу нового научного дискурса и сменила господствующие нормы в социо-гуманитарных науках как стран Запада, так и стран Востока, где доминировал ортодоксальный марксизм, также став основой для новых теорий, в частности, мир-системного анализа.

Список литературы

1. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн /пер. Тюкиной. Москва: Издательский дом Территория будущего, 2006. (Серия “Университетская библиотека Александра Погорельского”) – 248 с.
2. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин. Москва : Издательство – АСТ, 2022. – 224 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс /Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – Москва: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
4. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Пребиш. – Москва: ИЛА, 1992. — 337 с.
5. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / А. Дж. Тойнби. – Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318, [2] с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Сюй Цзявэнь

магистр перевода, аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета
философии и социальных наук, Белорусский государственный университет

Анохина Виктория Валентиновна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии
науки, Белорусский государственный университет

Аннотация. Реализация национальной стратегии устойчивого развития связано в Китае с формированием концепции «экологической цивилизации». В статье анализируются особенности данной концепции и утверждается, что понимание «экологической цивилизации» как стратегической цели развития Китая обусловлено влиянием классических философских учений – даосизма, конфуцианства, китайского буддизма. Традиционные экологические ценности и нормы, идеи и принципы классической философии, сформировавшиеся на заре китайской цивилизации, определяют содержательную и аксиологическую интерпретацию устойчивого развития в современном китайском обществе. Роль традиционных экологических идей и ценностей в разработке стратегии устойчивого развития Китая является предметом рассмотрения данной статьи.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экологические ценности; традиционная китайская культура; «гармония человека и природы»; «Дао следует природе»; «сострадание и забота о жизни»; «экологическая цивилизация».

TRADITIONAL VALUES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF “ECOLOGICAL CIVILIZATION” IN MODERN CHINA

Xu Jiawen

Master of Translation, PhD student, the Department of Philosophy and Methodology of
Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

Anohina V. V.

PhD in Philosophy (Candidate of Science), Docent, Docent of the Department of Philosophy
and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University

Abstract. The implementation of the national strategy for sustainable development in China is associated with the formation of the concept of “ecological civilization”. The article analyses the features of this concept and argues that the understanding of “ecological civilization” as a strategic goal of China's development is due to the influence of classical philosophical conceptions – Taoism, Confucianism, Chinese Buddhism. Traditional

environmental values and norms, ideas and principles of classical philosophy, formed at the dawn of Chinese civilization, define the substantive and axiological interpretation of sustainable development in contemporary Chinese society. The role of traditional environmental ideas and values in the development of China's ecological strategy is the subject of this article.

Keywords: sustainable development; environmental values; traditional Chinese culture; "Harmony of Man and Nature"; "Tao follows Nature"; "Compassion and Care for Life"; "Ecological Civilization".

Введение. Глобальная экологическая проблема является сегодня ключевым вызовом для развития техногенных обществ. Китай, как и другие индустриальные страны, сталкивается с необходимостью выработки новой стратегии взаимодействия общества и природы, которая могла бы способствовать минимизации экологических рисков в процессе ускоренной модернизации страны. Последовательный переход Китая на путь устойчивого развития, принятый в качестве основания его экологической политики, сопряжен со становлением высокотехнологичной, инновационной «экологической цивилизации». Концепция «экологической цивилизации» в современной китайской философии и социально-гуманитарном познании является бурно развивающимся дискурсом, отражающим уникальность китайского подхода к решению социально-экологических проблем и построению «зеленой» экономики.

Сам концепт «экологическая цивилизация» имеет сложную, многосоставную природу, поскольку вбирает в себя как научно-технологические, экономические, экологические цели развития, так и геополитические амбиции современного Китая. Под «экологической цивилизацией» принято понимать и стратегическую социально-экономическую цель китайского правительства сделать страну безусловным лидером глобальной экономики, и характерное для Китая понимание устойчивого развития со специфически китайскими характеристиками, и переоценка политического управления страной, статуса и роли партийных институтов, а также обращение к традиционным китайским ценностям посредством новейших экологических практик. Как считают многие исследователи внутри самого Китая, идея «экологической цивилизации» является ответом страны на западную концепцию «зеленой экономики». В 2016 году эта идея получила значение стратегической цели и императива модернизации Китая, а также стала центральным пунктом 13-го пятилетнего плана развития страны. Согласно Л. Бакли, концепт

«экологическая цивилизация», оформленный в терминах «экологического возрождения» в национальном политическом дискурсе, «установил новые приоритеты для модернизации китайской экономики и масштабных реформ в базовых структурах китайского экономического управления. Для президента Си и Коммунистической партии Китая экологическая цивилизация приводит централизацию власти, хорошее управление и верховенство закона в риторическое соответствие с популярным видением защиты природы, а также продвижения знакомых приоритетов зеленой экономики, зеленых инноваций, зеленых технологий и цифровизации» [1, с. 4]. Другими словами, особенность китайского подхода к становлению «экологической цивилизации» основана на стремлении гармонично сочетать амбициозные экологические и экономические цели, централизованную государственную власть и традиционную китайскую философию.

Целью данной статьи является анализ роли традиционных экологических ценностей и идей классической китайской философии в разработке образа «экологической цивилизации», который является мировоззренческим основанием современной политики Китая в области устойчивого развития и охраны окружающей среды.

Традиционная китайская культура всегда приветствовала гармоничное сосуществование человека и природы, а идея социоприродной гармонии глубоко укоренилась в философских системах конфуцианства, даосизма и китайского буддизма. Конфуцианство развивало концепцию «гармонии человека и природы», полагая, что природный и социальный порядки человеческого бытия перекликаются друг с другом. Конфуцианские мыслители подчеркивали в своих трактатах, что люди должны следовать небесному пути и уважать природу. Второе значимое направление классической китайской философии – даосизм – опирался на идею «Дао следует природе» и исходил из необходимости опираться в управлении человеческими делами в Поднебесной на принцип «не-деяния». Даосские мудрецы утверждали, что ритмы человеческой жизни и природного универсума должны быть сбалансированы, и что человек не должен чрезмерно вмешиваться в естественные процессы. В свою очередь китайский буддизм отстаивал принцип равенства всех живых существ и подчёркивал значимость таких моральных ценностей, как сострадание и забота о жизни, способствуя развитию идей, составивших сегодня основу нон-антропоцентрической экологической этики. Эти концепции совместно сформировали ключевые ценности традиционной китайской культуры,

оказали влияние на способы производства, образ жизни и модели управления обществом в древнем и средневековом Китае.

В современную эпоху по мере усиления глобального экологического кризиса Китай, наряду с другими индустриальными странами, осуществляет поиск оптимального способа достичь социобиосферного баланса и восстановить утраченную гармонию во взаимоотношениях общества и природы. Опираясь на культурную традицию и собственную интерпретацию идеи устойчивого развития, китайские мыслители выдвинули концепцию «зелёные горы и чистая вода – это и есть золотые и серебряные горы», чтобы продвигать строительство «экологической цивилизации» [2, с. 27]. Эта концепция совместима с экологической мудростью традиционной культуры, и между ними существует глубокая связь как на уровне ценностей, так и на уровне практики.

В процессе модернизации современного китайского общества традиционная экологическая мудрость может предоставить культурное вдохновение для устойчивого развития Китая. Изучение традиционных экологических ценностей будет не только содействовать развитию китайской «экологической цивилизации», но и способствовать совершенствованию экологической этики, вносить восточную мудрость в глобальное управление окружающей средой, укреплять международный обмен и сотрудничество в области построения мировой «экологической цивилизации» на принципах устойчивого развития.

Влияние природной среды и экологических факторов на развитие китайской цивилизации. Китай обладает обширной территорией, сложным рельефом и разнообразным климатом. Частые наводнения в бассейне реки Хуанхэ вынуждали древних строить дамбы и контролировать паводки, что способствовало развитию земледельческой цивилизации и формированию централизованной власти; в то время как обильные осадки и плодородные почвы в бассейне реки Янцзы создавали благоприятные условия для рисоводства, способствуя процветанию экономики и культуры юга страны. Засушливые районы северо-запада и уникальные условия внутренних плато способствовали развитию кочевой экономики и пограничной культуры. Природные условия различных регионов не только определяли распределение и использование ресурсов, но и оказывали глубокое влияние на эволюцию социальных структур, политических систем и культурных представлений китайского народа.

Между природной средой и культурой существует глубокое взаимное влияние, что нашло отражение в основных мировоззренческих идеях и

ценностях классической китайской философии. Концепция «гармонии человека и природы» в традиционной китайской культуре вбирает в себя опыт восприятия и наблюдения природных явлений на протяжении многих веков, а также формирует уникальные эстетические, этические и поведенческие нормы, регулирующие отношения людей к природному миру [3, с. 14]. Природные ландшафты не только вдохновляли китайских поэтов и писателей, но и оказали влияние на развитие сельскохозяйственных технологий орошения полей, строительства гидротехнических сооружений, а также формы социальной организации китайского общества. Например, Дучзяньян и Великий канал Пекин-Ханчжоу не только улучшили природные условия и повысили производительность аграрного труда, но и стали важными связующими звеньями для культурного обмена между регионами. Идея гармонии и уважительное отношение к природе, сформированное в диалоге между современным знанием и древней мудростью, даёт ценный опыт и вдохновение для формирования в Китае инновационной «экологической цивилизации».

Современный Китай, вступивший в активную фазу модернизации в последней четверти XX века посредством политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина, быстро достиг выдающихся успехов индустриального и научно-технологического развития. По параметрам экономического роста и объемам ВВП страна является сегодня второй по величине экономикой мира, готовой обогнать США в течение ближайших десятилетий. Эксперты отмечают, что китайское государство характеризуется быстро растущим средним классом, мощной производственной базой и активной внешней политикой. Однако столь быстрый экономический рост и масштабная индустриализация общества в течение жизни одного поколения потребовала колоссальных экологических издержек.

Сегодня Китай является страной контрастов. Как пишет Л. Бакли, будучи «крупнейшим в мире источником парниковых газов, он также является домом для крупнейшего (и все еще растущего) рынка углерода на планете. Он имеет почти половину угольных электростанций мира, но также больше установленных возобновляемых источников энергии, чем любая другая страна. Он лидирует в мире как по уничтожению биоразнообразия, так и по восстановлению лесов. <...> Признавая растущее общественное недовольство экологическими проблемами как реальную угрозу ее долгосрочному выживанию, Коммунистическая партия Китая сделала “экологическую цивилизацию” национальным стратегическим

приоритетом, направляя государственный аппарат к более зеленым целям» [1, с. 4]. Каковы культурно-мировоззренческие и социально-исторические истоки современной концепции «экологической цивилизации»?

Роль традиционных ценностей и классической философии в становлении концепции «экологической цивилизации». Генезис идеи «экологической цивилизации», несмотря на ее концептуальное оформление в качестве императива современной политики КНР, восходит к периоду становления основ традиционного китайского общества. Эпоха «осевого времени» (К. Ясперс) – VIII–II вв. до н.э. – была периодом формирования крупнейших цивилизаций древности: древнегреческой (средиземноморской), древнеиндийской и древнекитайской. Для Древнего Китая это было время генезиса его культурно-цивилизационных оснований, время становления китайской государственности, традиционной системы природопользования и аграрного производства, культурной традиции как ключевого института регуляции социальных отношений в китайском обществе на протяжении последующих двух тысячелетий. Этот же временной период дает начало развитию традиционного китайского земледелия в виде двух аграрных поясов – пшеничного на севере (лессовые плато Среднекитайской равнины) и рисового на юге (южные берега реки Хонгха, низовья реки Чанцян и долина озера Тайху). Именно тогда формирующаяся древнекитайская культура вынуждена была дать свой первый ответ на объективный экологический вызов, с которым столкнулись древнекитайские общества.

Как свидетельствуют исторические и экологические исследования, к середине I тыс. до н. э. древнекитайские земледельцы полностью освоили бассейн реки Хуанхэ. Интенсивная вырубка лесов на территории Среднекитайской равнины пришлась на конец эпохи Чуньцю и весь период Чжаньго (V–III вв. до н. э.), совпав при этом по времени с пиком глобальных климатических изменений (малый ледниковый период) II – I тыс. до н. э. [4, с. 48–54; 5, с. 120]. Естественная природная среда на Великой китайской равнине довольно быстро заменялась антропогенными ландшафтами. Распашка больших пространств земли приводила в условиях открытого местообитания к смене фитоценозов, изменению теплового баланса почвы, а, следовательно, к необратимой, цепной реакции природных процессов.

Анализируя социальные последствия развития подсечно-огневого земледелия в Древнем Китае, Э. С. Кульпин отмечает, что по мере того, как утрачивалось естественное плодородие лессового плато, а поля продвигались все дальше от устьев рек, что требовало искусственного

орошения, китайские земледельцы сначала вынуждены были отказаться от второго урожая в году, а затем и вовсе столкнуться с десятикратным превышением количества засушливых неурожайных лет над урожайными. В сочетании с ростом аграрной перенаселенности общества (дефицита плодородной пашни на душу населения) это породило крупнейший в истории древнего мира социально-экологический кризис [4, с. 49–50].

Деструктивные процессы в сфере природопользования повлекли за собой потрясения в социальной и политической жизни древнекитайских государств, которые вступили в полосу междоусобных войн и внутренних социальных конфликтов. Именно этот период ярко иллюстрируют оды знаменитой «Книги песен и гимнов» («Ши цзин»). В «Оде благородного Цзя Фу, обличающего царя и царского советника Иня» обнаруживаем наглядные свидетельства культурных и социально-политических последствий первого антропогенного экологического кризиса в истории Китая:

«Неба великого гнев над страной!
Смута, предела не зная, растет,
И умножается с каждой луною,
Благостей мира лишая народ.
Сердце как будто пьяно от печали...
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали, –
Скорбь и страдания народа страшны!» [6, с. 158–159].

Антропогенной составляющей этого социально-экологического кризиса было качественное изменение типа природопользования (переход к земледелию), которое не сопровождалось одновременной трансформацией способов понимания и оценки последствий человеческой деятельности. Собственно экологическая составляющая кризиса воспринималась в соответствии с логикой первобытного мышления, с характерными для него тенденциями объяснять любые природные явления и стихийные бедствия волей сверхъестественных сил, а также наказанием богов за моральную деградацию людей. Яркой иллюстрацией этого противоречия является следующий пассаж из «Оды бесчестным правителям»:

«Небо нам смуты и смерти послало:
Царь наш лишен уже мощи бывалой.
Шлет оно вредных жуков, угрожая
Хлебные нивы лишить урожая.
Царство в великой печали и в горе:

Все в запустенье окажется вскоре.
 Силы не стало хребет распрямить,
 Взор на сияющий свод обратить!» [6, с. 259–260].

Экологический вызов, с которым столкнулась древнекитайская цивилизация на заре своего формирования, требовал адекватного ответа, а именно: становления новой, более рациональной картины мира, формирования нового понимания природы и места в ней человека, обоснования новых ценностей и норм, регулирующих социальные отношения в государстве и сфере природопользования, развития новых форм социализации личности и утверждения новых правил человеческого поведения. Поскольку мифология уже не соответствовала объективным требованиям времени, генезис философии и развитие первых философских школ стало тем культурным ответом, который позволил Древнему Китаю не только преодолеть этот кризис, но и выйти из него на тысячелетний виток успешного цивилизационного развития.

Начиная с эпохи Чжаньго, а затем в период правления императоров Цинь и последующую за ней эпоху Хань сложился комплекс философских идей и представлений, заложивших фундамент традиционной культуры Китая. Как свидетельствуют исторические источники («Ши-цзи», гл. 46), в середине периода Чжаньго, начиная с 594 г. до н. э., в царстве Ци, вблизи столицы, был основан «дворец науки в Цзися», в котором были собраны странствующие ученые, распространявшие образование. Являясь первыми философами Древнего Китая, эти мудрецы дискутировали о сущности Неба, об основаниях мировой гармонии, обсуждали проблемы государственного управления, спорили о природе человека и наилучшей системе воспитания, рассуждали о способах совершенствования земледелия, и в своих первых философских учениях наметили пути развития китайской цивилизации.

В результате образования основных философских школ произошла рационализация архаической картины мира, основанной на мифологии. Была сформирована система понятий и категорий, определившая структуру и стилистику китайского мышления, способы решения возникающих проблем. Среди наиболее важных философских понятий, определяющих новый образ природы и место в ней человека, были такие категории, как Небо (“Тянь”), Человек (“Жэнь”), Путь (“Дао”), закон (“ли”), бытие (“ю”), небытие (“у”), жизненные силы (“ци”), темное (женское) начало (“инь”), светлое (мужское) начало (“ян”), пять природных стихий (“у-син”), человеколюбие (гуманность) (“жэнь”), зло (“э”), древность (“гу”), современность (“цзинь”). Изменчивость природного бытия и противоречия

в отношениях человека и природы нашли отражение в таких понятиях древнекитайской философии, как гармония (“хэ”), противостояние (“фань”), превращение (“чжуаньхуа”), взаимная ограниченность (“сянчэн”), взаимопомощь (“сянцзи”) [7, с. 72–73].

Оценивая социальную значимость философии для развития Китая и формулирования ответа на цивилизационный вызов, обусловленный экологическим кризисом, знаменитый древний мудрец Мо-цзы отмечал: «Чтобы навести порядок в стране, нужно знать причины беспорядков. Если знаешь причину беспорядков, то, устранив эту причину, приведешь страну к процветанию и спокойствию...» [8, с. 192]. Способность устанавливать естественные причины происходящего, выстраивать рациональные объяснения природных процессов, обосновывать ценности, правила и нормы, способствующие гармонизации социума и его взаимоотношений с природной средой, выдвигать разумные рекомендации для управления государством – все это стало важной задачей китайской философии, изначально приобретшей выраженную социальную, моральную и практическую направленность в системе традиционной китайской культуры.

На протяжении всей последующей истории своего развития Китай не раз сталкивался с экологическими и социальными катастрофами. И всякий раз традиционная философия служила руководством к действию, фундируя политику императоров и чиновников в отношении развития земледелия, преодоления разрушительных последствий голода и войн, гармонизации социальных противоречий, управления провинциями и государством в целом. За два тысячелетия существования традиционной культуры Китая, в философии выработался устойчивый комплекс идей, определяющих специфику китайского пути преодоления кризисов. Именно эта ценностно-мировоззренческая матрица китайской культуры сегодня получает новое дыхание в концепции «экологической цивилизации».

Во-первых, это идея Неба («Тянь») – морального и космологического абсолюта, определяющего правила природного и социального порядков в Поднебесной. Культ Неба с незапамятных времен был в Китае связан с легитимацией отношений господства и подчинения, которые возводились в ранг священных установлений, а также с идеей неодолимости судьбы, познать и преодолеть которую невозможно. Лидирующее положение этой идеи в китайской философии и центральное значение культа Неба в структуре традиционной обрядности означало доминирование представлений об абсолютном статусе императора – сына Неба, о

необходимости централизации всех функций власти, поскольку у мирового порядка есть только одна основа – воля Неба, о непреложности моральных и естественных законов, управляющих Поднебесной, источником которых также являлось Небо.

Во-вторых, это учение о Дао – безличном первоначале, пути, на котором должны быть гармонизированы естественные ритмы космоса с историческими циклами и социальными ритмами жизни общества. Философия даосизма развивала древнюю идею перемен («и»), согласно которой решающее значение для понимания вселенной имеют не ее субстанциальные основы (материя или дух), а способ внутренней организации, определяющий ритмичность и последовательность изменений. Хаосу в даосской системе ценностей противостоит «постоянство», которое трактуется с позиций функциональной картины мира. Знаменитый трактат «Дао дэ цзин» определяет эту ключевую идеологию так: «Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется (достижением) ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и (в результате) ко злу» [8, с. 119]. Постоянство трактовалось как пребывание в состоянии изменения в единстве с мировым космическим ритмом.

В-третьих, ключевое значение для понимания природы человека, его статуса и роли в отношениях с природой, обществом и государством имеет конфуцианская идея гуманности.

Ключевой для трактата «Лунь юй» вопрос – определение основных нравственных качеств «идеальной личности» (благородного мужа «цзюнь-цзы»), которая стала парадигмой китайской системы социализации, воспитания и образования. Важнейшей добродетелью каждого воспитанного китайца было провозглашено человеколюбие («жэнь»). Гуманность («жэнь») – основа человеческой природы, истинный путь благородного мужа, а также высший этический принцип, который требует преодоления личного и возвращение к небесным правилам «ли». Вторичными по отношению к «жэнь», производными от него качествами выступали все другие добродетели: «и» (долг, справедливость, соблюдение меры), «сяо» (сыновняя почтительность), «ди» (уважение к старшим братьям) и другие. Глубокое чувство социальной ответственности, твердость, целеустремленность и неукоснительное соблюдение долга при исполнении своих обязанностей, повышенная требовательность к себе и отсутствие корыстных устремлений – таковы необходимые качества

«цзюнь-цзы». В этом конфуцианство видело суть небесных установлений, смысл космической гармонии.

Эти три универсалии китайской культуры – идея Неба как источника всякого порядка во Вселенной, понятие Дао – пути изменения каждой вещи в универсуме и гармонизации общественной и человеческой жизни, а также принцип гуманности (человеколюбия), определивший специфику понимания статуса и роли человека в Поднебесной, – стали мировоззренческим ядром китайской культурной традиции. Получая новую интерпретацию, эти идеи по-прежнему вдохновляют поиск путей гармонии общества и природы, отраженный в современной концепции «экологической цивилизации».

Традиционные экологические ценности и их регулятивный потенциал. Чтобы ответить на вопрос о том, как ключевые мировоззренческие идеи классической философии повлияли на формирование концепции «экологической цивилизации», следует кратко охарактеризовать те философские положения и традиционные ценности, экологические нормы и принципы организации природопользования, которые были выработаны древнекитайскими мыслителями в ответ на цивилизационный вызов первых экологических потрясений.

1. Поскольку экологический кризис древнекитайского общества ударил прежде всего по земледелию, то выработка *правил организации аграрного производства* стали первостепенной задачей для традиционной китайской культуры и философии.

Первые обобщения экологического опыта ранних земледельцев можно обнаружить уже в древних канонических текстах «Шицзин», «Шаншюй» и «Чуныцю», которые содержат идеи, отражающие тесную связь человека с природным миром. «Чжоуи» выдвигает концепцию «гармонии человека и природы», подчёркивая, что человек должен следовать ее ритмам и жить в гармонии со всеми существами. «Ли цзи» пропагандирует умеренность в использовании природных ресурсов, утверждая, что при их освоении следует соблюдать умеренность и избегать чрезмерной эксплуатации, чтобы не нарушить экологическое равновесие.

Как показывает анализ канонических китайских текстов, идея социоприродной гармонии складывалась на основе практического опыта отношений с природным миром, длительных астрономических наблюдений за движением небесных светил. Само содержание этих представлений вытекало из осознания устойчивости природных ритмов. Поэтому экологические опыт и ценности первоначально аккумулировались новым

земледельческим лунно-солнечным календарем, который, в отличие от архаического охотничьего лунного календаря, опирался на циклы вращения Земли вокруг Солнца, а стало быть зависимости земледельческого труда от смены природных сезонов [7, с. 96].

В «Книге преданий» («Шуцзин») представлена комплексная модель описания различных периодов времени, опирающаяся на концепцию «стволов и ветвей» («ганьчжи»), состоящую из десятиричной и двенадцатеричной системы цикличности знаков. Эта система была призвана гармонизировать природно-космические ритмы с циклами аграрной деятельности, годовой цикличностью культа и исполнения ритуалов, поддерживающих социальный порядок, а также иерархией родства в клановом патримониальном обществе. Ключевыми экологическими ценностями этого памятника можно считать идею «полноты», объединяющую «пять элементов» природы в динамичное целое, и идею «своевременности». Эти понятия имели вполне прозрачный экологический смысл. Вот что говорит о «полноте» «Книга преданий»: «(Существуют явления природы): дождь, солнечное сияние, жара, холод и ветер, (и существует) сезонность их действия. Если присутствуют все пять (явлений природы) и каждое из них проявляется (в соответствующей) ему последовательности, то пышно произрастают многочисленные растения. (Если же какое-либо) одно (из них проявляется) слишком обильно, (то это вызывает) бедствие, (и если какое-либо) одно (из них проявляется) слишком недостаточно, (то это тоже вызывает) бедствие» [8, с. 109–110].

Не менее важной в экологическом отношении была идея «своевременности», позволяющая обосновать необходимость соблюдения правильного ритма сельскохозяйственных работ. «Если должная сезонность (действия пяти явлений природы) не нарушается в течение года, месяца и дня, то все злаки полностью созревают, управление страной ведется мудро, выдающиеся люди пользуются славой (и занимают чиновничьи посты), а страна пребывает в состоянии мира и спокойствия» [8, с. 110].

Благодаря разработанным в древности экологическим нормам и правилам, традиционное сельское хозяйство Китая было ориентировано на рациональное использование земли и водных ресурсов, акцентируя внимание на экологическом управлении. «Циминь яошу» подробно описывает земледельческие, лесоводческие, животноводческие и рыболовные технологии, отражающие устойчивое использование природных ресурсов. «Фаньшэн чжи шу» обобщает технологии сухого земледелия на Севере, формулируя такие принципы обработки земли, как

«своевременная посадка» и «разумное удобрение», и подчёркивая необходимость учёта специфики местных природных условий [9, с. 247].

2. Вторым значимым аспектом достижения экологического равновесия должна была стать *концепция государства как формы воплощения требований Неба в социальной жизни людей*, гармонизации человеческих отношений и способа поддержания порядка в Поднебесной, а также *теория государственного управления, основанного на следовании пути Дао и исполнении небесных установлений «ли»*. Раскрытие этой темы в китайской философии позволило конкретизировать идею «гармонии человека и природы», сформулированную в трактате «Чжоуи» [10, с. 76], применительно к социальной реальности.

Представление о том, что устройство общества должно воспроизводить основные структурные уровни организации природного универсума появились уже в мантических схемах «Книги перемен» («Ицзин»). Рационализируя космогонический миф о Небесной ткачихе, анонимные создатели этого памятника письменности Древнего Китая разработали модель мира «ткацко-землеустроительного типа», в соответствии с которой устройство государства трактовалось численно и геометрически как соответствие структурной организации природного универсума. Согласно «Ицзин», мироздание выглядит как система трех «небесных» (Небо, Земля, Человек) и пяти «земных» (пять стихий и первоэлементов) осей [11, с. 85]. В трактате «Чжу Вэнь-гун вэньцзи» (гл. 70) Чжу Си следующим образом обосновывает идею структурного соответствия микро-, макро- и социокосма: «Во Вселенной существует только один высший принцип, обрета который небо стало небом, обрета его, земля стала землей, а все, живущее на земле под Небом, обретает его и получает свою природу. Распространение высшего принципа привело к возникновению трех устоев (власти государя над народом, отца над сыном, мужа над женой) и к возникновению пяти незыблемых принципов в отношениях между людьми. Высший принцип распространен во всем и присутствует всюду. Исчезая и появляясь, наполняясь и истощаясь, высший принцип безостановочно движется по кругу. Таким образом, еще до появления предметов и после исчезновения человека и предмета высший принцип кончается и снова начинается, начинается и снова кончается, никогда хотя бы на мгновение не останавливаясь» [12, с. 333].

В соответствии с традицией, заложенной «Книгой Перемен», изменения в обществе описывались в китайской картине мира циклической закономерностью «сыдэ» (название одной из магических формул «Ицзин»),

что буквально означало следующее: «начало, развитие, определение, бытие» [13, с. 47]. В знаменитом даосском трактате «Дао дэ цзин» излагается концепция социоприродной гармонии, опирающаяся на принципы «Дао следует природе» и «управление через недеяние». «Дао следует природе» означает, что Дао – источник всякого бытия и закон функционирования Вселенной – является руководящим принципом, которым надлежит руководствоваться человеку, стремящемуся следовать природным ритмам и законам Неба, избегая искусственного вмешательства в окружающую среду. Принцип «управление через недеяние» призывает правителей руководить страной, позволяя всему развиваться естественным образом [14, с. 33]. Тем самым, даосизм подчёркивает необходимость уважения природы и следования ее закономерностям, соблюдения принципов «естественности» и «недеяния» для того, чтобы достичь социоприродной гармонии.

Даосский принцип «недеяния» («увэй») распространялся и на искусство управления государством. Даосская теория управления, создание которой было необходимо для выхода из экологического кризиса, получила название «высшая стратегия» («цзинцзи»), что означало «управлять миром, вспомоществовать народу» [15, с. 60].

Патриарх даосизма, легендарный Лао-цзы, говорил о политике «тридцати спиц, сходящихся к одной ступице» [8, с. 118]. Аксиологическим основанием этой политики был принцип целостности и гармонии «чжэнхэ» («политическая гармония»). Согласно данной концепции, «стратегические линии управления должны были связывать в тугой узел экономику, право, администрацию, военное строительство, земледелие и другие общественные подсистемы. <...> Управление государством трактовалось как особое, высшее искусство, обладание которым предполагало владение методами “цзими” и принципом “увэй”. Применительно к стратегии управления идеологема “не-деяния” означала паутину незримых, “призрачных” методов и форм правления» [7, с. 101].

Эту же идею подчеркивал представитель философской школы «фа-цзя» (легизма) Хань Фэй, говоривший о том, что «власть прячется в груди, чтобы быть готовой к различным событиям и незаметно управлять своими слугами» [12, с. 165]. Как следует из сказанного, политическое искусство «цзинцзи», цель которого заключалась в достижении «политической гармонии» («чжэнхэ»), рассматривалось древнекитайскими мыслителями как управление мирозданием в целом (число тридцать, записываемое древним иероглифом «три десятки», совпадает в написании с иероглифом

понятия «ши», означающим «земной мир»). Искусство управления, соединяющее все спицы (все сферы и уровни общественной жизни) в единой точке (центр Поднебесной, столица, верховная власть, символом которой являлось Небо), предполагало, что император одновременно управляет государством и гармонизирует природные стихии, приводя их в соответствие с высшими законами и принципами мироздания и поддерживая, таким образом, мировую гармонию и порядок.

3. Такие ключевые для традиционной китайской философии идеи, как идея Неба («Тянь») и принцип гуманности, человеколюбия («жэнь»), стали основанием для выработки *универсальной системы нормативной регуляции человеческих отношений*, а также для разработки классической конфуцианской этики.

С позиций конфуцианства источником социальной нестабильности и экологических потрясений является неспособность общества упорядочить естественные проявления человеческой природы. В этом контексте отсутствие эффективной моральной регуляции человеческого поведения рассматривалась конфуцианцами как значимая причина социоприродной дисгармонии. Впервые проблема определения сущности человека была поставлена Конфуцием в его знаменитом трактате «Лунь юй» («Беседы и высказывания») [8, с. 159]. Стремление избегать крайностей и следовать правилу «золотой середины» весьма характерно для конфуцианства: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику. После того, как воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем» [8, с. 152].

Конфуцианство разрабатывает концепцию «небесного мандата», то есть естественного закона, которому надлежит следовать как в общественной жизни, так и в природопользовании. Трактаты «Дасюэ» и «Чжунюг» развивают эту идею, подчёркивая, что человеческие поступки должны соответствовать небесному пути для достижения внутренней искренности и внешнего самосовершенствования. Конфуцианство проповедует принцип «жэньминь ай у» («гуманность к людям и любовь к природе»), подчёркивая заботу о народе и всех природных явлениях, что предполагает уважительное и бережное отношение к живым существам, стремление сохранить естественную гармонию природы [16, с. 192].

С точки зрения последователя Конфуция Мэн-цзы, причиной социальных конфликтов и дисбалансов в отношениях с природой являются

те социокультурные условия, которые способствуют развитию у человека дурных качеств и склонностей. Мэн-цзы полагает, что нравственные образцы поведения, соответствующие небесным правилам «ли», уже записаны в человеческом сердце. Добрые поступки людей являются естественным проявлением человеческой сущности. В своем трактате он отмечает: «Если (природа человека) повинуетя (естественным проявлениям) чувств, то она может быть доброй. Вот что (я имею в виду), говоря, что природа человека добра. Если человек делает недоброе, то в этом нет вины его природных качеств. У всех людей есть чувство сострадания, есть чувство стыда и негодования, есть чувство уважения и почитания, есть чувство правды и неправды. Чувство сострадания – это (основа) справедливости. Чувство уважения и почитания – это (основа) ритуала. Чувство правды и неправды – это (основа) познания. Человеколюбие, справедливость, ритуал и (способность к) познанию не извне вливаются в нас, а всегда присущи нам, только мы не думаем о них» [8, с. 244]. Поэтому задачей общества является выработка эффективной системы воспитания, основанной на гуманности, что может быть рассмотрено как важнейшее средство достижения гармонии между обществом и природой.

После проникновения буддизма в Китай глубокое влияние на экологические ценности традиционной китайской культуры оказали идеи буддийской этики. Буддизм проповедует «сострадание» и «равенство всех существ», утверждая внутреннюю ценность каждого живого существа, осуждая убийство и поощряя защиту жизни [17, с. 20]. Эта концепция подчеркивает необходимость гармоничного сосуществования человека и природы. Буддийские заповеди, такие как «не убивай», побуждают людей бережно относиться к жизни, не наносить вреда природе и способствовать экологическому балансу, что выражает глубокую экологическую мудрость.

Таким образом, традиционные китайские учения даосизма, конфуцианства и буддизма, подчеркивая значимость гармонии в отношениях между человеком и природой, совместно формировали экологические ценности китайской культурной традиции. Конфуцианская философия отстаивает принцип «гуманности к людям и любовь к природе», пропагандируя человеколюбие и призывая к сдержанности в желаниях, разумному использованию природных ресурсов для достижения социальной гармонии. Сюнь Цзы утверждал, что одной из функций обрядов является удовлетворение человеческих желаний при одновременном повышении моральных качеств, подчеркивая важность нормирования

поведения людей посредством ритуала, чтобы избежать чрезмерной эксплуатации природной среды. Даосизм восхваляет принцип «путь следует природе», пропагандируя согласование с природными законами, противостоя эгоистичному (искусственному) вторжению в ее закономерности, утверждая гармонию и «естественность» как базовые принципы сосуществования человека и природы.

В процессе строительства современной экологической цивилизации интеграция традиционной экологической мудрости, такой как даосский принцип «Дао следует природе» и конфуцианский принцип «гуманность к людям и любовь к природе», способствует формированию экологических ценностей и уважения к природе, защите окружающей среды. Объединяя экологические идеи традиционной культуры с современными практиками «зелёного» развития, мы можем способствовать гармоничной коэволюции общества и биосферы, достигая устойчивой экологической цивилизации.

Список литературы

1. Buckley, L. Engaging with China's ecological civilisation. A pathway to a green economy? [Electronic resource] / Lila Buckley; The Green Economy Coalition (GEC). – GEC, February 2021. – Mode of access: <https://www.greenecommycoalition.org/assets/reports/GEC-Reports/GEC-IIED-China-EcoCivilisationPaper-A4-Feb21-V4b.pdf>. – Date of access: 20.03.2025.
2. Чэнь Цяньцян. Экологическая этическая сущность «теории двух гор» Си Цзиньпина / Чэнь Цяньцян// Сюэсяо даньцзянь ю сысян цзяюй [= Партийное строительство и идеологическое воспитание в школе]. – 2021. – № 14. – С. 25–27. (на кит. яз.)
3. Гао Говорун. «Гармония человека и природы»: традиционная экологическая мудрость и строительство экологической цивилизации в Китае / Гао Говорун // Вэньсюэ ичан [= Литературное наследие]. – 2024. – № 1. – С. 14–18. (на кит. яз.)
4. Кульпин, Э. С. Человек и Природа в Китае / Э. С. Кульпин; отв. ред. О. Е. Непомнин, М. В. Крюков. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 245 с.
5. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М. В. Крюков [и др.]. – М.: Наука, ГРВЛ, 1983. – 415 с.
6. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. – М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.
7. Анохина, В. В. Экологические проекции социальной динамики и культурные традиции : монография / В. В. Анохина. – Минск: УП «Гама-5», 2003. – 160 с.
8. Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2-х томах / сост. Ян Хиншун; редкол. В. Г. Буров, Р. В. Вяткин, М. Л. Титаренко; вступ. ст. В. Г. Бурова и

М. Л. Титаренко. – М.: Мысль, 1972. – Т. 1. – 363 с.

9. Ху Цзэсюэ. Вклад китайской земледельческой культуры в развитие ранней традиционной философии Китая / Ху Цзэсюэ, Фу Цзюань // Нунье као гу [= Аграрная археология]. – 2021. – № 4. – С. 241–247. (на кит. яз.)

10. Ло Ишань. Экологическая этическая мысль в «Чжоуи» / Ло Ишань // Синань миньцзу сюэюань сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [= Вестник Юго-Западного института национальностей (Серия: философия и социальные науки)]. – 2021. – № 3. – С. 75–79. (на кит. яз.)

11. Кобзев, А. И. Пять элементов и «магические» фигуры «И цзина» / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае: в 3-х частях. – М.: Наука, ГРВЛ, 1981. – Ч. 1 – С. 83–85.

12. История китайской философии / пер. с кит. В. С. Таскина; общ. ред. и послесл. М. Л. Титаренко. – М.: Прогресс, 1989. – 552 с.

13. Древнекитайская философия. Эпоха Хань: Антология / сост. Ян Хиншун; редкол. В. Г. Буров (отв. ред.), Р. В. Вяткин, М. Л. Титаренко. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 523 с.

14. Ван Сипин. О смысле выражения «Дао следует природе» у Лао-цзы / Ван Сипин // Жэньвэнь цзачжи [= Гуманитарный журнал]. – 2020. – № 4. – С. 33–37. (на кит. яз.)

15. Лапина, З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае / З. Г. Лапина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1985. – 245 с.

16. Ван Липин. Экологическая мысль в китайской традиционной культуре / Ван Липин, Ван Чжэн // Дунбэй ши да сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [= Вестник Северо-Восточного педагогического университета (Серия: философия и социальные науки)]. – 2011. – № 5. – С. 191–192. (на кит. яз.)

17. Чжан Юцай. О структурных уровнях буддийской экологической этики / Чжан Юцай // Дуннань да сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [= Вестник Юго-Восточного университета (Серия: философия и социальные науки)]. – 2010. – № 2. – С. 19–22. (на кит. яз.)

JURGEN HABERMAS'S IDEA OF COMMUNICATIVE ACTION AS A SUBJECT OF CRITICAL REFLECTION IN THE PHILOSOPHY OF CHINESE NEO-MARXISM

Tang Yongbo

PhD student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of
philosophy and social sciences. Belarusian State University

Scientific supervisor – doctor of philosophy, professor A. I. Zelenkov

Abstract. The paper examines Jürgen Habermas's concept of the primacy of communicative action as an integral form of social activity in the context of a "mature modernity" society. By distinguishing four fundamental types of social action, Habermas substantiates the rational and intersubjective nature of communicative action. This form of action comprehensively embodies and dynamically represents four dimensions of reality: the objective world, the subjective world, the social world, and the lifeworld of the individual. The systemic nature of communicative action allows it to be regarded as the ontological foundation of a society governed by communicative rationality and a legitimate social order free from violent domination. The analysis of Habermas's theory of communicative action, as interpreted in the philosophy of Chinese Neo-Marxism, while acknowledging its humanistic orientation, also highlights its inherent utopianism and a certain degree of social conformism.

Keywords: J. Habermas; concept of communicative action; communicative rationality; philosophy of Chinese Neo-Marxism.

ИДЕЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ Ю. ХАБЕРМАСА КАК ПРЕДМЕТ КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ КИТАЙСКОГО НЕОМАРКСИЗМА

Тан Юнбо

аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и
социальных наук, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – **Зеленков Анатолий Изотович**,
доктор философских наук, профессор

Аннотация. Рассмотрена идея Ю. Хабермаса о приоритетности коммуникативного действия как интегральной формы социальной активности в условиях общества «зрелого модерна». Выделяя четыре основных типа социальных действий, Ю. Хабермас обосновывает рациональный и интерсубъективный характер коммуникативного действия. В нём интегрально представлены и актуально репрезентированы четыре типа реальности: объективный мир, субъективный мир, социальный мир, жизненный мир человека. Системная природа коммуникативного

действия позволяет рассматривать его в качестве онтологического основания общества коммуникативной рациональности и легитимного общественного порядка, свободного от насильственного господства. Анализ идеи коммуникативного действия Ю. Хабермаса, представленный в философии китайского неомарксизма, наряду с положительной оценкой её гуманистической направленности, подчёркивает определённый утопизм и социальный конформизм, свойственный данной идее.

Ключевые слова: Ю.Хабермас; идея коммуникативного действия; коммуникативная рациональность; философия китайского неомарксизма.

Jürgen Habermas, one of the most renowned contemporary German philosophers and sociologists, is a leading figure of the second generation of the Frankfurt School, a major branch of Western Marxism. His intellectual scope is vast and profound, encompassing a highly structured and systematic theoretical framework. Among his contributions, the theory of communicative action stands as a synthesis of social critique, exerting a profound influence on intellectual discourse. According to Habermas, the path to human freedom necessitates overcoming the fragmentation between the lifeworld and the system in modern society, which requires an elevation from purposive-instrumental rationality to communicative rationality. Communicative rationality fundamentally entails seeking legitimate grounds for communicative action. Such legitimacy cannot be derived from the realm of objects but must instead be discovered within the human world. Consequently, the foundation of this rationality naturally lies in the mutual agreement, universal consent, and conscious adherence to norms established among communicative subjects [1, p. 27].

On the issue of typology of social actions

The cornerstone of Habermas's communicative theory is the concept of "communicative action," a crucial entry point for comprehending his philosophical framework. Habermas classifies social actions into four categories:

1. Purposive action. This is a goal-oriented, instrumental action wherein actors, after weighing various factors, select the most effective means to achieve a given objective. It is characterized by an explicit purposiveness directed toward manipulating the objective world.

2. Normatively regulated action. This occurs within a social group where members conform to collectively established norms. These norms, rooted in shared values, serve as guiding principles for individual behavior within the group.

3. Dramaturgical action. This refers to performative actions in which individuals, driven by the need for self-presentation, consciously stage their behavior before an audience or broader society.

4. Communicative action. This represents intersubjective interaction between individuals mediated through language. Linguistic or non-verbal symbols serve as instruments for mutual understanding, facilitating coordination in action. Mutual comprehension forms the foundation of communicative action, rendering language particularly crucial as its medium.

After distinguishing these four types of social action, Habermas asserts that communicative action encompasses elements of all other action types. His theoretical framework identifies four distinct domains of reality: the objective world, the subjective world, the social world, and the lifeworld. Each of the four action types corresponds to one or multiple of these domains—purposive action aligns with the objective or external world, normatively regulated action corresponds to the social world, and dramaturgical action relates to both the subjective and external world. However, communicative action uniquely engages all three dimensions simultaneously, addressing the objective world, the social world, and the subjective world to establish a shared framework for defining social conditions [2, p. 135].

Rational and intersubjective nature of communicative action

Communicative action is the core concept of Habermas's communicative theory, with communicative rationality serving as its central pillar. As a fundamental yet elusive concept within Habermas's framework, communicative rationality can be understood by examining his discourse, which reveals its essential dimensions:

First, communicative rationality is intersubjective. Habermas conceives communicative action as an interaction based on universal normative principles, emphasizing mutual understanding and recognition between subjects. In his view, communicative rationality entails identifying the legitimate foundation for communicative action—namely, the norms and values mutually agreed upon, accepted, and upheld by the participants.

Second, communicative rationality is inherently linguistic. Habermas asserts that possessing language equates to possessing the entire world. In purposive action, normatively regulated action, and dramaturgical action, language assumes a singular and partial function: in purposive action, language serves merely as a tool for achieving mutual understanding; in normatively regulated action, it functions as a medium for norm recognition and dissemination; and in dramaturgical action, it becomes a vehicle for self-

presentation. However, only within communicative action can the full spectrum of linguistic functions be realized and effectively employed. Habermas emphasizes that communicative action is an act of linguistic understanding rather than a primitive, instinctive mode of interaction—language comprehension holds a paramount role.

According to Habermas, the validity of speech acts is contingent upon four key criteria: comprehensibility, truth, sincerity, and correctness. Comprehensibility requires the speaker to use an expression intelligible to the listener, ensuring mutual understanding. Truth demands that the speaker convey factual content, enabling the listener to share and benefit from the speaker's knowledge and experiences. Sincerity necessitates the speaker's genuine intention, fostering trust in the listener. Correctness mandates that the speaker employ an appropriate mode of expression, facilitating recognition and acceptance by the listener.

Third, communicative rationality is both generative and reversible. A crucial aspect of Habermas's study of language is his concept of "argumentation," through which he asserts that communicative rationality emerges as a consensus formed via thorough debate and deliberation. He even extends this dialogical approach to the realm of complex international relations, envisioning the potential for a novel global order founded on communicative rationality. At the same time, this rationality remains dynamic and subject to change, as deliberation involves an ongoing process of presenting facts, reasoning, and ultimately reaching agreements. However, as the underlying reasons and justifications evolve, communicative rationality may itself transform—or even become obsolete. Moreover, the very processes of reasoning, deliberation, and argumentation are open to critical examination.

Thus, communicative rationality is an intrinsic aspect of the linguistic and intersubjective nature of communicative action, while simultaneously being an evolving and reversible construct. Nevertheless, Habermas's notion of communicative rationality proves to be far more comprehensive than purposive rationality and is particularly suited to critiquing modern Western society—a role it has indeed effectively fulfilled.

Jurgen Habermas's idea of communicative action in the context of critical analysis

Habermas's theoretical vision aims to reconstruct "communicative rationality" as a means of enabling subjects engaged in communicative action to inhabit a world characterized by democracy, freedom, equality, and justice—a world that eliminates disparities in power, wealth, and social status, and one that

is devoid of both external coercion and internal repression. His ambition to resolve the ailments and crises of modern capitalist society through this framework carries strong undertones of social reformism with a utopian idealism.

Undeniably, contemporary society remains one marked by alienation, and distortions in communication are an objective reality. The awareness of communication itself becomes alienated into rationality, and given that language serves as the material foundation of consciousness, it too is inevitably subject to alienation. Language has long been dominated by metaphysical principles, and the linguistic realm envisioned by Habermas exists only within an idealized lifeworld—one that has freed itself from "colonization". However, the crux of the issue lies in the fact that the fundamental driving force of social development is the dialectical movement between productive forces and production relations, within which real historical tasks are shaped. The "communicative paradigm" proposed by Habermas remains an approach confined to addressing social problems within the realm of ideology. While it is true that Marx's critique of political economy requires further development, rejecting Marx's "productive paradigm" in favor of constructing historical materialism purely through communicative rationality is a misstep.

In Habermas's framework, communicative rationality is conceived as the actual force of social integration and a means of overcoming present crises. However, its a priori nature poses a significant challenge to its own coherence. The fundamental issue is that communicative consciousness is inherently rational, not sensuous. This paradox inevitably entangles Habermas in a contradiction: *communicative action embodies both an ideal and a normative orientation while simultaneously claiming to rest on an objective rational foundation*. In practice, however, given the realities of modern society—where deception and distorted communication pervade interpersonal relations—Habermas struggles to substantiate his assertion that the ideal speech situation either already exists or is implicitly embedded in real-life human interactions [3, p. 31].

This predicament stems from the complex realities of contemporary society: while social progress may, to some extent, foster the development of communicative rationality and enhance the possibility of genuine interpersonal communication, the negative consequences of technological alienation in modern society have simultaneously deepened human estrangement. Consequently, the theoretical path that Habermas envisions for communicative rationality to transition from ideal to reality encounters formidable and perhaps insurmountable barriers.

Despite the utopian nature of Habermas's theory of communicative action, his emphasis on fostering mutual understanding among subjects as a foundation for harmonious human relationships remains valuable when applied to certain pressing issues in contemporary society. His theory provides a normative framework for sincere cross-cultural, cross-national, and intersubjective dialogue, offering an intellectual resource for resolving social disputes and conflicts while contributing to the construction of a more civilized and harmonious global order.

References

1. Wei Dunyou. [Interpretation and Critique: A Review of Habermas's 'Communicative Rationality']. *Jiangnan Forum*. 1995;7: 26-31. Chinese.
2. Habermas, J. [The Theory of Communicative Action. Volume 1]. Translated by Hong Peiyu and Lin Qing. Chongqing: Chongqing Publishing Hous; 1987. 510 p. Chinese.
3. Zheng Zhaoli. Seeking a Solution to the Dilemma of Modernity—Habermas's Path to the Reconstruction of Modernity]. *Qiushi Journal*. 2004;4: 28-31. Chinese.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛАРУСИ

Узгорок Марина Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической
работы научно-педагогического факультета,
Академия МВД Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности национальной культурной традиции Беларуси, а также условия, способствующие формированию культурной идентичности и национального самосознания. Отмечается, что формирование национальной культурной традиции обусловлено различными факторами, к основным из которых относятся геополитические, а также факторы культурной диффузии. Автором проанализированы такие особенности как толерантность, «тутэйшасць» и миролюбие, которые являются важнейшими компонентами белорусского этнонационального менталитета. В заключении подчеркивается, что национальная культура является важным фактором, формирующим культурную идентичность и национальное самосознание белорусов, укрепляя их единство и самобытность. Значимым является то, что культурная идентичность способствует активному созиданию настоящего и будущего, в котором каждая новая мысль, каждое произведение искусства и каждое научное открытие обогащают национальный контекст.

Ключевые слова: культурная идентичность; национальное самосознание; национальная культурная традиция; культурная диффузия; толерантность; миролюбие.

CULTURAL IDENTITY AND NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE PECULIARITIES OF THE NATIONAL CULTURAL TRADITION OF BELARUS

Uzgorok Marina Yurievna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Philosophy and Ideological Work of the Scientific and Pedagogical Faculty,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Annotation. The article examines the peculiarities of the national cultural tradition of Belarus, as well as the conditions conducive to the formation of cultural identity and national identity. It is noted that the formation of a national cultural tradition is determined by various factors, the main of which include geopolitical, as well as factors of cultural diffusion. The author analyzes such features as tolerance, "tuteishness" and peacefulness, which are the most important components of the Belarusian ethno-national mentality. In conclusion, it is

emphasized that national culture is an important factor shaping the cultural identity and national identity of Belarusians, strengthening their unity and identity. It is significant that cultural identity contributes to the active creation of the present and the future, in which every new thought, every work of art and every scientific discovery enrich the national context.

Keywords: cultural identity; national identity; national cultural tradition; cultural diffusion; tolerance; peacefulness.

Культурная идентичность и национальное самосознание являются важными аспектами, формирующими общественное сознание и поведение граждан. Национальная культура, в свою очередь, играет ключевую роль в этом процессе, формируя представления народа о себе как о нации и обеспечивая связь с историческим наследием.

Для истории Беларуси характерны многовековые изменения границ, влияние соседних стран и многообразие культур. Это создает уникальную культурную традицию, языковые и художественные национальные особенности. Восстановление интереса к собственно белорусской культуре в последние десятилетия в значительной степени способствовало формированию культурной идентичности и укреплению национального самосознания.

Характер формирования национальной культурной традиции обусловлен различными факторами, к основным из которых относятся геополитические. Из-за «пограничного» расположения для Беларуси всегда был характерен интенсивный процесс взаимодействия культур. Кроме того, важное значение имеет то, что страна включает в себя два больших культурных региона, два культурных мира-цивилизации – православно-византийский и римско-католический. В результате белорусская культура нередко первая среди восточнославянских стран воспринимала западноевропейские формы социальной жизни, культуры и искусства (магдебургское право, книгопечатание, садово-парковое искусство, художественные стили: готику, ренессанс, маньеризм, барокко и др.) и транслировала их в другие регионы славянского мира [1, с. 10]. Но в то же время именно пограничье и постоянное нахождение в сфере различных культурно-цивилизационных влияний не дали белорусской культуре возможности до конца самоопределиться. «Проблема поиска своего пути развития была характерна для белорусской культуры на протяжении всей ее истории» [3, с. 314]. Однако, по мнению некоторых исследователей, проблема заключается не только в этнической и культурно-религиозной самоидентификации, но и в том, что носители развитого национального

самосознания, представляющие культуру отечественной социальной и творческой элиты, имели недостаточную степень культурно-этнического единства с традиционной, народной культурой, в связи с чем способ существования белорусской культуры как культуры самостоятельного этноса с XIII – XVI вв. практически всегда был раздвоенным. В эпоху ВКЛ наиболее образованные белорусы обращались к латинскому, польскому и русскому языкам, что помогало постичь и освоить культурные достижения других стран и способствовало сближению с Россией и Европой. Впоследствии же, в XVII – XIX вв. белорусской культуре пришлось испытать значительное воздействие со стороны соседних государств, более сильных в политическом отношении, которые, поддерживая развитие своих культурных традиций, одновременно навязывали белорусской культуре особый статус, статус региональной культуры с размытыми границами. Принадлежность к белорусской нации была актуальна только для тех белорусов, уровень высокого национального самосознания которых способствовал ускорению культурно-исторического процесса в своем Отечестве, и приближению его к эпицентрам мирового развития. К примеру, деятельность С. Будного, К. Калиновского, А. Мицкевича, Л. Сапеги, В. Тяпинского, Я. Чечота, участников национально-освободительного и социал-демократического движения конца XIX – первой половины XX в., способствовала развитию национальной белорусской культуры.

Существенную роль в развитии культурной традиции играет фактор культурной диффузии, «возникающей в результате интерференции, то есть наложения, сложения различных культурных потоков» [4, с. 201]. К явлениям культурной интерференции различные исследователи относят «билингвизм и полилингвизм, соединение язычества с христианством, толерантность и «тутэйшасць» в менталитете, использование готики и барокко в архитектурной практике православной церкви, проявления поликультурности в музыке и литературе» [4, с. 201]. Исходя из влияния вышеперечисленных факторов, развитие белорусской национальной культуры правомерно рассматривать как состояние подъёмов и спадов, культурных потоков, порой разрушительной силы, которые пересекают территорию Беларуси то с западной, то с восточной стороны [1, с. 8–15]. Весь ход исторического процесса на землях Беларуси с его частыми военно-политическими конфликтами обусловил выработку белорусской народной культурой особой парадигмы своего существования, которая определила мировоззрение белорусов: склонность к обычным земным ценностям или

склонность к бытоприземленной естественной эволюции как органической перестройки изнутри.

Следует отметить и то, что самоидентификация белорусов носила в основном локальный характер и основывалась больше на принадлежности к определенной территории, местности, региону («тутэйшыя»), духовной общности (православные, католики и т. д.). «Мы – тутэйшыя», нередко отвечал белорус на вопрос, какой он национальности. «Природный белорус называется «тутэйшы» за сращенность с краем, где он родился, за любовь к малой родине» [5, с. 149]. Возможно, осознание себя не русскими, не поляками, а «тутэйшымі» было даже неким пассивным способом защиты самобытности народа и культуры.

Особенности белорусской национальной культуры обнаруживаются и в принципах толерантности и терпимости к иноверцам и иноземцам. Так, со времен Великого Княжества Литовского, на нашей территории, кроме белорусов, литовцев и русских, жили украинцы, татары, евреи, немцы, и поляки, общая их численность около 700–800 тыс. человек. Конфессиональная структура населения Беларуси перед разделом Речи Посполитой выглядела следующим образом: греко-католиков (униатов) – 75%, римо-католиков – 18%, православных – 6,5 %, кальвинистов – 0,5 %. То есть веротерпимость, как и полиэтничность, являлась проявлением толерантности белорусов. Это подтверждается фактом отсутствия религиозных войн внутри белорусского общества, за исключением религиозных конфликтов после Люблинской унии.

Необходимо отметить, что для белоруса толерантность – это уважительное отношение к Другому, чьи ценности интегрировались и ассимилировались в культуре. Толерантность является важнейшим компонентом белорусского этнонационального менталитета, на основе которого формируется архетип «гостеприимного и доброго соседа» и как признание «инаковости выступает идентификационным признаком, позволяющим обозначить образ белоруса как со стороны взгляда Другого, так и в контексте саморефлексии» [2, с. 103].

Также следует отметить, что существенной чертой белорусов является миролюбие. Ни одна из множества войн, проходивших на территории Беларуси, не затевалась по инициативе белорусского народа. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в богатейшем белорусском фольклоре нет жанра героического эпоса. На протяжении всей истории в Беларуси культивируется образ не мужчины-воина, а селянина, жизнь которого была регламентирована и детерминирована крестьянским образом жизни.

В заключении отметим, что национальная культура, обладая глубиной и разнообразием, служит как зеркалом, отражающим общественные изменения, так и инструментом для формирования будущего. Национальная культура является важным фактором, формирующим культурную идентичность и национальное самосознание белорусов, укрепляя их единство и самобытность. Важно понимать, что культурная идентичность – это не лишь переживания прошлого, но и активное созидание настоящего и будущего, в котором каждая новая мысль, каждое произведение искусства и каждое научное открытие обогащают национальный контекст.

Список литературы

1. Барока у беларускай культуры і мастацтве: [зборнік] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; навук. рэд. В.Ф. Шматаў. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 304 с.: іл.
2. Батраева, О.В. Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства / О.В. Батраева // Беларусь. думка. – 2010. – № 2. – С. 103–107.
3. Идеология и молодежь Беларуси: пособие / [Л.С. Аверин и др.; под ред. Л.Е. Землякова, С.Д. Лаптенка. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 386 с.
4. Ларкина, В.Н. Проблема внутренней формы белорусской культуры / В.Н. Ларкина // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы III междунар. науч. конф., Гомель, 22–23 мая 2003 г. / Гомел. гос. техн. ун-т ; редкол.: В.В. Кириенко (г. ред.) [и др.]. – Гомель, 2003. – С. 200–202.
5. Ширшов, И.Е. Синтагма как внутреннее формообразование национального характера белорусов / И.Е. Ширшов // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 5–6 июня 2003 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: У.Д. Розенфельд (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2003. – С. 147–153.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Хомич Елена Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу трансдисциплинарной природы философско-антропологического знания. Если в науке стали говорить о трансдисциплинарности начиная с 70-х годов XX в., то философская антропология фактически с момента своего оформления в 20-е годы прошлого столетия могла претендовать на трансдисциплинарный характер. Подтверждением этому является проект М. Шелера, ориентированный на синтез философии и науки в фокусе человека. Мета-антропологические интенции классиков философской антропологии меняются сегодня на трансдисциплинарные проекты. Иллюстрацией данного положения может служить Academicinfluence рейтинг 10 влиятельных антропологов 2010-2020 гг. Последний показывает, что современная антропология приобретает более прикладной характер, она дробится по отдельным дисциплинам, однако сами исследования носят трансдисциплинарный характер.

Ключевые слова: трансдисциплинарность; человек; философская антропология; мета-антропология; Academicinfluence рейтинг, дисциплинарные антропологии.

THE TRANSDISCIPLINARY NATURE OF MODERN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Khomitch Elena Viktorovna,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of transdisciplinary nature of philosophical-anthropological knowledge. If science began to speak of transdisciplinary since the 70s XX century, philosophical anthropology in fact from its formalization in the 20s of the last centuries could claim a trans-disciplinary nature. This is confirmed by the project of M. Sheler, focused on the synthesis of philosophy and science in the focus of man. Meta-anthropological intensities of the classics of philosophical anthropology are changing today to transdisciplinary projects. The illustration of this provision can be used Academicinfluence rating 10 influential anthropologists 2010-2020. The latter shows that modern anthropology becomes more applied, it is divided into individual disciplines, but the studies themselves are of a transdisciplinary nature.

Keywords: transdisciplinary; human; philosophical anthropology; meta-anthropology; academic influence rating, disciplinary anthropology.

Истоки трансдисциплинарных исследований восходят к 70-м годам прошлого столетия. Пионером в этой области можно считать Римский клуб, уникальное объединение ученых и общественных деятелей вокруг глобальных проблем современности. Задачи моделирования будущего требовали подключения к исследованиям самых разных специалистов от математиков и физиков, до экономистов и медиков. В этом плане Римский клуб стал примером первого масштабного трансдисциплинарного альянса ученых.

Сам термин «трансдисциплинарность» был предложен основателем генетической психологии и эпистемологии Ж. Пиаже в 1970 г. В его понимании это предполагало переход науки на новый уровень исследований, свободный от дисциплинарных и междисциплинарных рамок и ограничений. Обусловлено это было переходом науки к изучению сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, включающих в себя разные структурные элементы реальности. К слову, сам Ж. Пиаже оказал большое влияние на современную когнитивистику, являющуюся ярчайшим подтверждением успешности трансдисциплинарного синтеза. Так, сегодня изучением познавательных способностей человека занимается не только психология, но и нейрофизиология, лингвистика, теории искусственного интеллекта и др.

Если обращаться к философской антропологии, то следует отметить, что акцент на трансдисциплинарности в ней был сделан намного раньше, чем появилось данное понятие. Один из проектов ее дисциплинарного оформления связан с именем М. Шелера, провозгласившего необходимость синтеза философских и научных знаний о человеке. В интеллектуальной культуре начала XX в. он был одним из наиболее влиятельных авторов. Его по праву считают классиком не только философской антропологии, но и аксиологии, феноменологии, персонализма, философии образования, социологии знания. Помимо философских дисциплин, М. Шелер за годы своего университетского образования прошел углубленные курсы по медицине, психологии, географии, экономике, что свидетельствует и о его достаточно высоком уровне общенаучной эрудиции.

Задача, которую пытался реализовать М. Шелер, достаточно грандиозна: собрать мир в феномене человека. Почему это возможно? Потому что человек – это по сути дела всё. «Мир преобразовался *realiter* в

человека, человек же должен *idealiter* преобразоваться в мир» [1, с. 22]. Рассматривая человека в диспозиции жизненного порыва и духа, Шелер фактически выстраивает в новых условиях аристотелевскую лестницу живых существ. При этом, говоря о растениях и феномене жизни, активно подключает данные ботаники и химии, при анализе животных – биологии и психоанализа. Характеристика духа выстраивается через обращение к аксиологии, философии и социологии. В целом, его проект можно охарактеризовать как новый вариант метафизики или, вернее, мета-антропологии, собирающей в фокусе человека данные самых разных дисциплин.

Если говорить о современной философской антропологии, которая во многом наследует установки Шелера на связь с наукой, следует отметить, что приставка «мета-» меняется на «транс-». В контексте современного дискурса появляются новые феномены и концепты: трансгуманизм, трансгендер, трансперсонализм и др., отсылая к зонам пограничности и к выходу за привычные границы. Трансдисциплинарность антропологического знания в этом плане более нейтральна и, напротив, продолжает идеи классиков (М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена), но в варианте близком к структурной антропологии К. Леви-Стросса, который, характеризуя свою программу писал, что она «опирается на естественные науки, прислоняется к гуманитарным наукам и обращает свой взор к социальным» [2, с. 320].

На трансдисциплинарный характер антропологии указывает и один из создателей акторно-сетевой теории Б. Латур. Критикуя дисциплинарную раздробленность современного дискурса, он апеллирует к антропологии, говоря, что она «уже давно не приучила нас рассматривать ... ткань «природа - культура», в которой отсутствуют какие бы то ни было швы. Даже наиболее рационалистически мыслящий этнограф, оказавшись за тридевять земель, вполне способен объединить в одной и той же монографии мифы, этнонауку, генеалогии, политические формы, техники, религии, эпосы и обряды тех народов, которые он изучает. Отправьте его к арапешам или ашуарам, корейцам или китайцам - и вы получите один-единственный нарратив, связывающий в одно целое небеса, предков, форму жилища, культивирование иньяма, маниоки или риса, обряды инициации, формы правления и космологии. У антропологов нет ни одного элемента, который не был бы одновременно реальным, социальным и рассказанным» [3, с. 66]. При этом Б. Латур (топ-9 в рейтинге влиятельных антропологов современности) считает, что современная антропология достаточно

сомнительна, поскольку, с одной стороны, изучать себя объективно намного труднее, чем другие народы; с другой стороны, мы испорчены новоевропейской дисциплинарностью и антропоцентризмом.

Вместе с тем Academicinfluence (американская организация, составляющая рейтинги университетов и колледжей) характеризует антропологию как «лучшую из гуманитарных дисциплин», цель которой – «лучше понять весь спектр человеческого опыта и раскрыть некоторые истины о том, откуда мы пришли и куда идем» [4]. Характерно, что современные исследователи действительно претендуют на раскрытие лишь «некоторых истин» по поводу вечных вопросов о том, «Кто мы? Откуда пришли и куда идем?». Характерной чертой антропологии становится отказ от универсалистских претензий не только классики, но и философии XX в. Сегодня нет антропологических проектов в стиле М. Шелера или М. Хайдеггера, апеллирующих к человеку «вообще». Антропология XXI в. соединяет конкретные «полевые» исследования и философские реконструкции (что лишь подчеркивает ее трансдисциплинарный характер), она специализируется на конкретных сферах человеческого и социокультурного опыта, идя от отдельных кейсов к общим выводам и рекомендациям.

В качестве иллюстрации высказанного положения, можно привести предложенный Academic Influence рейтинг самых влиятельных антропологов 2010-2020 гг. [4].

У. Ханнерц (Ulf Hannerz) – шведский исследователь, специалист в области городской и медиа- антропологии. На основе изучения афроамериканской субкультуры и миграционных процессов вводит термин «культурной креолизации» как гибридного смешивания разных традиций и ценностей, способствующего более свободным и творческим механизмам социальной идентификации по сравнению с традиционными паттернами.

М. Саллинс (Marshall Sahlins) – специализировался в сфере исторической и экономической антропологии. Его «полевые» исследования проходили на островах в Океании, что сделало его ярким критиком «человека экономического» с его ценностями рассудительности и прибыли и позволило обосновать зависимость социальных структур от культурных традиций.

Н. Шепер-Хьюз (Nancy Scheper-Hughes) – американская антрополог в области медицины и психиатрии, активный участник правозащитных движений, Корпуса мира. Известна своими работами по торговле органами, материнству, насилию, геноциду.

Д. Гребер (David Graeber) – социальный антрополог и общественный деятель анархистского толка. Самая известная его работа «Долг: первые 5 000 лет» посвящена критике политики МВФ в отношении развивающихся стран.

М. Си Инхорн (Marcia C. Inhorn) – специалист в области медицинской антропологии и гендера, стала первой, кто провела масштабное исследование мужского и женского бесплодия и его социальных последствий в странах Ближнего Востока.

П. Рабинов (Paul Rabinow) – представитель культурной антропологии, развивал идеи М. Фуко о дискурсе и символической власти на материале современности.

Д. Прайс (David Price) – также специализируется в области культурной антропологии. На сегодняшний день основные его интересы связаны с проблемами взаимодействия политических (государственных, военных и разведывательных) институтов и антропологии.

Д. Миллер (Daniel Miller) – основатель программы цифровой антропологии Лондонского университетского колледжа. Ключевые темы его первых работ (человек и вещи, посредством которых он субъективирует себя) были продолжены в контексте учета новых информационных технологий и гаджетов.

Б. Латур (Bruno Latour) – наиболее известный представитель акторно-сетевой теории, которую он определил как «симметричную антропологию». Смысл последней состоит в признании равноценного статуса людей и «не-человеков» (природы, технических артефактов и др.) в рамках сетевого взаимодействия.

К. Ханн (Chris Hann) – британский социальный антрополог, полевые исследования которого были связаны с изучением социалистических и постсоциалистических реалий Восточной Европы.

Представленный Academicinfluence рейтинг десяти самых влиятельных антропологов 2010-2020 гг., безусловно, может быть оспорен, поскольку каких-то имен мы не знаем, а они занимают ведущие позиции, кто-то, из тех, кто нам знаком, сюда не попал. В данном контексте представляет интерес то, что он хорошо иллюстрирует общую ситуацию с антропологией сегодня. Она стала более прикладным знанием по сравнению с ретроспективой XX в., в силу чего происходит ее дробление по отдельным сферам человеческого опыта. Вместе с тем, о какой бы антропологии не шла речь (медицинской, городской, цифровой и т.д.), в рамках каждой из отдельных дисциплин она сохраняет свое пространство и внутреннюю

целостность, гарантом которого является целостность самого человека. Потребность же в трансдисциплинарности как применительно к антропологическому дискурсу в целом, так и к отдельным его версиям, видится в неотъемлемой многоаспектности человека и его реалий. Трансдисциплинарность здесь востребована ради воспроизведения всей сложности и комплексности феномена человека, который, возвращаясь к Шелеру, «по сути дела всё».

Список литературы

1. Шелер, М. Формы знания и образование / М. Шелер // Избранные произведения; пер. с нем.; сост., науч. ред., предисл. Денежкина А. В.; послесл. Л. А. Чухиной. – М.: Гнозис, 1994. – С. 15–56.
2. Леви-Строс, К. Структурная антропология /Клод Леви-Строс. – М.: Наука, 1983. – 536 с.
3. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Бруно Латур / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. - СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. - 240 с.
4. Top Influential Anthropologists Today / Academic Influence [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://academicinfluence.com/rankings/people/most-influential-anthropologists-today>. – Date of access: 25.03.2024.

PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON THE CULTURE OF FRAGMENTED READING

Zhang Ning

PhD student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Academic Advisor - **Zelenkov Anatoly Izotovitch,**

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Abstract. This article discusses the characteristics of fragmented reading and its far-reaching impact on cultural philosophy, social values and cultural inheritance. As an emerging way of reading, fragmented reading adapts to the needs of fast-paced life and technological development in modern society, but it also brings many problems. It has changed people's reading habits and ways of thinking, shifting from traditional deep reading and systematic learning to shallow and unstructured information acquisition. This reading mode not only weakens the individual's ability to think in depth, but also poses a challenge to the in-depth dissemination of classical culture and cultural inheritance. In addition, the immediacy and utilitarian nature of fragmented reading strengthens the value orientation of utilitarianism and instant gratification in the society, exacerbates the phenomenon of "information cocoon", and leads to the homogenization and one-sidedness of social values. This article calls for the importance of the in-depth dissemination of classical culture and the cultivation of pluralistic values in the era of fragmented reading, in order to promote cultural inheritance and the healthy development of society.

Keywords: fragmented reading; philosophy of culture; social values; cultural heritage.

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ ФРАГМЕНТАРНОГО ЧТЕНИЯ

Чжан Нин

аспирантка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель - **Зеленков Анатолий Изотович,**

доктор философских наук, профессор факультета философии и социальных наук

Белорусский государственный университет

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности фрагментарного чтения и его далеко идущее влияние на философию культуры, социальные ценности и культурное наследие. Будучи новым способом чтения, фрагментарное чтение

адаптируется к потребностям стремительной жизни и технологического развития современного общества, но оно также порождает множество проблем. Он изменил привычки людей к чтению и образ мышления, перейдя от традиционного глубокого чтения и систематического изучения к поверхностному и неструктурированному получению информации. Такой способ чтения не только ослабляет способность человека к глубокому мышлению, но и ставит под угрозу глубокое распространение классической культуры и культурное наследие. Кроме того, непосредственность и утилитарность фрагментарного чтения укрепляет в обществе ценностную ориентацию на утилитаризм и мгновенное удовлетворение, усиливает феномен «информационного кокона», ведет к гомогенизации и однобокости социальных ценностей. В данной статье говорится о важности углубленного распространения классической культуры и культивирования плюралистических ценностей в эпоху фрагментарного чтения, чтобы способствовать культурному наследованию и здоровому развитию общества.

Ключевые слова: фрагментарное чтение; философия культуры; социальные ценности; культурное наследие.

In today's era of information explosion, fragmented reading has become a common phenomenon. It refers to the reading mode in which people use fragmented time to quickly browse and obtain information through fragmented media such as social media and short videos. The emergence of this reading mode is closely related to the fast-paced life of modern society, the rapid development of technology and the immediacy of information dissemination. However, fragmented reading not only changes people's reading habits, but also reflects the unique development trend of contemporary civilization. How does it reflect modern civilization's pursuit of efficiency and immediacy? And how does it affect our understanding of the depth of knowledge and the inheritance of culture? These questions are worth exploring in depth, because they not only concern reading itself, but also touch on the core issues of cultural philosophy - the nature of knowledge, the connotation of culture, and the dialectical relationship between technology and human cognition.

1.Characteristics of fragmented reading

With the development of society, new media platforms are rapidly emerging, and the news, advertisements, information, short articles and other contents are refined and presented in rich forms, which have gradually become the main contents of people's fragmented reading. The updating and dissemination speed of these contents is relatively fast, which cannot get people's attention for a long time. Due to the instantaneous and transient nature of the fragmented reading content and the related reading process, readers are often unable to think deeply

about the reading content and total [1, P.13].

In order to attract readers to read and achieve the purpose of rapid and wide dissemination, new media platforms often disseminate fragmented reading content in the form of short videos and graphics that can quickly attract readers, and the logical structure of such reading content is not systematic and complete, and the content before and after is not continuous. Therefore, fragmented reading content is characterized by significant unstructuredness and fragmentation.

The fast-paced urban life continues to reduce people's reading time, and fewer and fewer people can read for a long time. With the arrival of the mobile Internet era, people's time for reading paper books is getting shorter and shorter, and most of them can only use the time for reading on buses, subways and other means of transportation [2, P.58-59].

2.Philosophical Reflections on the Culture of Fragmented Reading

In the traditional reading era, influenced by in-depth reading and systematic learning, people's way of thinking is characterized by linear thinking, in-depth thinking, and systematic knowledge construction [3]. This way of thinking not only promotes in-depth understanding and systematic mastery of knowledge, but also lays a solid foundation for the enhancement of an individual's thinking ability and cultural literacy. However, with the arrival of the digital era, the rise of fragmented reading has challenged the traditional reading mode and way of thinking, prompting us to re-examine the impact of reading on human cognition. The instability of individual cognitive structure and the dependence on Internet media lead people to fall into the trap of "shallow thinking" in the process of reading. Texts on the Internet are presented in the form of "information fast food", which leads people to tend to understand the surface meaning of the text. For example, articles on WeChat's public platform are often designed as "eye-catching titles + memorable quotes", with an average dwell time of less than 30 seconds, which forces the brain to quickly extract keywords. In addition, the fragmented information delivery method of fragmented reading makes it difficult for readers to focus on the depth of a single piece of content while being exposed to a large amount of information in a short period of time, which leads to frequent shifting and dispersion of attention. This fragmentation of attention not only weakens an individual's ability to understand knowledge in depth and think systematically, but also poses a challenge to the concentration and immersive experience advocated by traditional reading [4, P.190-191].

Fragmented reading has become a common way of reading in the digital era, which puts cultural inheritance under threat. On the one hand, the shallow level of fragmented reading and the fragmented nature of information make the

knowledge information with cultural value and classical inheritance account for a very low proportion of the massive fragmented content. Although this reading mode can improve the efficiency of academic research, disciplinary statistics and knowledge retrieval to a certain extent, it has weakened the cultural inheritance value of literature. For example, although network literature is widely spread overseas, its content is mostly entertainment-oriented, and it is difficult to carry the in-depth dissemination of classical culture. Fragmentation processing not only impairs the depth and systematicity of knowledge, but also may lead readers to accept a large amount of unverified or erroneous information [5, P.94]. For example, fragmented interpretations of traditional culture on short video platforms attract a large number of viewers but often lack systematicity and depth. This phenomenon is not conducive to the in-depth dissemination and acceptance of classical culture, which in turn negatively affects cultural inheritance and cultural development. Therefore, how to maintain the in-depth dissemination and effective inheritance of classical culture in the era of fragmented reading has become a cultural and philosophical problem that needs to be solved urgently.

As an emerging way of reading, fragmented reading has had a profound impact on the formation and dissemination of social values in the digital era, especially in the values of utilitarianism and instant gratification. On the one hand, the immediacy and convenience of fragmented reading make people more inclined to pursue short-term gratification, and this tendency strengthens the value of utilitarianism to a certain extent [6, P.176-177]. For example, modern people prefer to choose utilitarian reading that can bring quick returns, while neglecting in-depth reading of humanistic and philosophical contents. This kind of utilitarian reading not only affects the individual's knowledge structure and humanistic quality, but also may lead to the utilitarian tendency of the overall social values. On the other hand, the dissemination of fragmented reading has also aggravated the phenomenon of "information cocoon". Personalized recommendation algorithms make the information users are exposed to during the reading process more homogeneous, limiting their exposure to and understanding of diverse values. This phenomenon not only weakens the individual's ability to think critically about complex social issues, but also may lead to the homogenization and one-sidedness of social values. For example, university students, as a key group in the formation of values, are prone to form erroneous value perceptions or even be impacted by information that is inconsistent with mainstream values due to their over-reliance on fragmented information. In addition, the immediacy in fragmented reading intensifies people's pursuit of instant gratification [7, P.364]. This mentality makes people more inclined to choose content that can

quickly bring pleasure in the reading process rather than knowledge that requires deep thinking and long-term accumulation. This trend not only affects the formation of individual values, but also may have a negative impact on the cultural heritage and development of society as a whole.

List of references

1. Wang Pengtao. Review and Prospect of the Research on Fragmented Reading in China: An Examination Based on the Measurement Perspective. Friends of editors, 2018(1): P. 12-15.
2. Dou Zhilei. Research on the reconstruction strategy of reading values of college students under the background of fragmented reading. Henan Library Journal, 2024, 44(01): P. 58-59.
3. Carr N. The shallows: what the Internet is doing to our brains. WW Norton & Company, 2020.
4. Hayles N K. Hyper and deep attention: the generational divide in cognitive modes. Profession, 2007: P. 187-199.
5. Общество, культура, человек в цифровую эпоху. Медиаэкономика, медиаполитика, медиакультура: Сборник научных статей / Под редакцией О.В. Архипово й, А.И. Климина. - Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Фора-принт", 2020. - 94 с. -. ISBN 978-5-903187-47-8.
6. Gu Chunjiang. Characteristics and pros and cons analysis of fragmented reading. Modern Business Industry, 2018(14): 176-177.
7. Митрохин, В. А. Социум, информация, техника: проблемы взаимовлияния / В. А. Митрохин // Балтийский гуманитарный журнал. - 2019. - Т. 8, № 4(29). - С. 364-366. - DOI 10.26140/bgz3-2019-0804-0084.

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Чэнь Сыци

аспирант факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет
Научный руководитель – **Кучко Елена Евгеньевна**,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В данном исследовании рассматривается роль искусственного интеллекта в процессе социальных изменений, определяется его сущность и характерные особенности, а также проводится анализ его влияния на планирование профессиональной карьеры студентов. Исследование направлено на содействие студентам в правильном понимании тенденций развития искусственного интеллекта, всестороннем изучении его потенциала применения и эффективном использовании технологий искусственного интеллекта для совершенствования собственного развития профессиональной карьеры.

Ключевые слова: искусственный интеллект; студенты; планирование профессиональной карьеры.

CAREER PLANNING OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

Chen Siqi

PhD Student, Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University
Scientific supervisor – Kuchko Elena Evgenievna,
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociological,
Belarusian State University

Abstract. This research examines the role of artificial intelligence in the process of social changes, defines its essence and characteristic features, and analyzes its impact on the career planning of students. The study aims to assist students in understanding the trends of artificial intelligence development, comprehensively exploring its potential applications, and effectively utilizing AI technologies to enhance their own professional career development.

Keywords: artificial intelligence; students; career planning.

Бурное развитие искусственного интеллекта (ИИ) оказывает значительное воздействие на социальную структуру, стимулируя активные дискуссии, особенно в контексте занятости. Интеграция ИИ в такие сферы, как производство, сельское хозяйство, финансы, транспорт и медицина, ускоряет трансформацию рынка труда, изменяя спрос на рабочую силу и перечень востребованных профессий. Эти изменения представляют собой серьезные вызовы для профессионального роста студентов и оказывают заметное влияние на социальную стабильность и экономический рост. Несмотря на повышение производительности, вызванное внедрением ИИ, его влияние на структуру занятости остается противоречивым. Как отмечает Walton, хотя ИИ способствует созданию новых рабочих мест, его заменяющий эффект значительно превосходит созидательный, что может привести к исчезновению традиционных профессий и усилению проблемы безработицы [7].

В данном контексте ключевым фактором, влияющим на профессиональное развитие студентов, является их способность осознавать и эффективно использовать технологии искусственного интеллекта (ИИ) при планировании карьеры. Цель данного исследования – изучить, как студенты могут правильно осваивать и применять технологии ИИ в условиях их быстрого развития, чтобы разрабатывать научно обоснованные и точные стратегии профессионального роста. Это позволит им адаптироваться к динамично меняющемуся рынку труда и повысить свою конкурентоспособность.

В статье *ИИ+человек: как выжить в эпоху новых машин* Marco Frank, Paul Roger и Ben Prince отмечают, что концепция «ИИ+человек» уже глубоко проникла в повседневную жизнь и тесно связана с профессиональной деятельностью и бытом людей, а не является лишь отдалённой перспективой. По их мнению, в будущем каждая отрасль должна в полной мере использовать преимущества ИИ для повышения производительности и качества услуг [6]. Однако некоторые американские эксперты выражают скептицизм по поводу этого развития. Например, James Barrat предсказывает, что ИИ в конечном итоге станет самодостаточным творением человека, а Ray Kurzweil считает, что ИИ со временем заменит человека в различных сферах деятельности.

В последние годы технологии ИИ стремительно развиваются, а интенсивная тренировка и итерация моделей, проводимая технологическими гигантами и интернет-компаниями, обостряет конкуренцию в отрасли. Ожидается, что к 2024 году рынок базовых ИИ-

технологий достигнет 6000 миллиардов юаней, а сегмент генеративного ИИ продолжит активно расти [2, с. 128]. В 2025 году Китай укрепляет свои позиции как лидер в области ИИ: наряду с ChatGPT стремительно развивается DeepSeek, демонстрируя высокий уровень инноваций и устанавливая новые ориентиры для глобальной индустрии. ИИ, будучи ключевым элементом цифровой экономики и информационной индустрии, способствует росту производительности труда, ускоряет переход к интеллектуальной эпохе и получает мощную поддержку от научно-технического прогресса, способствуя автоматизации, цифровизации и интеграции технологий с человеческой деятельностью [3, с. 7].

В условиях быстрого развития технологий ИИ, студентам необходимо активно интегрировать их в процесс планирования своей профессиональной карьеры, разнообразить его содержание, внедрять инновационные подходы и расширять карьерные горизонты. Это позволит эффективно адаптироваться к требованиям рынка труда в эпоху интеллектуальных технологий и повысить свою конкурентоспособность.

Разнообразие содержания планирования карьеры

Традиционное планирование профессиональной карьеры включает осознание профессии, постановку целей, планирование пути и развитие навыков. Однако с быстрым развитием технологий ИИ содержание планирования становится более многогранным и точным [4, с. 75]. ИИ, благодаря таким функциям, как интеллектуальное сопоставление навыков, динамичное прогнозирование карьерного роста и персонализированное планирование, предоставляет студентам уникальную поддержку, значительно расширяя возможности и пути развития профессиональной карьеры.

Динамичное прогнозирование профессионального развития. С развитием технологий ИИ глобальный рынок труда претерпевает глубокие изменения, которые не только влияют на спрос на традиционные профессии, но и создают новые карьерные возможности и требования к навыкам. Студенты могут использовать ИИ для анализа данных о занятости и трендах, что позволяет точно прогнозировать будущие востребованные профессии и разрабатывать научно обоснованные стратегии карьерного роста. С переходом к автоматизации и интеллектуализации традиционные повторяющиеся должности постепенно заменяются, что ставит часть рабочей силы под угрозу безработицы. В то же время ИИ способствует возникновению новых профессий, таких как аналитики данных, инженеры ИИ и другие, требующих высококвалифицированных навыков, особенно в

области анализа данных, машинного обучения и ИИ-алгоритмов. Эра больших данных усиливает спрос на соответствующие компетенции.

Индивидуальное планирование профессиональной карьеры. Студенты могут использовать ИИ для анализа учебных данных, стажировок и профессиональных предпочтений, получая персонализированные рекомендации по планированию карьеры. На основе учебных достижений ИИ предлагает курсы и вакансии, соответствующие карьерным целям и опыту. Оценка академических успехов, навыков и интересов позволяет ИИ рекомендовать образовательные ресурсы для быстрого освоения ключевых компетенций. ИИ также помогает разрабатывать персонализированные стратегии развития, улучшать профессиональные навыки и расширять отраслевые связи, что способствует успешному вхождению в выбранную сферу и укрепляет основу для будущего карьерного роста.

Инновационные подходы к планированию карьеры

Традиционные подходы планирования карьеры обычно опираются на офлайн-лекции, письменные планирования и консультации специалистов. Однако внедрение ИИ сделало этот процесс более интеллектуальным, интерактивным и основанным на данных.

Прогнозирования карьеры. Студенты могут использовать ИИ для оценки своих личностных качеств, интересов и навыков, что позволяет получить точные рекомендации по выбору карьерного пути. Инструменты ИИ анализируют индивидуальные характеристики, рыночные тенденции и требования работодателей, предлагая персонализированные рекомендации для карьерного развития. На основе алгоритма Дейкстры технологии прогнозирования карьеры определяют оптимальные пути профессионального роста, учитывая соответствие пользователя требованиям, его текущий и прошлый опыт работы [5, с. 75]. Такой подход не только повышает научную обоснованность и эффективность планирования карьеры, но и помогает студентам точно определить наиболее подходящую профессиональную сферу, повышая их конкурентоспособность на рынке труда.

Виртуальный профессиональный опыт. Интеграция ИИ и технологий виртуальной реальности (VR) открывает студентам уникальные возможности для погружения в виртуальную профессиональную среду. С помощью VR-симуляций студенты могут в интерактивном формате ознакомиться с содержанием работы и условиями различных профессий. Эта технология позволяет предварительно исследовать рабочие процессы и требования должностей, что способствует более обоснованному выбору

карьерного пути. Иммерсивный опыт помогает студентам лучше понять специфику и вызовы отдельных профессий, повышая точность и обоснованность их карьерных решений.

Расширение диапазона планирования карьеры

Традиционное планирование карьеры ориентировалось на фиксированные пути трудоустройства, в то время как технологии ИИ расширяют горизонты выбора. Студенты могут исследовать междисциплинарные профессии, глобальные рабочие рынки, фриланс и предпринимательскую деятельность. ИИ позволяет точно выявлять новые карьерные тенденции и совершенствовать планирование, открывая более широкий спектр возможностей для профессионального развития.

Междисциплинарное исследование карьерных возможностей. ИИ способствует междисциплинарному карьерному поиску, расширяя спектр профессиональных возможностей для студентов. Традиционное планирование карьеры, как правило, ограничивается требованиями конкретных отраслей, тогда как ИИ преодолевает границы между дисциплинами, предлагая более широкий выбор межотраслевых профессий. Способствуя интеграции различных областей знаний, ИИ позволяет студентам исследовать новые направления профессионального развития, исходя из их многопрофильного академического фона. В сочетании с цифровыми технологиями это создает более широкие перспективы карьерного роста, помогая студентам преодолевать дисциплинарные границы и находить новые профессиональные возможности.

Возможности фриланса и предпринимательства. Развитие ИИ трансформирует занятость, открывая студентам новые возможности в фрилансе и предпринимательстве. ИИ-ориентированные платформы дистанционной работы устраняют географические и временные барьеры, расширяя доступ к глобальному рынку труда [1, с.249]. Это позволяет студентам предлагать услуги в программировании, дизайне и создании контента на международном уровне. Генеративные технологии ИИ (AIGC) снижают порог входа в бизнес, обеспечивая запуск цифровых продуктов и программного обеспечения с минимальными затратами. Интеграция ИИ с видеоконтентом и прямыми трансляциями на цифровых платформах способствует формированию личного бренда и диверсификации карьерных стратегий в глобальном масштабе.

Таким образом, с быстрым развитием ИИ и являясь основной рабочей силой будущего общества, студенты должны адаптироваться к технологическим трендам и эффективно использовать ИИ для оптимизации

своей профессиональной карьеры. Использование ИИ позволяет обогатить содержание планирования карьеры, внедрять инновационные методы и расширять возможности для роста профессиональной карьеры, предоставляя более точные и эффективные инструменты для развития карьеры. В условиях стремительного развития ИИ и больших данных необходимо развивать рациональное восприятие этих технологий, осознавая как их возможности, так и вызовы. Разумное применение ИИ для разработки научно обоснованных стратегий карьерного роста, улучшение профессиональных навыков и комплексных компетенций поможет повысить адаптивность к изменениям в обществе и стать высококвалифицированным специалистом, соответствующим требованиям нового времени.

Список литературы

1. Висаитова, Б. Х. Особенности процесса глобализации в мировой экономике / Б. Х. Висаитова, Г. Ш. Амерханова, Б. Л. Исакова // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 3, № 5. – С. 248–251.
2. Дун Шуо. Подготовка к карьере и адаптация студентов колледжей в эпоху искусственного интеллекта / Дун Шуо // Труды ежегодной академической конференции Ассоциации частного образования провинции Хэнань. – 2024. – № 3.
3. Лю Пэйру. Исследование формирования трудового мировоззрения студентов с точки зрения искусственного интеллекта / Лю Пэйру // Университет Шаньдун Цзяньчжу, 2024.
4. Мильнер, Б. З. Концепция управления знаниями в современных организациях / Б. З. Мильнер // Российский журнал менеджмента. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 57–76.
5. Минцаев, М. Ш. Технологии машинного обучения в современной образовательной среде /М.Ш. Минцаев, Э.Д. Алисултанова, И.Р. Усамов// Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 29–75.
6. Frank M. What to Do When Machines Do Everything: How to Get Ahead in a World of AI, Algorithms, Bots, and Big Data / M. Frank, P. Roehrig, B. Pring. – New Jersey: Wiley, 2017. –P.256.
7. Walton N. Artificial Intelligence Will Transform Labour Markets: Report / N. Walton. – The Oxford Analytica Daily Brief, 2014. – April 15. – P. 5–10.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Шаврова Ольга Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье определяются основные параметры деятельности университета в условиях становления и развития новой экономики. Анализируются актуальные модели и концепции высшего образования, в которых обосновывается первостепенное значение университета в развитии инновационно-ориентированного общества, его интегративная роль во взаимодействии образования, науки и инноваций. В ракурсе компетентностного подхода рассматривается вопрос о приоритетных задачах университетского образования в экономике знаний и инноваций.

Ключевые слова: университет; высшее образование; новая экономика; цифровизация; «тройная спираль» инноваций; «треугольник знаний»; компетентностный подход; универсальные компетенции.

TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY IN THE NEW ECONOMY

Shavrova Olga Gennadievna

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Associate Professor of the Department of
Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University

Abstract. This article examines the evolving role of universities amid the rise of the new economy. It explores modern models and concepts of higher education, emphasizing the university's central role in fostering an innovation-driven society and its integrative function at the intersection of education, research, and innovation. From the competency-based perspective, the study highlights the key priorities of university education in the context of a knowledge- and innovation-based economy.

Keywords: university; higher education; new economy; digitalization; "triple helix" model of innovation; "knowledge triangle"; competency-based approach; universal competencies.

В эпоху усиливающейся социальной турбулентности XXI века вопросы, касающиеся состояния и перспектив развития высшего образования, приобретают особую актуальность. Экономические, геополитические, демографические, технико-технологические и социокультурные изменения, происходящие в мире, определяют ключевые параметры трансформации современного образовательного пространства,

основные направления модернизации мировой и национальных систем высшего образования. В условиях становления и развития новой экономики, системообразующими элементами которой являются знания и инновации, человеческий капитал, научные достижения и высокие технологии, возрастают социальная ценность и личная значимость высшего образования. Конкретизируется представление о «третьей миссии» университета, предполагающей расширение его функций в таких направлениях, как генерация и практическое применение знаний, трансфер технологий в неакадемический сектор, развитие инноваций, социальная вовлеченность и социальная ответственность, укрепление сотрудничества с другими сферами инновационной деятельности. В контексте процессов информатизации и цифровизации с акцентом на адаптивные образовательные технологии оформляется идея «четвертой миссии» университета, которая реализуется посредством выполнения образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской функций с целью реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития [1, с.173 –174].

Ведущая роль системы высшего образования и университетов как наиболее значимых институциональных структур с точки зрения генерации и распространения знаний обосновывается в модели «тройной спирали» инноваций Г. Ицковица [2]. Модель отражает многомерные взаимосвязи, интерактивную координацию и сетевой характер взаимоотношений, образующихся в триаде «университеты – предприятия – государство», совместное действие которых направлено на создание динамичной инновационной среды и коммерциализацию высокотехнологичных разработок. Интегральный синергетический эффект спирали, звеньями которой являются наука, бизнес и властные структуры, проявляется в непрерывном обновлении и наращивании инноваций. Преобразование университетов из образовательных и научно-исследовательских структур в предпринимательские в условиях инновационно-ориентированной экономики сопровождается гибридизацией их функций и задач.

В модели «тройной спирали» подчеркивается необходимость тесного сотрудничества и взаимной координации образования, науки и инновационной деятельности, «третья миссия» университета определяется перспективой его преобразования в предпринимательскую структуру, которая должна стать источником роста экономики знаний и инноваций. Модель «тройной спирали» ориентирует создание университета нового типа, который занимает лидирующие позиции в обществе путем реализации

образовательной, научно-исследовательской и коммерческой миссий в непрерывном горизонтально-сетевом взаимодействии с другими звеньями спирали инноваций. Предполагается вариативность реализации данной модели как исходной матрицы возможных состояний экономических систем, конфигурация которых определяется социальным и культурным контекстом инновационных процессов. Подчеркивая возрастающую роль университетов в жизни современного общества, Г. Ицковиц пишет: «Модель тройной спирали – руководство к действию. Ее базовый принцип – рассмотрение университета как ключевого объекта» [3, с. 9].

Социально-экономическая роль высшего образования в условиях новой экономики определяется в том числе происходящим усилением предпринимательской активности современных университетов в контексте глобальной тенденции коммерциализации и коммодификации образования, распространения системы управления знаниями и инновационными процессами в высшей школе. Выполняя функцию «интегратора знаний», университет приобретает статус ведущего участника инновационного процесса и инновационной деятельности, осуществляемой в интенсивном взаимодействии образовательных и научно-исследовательских структур с бизнесом и производством. Развитие коммерческой составляющей деятельности университета, которая осуществляется на рынке образовательных услуг, научных разработок и инноваций, становится третьей целью, дополняющей цели развития образования и научных исследований. Новые форматы деятельности: предпринимательский, инновационный, сетевой, корпоративный, позволяют современным университетам становиться драйверами экономического роста и инновационного развития, учитывая их социальные функции и интегративный статус в экосистеме инноваций.

Роль университета как важнейшего субъекта производства знания и ведущего фактора социально-экономического развития исследуется в концепции «треугольника знаний», обосновывающей триединство и взаимосвязь образовательной, научной и инновационной деятельности. Отражая существенный вклад системы высшего образования в науку и создание инноваций, концепция «треугольника знаний» формализует связи между преподаванием, научными исследованиями и общественной деятельностью как основополагающими функциями университета. «Треугольник знаний» образуется в результате взаимодействия основных функций университета, которое осуществляется посредством двунаправленной циркуляции знаний между субъектами инновационного

процесса [4, с. 6]. Приоритетной задачей университета, согласно данной концепции, является интеграция и поддержание двусторонних каналов взаимодействия между сферами образования, науки и инноваций.

Концепция опирается на системный интеграционный подход к организации инновационных процессов, связывающий между собой три сферы: академические исследования и генерацию знаний, образование и подготовку высококвалифицированных кадров, а также бизнес-инновации. Университет рассматривается как основа «треугольника знаний», учитывая его интегративную роль и определяющее воздействие на динамику инновационного развития. М. Унгер, В. Полт пишут: «Университеты в качестве фундамента «треугольника знаний» вносят ключевой вклад в наполнение всех его составляющих. В зависимости от комбинирования видов деятельности, включая образовательную, научную и инновационную, они часто используют «треугольник знаний» как институциональный базис для имплементации основных миссий и формирования внутренней организационной структуры» [5, с. 12]. В концепции «треугольника знаний» акцентируется первостепенное значение университета во взаимодействии образовательной, научно-исследовательской и инновационной сферами деятельности. Подчеркивается, что стратегическая интерпретация данной концепции зависит от особенностей конкретной инновационной экосистемы и подходов к управлению наукой, технологиями и инновациями, существующими в той или иной стране.

Современная личностно-ориентированная парадигма образования в значительной степени сфокусирована на компетенциях, отражающих основные цели обучения с учетом насущных и перспективных потребностей рынка труда и запросов новой экономики. К числу приоритетных задач высшего образования в условиях новой экономики относится универсальность образовательного результата, предполагающая взаимосвязанность предметного знания и ключевых компетенций, рассмотрение компетенций как универсальных способов деятельности, актуализация которых определяется конкретными условиями социальной динамики. Универсальные, профессиональные и предметно-специализированные компетенции, представляющие собой основной результат обучения, создают необходимые предпосылки для реализации и востребованности будущего специалиста на рынке труда в стандартных и изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности, продолжения обучения на последующих уровнях высшего образования, и далее — непрерывного обучения на протяжении всей жизни.

В высшем образовании в целом прослеживается вектор «от обучения к учению», направленность на формирование творческой активности и инновационной восприимчивости, коммуникативных навыков, стремления личности к непрерывному образованию, способности к адаптации в быстро меняющихся условиях, взаимодействию с интеллектуальной средой и новейшими технологиями. Акценты все больше смещаются с передачи знаний на формирование умений и навыков ими пользоваться, с усвоения учебной информации на приобретение соответствующего опыта решения реальных практических задач. Особую актуальность для высшей школы при этом приобретает проблема оптимального сочетания фундаментального образования и профессионально-прикладной подготовки специалистов.

В эпоху глобальной информатизации и цифровизации реализация компетентностного подхода предполагает активное использование новых методов, форм и средств обучения, адаптивных образовательных технологий, цифровых инструментов и цифрового образовательного контента. Цифровая информационно-образовательная среда университета, организованная с учетом современных стандартов и технологий, создает необходимые условия для формирования ключевых универсальных компетенций будущего [6]. Новые образовательные технологии сегодня связаны с информатизацией и цифровизацией, они предполагают организацию процесса обучения в интерактивной сетевой среде, использование технологий виртуальной и дополненной реальности, возможностей искусственного интеллекта.

В условиях экономики, основанной на знаниях, значение университетского образования возрастает, принимая во внимание его вклад в воспроизводство высокоуровневого человеческого капитала как фактора положительной социально-экономической динамики. Социальная роль университета в развитии инновационно-ориентированного общества заключается в формировании всесторонне развитой личности, обладающей креативным и критическим мышлением, развитым чувством социальной ответственности и активной гражданской позицией. Вызовы современной эпохи обуславливают новые задачи университета, актуальные параметры его деятельности и возрастающую роль в жизни общества. Учитывая глобальный характер изменений, происходящих в современном мире, основные параметры трансформации процессов в сфере высшего образования, важно соотносить с мировыми образовательными трендами, тенденциями развития информационного общества, инновационной траекторией развития современной экономики.

Список литературы:

1. Фадеев, А.С. Модель университета 4.0 / А.С. Фадеев, О.А. Змеев, Т.Т. Газизов // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2020. – № 2. – С. 172–178.
2. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем упр. и радиозлектроники, 2010. – 237 с.
3. Ицковиц, Г. Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // Инновации. – 2011. – № 4. – С. 5–10.
4. Вонортас, Н. Роль университетов в «треугольнике знаний» / Н. Вонортас // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 6–8.
5. Унгер, М. «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия / М. Унгер, В. Полт // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 10–26.
6. Шаврова, О.Г. Универсальные компетенции будущего в контексте цифровой трансформации высшего образования / О.Г. Шаврова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В.А. Гайсенок [и др.]. Минск, 2023. – С. 239–245.

ПОСТГУМАНИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Шершнева Ольга Александровна,

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению феномена постгуманизма, бросающего вызов традиционным представлениям о человеческой исключительности и антропоцентризме. В фокусе анализа — трансформация понятия «человек» под влиянием технологических прорывов, таких как искусственный интеллект, биоинженерия, нейроинтерфейсы и киборгизация. Автор рассматривает, как постгуманизм переосмысливает границы между человеческим, машинным и природным, акцентируя этические, социальные и экологические последствия этих изменений. Особое внимание уделяется критике классического гуманизма, вопросам расширения возможностей тела и сознания и перспективам постчеловеческого будущего. Через синтез философских теорий демонстрируется, как постгуманизм становится ключевой оптикой для осмысления вызовов XXI века — от генной модификации до искусственного интеллекта.

Ключевые слова: человек; антропоцентризм; постчеловек; гуманизм; постгуманизм; киборгизация; виртуальное пространство; техногенное общество.

POSTHUMANISM AS A NEW FORM OF SOCIAL BEING

Shershnyova Olga A.

Senior Lecturer of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,

Belarusian State University

Annotation. The article is devoted to the philosophical understanding of the phenomenon of posthumanism, which challenges traditional ideas about human exceptionalism and anthropocentrism. The analysis focuses on the transformation of the concept of "human" under the influence of technological breakthroughs such as artificial intelligence, bioengineering, neural interfaces, and cyborgization. The author examines how posthumanism rethinks the boundaries between the human, the machine, and the natural, emphasizing the ethical, social, and ecological implications of these changes. Particular attention is paid to the critique of classical humanism, questions of expanding the capabilities of the body and mind, and prospects for a posthuman future. Through a synthesis of philosophical theories, it is demonstrated how posthumanism is becoming a key lens for understanding the challenges of the 21st century, from genetic modification to artificial intelligence.

Keywords: man; anthropocentrism; posthuman; humanism; posthumanism; cyborgization; virtual space; technogenic society.

Виртуальное пространство сегодня стало неотъемлемой частью человеческой жизни, трансформируя повседневность, коммуникацию, труд, образование и даже идентичность. Его влияние охватывает как индивидуальные практики, так и глобальные социальные процессы, формируя новые вызовы и возможности. Виртуализация – это уже не нечто эфемерное и непонятное, а реальность, с которой мы сталкиваемся каждый день через компьютерные игры, социальные сети, мессенджеры и т. д. Такое стремительное и коренное изменение стратегии развития общества не могло не отразиться на самом человеке. В условиях форсирования темпов распространения информации в обществе, роста скорости и объема информационных потоков, их влияния на жизнь людей, изменение характера и содержания информации, ее качества, а также методов, способов и форм ее получения, обработки и передачи, в обществе возникают новые риски и угрозы для человека.

Человек уже не существует отдельно от виртуального – он стал гибридным существом, чья жизнь разворачивается в пересекающихся мирах. Это требует переосмысления не только технологий, но и базовых ценностей: что значит быть человеком в эпоху, где граница между «онлайн» и «офлайн», между цифровым и физическим исчезает? В этом отношении следует обратиться к феномену постгуманизма, который предлагает новый взгляд на человека – не как властелина природы, а как часть сложной, взаимозависимой системы, где технологии становятся инструментом как освобождения, так и новых угроз.

Постгуманизм – это философское и культурное направление, которое ставит под сомнение традиционные представления о человеке как центре мироздания и предлагает переосмыслить его место в мире через призму технологий, экологии и взаимодействия с нечеловеческими формами жизни. Он отвергает антропоцентризм классического гуманизма (с его идеей превосходства человека над природой) и акцентирует взаимосвязь человека с технологиями, животными, машинами и окружающей средой.

Классический гуманизм, зародившийся в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.), базируется на антропоцентризме: признает человека высшей ценностью и мерой всех вещей, провозглашает человека творцом своей судьбы, акцентирует внимание на уникальности человеческой природы, ее свободной сущности, тем самым освобождает человека от средневековых

догм, провозгласив его разум и творчество главными инструментами познания мира. Вера в прогресс и превосходство человека над природой явилась основой классического гуманизма, идеи которого стали переосмысливаться в неклассическую эпоху, что и стало предпосылкой формирования постгуманизма.

Истоки постгуманизма уходят корнями в середину XX века, когда философская мысль, научные открытия и технологические прорывы начали подвергать сомнению традиционные гуманистические ценности. Это направление формировалось как реакция на кризис антропоцентризма, прогрессирующую техногенную трансформацию общества и осознание экологических катастроф.

Так, например, М. Хайдеггер утверждает, что классический гуманизм сводит человека к «разумному существу», игнорируя его связь с бытием. Это превращает природу в объект эксплуатации: «Гуманизм не ставит человечность человека достаточно высоко...сущность человека покоится в экзистенции» [3, с. 202].

Становление постгуманизма также связано с критикой идеи прогресса и кризисом рациональности эпохи Просвещения, которая в итоге обернулась технократическим угнетением, о чем Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения» говорили следующее: «Прогрессирующее господство над природой влечёт за собой прогрессирующее отчуждение человека от того, над чем он господствует» [5, с. 135]. Стремление к господству над природой через разум привело к порабощению самого человека, а технический прогресс и рациональность стали не средством освобождения, а механизмом контроля. Человек, подчиняя природу, сам превращается в объект манипуляции, а прогресс, основанный на «чистой рациональности», уничтожает критическое мышление и многообразие смыслов, создавая новую догматику.

М. Фуко в книге «Слова и вещи» заявил, что «человек — это изобретение недавнее» [1, с. 398], которое может исчезнуть, как только изменится структура знания, Ж. Деррида с его деконструкцией бинарных оппозиций (природа/культура, человек/животное) и Ж.-Л. Лиотар, объявивший конец «великих метанарративов» (включая гуманизм), заложили основу для отказа от человеческой исключительности. В дальнейшем работы по кибернетике (Н. Винер) и экологии разума (Г. Бейтсон) акцентировали внимание на стирании границ между живым и машиной, утверждая, что человек — часть саморегулирующихся систем.

В 1985 году Д. Харауэй опубликовала эссе «Манифест киборгов», где предложила киборга как метафору для преодоления бинарностей: «Мы все киборги. Кибернетический организм, гибрид машины и организма» [4, с.25]. По её мнению, современные технологии (медицина, интернет, генная инженерия) стирают границы между органическим и искусственным, превращая всех нас в киборгов — гибридных существ. Поскольку человек уже неотделим от технологий, и мы существуем в симбиозе с ними, то с позиции Д. Харауэй следует отвергнуть романтизацию «естественного» и принять гибридности как основу новой этики.

В 2000-х постгуманизм стал междисциплинарным полем, объединив философию, науку, технологии и экологию. Постгуманизм как междисциплинарное направление выходит за рамки традиционного гуманизма, рассматривая влияние технологий, науки и новых форм существования на человечество. Он возник не как единая теория, а как сеть идей, бросивших вызов господству человека над природой, техникой и самим собой. Его истоки — в страхе перед техногенной катастрофой, надежде на освобождение от биологических ограничений и осознании, что «человек» — лишь временная конструкция культуры. Сегодня это направление продолжает эволюционировать, отвечая на вызовы ИИ, климатического кризиса и цифровой революции.

Так появился постчеловек как радикальный вызов антропоцентризму, эра которого характеризуется киборгизацией (стирается грань между биологическим и искусственным), цифровизацией сознания (слияние разума с ИИ), гибридностью (симбиоз с нечеловеческим), множественностью идентичностей (фрагментарность и контекстуальная идентичность). Концепция постчеловека остается полем дискуссий между технооптимистами, критиками и теми, кто ищет новые формы гуманизма в эпоху алгоритмов. Тем не менее существуют риски, связанные с концепцией постчеловека, которые затрагивают этические, социальные, экзистенциальные и технологические аспекты человеческого существования.

Среди угроз, связанных с постчеловеком и постгуманизмом, которые создают новые вызовы для будущего, можно выделить следующие: чрезмерная интеграция с технологиями, что может привести к потере эмпатии, творчества, духовности (дегуманизация); технологическое неравенство (раскол общества); экзистенциальные проблемы (непредсказуемость ИИ, потеря автономии); экологические риски (генетические эксперименты, зависимость от инфраструктуры);

психологические угрозы (одиночество, отчуждение, синдром «потери тела») и др.

Опасность постгуманизма – не в самих технологиях, а в отсутствии этических и культурных рамок для их интеграции. Чтобы избежать катастрофы, необходимо сохранять критический взгляд на технологии, не превращая их в новую религию, развивать «новый гуманизм», который включает права нечеловеческих агентов, но не отменяет ценности человеческого опыта, а также создавать законы, регулирующие генную инженерию, ИИ и нейроинтерфейсы.

Как отмечал философ Ю. Хабермас, технологическое вторжение в человеческую природу угрожает нашей способности быть авторами собственной жизни [2]. Постгуманизм должен стать не разрывом с человечностью, а её эволюцией – осознанной и ответственной. Говоря о перспективах постчеловеческого будущего, нужно понимать, что его можно рассматривать как утопию и антиутопию одновременно в зависимости от того, как человечество распорядится технологиями. Оно открывает как огромные возможности, так и несет с собой серьёзные риски. Поэтому и сценариев будущего может быть, как минимум два: оптимистичный (постчеловечество станет следующим этапом эволюции, где технологии позволят преодолеть болезни, старение, экологические кризисы и даже смерть, где человек станет творцом своей судьбы, объединившись с природой и машинами) и пессимистичный (технологии приведут к новым формам неравенства, порабощения и экзистенциальных угроз, а человечество потеряет себя в погоне за прогрессом, став заложником собственных изобретений).

Будущее постчеловека – это не предопределённость, а выбор. Чтобы реализовать его позитивный сценарий, необходимо развивать технологии с учётом этики и экологии, сохранять гуманистические ценности, даже в мире машин, участвовать в глобальном диалоге о том, каким должно быть наше будущее. Мы должны быть не пассивными наблюдателями, а активными архитекторами постчеловеческого будущего. Это особенно актуально в эпоху быстрого развития ИИ, генной инженерии и других технологий, которые могут как спасти, так и уничтожить человечество.

Список литературы

1. Фуко, Мишель. Слова и вещи: Археология гуманитар. наук: Пер. с фр. / Мишель Фуко; [Вступ. ст. Н. С. Автономовой, с. 7-27]. — СПб.: А-сэд: АОЗТ «Талисман», 1994. — 405.

2. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2002. — 144 с.

3. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. — 447 с.

4. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. А. Гараджа. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 128 с.

5. Хоркхаймер, М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Перевод с немецкого М. Кузнецова М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.

НАРРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИМИНАЛЬНОСТИ

Шиханцова Дарья Александровна,

аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и
социальных наук,

Белорусский государственный университет

Аннотация. В публикации автор выделяет такие свойства современного общества, как неустойчивость, высокая социальная мобильность и разнообразие социальных ролей и форм коммуникации. Лиминальность является пороговым явлением, в контексте которого идентичность человека особенно неустойчива. Целью лиминальности определяется обеспечение социальной мобильности через реконструкцию смыслов, которая достигается путём реализации функций нарративной коммуникации. Нарративная коммуникация реализуется через такие функции, как познавательная, коллективного воспроизводства смыслов и значений, включения индивида в социум, обучающая, индивидуализации, группообразования, социального контроля, адаптационная. Приводятся результаты исследования, согласно которым нарративная коммуникация обеспечивает безопасное пространство смыслов, в рамках которого лиминальный субъект трансформируется и реконструирует мировоззрение, обретая новую социальную роль и идентичность.

Ключевые слова: лиминальность; лиминальный субъект; транзитивность; нарративная коммуникация; смыслообразование.

NARRATIVE COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF LIMINALITY

Shykhantsova Darya A.

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Methodology of Science,
Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

Abstract. In the publication, the author highlights such characteristics of modern society as instability, high social mobility, and a variety of social roles and forms of communication. Liminality is a threshold phenomenon in the context of which a person's identity is particularly unstable. The purpose of liminality is to ensure social mobility through the reconstruction of meanings, which is achieved by implementing the functions of narrative communication. Narrative communication is implemented through such functions as cognitive, collective reproduction of meanings and relevance, inclusion of an individual in society, educational, individualization, group formation, social control, adaptive. The results of the study are presented, according to which narrative communication provides a safe space of

meanings, within which the liminal subject transforms and reconstructs his worldview, acquiring a new social role and identity.

Keywords: liminality; liminal subject; transitivity; narrative communication; sense formation.

Современное общество обладает характеристиками транзитивности и плюрализма, что значительно выражается в особенностях массовой коммуникации. Субъекты коммуникации равны, что особенно ясно прослеживается в социальных сетях, где иерархичность стирается. Цифровое поле создало площадку для коммуникации как самоорганизующейся системы. Каждый субъект коммуникации проявляет свою личную свободу в создании и потреблении контента, что является решающей потребностью большинства людей, открывающих социальные сети.

В обществе столь высокой динамичности особенно острым становится вопрос влияния лиминальности на человека.

Понятие лиминальности является дискуссионным по ряду причин, в первую очередь это связано с тем, что понятие не обладает широкой теоретической базой, и его дефиниции часто разрознены. Термин «лиминальность» был сформулирован в контексте антропологических исследований А. ван Геннепа, и на данный момент используется в ряде социальных наук.

Лиминальность обозначает себя там, где субъект обряда перехода вступает в пространство неустойчивой идентификации. Во время промежуточного, лиминального периода особенности ритуального субъекта двойственны. Он проходит через ту область культуры, у которой очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния [1, с. 168].

Выступая как пороговое явление, лиминальность характеризуется амбивалентностью. Подобно порогу или границе, лиминальность обеспечивает социальную мобильность через сакральный ритуал, четкость которого с усложнением социальной жизни была утрачена. Влияние присущих лиминальности состояний способно воссоздать определенные экзистенциальные трудности для субъектов, будь то личность или общество в целом [2, с. 103].

Ключевой целью лиминальности является обеспечение социальной мобильности через реконструкцию смыслов, которая достигается путём реализации функций нарративной коммуникации.

Суть нарративной коммуникации в воспроизводстве культурных смыслов и значений жизненного мира человека, в поддержании смыслового единства и преемственности его жизнедеятельности [3, с. 9]. В первую очередь нарративная коммуникация выражается в повседневных диалогах, тем самым охватывая всё существование человека.

Можно выделить следующие функции нарративной коммуникации: познавательную, коллективного воспроизводства смыслов и значений, включения индивида в социум, обучающую, индивидуализации, группообразования, социального контроля, адаптационную [3, с. 9]. В области лиминальной трансформации особенно характерно выражены такие функции, как обучающая, индивидуализация, социальный контроль, адаптация.

Обучающая функция нарративной коммуникации выражается в предложении схемы трансформации лиминального субъекта, тем самым реализуя ритуальную часть лиминального перехода. В контексте обучения лиминальный субъект переосмысляет своё место в обществе и мире в целом, изучая возможные роли, которые могли бы удовлетворить трансформирующегося субъекта.

Функция индивидуализации обеспечивает лиминального субъекта способностью к самовыражению, личному устремлению в ходе трансформации. Индивидуальные проявления субъекта не стираются, но напротив создают основу для осмысленной трансформации в новую социальную роль. Также личный опыт человека становится основой для смыслопорождения, что является частью лиминальной фазы.

Функция социального контроля обеспечивает лиминальный субъект пониманием необходимости лиминального перехода, а также ограничений, которые установлены общественными нормами. Это давление, которое реализует не сам субъект лиминальности, но субъекты вне-лиминального пространства. Например, такой лиминальный ритуал, как свадьба, в контексте социального контроля нарративной коммуникации требует от субъекта принятия таких ценностей, как верность и ответственность. Очевидно, это не является обязательно принятой нормой, однако общественное давление склоняет человека к конкретной модели поведения.

Функция адаптации обеспечивает коммуникативное пространство для включения индивида в общество по завершении лиминального периода. В процессе переосмысления своей роли в обществе, которое происходило в период лиминальности, субъект обогащает свой коммуникативный

контекст, наполняя его терминами, символами, нормами той социальной группы, к которой он примкнет по завершении лиминального периода.

Социальные группы, переживая лиминальность, лишаются своей иерархичности и понимания собственных границ. Подобный опыт влечет за собой риски в виде утраты самобытных культур, разрушения идентичности субкультур, хронической «неукорененности» индивидов в обществе и прочее. Одновременно лиминальность привносит в общественную жизнь новые субкультуры, формы искусства, перспективные междисциплинарные исследования, креативный политический и культурный опыт [2, с. 108].

Лиминальность создает потенциал к трансгрессии, т. е. реконструкции культурного образца через нарушение признанных нормативных (сакральных) границ в обществе [4, с. 75]. Поэтому нарративная коммуникация выступает относительно безопасным пространством смыслов, деликатно трансформирующем лиминального субъекта для достижения новой социальной роли.

В заключение можно отметить следующее. В условиях динамичного трансформирующегося общества границы лиминальности стираются и лиминальный опыт проникает в повседневный опыт человека. Поскольку лиминальность является контекстом реконструкции смыслов и идентичности, нарративная коммуникация обеспечивает смысловое пространство, позволяющее лиминальному субъекту трансформироваться посредством смены используемых норм, символов, ролей. Таким образом, нарративная коммуникация вплетает лиминальность в повседневные реалии, обеспечивая возможность безопасных трансформаций субъекта.

Список литературы

1. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. — М.: Наука, 1983. — 277 с.
2. Шиханцова, Д. А. Реконцептуализация лиминальности в современном социальном дискурсе / Д. А. Шиханцова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2025. — №1 (168). — С. 103-110.
3. Шуклина, Е. А. Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики / Е. А. Шуклина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2016. - №2 (41). — С. 7-24.
4. Катерный, И. В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы / И. В. Катерный. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 352 с.

**СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 90-
ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА С.Д.ЛАПТЁНКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ТРЕНДЫ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ОРГАНИЧЕСКОЕ
СОЧЕТАНИЕ ЭТИКИ, СОЦИОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ**

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИКИ СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Д.ЛАПТЁНКА

Беляева Елена Валериевна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Во всем творчестве С. Д. Лаптёнка сохраняются принципиальные теоретико-методологические установки исторического материализма и такие нравственные основы советской семьи, как любовь, гендерное равноправие, главенство воспитательной функции семьи. Эволюция этики семьи выражается в том, что проблемное поле семейной этики расширяется, актуализируется ее зависимость от социальных, правовых и психологических обстоятельств, развивается категориальный аппарат, исследование образа жизни семьи позволяет выявить ее проблемы и предложить способы их решения.

Ключевые слова: этика семьи; советская этика; духовно-нравственные ценности; С. Д. Лаптёнок.

**EVOLUTION OF FAMILY ETHICS IN THE WORKS OF
S.D.LAPTYONOK**

Belyaeva Elena V.

ScD in Philosophy, Docent, Professor of the Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. In all the works of S. D. Laptenok, the fundamental theoretical and methodological principles of historical materialism and such moral foundations of the Soviet family as love, gender equality, and the primacy of the educational function of the family are preserved. The evolution of family ethics is expressed in the fact that the problematic field of family ethics is expanding, its dependence on social, legal, and psychological circumstances is being actualized, the categorical apparatus is developing, and the study of the family's lifestyle allows us to identify its problems and propose ways to solve them.

Keywords: family ethics; Soviet ethics; spiritual and moral values; S. D. Laptenok.

Советская этика, отделенная от современности десятилетиями, вновь стала привлекать внимание исследователей по ряду причин. Одна из них – стремление перейти от оценочных высказываний к рассмотрению специфики советского наследия, его научного вклада в анализ проблематики, которая до сих пор не утратила актуальности. К числу таких проблем относятся нравственные проблемы семьи и брака, обсуждение которых остается значимым, так как «кризис семьи» давно стал перманентной характеристикой социальной динамики, а выявление его причин остается важнейшей задачей, и для улучшения социального управления, так и для решения моральных проблем конкретных людей, находящихся в семейных отношениях.

В этом плане творчество Сергея Даниловича Лаптёнка – видного белорусского этика советской эпохи – представляется весьма показательным. От кандидатской диссертации «Нравственные основы советской семьи» (1963) [1] до докторской диссертации «Социально-этические проблемы семейно-брачных отношений в период развитого социализма» (1985) [2] автор прошел большой путь, и его философские взгляды на нравственные проблемы семьи эволюционировали вместе с самой советской семьей. Поэтому имеет смысл сравнить проблемное поле, способ постановки проблем, особенности категориального аппарата и нормативные установки в ранних и поздних работах С. Д. Лаптёнка, показать эволюцию этики семьи в его творчестве, что и является целью данной статьи.

Возможность обращения к этической проблематике в Советском Союзе 1960-х гг. была обусловлена принятием новой программы Коммунистической партии, включавшей Моральный кодекс строителя коммунизма. В результате этическая проблематика отделилась от политической и стала самостоятельным предметом исследования.

Теоретико-методологическим основанием любого рассуждения в советской философии был марксизм-ленинизм, а при анализе социальных явлений такой базой выступал исторический материализм, в котором наряду с тезисом об определяющей роли базиса по отношению к надстройке развивался и тезис об относительной самостоятельности сфер общественного сознания, что позволяло рассматривать мораль как специфическую область духовно-практического освоения мира. Суждения о нравственном мире семьи развивались в рамках данной парадигмы.

В диссертации и монографии С. Д. Лаптёнка 1960-х гг. доминирует изложение идеологических оснований этики, закладывание марксистского

фундамента этического анализа. В 1980-х гг. эти тезисы стали теоретическими самоочевидностями, а проблемное поле было дополнено рассмотрением психологических и правовых проблем семьи и конкретными данными социологических исследований. Нравственный мир советской семьи эксплицировался уже не в контексте политинформации, а в контексте реальных социальных процессов.

Сравнение тем кандидатской и докторской диссертаций С. Д. Лаптёнка свидетельствует, что на ранней стадии было возможно дать только самый общий абрис данной проблематики. Формулировка «Нравственные основы советской семьи» позволила автору обозначить общую схему данного проблемного поля. Формулировка же темы докторской диссертации «Социально-этические проблемы семейно-брачных отношений в период развитого социализма» содержит целый ряд важных подробностей.

Во-первых, словосочетание «социально-этические» показывает, что семья – это социальная ячейка общества, ее необходимо исследовать методами социологии, и знание социальных процессов в семье позволит более полно понять и эффективно урегулировать нравственные проблемы семьи. Во-вторых, разговор о «семейно-брачных отношениях» акцентирует внимание на связи морали и права, на том, что нравственные отношения в семье укрепляются с помощью института брака, правовое регулирование которого способствует преодолению определенных проблем. В-третьих, в диссертации речь идет не просто о советской семье, а о семье в период развитого социализма, что позволяет показать эволюцию и самой семьи, и ее нравственных аспектов, сделать значимые научные выводы. Наконец, в-четвертых, следует обратить внимание на слово «проблемы». Если на ранней стадии рассмотрения у советской семьи были «основы», «устои» и «принципы», то теперь и сам институт семьи оказался проблематизированным, и исследователь перешел от умозрительных констатаций должного положения вещей к анализу трудностей в достижении должного, к размышлению о том, какое, собственно, нравственное состояние семьи является должным на новом этапе развития советского общества – при развитом социализме.

В кандидатской диссертации автор посвятил много места критике частнособственнической и эксплуататорской природы буржуазной семьи, а также «преодолению пережитков прошлого в быту», под которыми понимались религиозные ритуалы и нравственные установки, противоречащие активной трудовой и политической жизни советского

человека. Источник проблем семьи виделся в прошлом и со временем утрачивал силу. Проблемы же, выявленные автором в докторской диссертации, были порождены процессами уже в собственно советской семье. Растущее благосостояние, повышение роли женщины в обществе, увеличение числа образованных людей и сокращение числа детей – таковы были социальные изменения, вслед за которыми появились и новые нравственные проблемы, с которыми семьи послевоенного периода не сталкивались. Разрешение внутрисемейных противоречий и оздоровление морально-психологического климата в быту стали рассматриваться как первоочередные задачи улучшения семейной жизни [2, с. 9].

Между тем советский характер рассуждений автора сохраняется на протяжении всей его творческой биографии, в его работах «отличительной особенностью советской семьи является то, что она представляет собой ячейку социалистического общества» [3, с. 51]. Автор приводит множество положительных примеров нравственной семейной жизни, начиная от К. Маркса и российских революционеров и заканчивая видными советскими деятелями. Все они демонстрируют определенную «безбытность» семейной жизни, презрение к ее материальным основам, ориентацию на чисто идейную и духовную общность, которую не могут разрушить ни расставания, ни другие жизненные препятствия.

Общими во всех работах С.Д. Лаптёнка остаются некоторые нравственно принципиальные вещи, значимость которых трудно переоценить. Во-первых, даже в первой диссертации автор подчеркивает значимость духовно-нравственных процессов в семье, утверждает, что моральное состояние семьи оказывает сильнейшее влияние на общественную жизнь, происходит «усиление нравственных начал в семейной жизни» [1, с. 22]. И в докторской диссертации он развивает положение «о качественных изменениях в семейном бытии, приведших к усилению духовно-нравственных процессов в семейно-брачных отношениях» [2, с. 9]. Таким образом, автор уходит от вульгарного материализма, обосновывает значимость своего предмета исследования.

Во-вторых, нравственной основой семьи провозглашается любовь. В социологических опросах 1960-х гг. около 95% молодоженов в качестве мотива заключения брака называли любовь [3, с. 120]. «При социализме чувство любви развивается между мужчиной и женщиной, которые равны, свободны и являются нравственно развитыми личностями» [4, с. 60]. Хотя у семьи можно выделить такие функции, как хозяйственно-бытовая, прокреативная, организации досуга, однако главная функция –

воспитательная — является чисто моральной. Семья — именно тот социальный институт, который «производит мораль», в том числе занимаясь нравственным воспитанием детей. Основные функции брака также по преимуществу нравственные: «обеспечение интимно-сексуального и личного, неформального общения, удовлетворение потребности в эмоциональной привязанности и любви [4, с. 87].

В-третьих, следует отметить, что автор посвящает много внимания проблемам, связанным с местом и ролью женщины в семье. С одной стороны, советская идеология и законодательство провозглашали равенство женщины и мужчины, что было ценным социальным завоеванием. В нравственном отношении речь шла о равных правах, равных обязанностях. С другой стороны, фактическое положение женщины в семье сохраняло черты угнетения. «Женщины загружены домашним хозяйством в 2-3 раза больше по сравнению с мужчинами», — писал автор в монографии 1967 г. [3, с. 101]. Уже в те годы стала проявляться тенденция к сокращению рождаемости, однако происходило также сокращение смертности и увеличение продолжительности жизни, поэтому демографическая картина оставалась позитивной, однако «моральное стимулирование родительства» уже рассматривалось как значимая задача [4, с. 126].

Таким образом, во всем творчестве С.Д.Лаптёнка сохраняются принципиальные теоретико-методологические установки исторического материализма и такие нравственные основы советской семьи, как любовь, гендерное равноправие, главенство воспитательной функции семьи. Эволюция этики семьи выражается в том, что проблемное поле семейной этики расширяется, актуализируется ее зависимость от социальных, правовых и психологических обстоятельств, развивается категориальный аппарат, исследование образа жизни семьи позволяет выявить ее проблемы и предложить способы их решения.

Список литературы

1. Лаптёнок, С. Д. Нравственные основы советской семьи : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Сергей Данилович Лаптёнок ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1963. — 24 с.
2. Лаптёнок, С. Д. Социально-этические проблемы семейно-брачных отношений в период развитого социализма: автореф. дис. ... д-р. филос. наук : 09.00.05 / Сергей Данилович Лаптёнок ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1985. — 43 с.
3. Лаптёнок, С. Д. Мораль и семья / С. Д. Лаптёнок. — Минск : Наука и техника, 1967. — 246 с.

4. Лаптёнок, С. Д. Советская семья: социально-этические проблемы / С. Д. Лаптёнок. – Минск : Беларусь, 1985. – 176 с.

НА ВОЛНАХ КРИЗИСА МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Берков Владимир Федотович,

доктор философских наук, профессор

Аннотация. Задача данной работы – дать анализ кризиса методологии современного исторического познания. При этом: а) в качестве методологического фундамента исследования избирается марксистский деятельностно-практический принцип; б) исторический процесс рассматривается как прошедшая практическая деятельность (практика); в) историческое познание трактуется как отображение этого процесса в научных понятиях.

Ключевые слова: история; историческое познание; кризис его методологии; практика; марксизм, деятельностно-практический принцип.

ON THE WAVES OF THE CRISIS OF THE METHODOLOGY OF MODERN HISTORICAL COGNITION

Berkov Vladimir Fedotovitch,

Doctor of Philosophy, Professor

Abstract. The task of this paper is to analyze the crisis of the methodology of modern historical cognition. In this case: a) the Marxist activity-practical principle is chosen as a methodological foundation of the research; b) the historical process is considered as a past practical activity (practice); c) historical cognition is treated as a display of this process in scientific concepts.

Keywords: history; historical cognition; crisis of its methodology; practice; Marxism, activity-practical principle.

Для решения задач данной статьи необходимо прежде всего уточнить важнейшие ключевые термины, в частности, «история» и «историческое познание».

В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова выделяется семь значений слова «история». Воспользуемся формулировкой, где история трактуется как «действительность в ее развитии, движении» [1, с. 222]. Великие философы обычно не отвергали этой формулировки, но наполняли ее разным и, неизменно, собственным содержанием. Г. Гегель считал действительность воплощением деятельности разума, Л. Фейербах отождествлял ее с чувственно-данном, у С. Кьеркегора она – субъективная вера, у А. Шопенгауэра – волевой акт и т. д.

Но мы последуем за фигурирующим в философской литературе толкованием действительности как *практической деятельности, практики*. Такая интерпретация характерна для марксизма. В частности, в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс критиковал предшествующий материализм за то, что предмет, действительность берется только в форме *объекта*, в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность практика*, не субъективно [2, с. 1]. Дальше эта мысль развивается Ф. Энгельсом в «Диалектике природы». Там находим, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [3, с. 545].

Категория практики и органически связанный с ней деятельностно-практический принцип использовались и развивались в трудах ряда советских исследователей. Среди них почетное место занимает В. С. Стёпин. В совместном исследовании с Л. М. Томильчиком им показано, что принципы и способы построения физической теории могут быть осмыслены с позиций теории отражения и, в частности, ее фундаментальной идеи о практической природе познавательных процессов [4, с. 2]. Но работа не завершена. В силе остается программный ориентир, заключенный в следующей оценке Ф. Энгельсом «Тезисов о Фейербахе»: это «первый документ, содержащий в себе зародыш нового мировоззрения» [5, с. 371]. Многие вопросы (например, о схемах практики в социально-гуманитарном, в том числе историческом, познании, о социокультурном влиянии на развитие исторической науки, о критериях выбора объектов социальной памяти и др.), требуют дальнейшей теоретической разработки.

В структуре простейшего акта практической деятельности, (трудового действия), допустимо различать следующие элементы:

- а) ее субъект, деятель (он представляется принадлежащими ему ценностными регулятивами, идеологическими установками, психологическими качествами и пр.);
- б) преследуемая субъектом цель (как идеальный образ продукта деятельности);
- в) соотносимые с целью средства, операции с ними;
- г) предмет, то есть непосредственный материал, готовый к обработке и преобразованиям в заданном направлении;
- д) результат.

Эту пятичленную модель иногда упрощают – сообразно насущным потребностям – до трехчленной (средства – цель – результат). Тогда в числе средств оказываются сам субъект практической деятельности и ее предмет. Для крестьянина (как субъекта), обрабатывающего поле (предмет) на тракторе (средство), чтобы в конечном счёте получить урожай (цель), он сам, его трактор вместе с полем – не иначе как определенное средство.

При более общем подходе к средствам можно отнести всё то, что так или иначе служит достижению поставленной цели. Это не только «вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет» [6, с. 190], не только «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться» [6, с. 191], но и регулятивы идеального плана (образцы, методы, социокультурные ориентиры, средства понимания, оценки, контроля, санкционирования производственных операций и процедур и т.д.).

Практическая деятельность в целом – это временная последовательность ее простейших актов, где достигнутый результат неоднократно, но всегда на новой основе становится средством для достижения новой цели.

Отношение средства, цели и результата принадлежит классу причинно-следственных отношений. В познавательном процессе в качестве непосредственной причины выступает средство, а следствие приобретает форму идеально положенного в виде цели результата.

По хорошо известным словам В. И. Ленина, «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [7, с. 172]. В этих словах кроется объяснение того, почему наша «фигура»-пятичленка проявляет себя не только в объективном мире, но и в сфере познания.

Если речь идет о цели научного познания, то следует иметь в виду, что одной из важных ее специфических черт (по сравнению, например, с производственной или управленческой деятельностью) является представление полагаемого ею результата в весьма общих, неопределенных чертах, предвосхищение ее в недостаточной степени. Фактически цель задается множеством целей и означает направление поиска научной истины, но еще не саму истину. Лишь одна из целей может совпасть с конечным результатом.

Формой предъявления каждого акта познавательной (исследовательской, образовательной и пр.) деятельности является вопрос – языковое выражение, фиксирующее требование к устранению неопределенности в знании или понимании некоторого предмета. Всякий вопрос соотносится с отдельным элементом нашей практической модели: что представлял собой субъект познания в социокультурном измерении? Каковы его цели? Какими средствами (достаточными, необходимыми) он вооружен? К каким результатам (новым знаниям) пришел? И т.д. Создание научного текста с необходимостью связано с решением такого рода вопросов.

Средства познания как бы угасают в получаемом результате, кристаллизуются в нем (но уже не «в форме деятельности», а «в форме объекта»). Бывает, что при дальнейшем использовании результат начинает жить самостоятельно, вне связи со средствами, его породившими.

При анализе феномена исторического познания, естественно, отметить его общие и специфические признаки. К общим, то есть к тем, которые присущи не только историческому, но и любому иному познанию – физическому, биологическому, экономическому и пр., относятся:

- а) его объективная истинность,
- б) его логическая обоснованность.

Существует ряд признаков, производных от основных. Таковыми являются: системность познавательного процесса, его сущностность, опережение практики, общезначимость, употребление специального (искусственного) языка. Мыслить научно – значит учитывать эти признаки (основные и производные) в качестве обязательных оценочных ориентиров.

Историческое познание есть разновидность научного. Касаясь его специфических признаков, то есть таких, которые принадлежат только ему, обратим внимание на его атрибутивное свойство – на обращение к прошлому, на жизнь и действие в нем при сохраненности в человеческой памяти. Образование – важнейшая сфера исторического познания.

На фоне справедливых высказываний о значимости истории как науки произошел отказ от принципа объективности исторического знания, от поиска критериев его истинности. Под лозунгом деидеологизации игнорируется марксистская концепция материалистического понимания исторического процесса. В противовес ей навязываются методологические установки, почерпнутые из ресурсов давно изжившего себя позитивизма и представленные в гляцевых упаковках постмодернизма,

постструктурализма, деконструктивизма и пр., которые якобы не только новы, но и более прогрессивны. Теперь, оказывается, незачем вскрывать глубинные причинно-следственные связи событий, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т.д. Достаточно простого предъявления сведений о событиях, именах, датах. Не надо ходить за примерами, подтверждающих описанную ситуацию.

Перед нами книга Пурышевой Н.М. «История Беларуси. Школьный курс в кратком изложении». Это учебное издание. Аннотация сообщает, что «пособие позволяет в сжатые сроки повторить школьный курс истории Беларуси и полностью соответствует содержанию и требованиям школьной программы» [8, с.2]. Далее, во Введении, читаем: «Отличительной особенностью данного пособия является его максимальная приближенность к содержанию учебников и учебных пособий, созданных для образовательных учебных заведений» [8, с. 3].

Стало быть, данная книга – претендент хотя и на краткое, но довольно полное освещение отечественной истории, и по ней (по книге) можно компетентно судить об уровне преподавания этой дисциплины в любом среднем учебном заведении.

Показателен второй раздел этой книги «Белорусские земли во второй половине XIII – первой половине XVIII в.». Прочитав соответствующее место: «ВКЛ складывалась как балто-славянское политическое объединение в форме своеобразной федерации. Ядром этого государства были восточнославянские («русские») земли. ... В государстве господствовала литовская династия. В «русских» княжествах, как правило, престол занимали ближайшие родственники великого князя. ... Русская знать входила в состав совета при великом князе (с конца XIV в. – «паны-рада»), но литовская знать численно преобладала в органах государственного управления и в войске. В то же время экономический и культурный облик ВКЛ определяли восточнославянские земли, которые составляли 9/10 территории и 8/10 населения государства» [8, с. 25-26].

Итоги «просеивания» этого материала через нашу «фигуру»-пятичленку делают очевидным тот факт, что это сообщение о результатах исследования, но не о его процессе. История как деятельность преследующего свои цели человека здесь не представлена. Этот недостаток характерен и для всей книги в целом, а также для большинства учебных пособий не только по истории, но и по большинству общественных дисциплин.

Список литературы:

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. / С.И. Ожегов. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
2. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., Издание второе. - М.: Госполитиздат, 1955, т. 3. - 629 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., Издание второе. – М.: Госполитиздат, 1961, Т. 20. – 828 с.
4. Степин, В.С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики / В.С. Степин, Л.М. Томильчик – Минск: Издательство «Наука и техника», 2015. – 96 с.
5. Энгельс, Ф. Предисловие к книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., Издание второе. – М: Госполитиздат, 1961, т. 21. - 746 с.
6. Маркс, К. «Капитал» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., Издание второе. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 23. – 840 с.
7. Ленин, В.И. Философские тетради / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1977, т. 29. – 643 с.
8. Пурышева, Н. М. История Беларуси. Школьный курс в кратком изложении / Н.М. Пурышева, М.И. Старовойтов. – 3-е издание, исправленное. – Минск: «Тетралит», 2022. – 240 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Беркова Ольга Владимировна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Бизнес-администрирование»
факультета менеджмента, маркетинга, предпринимательства,
Белорусский национальный технический университет

Аннотация. В статье анализируется весь спектр экономических наук с точки зрения использования ими междисциплинарного подхода. Делается вывод о слабом применении данного подхода большинством из них. Показано также, что в таких направлениях экономической науки как микро- и макроэкономика, исследования представлены более результативно и более эффективны для практического применения результатов.

Ключевые слова: экономические науки; политэкономия; микроэкономика; макроэкономика; междисциплинарный подход.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN ECONOMIC SCIENCE

Berkova Olga Vladimirovna,

candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department "Business Administration" of the Faculty of Management, Marketing,
Entrepreneurship Belarusian National Technical University

Abstract. The article analyzes the whole range of economic sciences from the point of view of their use of interdisciplinary approach. The conclusion is made about the weak application of this approach by the majority of them. It is also shown that where this approach is applied in such directions of economic science as micro- and macroeconomics, the research is more effective and more efficient for practical application of the results.

Keywords: economic sciences; political economy; microeconomics; macroeconomics; interdisciplinary approach.

Междисциплинарный подход в экономической науке пока не находит широкого применения. Несмотря на впечатляющее количество диссертационных исследований по экономическим наукам (а за последние семь лет в нашей стране их было представлено к защите более двухсот), подавляющее большинство их них характеризуется узкоспециализированной направленностью.

Однако здесь необходимо внести ясность в само понятие «экономическая наука». Дело в том, что сама экономическая наука представляет собой весьма многоплановое явление. Экономические науки делятся по признаку объекта исследования на конкретно-экономические (экономика отраслей, экономика предприятий и т.п.), информационно-аналитические (статистика, экономико-математические методы, анализ хозяйственной деятельности и т.п.), историко-экономические (история экономической мысли, история народного хозяйства) и те, которые изучают экономику особых экономических форм и организаций (финансы, кредит, экономика природопользования и др.) [1, с. 27].

Все эти науки обязаны использовать точные показатели и опираться на четко выверенные данные, необходимые для анализа и рекомендаций по дальнейшей практической деятельности. Поэтому все эти науки очень близки к определенным разделам математики, и в определенной степени их можно назвать математическими.

Другое дело – наука, известная под названием «политэкономия», которая, правда, с начала 1990-х гг. присутствовала на постсоветском пространстве под названием «общая экономическая теория», и только последние два-три года вернулась в Беларусь как «Современная политэкономия».

Во всем спектре экономических наук политэкономия всегда являлась его своеобразным ядром, методологической основой конкретно-экономической исследований и даже своеобразной философией экономического знания.

Эта наука всегда относилась к классу наук об обществе, и соответственно, поскольку общество как таковое относится к сложным, открытым, саморегулирующимся и саморазвивающимся системам, не могла изучать только четко выверенные и точно рассчитанные экономические показатели. В подобных системах все подсистемы (в данном случае и хозяйственная, и политическая, и духовно-ценностная) взаимосвязаны и взаимозависимы. Поэтому хозяйственная подсистема жизни общества (экономика) должна рассматриваться во взаимосвязи с другими факторами, влияющими, а порой и определяющими ее развитие: политикой, идеологией, правом, моралью и др. Такой подход позволяет не только дать описание той или иной социально-экономической системе, но и объяснить специфику ее функционирования, а также дать прогноз о возможных сценариях ее дальнейшего развития.

Первым официальным примером междисциплинарного подхода в политэкономии является ее институционально-социологическое направление, представителями которого являются Т. Веблен, Дж. Комонс, У. Митчелл, Дж. Гэлбрейт. Название направления, которое в современном исполнении звучит просто как «институционализм», происходит от латинского слова «*institutum*» – установление, устройство, учреждение. Все ее сторонники рассматривают экономику как систему, где отношения между хозяйствующими субъектами складываются под влиянием как экономических, так и внеэкономических факторов [2, с. 3]. Так, представитель социально-психологического направления в институционализме и его, по сути, родоначальник Т. Веблен в своей книге «Теория праздного класса» (1899) выступил против теории маржинализма, получившей развитие как раз в последней трети XIX века и утверждавшей, что поведение человека рационального можно описать математически, с помощью уравнений.

Т. Веблен показал, что люди, например, в своем потреблении чаще иррациональны, чем рациональны. Рядовой потребитель не рассуждает так, как обычно, по утверждению маржиналистов, думает «человек экономический» – поменьше затратить и побольше получить. Подобный алгоритм свойственен человеку при покупке необходимых ему благ лишь отчасти. Тем не менее, маржинализм, используя прием методологического индивидуализма, представлял экономику как систему взаимосвязанных хозяйствующих субъектов (необязательно потребителей, но также и производителей) и объяснял экономические процессы, исходя из использования предельных (*max* или *min*) математических величин.

Согласно же Т. Веблену, за пределами полуголодного существования люди потребляют глядя друг на друга, так как являются прежде всего существами социальными. Эталоном для подражания, в том числе и в потреблении, является более значимый член сообщества. Причем подобная значимость может иметь разные проявления в разные времена и в разной местности. Объектом для подражания, преклонения или даже подчинения в первобытном обществе мог быть самый сильный или самый смелый, как правило, это был вождь. В современном мире, зная такую особенность человеческой натуры, маркетологи представляют как эталон для подражания и используют в рекламе образ человека молодого, красивого, успешного и т.п. В итоге в наше время многие люди стремятся приобрести такую же вещь как у «кумира» и неважно за какие деньги! При этом строго экономический подход маржиналистов и развившейся из их теории

современной микроэкономики (чем ниже цена на товар, тем больше величина спроса на него) перестает работать.

Рассмотрев пример междисциплинарного подхода на микроуровне, дающего более полную и реальную картину действительности, чем при узкоспециализированном подходе, перейдем к примеру междисциплинарного подхода на макроуровне.

Здесь нам опять же поможет институционализм, но не старый традиционный вебленовский институционализм, а его новейшая, возникшая на рубеже XX-XXI вв., волна. Новейший институционализм в некоторых источниках еще называют макросоциологией.

Родоначальниками новейшей волны институционализма называют Д. Норта и Дж. Ходжсона, которые стремились прийти к пониманию того, почему экономические системы разных стран в течение длительного периода времени функционируют по-разному. Для этого они посчитали необходимым включить в институциональный анализ еще и экономическую историю. Институты, по их мнению, формируются в результате длительного исторического развития того или иного общества под влиянием, в первую очередь, его внешней среды. «Группы и племена, — отмечал Д. Норт, — сталкивались с различными проблемами, располагая при этом различными ресурсами, человеческим потенциалом и климатическими условиями. Из этого возникали различия в решении общих проблем выживания ... Нет причин полагать, что решения должны быть сходными ...» [3, с. 119].

По словам Дж. Ходжсона, если рассматривать любую экономическую систему как открытую по отношению к внешнему миру, то приходится учитывать массу факторов (в первую очередь социокультурных), определяющих и формирующих ее характеристики. Причем Дж. Ходжсон предостерегает и от другой крайности: о том, что окружающая среда объясняет все и вся. Для объяснения конкретных явлений, наблюдаемых в реальной действительности, необходим подход, основанный на учете, как активного функционирования самой системы, так и окружающей социальной и природной среды [4, с. 117].

Важность учета внеэкономических факторов при изучении функционирования экономических систем объясняет внимание к данному подходу со стороны российских исследователей при ответе на вопрос, почему рыночные реформы, проводимые на постсоветском пространстве, наталкиваются на «становой хребет» каких-то иных экономических отношений, по-своему преломляющих ход трансформационных процессов.

Для того, чтобы понять причины формирования того или иного типа социально-экономической системы современными теориями общественных систем, в первую очередь представленными в российском институционализме, используется методологический прием, называемый экспансионизмом, т.е. когда рост понимания изучаемого объекта достигается путем расширения внешних границ системы, которую данный объект представляет.

Почему в России, например, сложилась социально-экономическая система, для характеристики которой некоторые исследователи используют термин «редистрибутивная» или «нерыночная»? Для ответа на этот вопрос была выдвинута следующая гипотеза: главное, что делает социально-экономические системы разными – это коммунальность или некоммунальность ее внешней, так называемой материально-технологической среды. И именно этот фактор формирует два принципиально различных типа собственности – частную и общественную.

Разные типы собственности на средства производства в свою очередь предполагают разные механизмы координации хозяйственной деятельности – плановый и ценовой. При преобладании частного типа собственности на средства производства действует ценовой механизм координации хозяйственной деятельности – так рождается рыночный тип экономической системы. Общественная же собственность на средства производства предполагает плановый механизм координации хозяйственной деятельности. Взятые в совокупности данные базовые институты (общественная собственность и плановый механизм координации) образуют нерыночный тип экономической системы.

Тип экономической системы определяет особенности, далее, как политического устройства, так и ментальные особенности того или иного социума. Так, рыночным экономическим системам, как правило, свойственно федеративное политическое устройство, а нерыночным – унитарное. Что касается менталитета, то рыночные экономические системы отличаются так называемой субсидиарной идеологией, при которой интересы отдельной личности первичны по отношению к интересам коллектива. В нерыночных же (редистрибутивных) системах коллективистские ценности первичны по отношению к интересам личности [5, с.262].

Взаимодействие всех трех указанных подсистем в пределах той или иной общественной системы формирует два типа институциональных матриц – X и Y, что и было отражено в исследованиях российских

институционалистов С. Г. Кирдиной, О.Э. Бессоновой, Т.И. Заславской и др.

Институциональные матрицы Х-типа, основанные на преобладании общественной собственности на средства производства, плановом механизме координации хозяйственной деятельности, фактически унитарном политическом устройстве, коллективистских ценностях свойственны, как правило, большинству государств восточной части света. Институциональные матрицы Y-типа свойственны странам, традиционно называемым западным миром.

Подобные междисциплинарные исследования на макроэкономическом уровне подводят нас к выводу о том, что вопреки навязанному более тридцати лет назад мнению, кроме «прогрессивного» рыночного устройства стран западной части света в мире существуют социально-экономические системы иного – нерыночного – типа. Более того, системы альтернативные рыночным также жизнеспособны, также имеют свою историю и объективные предпосылки формирования, а главное – свои собственные, но еще не изученные должным образом, законы развития.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что междисциплинарный подход в экономической науке позволяет увидеть предмет исследования в более богатом представлении, и не оторванным от жизни, а более конкретным, и, соответственно, более полезным и более близким к практической деятельности.

Список литературы:

1. Экономическая теория (политэкономия): учебник / Под общей ред. акад. В. И. Видяпина, акад. Журавлевой. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 560 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса: Пер. с англ. / Т. Веблен. – М.: АСТ, 2021. – 367 с.
3. Норт, Д., Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экон. книги "Начала", 1997. – 156 с.
4. Ходжсон, Дж., Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон. - М.: Дело, 2003. – 464 с.
5. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.

ВОЗВЫШАЯСЬ НАД ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ: ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПРОФЕССОРА С.Д. ЛАПТЁНКА

Данилов Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается философия жизни и творчества известного белорусского ученого доктора философских наук, профессора Сергея Даниловича Лаптёнка (01.05.1935 – 03.04.2012). Его творчество анализируется через призму междисциплинарности, т.к. он автор фундаментальных работ по этике, социологии семьи, проблемам молодежи. Также в статье раскрывается лаборатория его творчества, вклад в развитие социологии, этики, педагогики.

Ключевые слова: С.Д. Лаптёнок; Белорусский государственный университет; социология, этика, педагогика.

RIISING ABOVE THE EVERYDAY: THE PHILOSOPHY OF LIFE AND WORK OF PROF. S.D. LAPTYONOK

Danilov Alexander Nikolayevich,

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology,
Belarusian State University

Abstract. The article deals with the philosophy of life and work of the famous Belarusian scientist Sergey Danilovich Laptenok (1.05.1935 - 3.04.2012) - doctor of philosophical sciences, professor, author of fundamental works on ethics, sociology of family, problems of youth, the laboratory of his work, his contribution to the development of sociology, ethics, pedagogy is revealed.

Keywords: S.D. Laptenok; Belarusian State University; sociology, ethics, pedagogy.

Творчество профессора С.Д. Лаптёнка – пример междисциплинарности в гуманитарном знании, где Сергею Даниловичу удавалось успешно сочетать эффективную научную работу в этике, социологии и педагогике. Есть ли здесь вообще противоречие? Как много бюрократических барьеров искусственно возведены между этими дисциплинами за последние десятилетия. При попытке их развести и разложить по отдельным полочкам, подчас совершенно выпадает содержание предмета.

Книга «Память и слава: Сергей Данилович Лаптёнок. К 90-летию со дня рождения» [1], которую мы сегодня презентуем научной

общественности, – яркий пример междисциплинарности. В ней Сергей Данилович предстает как автор фундаментальных работ по этике, социологии семьи, проблемам молодежи и успешный педагог. Профессор С.Д. Лаптёнок принимал активное участие в развитии социологической науки и институционализации социологического образования в Беларуси, был лидером белорусской социологической школы, одним из создателей и первых руководителей Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований при Белорусском государственном университете, подготовившего не одно поколение профессиональных социологов. При этом являлся автором фундаментальных работ по этике, и его педагогическое наследие и сегодня востребовано и просто бесценно.

Представляется, что серия книг «Память и слава», посвященная ученым Белорусского государственного университета, внесшим большой личный вклад в развитие науки и образования, – дань памяти тем, кто прославил нашу альма-матер, нашу страну. Задачи серии «MEMORIA ET GLORIA» – познакомить с жизнью, научным наследием, педагогической деятельностью, воссоздать живой портрет ученого по документам и воспоминаниям современников. Сергей Данилович любил писать, и ему это было дано. Каждый его текст – это завершённый труд, логически выстроенный, эмоционально окрашенный, аргументированный, в том числе всегда к месту приведенной цитатой из классики, обогащен примерами из личного опыта.

Профессор С.Д. Лаптёнок – лектор от Бога, он находил общий язык с любой аудиторией, слыл признанным специалистом по исследованию проблем студенчества, ведущим специалистом по этике и семейно-брачным отношениям, был прекрасным наставником и воспитателем молодежи. С лекциями на морально-этические темы он объездил весь бывший Советский Союз, и страны, как сейчас принято называть, ближнего и дальнего зарубежья.

Сергей Данилович, всегда очень тонко чувствовал людей, умел создавать творческую обстановку, высоко ценил профессионально исполненную работу. Он просто излучал благородство и человеколюбие, пользовался искренним уважением и авторитетом среди коллег-ученых, преподавателей и конечно молодежи. Очень гордился своим родом. Полторы сотни защитников Родины дал только белорусский род Лаптёнков.

Вспоминал, что в первый класс он пошел в лесную школу партизанской Кличевской зоны. Здесь научился читать и писать, здесь были

получены и первые уроки патриотизма, борьбы за выживание. После освобождения родной Беларуси, в голодном 1944 году Сережа пошел в Васильевскую начальную школу сразу во второй класс. В те времена, начиная с четвертого класса, были ежегодные переводные или выпускные экзамены. По их итогам Сережа получал похвальные грамоты, в Каменно-Борской семилетней школе избирался председателем совета пионерской дружины, секретарем комсомольской организации, в Березинской средней школе № 2 – председателем ученического комитета. В 1953 году Сергей Лаптёнок первым в Березинском районе был удостоен золотой медали, дававшей ему право поступления в высшие учебные заведения без вступительных экзаменов.

Сергей Лаптёнок окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1953-1958 гг.). Здесь он учился, активно занимался научно-исследовательской и общественной работой, но его притягивала лекционная деятельность. На третьем курсе он был принят в члены Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, зачислен во внештатные лекторы ЦК ЛКСМБ. На всю жизнь он остался частью университета, всегда и везде высоко нес это высокое звание – быть выпускником, а затем и профессором БГУ.

После окончания университета учительствовал в родном Березинском районе, руководил лекторской группой Минского обкома комсомола. В 1960 году стал первым в БССР аспирантом, специализирующемся в области этики, также преподавал этику. Увлёкся публицистикой, журналистской деятельностью, много выступал с лекциями в молодежных аудиториях. В 1963 году защитил диссертацию «Нравственные основы советской семьи» на соискание ученой степени кандидата философских наук (первый в БССР философ-этик и третий в Советском Союзе философ, защитивший диссертацию по проблемам семьи). Указом Президиума Верховного Совета БССР 11 июня 1967 г. за активное участие в организации лекционной пропаганды и распространении политических и научных знаний среди трудящихся С.Д. Лаптёнок был награжден Почетной Грамотой Верховного Совета. Это была его первая государственная награда.

Гордился Сергей Данилович и тем, что ему посчастливилось стать одним из основателей сейчас уже легендарной Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований при БГУ, ставшей кузницей кадров профессиональных социологов в Беларуси. Когда в декабре 1967 г. решением Госкомитета по науке и технике при Совете Министров СССР была создана эта лаборатория, С.Д. Лаптёнок решением

Министерства образования БССР был назначен заместителем заведующего лабораторией (заведующий – профессор Лущицкий И.Н. – по совместительству). Это была первая штатная социологическая лаборатория в БССР, она изучала эффективность идеологической работы и проблемы студенческой молодежи. Лаборатория фактически возрождала опальную науку, какой считалась социология, и притягивала к себе молодых и самых талантливых выпускников и аспирантов белорусских вузов.

Событием стала защита докторской диссертации С.Д. Лаптёнком по этике в Москве, где ему решением ВАК при Совете Министров СССР от 14 сентября 1984 г. была присуждена ученая степень доктора философских наук. Понимая свою ответственность за развитие данного направления науки в республике, он много и напряженно работал над продолжением академических традиций, созданием собственной научной школы, ее научно-методологическим обеспечением. Решением ВАК при Совете Министров СССР от 13 июня 1986 г. С.Д. Лаптёнку было присвоено ученое звание профессора по кафедре марксистско-ленинской философии. С декабря 1986 г. по февраль 1999 г. Сергей Данилович – заведующий НИЛ социологических исследований БГУ (руководитель социологического центра БГУ по проблемам образования, культуры и нравственного воспитания молодежи).

Сергей Данилович всегда много писал, активно отзываясь на новые вызовы времени. Многие его работы, начиная с первой («Мораль и семья», 1967 г.), были неоднократно удостоены дипломов на различных конкурсах научных трудов и произведений научно-популярной литературы. В 1971 г. как соавтор учебника «Основы научного атеизма» он был удостоен бронзовой медали ВДНХ (Москва). В 1976 г. награжден Дипломом первой степени за книгу «Этику – молодежи» на Всесоюзном конкурсе общества «Знание» на лучшие произведения научно-популярной литературы, в 1978 г. награжден Дипломом второй степени за книгу «Семья и духовное развитие личности» на Всесоюзном конкурсе на лучшие произведения научно-популярной литературы. В 1979 году массовым тиражом вышел его учебник для средних специальных учебных заведений «Основы марксистско-ленинской этики». Уже в XXI веке увидели свет его книги: «Духовно-нравственный мир учащейся молодежи» (2001); «Этика и этикет» (1998, 2002); «Социальная педагогика» (2000); «Словарь социального педагога и социального работника» (2003), имеющие гриф Министерства образования; а также серия книг и учебных пособий по проблемам молодежи. Всего профессором С.Д. Лаптёнком опубликовано более 300

научных работ, в том числе – около 50 монографий, книг, учебных пособий, брошюр, общим тиражом более 1 млн. экз.

Гордился Сергей Данилович своими студентами, учениками. Был мудр не по годам. К нему прислушивались, с его мнением считались, с ним советовались, хотя для многих он был фактически ровесником. У него был какой-то особый педагогический дар, он умел найти подход к своим подопечным и увлечь их делом – может от того, что сам был молодым романтиком, творцом собственной судьбы. В 1960-е годы деканат исторического факультета БГУ назначил его куратором первого набора философов. Сергей Данилович вывел курируемый курс в лучший в БГУ; а когда был объявлен Всесоюзный конкурс на лучшую академическую группу в СССР, философы БГУ два года подряд занимали первые места. За свои успехи и достижения студенты и куратор были поощрены длительными бесплатными путешествиями по Кавказу, Прибалтике и Беларуси. Через два года после первого выпуска Сергею Даниловичу поручили кураторство нового набора философов, и всё повторилось опять; в БГУ это была лучшая студенческая группа.

Сергея Даниловича действительно любили и уважали студенты и коллеги, потому что был он талантлив, уважал и ценил талант в других, умел быть самим собой, не уходил от острых жизненных вопросов, не жалел времени на общение со студентами, делился всем, что имел сам. Порой студенты-заочники и вечерники были на 10-15 лет старше своего преподавателя, но уважали и гордились тем, что являлись его слушателями. Многие из них затем выбрали для себя нелегкую стезю ученого и преподавателя. Под руководством профессора С.Д. Лаптёнка защитили диссертации более 20 человек. Некоторые из них уже сами имеют научные школы и продолжают дело своего учителя. Повезло и тем, кто прошел его мастер-класс как официального оппонента при защите диссертации, рецензента статьи или рукописи монографии, когда он выступал в роли научного редактора или консультанта. Более грамотного и строгого научного редактора надо было еще поискать. Ему было дано зажигать звезды, может быть, это и было главным делом всей его жизни.

Сейчас, когда перечитываешь его книги, научные статьи, разбираешься в его творческом наследии, ловишь себе на мысли, что перед тобой открывается совершенно неизвестный тебе мыслитель и творец – яркий, оригинальный и неповторимый. Интересна его поэзия, журналистские материалы, попытки в прозе. Он оставил интересную книгу поэзии «Постижение любви», книгу воспоминаний «Да, мы – такие...

Истоки нравственности. Историческая хроника», много еще не опубликовано. И хотя он всегда был внешне спокойным и невозмутимым, трудно даже представить, какие внутри его кипели и бушевали страсти. Был гордым и самодостаточным человеком, постоянно над чем-то работал, творил, мечтал.

По жизни профессор С.Д. Лаптёнок никогда не оставлял связи с обществом «Знание», был председателем комиссии по пропаганде знаний среди молодежи его Минской городской организации, более 15 лет – председателем одноименной комиссии общества «Знание» БССР, в течение многих лет возглавлял республиканскую экспертную комиссию по предупреждению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости.

Журналисты считали профессора Сергея Даниловича своим собратом по перу. Дважды публицист С.Д. Лаптёнок получал «Боевое перо» и девять раз признавался лучшим автором года (последний раз в 2003 году). Радиослушателям и телезрителям запомнились беседы Сергея Лаптёнка на морально-этические темы, которые с 1960 года на протяжении трех десятилетий он проводил на республиканском радио и телевидении.

В последние годы его всё больше увлекали и поглощали оставшиеся время и силы исследования древа жизни своего древнего крестьянского рода. В своих уже художественных и мемуарных произведениях он стремился подвести итоги, обобщить уроки жизни, раскрыть силу человеческой жизнестойкости, понять характер, духовный и социальный мир, истоки бед и потрясений, раскрыть смысл человеческого бытия, предупредить молодежь от возможных ошибок. Много размышлял о белорусской государственности, развитии образования, науки, культуры, роли гуманитарного знания, будущем горячо любимой им родной Беларуси.

Прожил Сергей Данилович свою жизнь в мире с людьми и согласии со своей совестью. Рано создав семью, он стал любящим мужем, заботливым отцом и дедом. Всё лучшее передал им – своим детям, внукам, многочисленным ученикам. Память о профессоре Сергее Даниловиче Лаптёнке – прекрасном ученом и человеке – навсегда сохранится в летописи суверенной Беларуси, верным сыном которой он был; останется в сердцах тех, кому посчастливилось знать его и работать вместе с ним.

Список литературы

1. Память и слава: Сергей Данилович Лаптёнок. К 90-летию со дня рождения. / Сост.: А. Н. Данилов, А. И. Зеленков, А. С. Лаптёнок; редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 255 с. : ил. – (Memoria et Gloria).

ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Лаптёнок Александр Сергеевич

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Белорусский государственный университет

Аннотация. Значимым элементом становления и развития мировоззрения личности в системе образования выступает изучение гуманитарных наук. Этика как наука и учебная дисциплина неизменно вызывает огромный интерес у современных студентов. Однако, возможности включения этого предмета в учебные планы неуклонно сокращаются. Тем не менее, в нашей стране сложилась традиция этического образования на всех уровнях: в школе, техникумах, вузах. В статье рассмотрены некоторые особенности этического образования.

Ключевые слова: этика, образование, ценности, мораль, культура, традиция.

ETHICAL EDUCATION IN BELARUS: PAST AND PRESENT

Laptenok Alexander

Doctor of philology,

Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University

Abstract. A significant element of the formation and development of a person's worldview in the education system is the study of the humanities. Ethics as a science and academic discipline is always of great interest to modern students. However, the possibilities of including this subject in the curriculum are steadily decreasing. Nevertheless, our country has a tradition of ethical education at all levels: schools, colleges, universities. The article discusses some of the features of ethical education.

Keywords: ethics, education, values, morality, culture, tradition.

Периоды серьезных социальных потрясений всегда связаны с пристальным вниманием к содержанию духовной культуры человека и общества, порождают потребность в моральной надежности личности. Одним из важнейших каналов формирования нравственной культуры личности предстает система образования, через которую осуществляется трансляция и интериоризация моральных ценностей. Этический компонент в системе образования обязателен, ибо смысл ее заключается не только в усвоении учащимися определенной суммы знаний по различным отраслям науки, но, прежде всего, в формировании определенного типа личности.

Становление личности невозможно без обращения к моральному опыту, который был выработан человечеством. Поэтому именно в моральном развитии человека исключительное значение имеет преемственность. Моральные абсолюты передаются от поколения к поколению через механизмы культурной преемственности, и они представляются как культурные универсалии. Моральный абсолют задает парадигму деятельности человека, поэтому проявляется он в культуре и через культуру. Образование – один из наиболее консервативных элементов социального организма, поэтому исключительна его роль в преемственности моральных ценностей. Моральное развитие – процесс безостановочный, иначе говоря, каждый новый этап становления личности раскрывает его новые возможности. Существует закономерность: чем выше по уровню морального развития человек, тем более он осознает бесконечность морального совершенствования, тем более его не удовлетворяет сегодняшнее состояние. И наоборот, чем больше в этом смысле человек ограничен, тем более видно его самодовольство, уверенность в своем моральном превосходстве.

Дисциплины гуманитарного плана вполне могут рассматриваться с точки зрения их воздействия на личностные качества и отношения обучающихся. Такие традиционно изучаемые дисциплины, как история и литература всегда воспринимались как «наставницы» жизни, где через сплетение реальных (история) и вымышленных (литература) судеб прослеживалась линия на формирование определенных ценностных ориентиров. Иначе говоря, система образования в своих конкретных дисциплинах несет значимую этическую нагрузку. Это, если можно так определить, «институционализированная» форма этического просвещения, реализуемая через систему дошкольного, школьного и послешкольного образования. Помимо последней общество использует и иные социальные механизмы целенаправленного воздействия на формирование моральной культуры личности. Здесь и совокупность обычаев, традиций, и использование искусства, и средств массовой информации и публицистики как каналов трансляции моральных ценностей. Существует также весьма значительная в своем количестве литература, которая прямо может называться моралистической. Правда, здесь, как и во всем есть и образцы данного жанра, так и пропагандистские однодневки. Можно выделить и стихийное этическое просвещение, которое в своем содержании редко поддается контролю.

В свою очередь этическое образование целиком связано с учебными заведениями разного уровня и, по определению, предполагает целенаправленный, организованный процесс овладения этическими знаниями. Как правило, оно связано с введением специальных курсов. Аргументированность, строгость, доказательность, системность – необходимые условия учебного курса этики. Однако парадокс ситуации с этическим образованием и просвещением заключается в том, что для обыденного сознания логическая завершенность, доказательность не имеет существенного значения. В данном случае эмоциональная убедительность бывает гораздо значимее сухих абстрактных истин.

Понятно, что этическое образование и просвещение не панацея, они не в состоянии кардинально воздействовать на нравственную ситуацию. Но, с другой стороны, только постоянное внимание к нравственной стороне жизни человека поможет осознать ее значимость и ту меру ответственности, которая и характеризует уровень нравственной культуры. Понятно и то, что проведение соответствующей работы требует высочайшей квалификации, ибо плоская морализация может привести к катастрофическим последствиям в становлении нравственного мира личности. Недопустимо, чтобы такая сложнейшая сфера человеческого духа, как нравственная культура была заложницей самого сложного и самого неэффективного метода воздействия на личность – метода «проб и ошибок».

Учитывая тот факт, что, во-первых, нравственные убеждения индивида формируются с детства (особенно важен в этом плане подростковый возраст) и к моменту предпрофессионального выбора фактически он уже может обосновать свои моральные предпочтения; а, во-вторых, то, что в высшей школе новые стандарты гуманитарного блока образования вывели этику из списка обязательных дисциплин, необходимо именно на стадии становления индивидуальных идеалов профессиональной деятельности влиять на формирование нравственных установок в выбранной области обучения и далее – в своей профессии.

Представляется, что одним из составляющих гуманизации профессионального образования будет внедрение элементов этики деловых отношений в тех учебных предметах, где это уместно и возможно. В частности, необходимо последовательно проводить идею о том, что человек в любом виде деятельности, в том числе научной и в рамках своей профессии ориентируется на систему моральных ценностей. И если она вступает в противоречие с господствующими ценностями, общество

находит возможность либо ограничить эту деятельность, либо вообще ее запретить.

Этика имеет тысячелетнюю историю развития. И весь период своего существования она выступала в двух своих ипостасях: во-первых, как часть философского познания человека и мира вокруг него, то есть как наука; во-вторых, как теоретическая и практическая школа формирования нравственной культуры человека. Не было в истории общества, которое не ставило бы своей задачей формирования определенного типа личности. И, как правило, каждое общество нуждается в этическом обосновании, а при необходимости и в нравственном оправдании, своих действий, направленных на реализацию этой цели. История свидетельствует как о периодах наивысшего внимания к моральным ценностям, так и о временах долгого их забвения, если не на словах, то в реальной практической деятельности.

Никем не ставится под сомнение тезис о необходимости обращения в системе образования к человеку, его проблемам и ценностям. Однако исторически сложившаяся структура образовательных предметов в некоторой степени застыла, не отражая достаточно серьезных изменений в науке XXI века, характеризуемым бурным развитием таких дисциплин, как социология, политология, экология, антропология, эргономика, этнография и т.д. Места им в постоянно реформируемой белорусской школе, при не менее постоянном рефрене о ее гуманитаризации, так и не находится. А ведь школьные годы – это годы становления мировоззрения личности, и конечно, безразлично, с каким багажом знаний и с какой направленностью мыслей человек будет объективировать их в своей деятельности. Тем более, во времена социальных преобразований для личности открываются большие возможности. Стоит прислушаться к словам известного английского философа А. Уайтхеда: «Сегодня, в эпоху демократии, государством управляют обычные граждане, с самыми различными призваниями. Поэтому демократическое общество не достигнет успеха до тех пор, пока общее образование не даст людям философского мировоззрения» [1, с. 496]. Этика с ее смысложизненной проблематикой прямо вписывается в мировоззренческую подготовку личности.

Концепция преподавания социально-гуманитарных дисциплин предполагает новые подходы к образованию, один из которых заключается в гуманитаризации. Разумеется, гуманитаризация как глобальная основа преобразований, касается практически всех дисциплин, которые преподаются в учреждениях образования, как гуманитарных, так и

природоведческих. Однако, для действительной реализации поставленных задач необходимо обратиться к наукам, которые непосредственно обращены к человековедческой проблематике: этике, эстетике и искусствоведению, религиоведению, истории отечественной и мировой культуры. Имеется в виду ориентация этих дисциплин на проблемы, практически значимые для личности, которая включается в сложный мир человеческих отношений. В этом мире не все однозначно, так как постоянно возникают многообразные ситуации, требующие соответствующих решений. Переломные периоды всегда порождают, с одной стороны, явный нигилизм у значительной части людей, особенно у молодежи, по отношению к минувшим временам существования государства, а с другой – не менее явную потребность в поисках духовных ориентиров.

Гуманитарные дисциплины имеют свои особенности в содержании, преподавании и подходах к тем или иным сторонам формирования и бытия духовной культуры обучающихся. Этика в их ряду занимает далеко не последнее место. Тысячелетняя традиция ее развития как науки, как средства формирования нравственной культуры и как специфического учебного предмета обуславливает необходимость обращения к ней и нашей системы образования [2].

Нельзя сказать, что ранее не было попыток включить курс этики в качестве обязательной образовательной дисциплины средней школы. С середины 70-х годов (точнее с 1974/75 учебного года) была предпринята попытка ввести данный предмет для восьмых классов. Однако, сегодня есть основания говорить, что сделано это было без всякой подготовки как на организационном, так и на учебно-методическом уровне. Кадры учителей, в основном, формировались стихийно. Уроки велись, как правило, учителями истории и обществоведения, литературы, а чаще доставались тем, кому не хватало учебной нагрузки. Конечно, были энтузиасты, достаточно грамотные в этой отрасли знания учителя, однако общий уровень преподавания был довольно невысокий. Несомненно, неподготовленные учителя только дискредитировали этику и как науку, и как учебный предмет.

Далее, преподавание этики (а это связано со спецификой предмета), как и моральное воспитание в целом, понималось как более-менее удачная морализация. Понятно, что положительных результатов таким образом достичь невозможно. А потом, этика – не физика или химия. Человека научить морали нельзя. Поэтому преподавание этики, связанное только с трансляцией неких знаний, в принципе обречено на провал. Со временем

этика в школе трансформировалась в «Этику и психологию семейной жизни», что имело свои как позитивные, так и негативные моменты. Последние касались в основном подготовки кадров.

В соответствии с приказом Минвуза БССР с 1972/73 учебного года основы этики в объеме 32 аудиторных часов вводились в качестве обязательного предмета по всем специальностям во всех без исключения высших и средних специальных учебных заведениях за счет учебных часов на спецкурсы по смежным наукам той или иной специализации, спецкурсов отраслевого значения, но не по общественным наукам. Предусматривался обязательный зачет как форма индивидуальной отчетности студента. Были изданы учебники по этике для всех ступеней системы образования. Проводились республиканские семинары преподавателей этики [3].

Однако, следует отметить, что этика, впрочем, как и другие гуманитарные науки, была крайне идеологизирована, что накладывало свой отпечаток на ее преподавание. Критерии классовости, ненависти к идеологическим оппонентам, отрицание общечеловеческих ценностей – все это присутствовало в качестве «дежурного» набора. Тем не менее, помимо идеологических штампов в учебные программы все же включались актуальные для молодых людей вопросы – этикет, культура поведения, любовь, дружба, вопросы профессиональной этики и т.п. Этика балансировала между Сциллой идеологических требований и Харибдой повседневных вопросов общества и мира молодежи. Поэтому всегда была возможность заниматься насущными проблемами жизни, тем, что неизменно вызывал большой интерес учащихся, а не абстрактными прописными истинами.

Таким образом, внимание к вопросам этики, в том числе в плане введения ее в качестве учебной дисциплины, было довольно значительным.

Список литературы

1. Уайтхед А. Избр. работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.
2. Этика в системе образования: традиции и современность. – Под ред. А.С. Лаптенка. – Минск: НИО, 1998; Болбас В.С. Генезіс і пераёмнасць развіцця этыка-педагагічнай думкі Беларусі X-XVIII стст. – Мазыр : МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2019. – 228 с.; Станчиц М.А. Этическое образование и воспитание в процессе нравственного развития школьника. – Минск: НИО, 2001. – 216 с.
3. Лаптёнок С.Д. Система нравственного воспитания (опыт БССР). – М.: Знание, 1982. – 64 с.

СПАРТЫЎНАЯ ЭТЫКА: FAIR PLAY FOREVER?..

Люкевіч Уладзімер Паўлавіч,

кандыдат філасофскіх навук, дацэнт,

дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін і метадыкі іх выкладання

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт

Анотацыя. Современное глобализированное общество характеризуется рядом доминантных тенденций, среди которых следует назвать такие, как демократизация, либерализация, гуманизация, феминизация, миграция и др. До недавнего времени философская среда недостаточно пристально обращала внимание на феномен спорта, который получил широчайшее распространение во всём мире. Естественно, что когда какое-либо социальное явление становится объектом заинтересованности сотен миллионов людей, оно не может долго оставаться вне научного осмысления. Спорт в жизненной деятельности человека выполняет множество разнообразных функций и в структуре постмодернистской интерпретации окружающей среды актуализирует проблематику дискуссионного характера. В связи с этим понятия добра и зла, справедливости и несправедливости воспринимаются несколько иначе в иерархии нравственных ценностей, а принципы Fair play и Foul play становятся важнейшими критериями в механизме смены парадигмы становления, развития, функционирования и распространения спорта в обществе. Классическое восприятие данного явления приобретает черты, которые ранее игнорировались в процессе субъект-объектных отношений.

Ключевые слова: спорт; этика; постмодернизм; честная игра; грубая игра; коммерциализация.

SPORTS ETHICS: FAIR PLAY FOREVER?..

Lukievic Uladzimir Paulavich,

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences,

Associate Professor of the Department Sports Disciplines and Methodic of its Teaching,

Brest State University

Abstract. Modern globalized society is characterized by a number of dominant trends, among which the following should be highlighted: democratization, liberalization, humanization, feminization, migration, etc. Until recently, the philosophical community has not paid due attention to the phenomenon of sports, which has become widespread throughout the world. Naturally, when any social phenomenon becomes an object of interest to hundreds of millions of people, it cannot remain outside scientific misunderstanding for long. Sport performs many different functions in human life and, in the structure of the postmodern

interpretation of the environment, it actualizes controversial issues. In this regard, the concepts of good and evil, justice and injustice are perceived somewhat differently in the hierarchy of moral values, and the principles of fair play and unfair play become the most important criteria in the mechanism for changing the paradigm of the formation, development, functioning and dissemination of sports in society. The classical perception of this phenomenon takes on features that were previously ignored in the process of subject-object relations.

Keywords: sport; ethics; postmodernism; fair play; foul play; commercialization.

After many years in which the world has afforded
me many experiences, what I most surely know
in the long run about morality
and the obligations of men, I owe to sport ...
Albert Camus [1, c. 352]

Маральная праблематыка ў полікультурнай прасторы сучаснага грамадства набывае новыя рысы і вызначаецца раней ігнраванай спецыфікай у сістэме міжчалавечых адносін. Яна закранае шэраг праблемных палёў, якія актуалізаваліся на падставе змены сацыяльнай парадыхмы, што вылучылася ў кантэксце функцыянавання тэндэнцыяў дэмакратызацыі, лібералізацыі, гуманізацыі, фемінізацыі, тэхналагізацыі і іншых, якія з неабходнасцю прымаюць пад увагу такія пераменныя, як праявы нацыянальнай самасвядомасці і нацыяналізму; праблемы сэксізму, гендэру і жанчынаненавісніцтва; уплыў спорту на спажывецкае грамадства і поп-культуру; джэнтрыфікацыя бедных і крыміналізаваных раёнаў; карупцыя; адарванасць палітычных элітаў ад спадзяванняў і інтарэсаў ніжэйшых класаў; бенчмаркінг; тэхналагічнае ўмяшальніцтва ў чалавечае цела; сацыяльна-палітычная актыўнасць і антыкапіталістычныя рухі; расізм; лёс і становішча так званых карэнных народаў; адносіны паміж цэнтрам і перыферыяй і г.д. [2, с. 11-19.]. Да названага пераліку можна далучыць рэлігійную неталерантнасць, наркатычную, псіхатропную і допінгавую залежнасць, а таксама шмат якія іншыя дэвіцыі.

Спорт арганічна ўкладаецца ў структуру постмадэрнісцкай інтэрпрэтацыі навакольнага асяроддзя, хоць зараз, напэўна, больш дакладна ўжываць паняцце “after postmodernism” ці “метамадэрнізм”, бо ў свеце пачалі дамінаваць настолькі складаныя сацыяльныя сувязі і адносіны, што іх адпаведная экстрапаляцыя на тым ці іншым узроўні суб’ект-аб’ектных адносін выяўляе ўсё новыя і новыя абшары для дыскусіяў. Паняцці добра і зла, справядлівасці і несправядлівасці неяк перасталі быць актуальнымі ў

сучаснай карціне свету, а сама іерархія традыцыйных маральных каштоўнасцяў выглядае хутчэй канструкцый на падставе рэалізму. Гэта вельмі ўдала пераклікаецца са знакамітым выразам класіка беларускай літаратуры Максіма Багдановіча – “... няма таго, што раньш было”.

Апошнім часам назіраецца ўсё большы кантраст паміж ідэалізаваным ўяўленнем сутнасці спорту, якое працяглы час дамінавала дзякуючы ініцыятару адраджэння сучасных Алімпійскіх гульняў П’еру дэ Кубяртэну (Pierre de Coubertin), і палягала на тым, што сутнасць спорту павінна заставацца ў кантэксце ягонага ўспрымання з часоў Старажытнай Грэцыі, а менавіта: гэта спаборніцтва паміж індывідамі, якія дэманструюць паводле адпаведна вызначаных правілаў сваю фізічную і духоўную дасканаласць. Але зараз відавочна, што сучасны фармат спорту не адпавядае мінулым стэрэатыпам і існуе ў зусім іншым выглядзе, і спосабы ягонай цяперашняй арганізацыі і функцыянавання не падпадаюць па большасці пад логіку спартыўнага спаборніцтва. Гэта найпрост залежыць ад камерцыялізаванага падыходу, што, - як на першы крок, - патрабуе адпаведных інвестыцыяў, а далей – атрыманне прыбыткаў у сферы, якая разглядае спорт у якасці галіны эканамічнай дзейнасці. Дастаткова параўнаць “класічны футбол” на пачатку XX стагоддзя і сучасны “індустрыяльны футбол” XXI стагоддзя, калі апошні характарызуецца як звычайны бізнэс, а функцыянаванне футбольнага клубу па ўсіх параметрах павінна адпавядаць патрабаванням рынкавай гаспадаркі [тамсама].

Павелічэнне зацікаўленасці да мадэлі сучаснага спорту з боку шырокіх слаёў публічнасці выклікаецца коштам прывабнасці да прыватнага жыцця знакамітых атлетаў, да лічбаў трансферных пагадненняў, да інструментальнага выкарыстання зорак спорту ў рэкламе тых ці іншых прадуктаў альбо ідэалогіі. Зрэшты, выглядае даволі дзіўным, што ў вывучэнні праблемаў функцыянавання і развіцця грамадства для спорту застаецца так мала месца. Сучасны спорт у прынцыпе з’яўляецца адлюстраваннем ўсіх тых праблемаў і з’яваў, якія цікавяць даследчыкаў. На падставе крытычнай тэорыі можна вызначыць шэраг базавых падыходаў, плыняў і дыскурсаў, што дастаткова скрупулёзна разглядаюць грамадства і культуру з мэтай эмансipaцыі на падставе ведаў сацыяльных і гуманітарных навук з улікам узростання трансдысцыплінарнасці і рэфлексійнай палітызацыі як феноменаў сучасных дасягненняў [тамсама].

Постмадэрнісцкія тэндэнцыі найлепшым чынам увасабляюцца ў феномене сучаснага спорту, калі браць пад увагу такія пераменныя, як, напрыклад, плюралізм і невызначанасць, а ўсеагульная крытыка

традыцыйных каштоўнасцяў рацыяналізму, класічнай філасофіі разам з адмаўленнем ад ісціны і бязмежным рэлятывізмам ва ўсё большай ступені спрыяюць ягонаму спасціжэнню. Дынамічныя змянені парадигмы станаўлення, развіцця, функцыянавання і распаўсюджвання спорту ад першапачатковага дэвізу “Галоўнае не перамога, а ўдзел” на сучасным этапе ўвасобіліся ў мотта “Перамога за ўсялякі кошт”, што цалкам пераінакшыла структуру нормаў і каштоўнасцяў маралі, а прынцыпы сумленнай і высакароднай барацьбы на спаборніцтвах Fair play у шмат якіх выпадках сталі саступаць дамінаванню брутальнасці Foul play. Больш за тое, здавалася б вечны пастулат “Citius, altius, fortius” (хутчэй, вышэй, мацней) ці яго не так даўно мадыфікаваны фармат паводле рашэння Міжнароднага Алімпійскага камітэту “Citius, altius, fortius – communiter” (хутчэй, вышэй, мацней – разам) падвяргаюцца рэвізіі. Ян Сова і Кшыштаф Валяньскі (Jan Sowa, Krzysztof Wolański), якія дэталёва аналізуюць сучасны спорт, падкрэсліваюць ягоную непарыўную сувязь у функцыянаванні і развіцці з галоўнымі тэндэнцыямі капіталістычнай канкурэнтаздольнасці, падаюць галоўны матыў ягонага дзейнасці ў наступнай інтэрпрэтацыі – “To compete, to win, to profit” [3].

Па вялікім рахунку ўсё больш высокімі тэмпамі набліжаецца глабальны падзел спорту менавіта па маральным крытэрыі. Уплыў матэрыяльных здабыткаў набыў такія маштабы, што фінансавы аспект перавышае ўсе іншыя вартасці на ўзроўні прафесійнай дзейнасці і камерцыйных спаборніцтваў. Для мадэлі класічнага спорту ў ягоным традыцыйным фармаце з дамінаваннем прынцыпаў сумленнай і высакароднай гульні – Fair play games, застаецца ўсё больш абмежаваная прастора. І, наадварот, змаганні ў мадыфікаванай сістэме спаборніцтваў набываюць усё большую папулярнасць і могуць быць абазначаныя як Open games, альбо якой іншай назвай, напрыклад, Enhanced Games, ініцыятарамі ідэі якіх з’яўляюцца венчурныя капіталісты і прыхільнікі крыптавалют Пітэр Цыль (Peter Thiel), Хрысціян Ангермаер (Christian Angermayer) і Баладжы Шрынівасан (Balaji Srinivasan). Яны выявілі жаданне прафінансаваць названы праект. Праўда, пакуль не вядома, хто будзе прымаць удзел у спаборніцтвах, калі і дзе яны стартуюць, і якая велічыня прызаваых плануецца для пераможцаў [2].

Верагоднасць такой сітуацыі абумоўлена існаваннем у бліжэйшай ці больш аддаленай перспектыве невызначаннасцю базавых асацыяцыяў іміджавага вобразу спорту, які са створаным першапачаткова дыскурсам павінен быў грунтавацца на ідэалах алімпізму, прынцыпах Fair play,

перакананні ў існаванні гуманістычнага вымярэння спартыўнай адукацыі, дамінантным патрабаванні супрацоўніцтва паміж народамі і інш. [4, s. 206-207]. Сучаснае глабалізаванае грамадства ў варунках бесперапыннага змянення падставы свайго існавання не можа не закранаць галоўныя тэндэнцыі функцыянавання і развіцця базавых сацыякультурных феноменаў, і таму ўзнікае актуальнае пытанне адносна захавання прынцыпаў Fair play у якасці дамінанты спартыўнай дзейнасці.

Спіс літаратуры

1. Camus, A. What I Owe to Football / The Footballer's companion. – Edited by Brian Glanville. – London: Eyre & Spottiswoode (Publishers), 1967. – P. 350-352.
2. Люкевіч, У. П. Сучасны спорт у варунках трансфармацыі сацыяльнай сістэмы / У. П. Люкевіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – Серыя 1. – Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – Навукова-тэарэтычны часопіс. – № 1. – 2024. – С. 11-19.
3. Sowa, J., Wolański, K. Sport nie istnieje. Igrzyska w społeczeństwie spektaklu / J. Sowa, K. Wolański. – Warszawa : Wydawnictwo W.A.B., 2020. – 304 s.
4. Nakonieczny, T. Współczesna „kulturalizacja” sportu jako forma kompensacji dyskursywna i pozadyskursywna heterogeniczność sportu / T. Nakonieczny. – Przegląd Zachodni. – nr 4. – 2018. – S. 203-218.

ПАРАДИГМА НЕЛИНЕЙНОСТИ И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТА: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Можейко Марина Александровна,
доктор философских наук, профессор,
профессор Республиканского института высшей школы

Аннотация. Постнеклассическая трактовка поведения субъекта принципиально отличается от того, как оно понималось в классической и неклассической культурах. Взгляд на ситуацию морального выбора сквозь призму идеи нелинейности по-новому ставит вопрос о нравственной ответственности субъекта. Если реализация одной из возможных версий разворачивания процесса является результатом случайных флуктуаций, то не снимает ли это с субъекта какой бы то ни было ответственность за последствия своего выбора? Однако механизм разворачивания нелинейной ситуации посредством бифуркационных разветвлений задает новое измерение ответственности субъекта, а именно – ответственности за формирование новых тенденций и аттракторов процесса, что формирует новое измерение морали в культуре постнеклассики.

Ключевые слова: нелинейность; детерминация; бифуркация; веер возможностей; прогноз; вероятность; моральный выбор; нравственная ответственность.

NONLINEARITY PARADIGM AND THE PROBLEM OF SUBJECT'S MORAL RESPONSIBILITY: A NEW DIMENSION OF MORALITY IN MODERN CULTURE

Mojeiko Marina Aleksandrovna,
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Republican Institute of Higher Education

Abstract. The post-non-classical interpretation of the subject's behavior differs fundamentally from how it was understood in classical and non-classical cultures. A look at the situation of moral choice through the prism of the idea of non-linearity poses the question of the subject's moral responsibility in a new way. If the implementation of one of the possible versions of the unfolding of the process is the result of random fluctuations, does this not relieve the subject of any responsibility for the consequences of his choice? However, the mechanism of unfolding a nonlinear situation through bifurcation developments sets a new dimension of responsibility of the subject, namely, for the formation of new tendencies and attractors of the process, which forms a new dimension of morality in the culture of post-non-classicism.

Keywords: nonlinearity; determination; bifurcation; set of possibilities; forecast; probability; moral choice; moral responsibility.

Определяется ли поведение человека системой внешних (социальных) детерминационных факторов, как виделось это классической культуре? Или оно подчинено влиянию факторов внутренних (эмоций, подсознания и аффектов), что стало предметом пристального интереса в культуре модерна? Или оно определяется стечением случайных факторов, а именно такая идея питает постмодернистскую культуру? Или все названные подходы комбинируются в комплексную детерминационную систему? И возможно ли в этой ситуации говорить о свободе выбора поведенческой стратегии и – соответственно – об ответственности за избранную линию поведения? Эти вопросы оказываются чрезвычайно актуальными в рамках сформулированной в современной культуре парадигме нелинейного мышления, основанной на новом типе детерминизма.

Находясь на посту президента Международного Союза теоретической и прикладной механики, Дж. Лайтхилл публично принес от имени механики извинения за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждения апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как ... этот детерминизм является ошибочной позицией» [1, р. 35].

Если для естествознания переход к нелинейной парадигме связан именно со становлением неклассической науки (от квантовой механики до теории катастроф Р. Тома), то применительно к гуманитарной сфере правомерно относить зарождение идей нелинейности к гораздо более раннему периоду. В первую очередь, это относится к философии и дисциплинарной истории: фиксация внимания на феномене «неслучайности» (неэлиминируемости) случая впервые была осуществлена именно в этих областях, – собственно, отсчет здесь можно вести, начиная с идеи Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов. Параллельно традиции жесткого детерминизма, трактовавшего случайность как онтологизацию когнитивной недостаточности (от Демокрита до Новой Европы) или как результат взаимодействия (пересечения) несущественных причин (гегельянство и марксизм), в истории философии может быть выделена и традиция, числившая феномен случайности по своему департаменту (от концептуальной экспликации данных идей у У. Петти и А. Кетле до их аксиологического доминирования в постмодернизме).

Согласно оценке Ж.-Ф. Лиотара, в классической традиции универсально предполагалось, что в качестве предмета естествознания «природа является безразличным, бесхитростным соперником», тогда как «в гуманитарных науках референт, человек, также является участником

игры, обладающим речью, развивающим какую-либо стратегию, возможно неоднозначную...: здесь тип случайности, с которой сталкивается исследователь, является не предметным или индифферентным, но поведенческим, или стратегическим, то есть противоборствующим» [2, с. 155-156]. Такой подход предполагает наличие в исследуемом предмете имманентной и имплицитной логики развития, последовательно разворачивающейся в ходе его эволюции, которая в силу этого обстоятельства может быть представлена в качестве поступательного ряда этапов, каждый из которых непосредственно вытекает из предыдущего и, в свою очередь, дает основание для последующего.

В целом, детерминизм классического образца рисует, по оценке И. Пригожина и И. Стенгерс, «утешительную картину природы как всемогущего и рационального калькулятора, а также строго упорядоченной истории, свидетельствующей о всеобщем неукоснительном прогрессе», что инспирирует конституирование в естествознании презумпции тотального линейного дедуктивизма, – такая артикуляция классической наукой своего предмета позволяет сравнить его с автоматом, который, будучи запрограммирован, «неукоснительно следует предписаниям, заложенным в программе» [3].

С переходом к неклассической науке, однако, эта парадигма перестает восприниматься в качестве удовлетворительной: как пишет А. Эйнштейн, «высшая аккуратность, ясность и уверенность – за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно оставляется в стороне? Заслуживает ли результат столь скромного занятия гордого названия “картины мира”» [4, с. 40].

Если двигаться в направлении, позволяющем выйти за пределы эволюционного преформизма классической науки, то интенция осмысления множественности и новизны неизбежно приводит к новому (нелинейному) пониманию детерминизма. Собственно, отказ от линейного понимания детерминизма становится краеугольным камнем синергетической исследовательской парадигмы: как пишет И. Пригожин, «фундаментальные законы природы описывают процессы, связанные со случайностью и необратимостью, в то время как законы, описывающие детерминистские и обратимые процессы, имеют лишь ограниченное применение» [5, с. 8].

Важнейшим аспектом понимания детерминизма в качестве нелинейного выступает отказ от идеи принудительной каузальности, предполагающей наличие внешней причины, т.е. презумпция того, что

Н.Н. Моисеев называет «отсутствием направляющего начала» [6, с. 34]. Собственно, именно этот параметр и выступает критериальным при различении синергетических и кибернетических си, управляемых посредством команд центра: согласно высказанной А. Баблюянец самооценке синергетики, материя стала восприниматься «не как инертный объект, изменяющийся в результате внешних воздействий, а, наоборот, как объект, способный к самоорганизации, проявляющий при этом как бы свою «волю»... в отсутствие каких бы то ни было организующих факторов» [7, с. 279-280]. Применительно к феноменам, характеризующимся таким свойством, как сложность, правомерно, согласно Г. Николису и И. Пригожину, утверждать: «тот факт, что из многих возможностей реализуется ... конкретный исторический вариант, совсем не обязательно является отражением усилий некоторого составителя глобального плана, пытающегося оптимизировать какую-то всеобщую функцию» [см. 5].

Данный момент оказывается принципиально важным с гносеологической точки зрения. Синергетика не может более опираться на традиционную (фактически восходящую к гилеморфизму) идею о том, что изучение внешней причины, которая, будучи открытой для анализа, позволяет спрогнозировать предстоящее состояние изменяющейся (точнее, изменяемой — и в этом суть) системы. Обращение к анализу элементов микроуровня системы также не может дать искомого результата, ибо новое состояние системы возникает как непредсказуемый системный эффект: по А. Баблюянец, «кто же может догадаться о путях развития общества и его экономическом положении по наблюдению только за одним членом общества и его чековой книжки?» [7, с. 25].

Таким образом, по оценке И. Пригожина, «феномен нестабильности естественным образом приводит к весьма нетривиальным, серьезным проблемам, первая из которых — проблема предсказания» [8, с. 46].

В этом контексте остро встает проблема как ответственности субъекта за вмешательство в течение нелинейного процесса, так и проблема самой возможности этой ответственности как таковой.

Имманентное включение в процесс самоорганизации фактора случайной флуктуации делает принципиально невозможным предвидение будущих состояний системы, исходя из знания о ее наличном состоянии, поскольку, по словам И. Пригожин и И. Стенгерс, «очень часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам наша интуиция [воспитанная на образцах классической научной рациональности — М.М.]. Наше состояние обманутых ожиданий в

этой ситуации хорошо отражает введенный в Массачусетском технологическом институте термин “контринтуитивный”» [3, с. 266]. Это, разумеется, не означает отказа от попыток прогноза, однако презумпция научного предсказания в классическом смысле слова, сменяется, как констатируют Б. Мизра и И. Пригожин, презумпцией «проблемного описания» [см. 9].

В нелинейных процессах так называемые необходимые и случайные факторы оказываются практически одинаково значимыми, и специфика процесса трактуется как определяемая их уникальными комбинациями. Механизм оформления структур реализует себя как самоорганизация неравновесной среды, в процессе которой случайность отнюдь не является тем несущественным фактором, которым можно было бы пренебречь: согласно И. Пригожину и И. Стенгерс, «вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты. ...Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое [осуществляемое посредством апелляции к универсальным динамическим законам — М.М.] описание становится непригодным. ...Переход через бифуркацию — такой же случайный процесс, как бросание монеты», именно «эта смесь необходимости и случайности и создает “историю” системы», в отношении которой возможно «только статистическое описание» [3, с. 228].

Переход современной науки к новому видению мира позволяет ей выйти за пределы классической тавтологии, возводящей все возможные состояния объекта (мира) к исходным причинам и тем пресекающей перспективу аналитики процессов подлинного становления и подлинной новизны. В современной интерпретации нелинейности процесс развития понимается не как непрерывный ряд жестких причинно-следственных зависимостей, выражающихся в динамической закономерности, но как результат взаимодействия независимых событийных потоков, порождающих те или иные тенденции, выражающиеся в закономерностях статистических. Если в рамках линейной парадигмы случайные факторы могли интерпретироваться в качестве внешних и несущественных помех реализации доминантного вектора эволюции, которыми можно было пренебречь, то в рамках анализа нелинейных систем именно случайные флуктуации, понятые как имманентные по отношению к процессу, оказываются одним из решающих факторов эволюции.

В качестве важнейшего момента нелинейных динамик выступает поливариантность протекания процессов, предполагающая наличие

эволюционных альтернатив: «в мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции» [10, с. 10]. Важно, что исследуемые синергетикой возможности альтернативных версий развития, обеспечивающие онтологический плюрализм универсума, не даны изначально, но возникают в ходе процесса эволюции системы. Как пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «в одной и той же среде без изменения ее параметров могут возникать разные структуры..., разные пути ее эволюции... Причем это происходит... не при изменении констант среды, а как результат саморазвития процессов в ней» [10, с. 10-11]. В этом отношении эволюционный процесс предстает как своего рода «блуждание по полю путей развития» [10, с. 17, 20]. Соответственно этому, для синергетики свойственно рассматривать самоорганизующуюся систему как специфический вероятностный по своей природе объект.

В этой ситуации любая попытка формулировки невероятностного прогноза, ориентированного на теоретическое моделирование будущих состояний системы, исходя из данных о настоящем ее состоянии – прогноз «от наличного» [10, с. 11], – рассматривается синергетикой как некорректная.

Фундаментальным механизмом, обеспечивающим реализацию нелинейности развития, выступает бифуркации: при удалении от состояния равновесия система достигает так называемого порога устойчивости, за которым для системы открывается несколько возможных ветвей развития. По описанию А. Баблоянц, «эта ситуация напоминает бегуна, который ... достиг пересечения трех дорог. Прямая дорога продолжается через шаткий мостик. Если бегун будет продолжать путь через мостик, он может потерять равновесие и упасть на одну из “твердых” дорог, пересекающихся под ним» [7, с. 200].

Таким образом, бифуркационный переход – это объективация одного из возможных вариантов развития, каждый из которых предполагает переход системы в состояния, радикально отличные от исходного. Возможны и более сложные ситуации, предполагающие взаимодействие между ответвившимися решениями (версиями развития), что порождает так называемые каскады бифуркаций, раскрывающие целый веер возможных путей эволюции системы. Существуют и так называемые «катастрофические множества», т.е. множества, всецело состоящие из точек бифуркации [см. 11]. Однако уже первичная бифуркация верифицирует

эволюционный процесс, обуславливая его принципиальную нелинейность и поливариантность.

Анализируя парадигмальные установки современного философского постмодернизма, также можно зафиксировать ориентацию на радикальное переосмысление феномена детерминизма: именно в отказе от детерминизма в его традиционном (линейном) истолковании усматривает Ж.-Ф. Лиотар критерий отличия постмодернистской культуры от классической: «научное знание находится в поиске путей выхода из кризиса детерминизма» [2, с. 154].

Постмодернизм однозначно отвергает то, что Д'ан называет «однолинейным функционализмом» [12, р. 219]. Процессуальность моделируется постмодернизмом как автохтонная и спонтанная, «чистое и безмерное становление качеств изнутри» [13, с. 198]. Противопоставляя традиционную и постмодернистскую («имманентную») парадигмы, Р. Барт пишет: «чем вызвано ... неприятие имманентности...? ...Возможно, дело в упорной приверженности к идеологии детерминизма, для которой произведение – “продукт” некоторой “причины”, а внешние причины “причиннее всех других» [14, с. 268]. Важнейшим моментом постмодернистской интерпретации детерминизма является, таким образом, финальный отказ от идеи внешней причины. В метафорической системе постмодернизма это находит свое выражение в фигурах «смерти Автора» как отказа от внешней причиняющей детерминанты текста и «смерти Бога» как отказа от финальной и исчерпывающей внешней детерминанты, а также в отказе от идеи Отца в его психоаналитическом понимании как внешнего детерминационного фактора развития психики.

Фигура ветвления – так же, как и в синергетике, обретает в постмодернизме фундаментальный статус («сеть» и «ветвящиеся расширения» ризомы у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «решетка» и «перекрестки бесконечности» у М. Фуко, смысловые перекрестки «выбора» у Р. Барта, «перекресток» и «развилка» у Ж. Деррида, «лабиринт» у У. Эко и т.п.). Важнейшим источником формирования постмодернистской модели бифуркационного процесса выступает осмысление Х.Л. Борхесом пространства событийности как «сада расходящихся тропок», моделирующее фактически бифуркационный механизм разворачивания сюжета: «Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть, и так далее. ...В книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и

каждый из них дает начало новым развилкам» [15, с. 237]. Последовательное нанизывание бифуркационных ситуаций, каждая из которых разрешается принципиально случайным образом, задает вероятностный мир с непредсказуемыми вариантами будущего: «вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего» [15, с. 239-240].

Классическая мифология, нелинейный характер которой широко обсуждается в современной литературе [см. 16], также обращает на себя внимание постмодернизма. Ж. Деррида обращается в этом контексте к идее Ж.-П. Вернана о том, что «миф вводит в игру логическую форму, которую ... можно назвать логикой двойственности, двусмысленности, полярности», — и в этом отношении «структурная модель логики, которая не была бы бинарной логикой “да” и “нет”», с очевидностью выступает для современной культуры в качестве «недостающего инструмента» [17, с. 122-170]. Именно в этом контексте Ж. Деррида переосмысливает понятие «хора», предложенное в свое время Платоном и введенное в постмодернистский оборот Ю. Кристевой: хора «обращается не к логосу..., но к некому гибриднему, незаконнорожденному и даже развращенному рассуждению (*logismo polho*)» [17, с. 125], бросая вызов «непротиворечивой логике философов» [17, с. 124]. В противоположность «бинарной логике» Ж. Деррида конституирует «логику сверх-колебания», которая не только основана на «полярности», но даже «превышает полярность» [17, с. 126-128]. Движение внутри этой логики не подчинено линейным закономерностям и в силу этого его перспективы не подлежат прогнозу *от наличного*: то, что в рамках классики именовалось логосом, носит принципиально игровой характер — «скрывает игру» [17, с. 148-149].

Согласно постмодернистскому видению ситуации, бифуркационный выбор принципиально не подчинен линейному детерминизму. В терминологии Ж. Делеза, точка бифуркации открывает веер равновозможных, но «не-совозможных» версий разворачивания событийности, и актуализация той или иной из них («выбор») осуществляется принципиально случайным путем. Разрешение бифуркационной ситуации интерпретируется М. Фуко как реализующееся вне какого бы то ни было внешнего детерминационного воздействия — равно как и вне следования какой бы то ни было имманентной внутренней закономерности. Нелинейные аналитики, по Ж. Делезу, речь идет о том, чтобы не только учитывать случайное разветвление, но и «разветвлять случай» [13, с. 82]. Ж. Делез иллюстрирует эту презумпцию словами

Х.Л. Борхеса: «число жеребьевок бесконечно. Ни одно решение не является окончательным, все они разветвляются, порождая другие» [18, с. 75].

В итоге подобный подход, несмотря на свою плывущую плюральность, позволяет достаточно четко зафиксировать морально-этическое измерение нелинейной ситуации выбора: поскольку поворот вектора эволюции в ту или другую сторону объективно случаен, постольку предшествовавшие настоящему моменту (и определившие его событийную специфику) бифуркации, с одной стороны, казалось бы, смягчают ситуативную ответственность индивида за совершенные им в тот или иной момент поступки: как пишет Ж. Делез, «нет больше Адама-грешника, а есть мир, где Адам согрешил» [13, с. 141]), однако ситуация нелинейности вполне определенно налагает на субъекта ответственность за спровоцированные им флуктуации, а значит – и определяемое ими будущее.

Список литературы

1. Lighthill, J. Recently Recognized Failure of Predictability in Newtonian Dynamics // *Proceeding of the Royal Society*, – № А 407. – L., 1986. – P. 35-50.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // *Философия эпохи постмодерна*. – Мн. : Красико-принт, 1996. – С. 140-158.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
4. Эйнштейн, А. Мотивы научного исследования // А. Эйнштейн. Собр. научн. трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967.
5. Николис, Г., Пригожин И. Познание сложного. – М. : Мир, 1990. – 342 с.
6. Моисеев, Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // *Вопросы философии*. – 1990. – № 6. – С. 32-45.
7. Баблюяц, А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. – М.: Мир, 1990. – 374 с.
8. Пригожин, И. Философия неустойчивости // *Вопросы философии*. – 1991. – № 6. – С. 46-52.
9. Misra, B., Prigogine, I. Time, Probability & Dynamics // *Long-Time Prediction in Dynamics*. – N.Y. – L., 1983. – 296 p.
10. Князева, Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопросы философии*. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
11. Thom, R. Stabilité structurelle et morphogénèse. – P. : Vrin, 1972. – 298.
12. D'haen, T. Postmodernism in American Fiction & Art // *Approaching Postmodernism*. – Amsterdam – Philadelphia, 1986. – P. 211-231.
13. Делез, Ж. Логика смысла. – М. : Академия, 1995. – 298 с.

14. Барт, Р. Две критики // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 262-267.
15. Борхес, Х. Л. Письмена Бога. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
16. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М: Прогресс, 1988. – 224 с.
17. Деррида, Ж. Хора // Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97 – М. : Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 122-170.
18. Борхес, Х.Л. Работы разных лет. – М. : Радуга, 1989.

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПЕДАГОГА В СФЕРЕ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пальчик Геннадий Владимирович,

доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики и проблем развития образования
Белорусский государственный университет

Аннотация Проблема подготовки педагогических кадров для учреждений высшего образования в условиях развития информационного общества рассматривается в комплексе разноуровневых аспектов и факторов, основанных на реализации принципов преемственности образовательного процесса на различных уровнях системы непрерывного профессионального образования. В данной статье особое внимание уделяется теоретико-методологическому обоснованию и проектированию модели и научно-методического обеспечения образовательного процесса инновационного типа на уровне углубленного высшего образования с целью развития потенциала личности специалиста как педагога в сфере своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: подготовка педагогических кадров, профессорско-преподавательский состав, развитие педагогического потенциала личности

DEVELOPMENT OF THE POTENTIAL OF A MODERN SPECIALIST AS A TEACHER IN THE SPHERE OF HIS PROFESSIONAL ACTIVITY

Palchyk Henadzi Vladimirovich,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of the Department of Pedagogy and Problems of Education Development
Belarusian State University

Abstract The problem of training teaching staff for higher education institutions in the context of the development of the information society is considered in a complex of multi-level aspects and factors based on the implementation of the principles of continuity of the educational process at various levels of the continuous professional education system. This article pays special attention to the theoretical and methodological substantiation and design of the model and scientific and methodological support of the educational process of an innovative type at the level of higher education in order to develop the potential of a specialist as a teacher in the sphere of his professional activity.

Keywords: training of teaching staff, faculty, development of the pedagogical potential of an individual

Подготовка педагогических кадров для системы высшего образования в социокультурном дискурсе последнего десятилетия окончательно утратила статус проблемы «образовательно-технологического» типа; с каждым годом она приобретает новые грани и парадоксальным образом – по мере накопления теоретического и практического опыта ее осмысления – «расширяется» одновременно в самых разных направлениях и аспектах (методологическом, историко-культурном, сравнительном, антропологическом, прогностическом и др.) [1]. В этом контексте национальная система образования Республики Беларусь также сталкивается с целым рядом новых вызовов, сложно структурированный характер которых предопределяет комплексный характер задач, требующих неотложного решения именно в силу своей стремительной накапливаемости в ситуации постоянно изменяющегося общественно-политического, экономического, культурного ландшафта [2]. При этом закономерным (но далеко не очевидным для тех, кто так или иначе вовлечен в решение проблемы) образом субъектами педагогического образования в настоящее время оказываются практически все, кто так или иначе вовлечен в социально-экономическое производство, вне зависимости от возраста, сферы деятельности, уровня квалификации, опыта и т. д.

В контексте развития информационного общества как «общества знаний» одним из ключевых условий для достижения указанной комплексной цели становится последовательная реализация идеи образования на протяжении всей жизни, что в числе прочего предполагает развитие педагогического потенциала у каждого человека, так или иначе включенного в процесс профессиональной самореализации и личностного саморазвития [3]. Можно говорить о том, что функционирование в условиях современного дискурса (в разных его подсистемах и сегментах: политико-экономическом, культурном, образовательном и т. д.) неизбежно включает человека – как личность и как обладателя той или иной профессии – в процесс непрерывного совершенствования, (само)образования, направленного как на самого себя, так и на окружающих, что актуализирует в постоянном режиме широкий спектр психолого-педагогических навыков и компетенций. По сути, в настоящее время любой специалист, вне зависимости от сферы занятости и уровня занимаемой должности, оказывается вовлеченным в непрерывный педагогический процесс, понимаемый в самом широком смысле как обеспечение максимально

результативной трансляции необходимой информации и передачи опыта с целью их эффективного использования.

Иначе говоря, тенденции развития информационного общества в целом и рынка труда в частности актуализируют целый комплекс задач, связанных не только с подготовкой собственно педагогических кадров для разных уровней и сегментов национальной системы образования, но и с формированием своего рода педагогической культуры личности современного специалиста. Поиск наиболее оптимального (в смысле временных и ресурсных затрат) решения указанных задач чисто эмпирическим (исключительно практическим) путем представляется непродуктивным, поскольку зачастую глобальный контекст существования образовательных практик изменяется радикальнее и стремительнее всех возможных ожиданий практики и, главное, ее готовности оперативно реагировать на трансформации тектонического типа. В качестве одного из ключевых параметров эффективной образовательной системы, нацеленной на высокое качество образования как главный результат образовательной деятельности, сегодня рассматривается опережающий характер ее развития, обеспечить который в настоящее время возможно лишь на этапе проектирования этой системы в ходе реализации научных исследований инновационного типа.

В данном случае нецелесообразно вести речь о разрозненных исследовательских проектах узконаправленного характера, ориентированных на «изолированное» решение частных проблем, пусть и чрезвычайно актуальных. На наш взгляд, стратегически важное значение в этом контексте имеет, прежде всего, проведение комплексного научного исследования, которое имело бы междисциплинарный характер и было бы нацелено на разработку теоретико-методологических основ и научно-методического обеспечения подготовки кадров на второй ступени высшего образования в целях раскрытия потенциала личности бакалавра (специалиста) как педагога в сфере своей профессиональной деятельности. Именно такой подход смог бы обеспечить решение проблемы, коррелирующее со сложно структурированными вызовами времени и отвечающее ожиданиям заказчиков образовательных услуг (каковыми выступают наряду с государством и обществом и их непосредственные потребители). В числе прочего речь идет о теоретическом осмыслении и концептуализации накопленного отечественного и зарубежного опыта, а также о проектировании на этой основе инновационных моделей подготовки педагогических кадров в магистратуре, которая в современном

образовательном пространстве призвана (в числе прочего) выполнять функцию «генератора» педагогической культуры высококвалифицированных кадров как необходимого условия их непрерывного профессионального саморазвития и самосовершенствования. Таким образом, принципиальной позицией становится понимание многоцелевого характера указанного научного исследования, уже таксономия (определение системы целей) которой само по себе могло бы стать предметом пристального исследовательского интереса.

Обращаясь к обзору новых профессий ближайшего десятилетия, подтверждающему «ожидания человечества в части технологических и инновационных прорывов, к которым, вероятнее всего, будут не готовы рынки труда и система образования» [4, с. 22], современные исследователи указывают на прямую связь устойчивости развития национальных экономик с уровнем развития человеческого капитала, инноваций и технологий. Причем рост так называемой экономики человеческого капитала обусловлен способностью той или иной образовательной системы к формированию и непрерывному развитию компетенций, структурообразующих для личности человека «общества знаний». Их перечень несколько варьируется у различных исследователей, но ядро остается практически неизменным и включает адаптивность к разноуровневым и разномасштабным трансформациям социокультурного контекста, креативность и критическое мышление, навыки эффективной коммуникации с разными людьми и в разных, изменяющихся обстоятельствах и контекстах, а также мотивированность к образованию на протяжении всей жизни. Последние компетенции предполагают не только внутреннюю ориентированность личности на постоянное самосовершенствование и саморазвитие, но и высокий уровень педагогической культуры, позволяющий специалисту выступать одновременно в качестве объекта и субъекта образования в широком смысле.

Общий целевой вектор предполагаемых исследований тесным образом связан с содержанием деятельности современной высшей школы, ориентированной на подготовку специалистов, которые уже на старте профессиональной деятельности должны обладать «базовым набором» так называемых навыков XXI века. Подобные проекты должны сочетать фундаментальность концептуально-теоретических и методологических походов с практической ориентированностью планируемых результатов; кроме того, чрезвычайно важными представляются реалистичность и

вместе с тем прогностичность проектирования и разработки структурно-функциональных моделей, алгоритмов их имплементации, а также ресурсного обеспечения. В этом случае результаты могут использоваться как для дальнейших фундаментальных исследований, нацеленных на уточнение актуальных подходов и моделей профессионального образования в условиях быстро меняющегося социокультурного ландшафта и образования как его неотъемлемой части, так и в отраслевых научно-технических программах, в части создания современного научно-методического обеспечения для подготовки бакалавров (специалистов) разных специальностей.

Очевидно, что функционирование всего человеческого сообщества в условиях наиболее масштабной за всю отслеживаемую историю пандемии радикальным образом повлияло на базовые модели и алгоритмы деятельности, в том числе профессиональной, а также образовательной. Научная новизна предлагаемого проекта обусловлена отсутствием в Беларуси исследований по аналогичной тематике и четким осознанием уже на этапе планирования того, какими базовыми характеристиками должны обладать модели и комплексное научно-методическое обеспечение подготовки педагогических кадров на второй ступени высшего образования в целях раскрытия потенциала личности бакалавра (специалиста) как педагога в сфере своей профессиональной деятельности.

Разработка соответствующих теоретико-методологических основ развития системы подготовки педагогических кадров на второй ступени высшего образования должна, как уже отмечалось выше, вестись на междисциплинарном уровне с учетом новейших социокультурных вызовов и образовательных реалий. В первом приближении концептуальной основой исследований подобного рода должна стать ориентированность на разработку модульного содержания образования на основе вариативности и разноуровневости, а также современного научно-методического обеспечения для эффективного внедрения этих моделей в образовательную практику. Это, в свою очередь, определяет требования к структуре, содержанию и функциональным характеристикам научно-методического обеспечения, включая учебно-методические комплексы нового поколения (в том числе их электронные компоненты) [5].

Обязательным компонентом рассматриваемых научных исследований, определяющим их новизну и инновационный характер, является проектирование и разработка структурно-функциональной модели оценки качества подготовки педагогических кадров на второй ступени

высшего образования, прежде всего – в аспекте уровня сформированности их педагогической культуры, достаточного и необходимого для раскрытия потенциала личности бакалавра (специалиста) как педагога в сфере своей профессиональной деятельности. Показательно, что оценка качества результатов образования не только «замеряет» качество подготовки специалистов, но и очевидным образом указывает на качество предваряющих основной образовательный процесс научных исследований. Поэтому одним из этапов предполагаемых комплексных исследований должно стать обобщение и систематизация его результатов в аспекте оценки потенциала опережающего развития системы подготовки педагогических кадров на второй ступени высшего образования, причем особого внимания, на наш взгляд, заслуживает модульный подход к организации и реализации процесса подготовки соответствующих специалистов.

Список литературы

1. Пальчик Г.В., Якубель Г.И., Канашевич Т.Н. Подготовка педагогических кадров для учреждений высшего образования при реализации образовательной программы магистратуры. Университетский педагогический журнал. 2023;1:18–24.
2. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2021: <https://edu.gov.by/kontseptsiya-do-2030-goda/> дата обращения: 10.03.2025
3. Будущее образования: глобальная повестка. Краткое изложение результатов. [Электронный ресурс]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/6.-Obrazovanie-do-2035.pdf> (дата обращения: 10/03.2025).
4. Кондаков А. Образование: время перемен [Электронный ресурс]. URL <https://docplayer.ru/32184471-Obrazovanie-vremya-peremen-aleksandr-kondakov-prezident-oooinstitut-mobilnyh-obrazovatelnyh-sistem-d-p-n-chlen-korrespondent-rao.html> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Пальчик Г.В., Прохоренко О.Г. Научно-исследовательский семинар в логике проектирования и подготовки магистерской диссертации. Университетский педагогический журнал. 2024;2:10–15.

КАЛОКАГАТИЯ

Салеев Вадим Алексеевич

доктор филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии
НАН

Аннотация. В статье перемежаются размышления о развитии этического знания в советский период, о сложностях преподавания философских дисциплин, связи этики и эстетики с личными впечатлениями о встречах с С.Д. Лаптёнком, которые оказали влияние на автора.

Ключевые слова: этика, эстетика, аксиология, образование, ценности, мораль, культура.

KALOKAGATIYA

Saleev Vadim

Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy

Abstract The article alternates between reflections on the development of ethical knowledge in the Soviet period, on the difficulties of teaching philosophical disciplines, the connection of ethics and aesthetics with personal impressions of meetings with S.D. Laptenok, which influenced the author.

Keywords: ethics, aesthetics, axiology, education, values, morality, culture.

Сергея Даниловича Лаптёнка я знал довольно давно. Ещё до поездки в Москву, где в конце 60-х я поступил в аспирантуру философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и всерьёз занялся эстетикой. Вернее, за меня взялись (и всерьёз) преподаватели философского факультета МГУ, «выбивая» из меня остатки филологического напластования и насыщая по максимальной возможности «философским субстратом». К концу аспирантуры они, вероятно, посчитали, что «преображение» состоялось, тем более что на моём счёту, как у исправного аспиранта, были необходимые 3 публикации, содержащие вполне приемлемое для молодого учёного философское (вернее, эстетическое) качество.

Но вернувшись в родной город из Москвы, я неожиданно почувствовал прохладную атмосферу и, прежде всего, в философской среде. В Беларуси довольно насторожённо относятся к «чужакам». Но какой же я «понаехавший»? Все же я окончил БГУ, какое-никакое имя «заработал» в

художественной критике до отъезда в Москву? И, помнится, положил конец этому не кто иной, как Сергей Данилович. Особенно это касалось БГУ, ещё до перехода туда из нашей кафедры философии Белорусского Политехнического Института В.С. Степина и А.Н. Елсукова, тогда, естественно, стало полегче. Но первым моим «заступником» как раз-таки стал Сергей Данилович. Позже он сам мне сознался, что ему за это перепало. Тем большим было моё удивление, когда мне предложили (в редакции научного философского журнала БГУ) написать совместную статью с Сергеем Даниловичем. Замысел редакторов был прост – С.Д. Лаптёнок должен был осветить достижения белорусских исследователей в области этики, а В.А. Салеев в области эстетики.

Над этим предложением я всерьёз задумался. Будучи с детства погруженным в стихию эстетико-художественного (отец – режиссёр, дядя – народный артист, тётя – заслуженная артистка, мать – победительница многих республиканских вокальных конкурсов самодеятельности) я, и это мне, по молодости казалось естественным, не слишком серьёзно относился к этике. Тем более, что моральные принципы нам, шестидесятиникам, внушались как выдержки из «Кодекса строителя коммунизма». К тому же, эстетическое я, в то молодое время, автоматически ставил выше этического, и один из любимых мной романов «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда как бы утверждал меня в преимуществе моих предпочтений (несмотря на печальный конец главного героя). И, помнится, я был невероятно рад, когда позже, находясь уже в Москве, в аспирантуре философского факультета МГУ, я набрёл в библиотеке на сходную сентенцию из уст «солнца русской поэзии». А.С. Пушкин (вероятно, тоже по молодости) утверждал, что «прекрасное выше морали». Как ни странно, меня заставила задуматься этическая практика моего соавтора. Я ведь хорошо помнил (ещё до поездки в Москву) как воздействовали слова С.Д. Лаптёнка на людей (особенно молодых). Это были не лекции, а практически беседы, проводившиеся в крайне доверительном, душевном стиле.

И как ему удавалось обходить острые вопросы советской морали, до сих пор ума не приложу. Но все эти впечатления были давнишними, ещё до моего отъезда в Москву.

Я попробовал пойти другим путём. Вспомнил, чего я касался в сфере этики во время учёбы в аспирантуре. Воспоминания оказались краткими и фрагментарными, тем более достаточно интересными. Вспомнилось, что Аристотель считал этику практической философией, наукой, которая исследует главный вопрос: что и как должен делать человек. И потом, как

эту идею (этика – наука о должном) подхватил мой любимый Кант. Все три его знаменитые «Критики», которые я внимательно изучал, весь первый курс аспирантуры. Особенно меня привлекала кантианская концепция категорического императива и вытекающая отсюда абсолютизация долга. Я не разделял эту идею, как раз с эстетической точки зрения мне эта суровая строгость кантовского философского мышления казалась как раз-таки проявлением несвободы выражения человеческого начала, и, в известной степени, противостояла едва ли не обожаемой мной «Критике способности суждения». Именно здесь, в эстетике Канта, я находил и обоснование свободы творчества (в том числе и мышления) и тонкую интерпретацию прекрасного и искусства.

Но вернёмся к насущному. Должен признать, что первоначально, в ранней комсомольской молодости, я, безусловно, относил Сергея Даниловича Лаптёнка к адептам кантовской «практической философии». И даже завидовал ему: я же видел, с каким вниманием и уважением относились к его «беседам»-обращениям люди, и не только молодые. Но я убедился в том, что за те несколько лет, когда мы не виделись, он тоже преобразился. Теперь передо мной был уже известный (хоть ещё достаточно молодой) учёный, который осознанно «опредмечивал» в своей научной работе свой реальный опыт нравственного воспитания.

Есть и в науке невеликий контингент людей, которым суждено в жизни быть первопроходцами, я, к своему счастью, был лично знаком с некоторыми из них.

Таковым был мой научный руководитель в аспирантуре – создатель первой в СССР кафедры эстетики в том же МГУ имени М.В. Ломоносова, потом – декан философского факультета Михаил Федотович Овсянников, таковым был первый, по сути, пропагандист психологии в нашей республике Яков Львович Коломинский.

Таковым стал ко второй нашей встрече Сергей Данилович Лаптенок. И к этой встрече, и особенно к нашему «соавторству», он, шедший от своей богатой «практической этики», накопил и огромный опыт осмысления теоретической части своей уникальной науки.

Я же, несколько напрягшись, вспомнил и имена тех советских этиков, которые поразили меня во время учёбы (и позже) на философском факультете МГУ. Меня удивил и восхитил пассаж ленинградского этика А.Г. Харчева, который впервые в открытой печати, ближе к концу 60-х годов написал: «Если в произведении искусства нет этических ценностей, там больше нет никаких».

И это в то время, когда ни один эстетик не смог утвердить эту простую, но глубокую, сущностную мысль!

И потом – разве можно забыть, что укрепление в советской науке новой философской дисциплины – аксиологии (приверженцем которой до сих пор является автор этих строк) во многом связано именно с усилиями этиков, и прежде всего О.Г. Дробницкого, погибшего в авиакатастрофе в начале 70-х годов. И, наконец, мне вспомнилась одна из последних лекций моего незабвенного учителя М.Ф. Овсянникова в начале 1970-х годов, в 1-м учебном корпусе МГУ. Он вернулся из долгой зарубежной поездки (думается со Всемирного эстетического конгресса, из Швеции) и коснулся проблемы эстетического субъекта.

Утверждая идею, что эстетическое всегда завершает на высшем уровне любую человеческую деятельность и что эстетический субъект есть, по сути, творец культуры, в то же время, один из лидеров советской эстетики подчеркнул – «но только в соединении с этическим». И это, добавил Михаил Федотович, «люди прочувствовали довольно давно. Вспомним о доктрине калокагатии».

И я вспомнил: к идее, которую, по легенде, выдвинул Сократ и которую наиболее точно охарактеризовал его не менее знаменитый ученик Платон для обозначения человека благородного, совершенного, носителя развитых физических и духовных способностей.

Ибо по-древнегречески «калос» – это прекрасный, а «агатос» – хороший и добрый. И мне стало зябко: а сможем ли мы донести это высокое сочетание этического и эстетического в своём описании усилий наших современников. Помнится, в С.Д. Лаптёнке я не сомневался, но за себя опасался – все же я был ещё молодым учёным, только-только защитившим кандидатскую диссертацию.

Однако меня поддержал тот же Сергей Данилович. Прочитав мою часть текста, он хлопнул меня по плечу и сказал: «Годится».

Но наибольшую сатисфакцию я получил пару лет спустя, когда вышла из печати моя первая монография «Искусство и его оценка». Помнится, что Сергей Данилович прилюдно похвалил меня за неё, сообщив, что это новое слово в теории эстетики и подчеркнув, что «автор – мой соавтор».

Так он меня и представлял впоследствии – «мой соавтор». Кроме всего прочего, Сергей Данилович был очень добрым человеком... Как настоящий этик...

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОЛОГИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ДАНИЛОВИЧА ЛАПТЁНКА

Севостьянова Надежда Григорьевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук, Минский государственный лингвистический университет

Аннотация. Рассмотрены основные междисциплинарные методологии исследований отечественной моральной философии, которая содержит и разработки марксистско-ленинской этики. Основными стратегиями осмысления уникальной восточнославянской культуры выступают методологии цивилизационно-локальная, Восток-Запад, славянофильство, евразийство.

Ключевые слова: моральная философия, память, современность, междисциплинарная методология, цивилизационно-локальный подход, Восток-Запад, славянофильство, евразийство.

NATIVE MORAL PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH METHODOLOGIES: IN MEMORY OF PROFESSOR SERGEI DANILOVICH LAPTYONOK

Sevostyanova Nadezhda Grigoryevna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Social Sciences, Minsk State Linguistic University

Abstract. The article considers the main interdisciplinary methodologies for studying Russian moral philosophy, which also contains the developments of Marxist-Leninist ethics. The main strategies for understanding the unique East Slavic culture are the following methodologies: civilizational-local, East-West, Slavophilism, Eurasianism.

Keywords: moral philosophy, memory, modernity, interdisciplinary methodology, civilizational-local approach, East-West, Slavophilism, Eurasianism.

В этом году философское сообщество Беларуси отмечает 90-летие профессора Сергея Даниловича Лаптёнка. Светлой памяти философа, внесшего весомый вклад в развитие отечественной интеллектуальной культуры, этической мысли советской и суверенной Беларуси, посвящается и эта статья.

Мои воспоминания о Сергее Даниловиче в основном относятся ко времени существования в структуре Белорусского государственного

университета кафедры марксистско-ленинской этики, эстетики и научного атеизма. Он был заместителем заведующего этой кафедрой в 1975–1977 годах. То было время расцвета марксистско-ленинской идеологии в условиях советского образа жизни. В своих консультациях Сергей Данилович увлеченно рассуждал на темы истории этики, ее основных категорий, к которым относил и нравственную ответственность в контексте активной жизненной позиции личности. Владея мастерством университетского лектора, Сергей Данилович был и востребованным пропагандистом общества «Знание», увязывал дело образования, просвещения и воспитания молодежи.

Крупный ученый, он был красивым и улыбчивым человеком, обаятельным и энергичным, открытым и доброжелательным, цельным и душевным. Заинтересованно поддерживал научную коммуникацию и всегда был полон творческих замыслов.

Затем научно-педагогическая карьера С.Д. Лаптёнка достигла высот защиты докторской диссертации по этике в Москве (1984 г.), присвоения ученого звания профессора по кафедре марксистско-ленинской философии. На рубеже веков Сергей Данилович работал заведующим НИЛ социологических исследований БГУ, изучал проблемы образования, культуры и нравственного воспитания молодежи.

«Долгое время Сергей Данилович был фактически единственным в республике специалистом высшей научной квалификации в области этики. Понимая свою ответственность за развитие данного направления науки в республике, он много и напряженно работал над продолжением академических традиций, созданием собственной научной школы», — отмечает А. Н. Данилов, член-корреспондент НАН Беларуси.

Ведущий специалист в области теории этики и социально-этических проблем семейно-брачных отношений, профессор С.Д. Лаптёнок рассматривал этику как философскую науку – онтологию, гносеологию и праксиологию морали. Подчеркивал философскую природу метаэтики, нормативной и прикладной этики. Семью изучал как важнейшую ячейку общества, природную и социокультурную среду формирования личности. Полагал, что духовно-нравственные потребности и интересы, цели и ценности являются определяющими в семейно-брачных отношениях.

Семья как предмет междисциплинарных исследований профессора была и плодотворным делом его частной жизни вплоть до продолжения династии в лице доктора философских наук, заведующего кафедрой философии и методологии науки БГУ Александра Сергеевича Лаптёнка.

Сегодня традиционные ценности закреплены в Конституциях Беларуси и России, выступают основой идеологии Союзного государства. Творческое наследие профессора С.Д. Лаптёнка, его книги и статьи по-прежнему актуальны и ждут своих исследователей несмотря на то, что сегодня в учебных планах многих учреждений высшего образования нет учебной дисциплины «Этика» и претерпела существенные предметные трансформации учебная дисциплина «Философия».

Моральная философия «распылена» в современных образовательных стандартах и технологиях обучения, но по-прежнему выражает суть отечественной духовно-нравственной традиции. Отвечая на вопрос о недостаточной профессионализации русской философии, об отсутствии в ней гносеологии и систем, В.В. Зеньковский утверждал: «у философии не один, а несколько корней, и все ее своеобразие именно этим определяется... Философия не вещает, а убеждает... Моральная установка – один из самых действенных истоков русского философствования» («История русской философии»). Отечественная моральная философия несет в себе светское и религиозное начала, которое уникальным образом выражено в философии Беларуси через свободомыслие и антитринитаризм.

Исторические события XXI века поставили под сомнение так называемые прогрессистские концепции общественного развития, в рамках которых рассуждения о цивилизационном разнообразии современного мира объединяются с тезисом об универсальности западной модели мироустройства. В связи с этим в общественном обсуждении поднимаются вопросы о многовариантности развития всемирно-исторического процесса и роли в нем самобытной национальной культуры.

Приобретает особую актуальность цивилизационно-локальный подход и концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского («Россия и Европа»), в которой восточнославянское предпологает ведущую роль самобытного славяно-русского культурно-исторического типа, который вобрал в себя христианское миропонимание, в том числе русское православное мировоззрение с идеями соборности и народного самосознания.

Отечественная философия (белорусская, самобытная русская и российская) представляет собой уникальный феномен, сформировавшийся на пересечении западноевропейской и восточной интеллектуальных традиций. Многомерную совокупность идей и концепций, сложившихся в восточнославянской культуре на протяжении тысячелетней истории ее развития. Отечественная философия обусловлена географическими,

экономическими, геополитическими и геокультурными, социальными факторами. Опосредована процессами культурно-цивилизационного самоопределения и перипетиями исторического и духовного развития восточнославянских суперэтносов.

По сути своей моральная, смысложизненная, экофильная, отечественная философия характеризуется реалистичностью и практичностью в исследовании духовного опыта человека и общества. Ее отличают религиозность и соборность, историософия и мессианство, патриотизм и идеологизм, социальность и поиск справедливости и правды, этизм и эстетизм, литературоцентризм, академическая форма самовыражения, эпистолярная и трактатная традиции, творческий характер заимствований идей западных мыслителей и оригинальность.

Сегодня, в условиях геополитического противостояния Союзного государства и Запада, уникальная отечественная философия рассматривается в контексте междисциплинарных методологий. Таких, как цивилизационно-локальный подход, стратегия исследований «Восток-Запад», евразийство и неоевразийство, славянофильство и западничество, диалектика и синергетика, а также аналитическая, критическая, герменевтическая методологии исследований.

Так высвечиваются специфика белорусского и русского в отечественной интеллектуальной культуре. Формирование русской философии происходило в сложной геополитической и культурной среде. Россия исторически находилась на стыке цивилизационных миров: православно-византийского, западноевропейского и степного тюрко-монгольского. В евразийской теории Л.Н. Гумилева («От Руси к России») отмечено, что именно этот синтез сделал Русь не просто географическим мостом между Европой и Азией, но особым культурно-историческим пространством.

«Русская самобытная философия представляет собой борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» (А.Ф. Лосев «Русская философия»).

Русская философия означает соборную мысль, в которой истина рождается в диалоге и историческом развитии. Не строится на рационально-индивидуалистических принципах Просвещения, но и не является мистической иерархией Востока. Это идея коллективного единства, основанного не на рациональном договоре, а на духовном согласии.

Соборность напрямую связана с православной традицией, но отражает также влияние степных азиатских моделей общественного устройства. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев видели в соборности путь к духовному спасению России. Л.Н. Гумилев («От Руси к России») рассматривал соборность как отражение пассионарности русского этноса – стремления народа к историческому прорыву. В русскоязычной культуре византийская традиция играет фундаментальную роль (А.С. Панарин «Православная цивилизация»). Но духовная культура Беларуси отмечена поликонфессиональностью по причине ее пограничного центрально-европейского характера. Сегодня в специальных исследованиях нередко утверждается, что восточнославянская соборность – не архаичное явление, а альтернативная форма социального устройства, способная конкурировать с западным либерализмом.

В XX веке сформировалась междисциплинарная методология евразийства как ответ на вызовы западного модерна. А.Дж. Тойнби («Столкновение цивилизаций») считал, что русская цивилизация обречена на столкновение с Западом, так как ее культурные коды слишком отличаются от европейских. Рассматривал Россию как «пограничную цивилизацию», находящуюся между Западом и Востоком. Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий в своих трудах подчеркивали, что Россия не является «младшей Европой», а представляет собой самостоятельный культурный мир. «Местоположение» и «месторазвитие» каждой цивилизации в определенной географической и исторической среде определяют ее уникальный путь.

Критикуя западные концепции глобализации, А.С. Панарин утверждал, что они не учитывают специфику православных и восточных обществ. По его мнению, глобализация – это форма культурного империализма, а русская православная цивилизация должна выработать альтернативную модель. Философ рассматривал Россию не как «пограничную зону», а как центр собственной евразийской цивилизации.

В XXI веке идеи евразийства переживают новую волну исследовательского интереса. Геополитическое евразийство как российский аргумент в пользу многополярного мира рассматривается в концепции «русского мира». Философское евразийство содержит попытки осмыслить русскую мысль в диалоге с западными и восточными философскими традициями. Евразийская подоснова отечественной философии является не просто геополитическим или геокультурным феноменом, а глубокой

философской традицией, которая осмысливает альтернативные модели цивилизационного развития.

Философская традиция Беларуси формировалась в условиях постоянного взаимодействия и соперничества двух культурных миров – западного (католико-протестантского) и восточного (православно-византийского). Это обусловило ее интеллектуальную пограничность и духовную культуру, в которой синтезировались идеи коллективизма и индивидуализма, соборности и рациональности, религиозности и светского мышления.

Географическое место между Западом и Востоком, Европой и Азией породили феномен пограничной культуры и определили своеобразие философской мысли Беларуси. Геополитическое вхождение в состав разных государств обусловило не только культурные рецепции, но и возможность интеграции славяно-русского и западноевропейского. Творческое наследие С. Будного, К. Лыщинского, С. Полоцкого, Ф. Скорины принадлежит не только белорусской и русской, но и западноевропейским культурам.

В отличие от России, которая осмысливала себя в рамках отдельной цивилизационной миссии, и Польши, которая ориентировалась на латинскую традицию, белорусская философская мысль вынуждена была балансировать между разными цивилизационными моделями. Философия Беларуси своеобразно трансформировала инокультурные заимствования в соответствии со своими архетипами. Впитала не только православные, но и западноевропейские интеллектуальные традиции, включая идеи Реформации и Просвещения.

Цивилизационное пограничье обусловило не только столкновение, но и синтез ряда философских идей. В этой связи рассматриваются так называемая диффузионная модель, которая сообщает, что философские взгляды распространяются с культурных центров (Западная Европа, Россия) на периферию, и противоположная ей цивилизационная модель. Согласно ей философия Беларуси не просто сочетает разные влияния, а трансформирует их, создавая новую смысловую реальность и национальную идентичность. Это не механическая смесь западных и восточных идей, а уникальная интеллектуальная традиция, представляющая собой динамическую систему взаимодействия цивилизаций.

«Православная цивилизация» в принципе сопротивляется поглощению, сохраняя внутреннюю целостность. Но в моральной философии Беларуси происходил не только конфликт, но и симбиоз с западной светской и религиозной культурой. В контексте методологии

евразийства и пассионарности Л.Н. Гумилева («От Руси к России») возможно утверждение, что философия Беларуси не утратила своего пассионарного заряда, а адаптировалась к меняющимся условиям, превращаясь в интеллектуальный мост между Россией и Европой.

Методологическая особенность философии Беларуси выражается в ее прагматическом синтезе, в отличие от диалектической традиции России и аналитической традиции Запада. Допускается множественность интерпретаций истины в отличие от русской духовной абсолютности. Философия Беларуси уникальным образом сочетает диалектику, соборность и критический рационализм.

Таким образом, отечественная моральная философия, наследуя в том числе разработки марксистско-ленинской этики, развивается и изучается сегодня посредством междисциплинарных методологий исследований Восток-Запад, евразийства, цивилизационно-локальной и других стратегий осмысления уникальной восточнославянской культуры. Сегодня все мы славянофилы.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Фурманов Игорь Александрович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и
организационной психологии,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Обсуждается роль стыда и вины в моральной регуляции агрессивного поведения. Различия между эмоциями вины и стыда определяются акцентом негативной оценки. Когда люди чувствуют вину, они испытывают болезненные переживания по поводу определенного поведения, по поводу того, что они сделали. Когда люди чувствуют стыд, они испытывают болезненные переживания по поводу себя. Чувство вины включает ощущение напряженности, желания раскаяния и исправления сделанного, сожаления о неблагоприятном поступке. Чувство стыда включает с себя переживания смущения и позора и желания уйти из вызывающей стыд ситуации.

Ключевые слова: моральная регуляция поведения, вина, стыд, агрессия

EMOTIONAL FACTORS OF MORAL REGULATION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR

Fourmanov Igor A.

PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Organizational
Psychology, Belarusian State University

Abstract. The role of shame and guilt in the moral regulation of aggressive behavior is discussed. The differences between the emotions of guilt and shame are determined by the emphasis of negative evaluation. When people feel guilty, they experience painful feelings about certain behavior, about what they have done. When people feel ashamed, they experience painful feelings about themselves. The feeling of guilt includes a feeling of tension, a desire for remorse and correction of what has been done, regret for an unseemly act. The feeling of shame includes feelings of embarrassment and shame and the desire to get out of a shameful situation.

Keywords: moral regulation of behavior, guilt, shame, aggression

Одними из важнейших факторов, оказывающим влияние на характер поведения, являются особенности морального компонента регуляции. Реализация агрессии во многом зависит от силы переживания эмоций стыда и вины. Чувства стыда и вины корректируют поведение до и после совершения поступка. Первые связаны с переживаниями робости и

застенчивости, ощущением бесполезности и желанием избежать вызывающей стыд ситуации, вторые – с ожиданием наказания за содеянное, сопровождающимся страхом и повышением тревожности. Таким образом, различие между чувством стыда и вины состоит в том, что первая является «внутренним», обусловленным принципом самоконтроля, а вторая – «внешним» регуляторами агрессии.

Стыд и вина – это категории «моральных» эмоций в первую очередь связанных с саморефлексией, самооценкой и самопорицанием.

Вопрос различий между этими двумя эмоциями фокусируется на степени негативности их оценки. Когда люди чувствуют вину, они испытывают болезненные переживания по поводу определенного поведения, по поводу того, что они *сделали* («я *сделал* эту ужасную вещь»). Когда люди чувствуют стыд, они испытывают болезненные переживания по поводу *себя* («я *сделал* эту ужасную вещь»). Чувство вины включает ощущение напряженности, желания раскаяния и исправления сделанного, сожаления о неблагоприятном поступке. Чувство стыда сопровождается переживаниями смущения и позора и желанием уйти из вызывающей стыд ситуации.

Кроме того, оценивая свои поступки люди, переживающие стыд, в сравнении с людьми, переживающими вину, обращают внимание на различные вещи. При чувстве стыда, люди более склонны волноваться о том, как другие могли бы оценить их поведение (например, мог бы друг подумать, что он – «слабак» или могли бы родители расценить его или ее действия как неблагоприятный проступок). Напротив, чувствуя вину, люди склонны концентрироваться на эффекте их поступков в отношении других (например, насколько небрежное замечание травмировало другого человека или насколько они разочаровали собственных родителей).

Феноменологические исследования показывают, что стыд часто мотивирует избегание, склонность к защитному поведению и отрицание признания вины, извинение или устранение вреда [1]. Люди, чувствующие стыд, часто, чтобы сообщить о желании бежать от вызывающей стыд ситуации, говорят, что готовы «провалиться под землю» и исчезнуть. Отрицание ответственности (или действий) очевидно. Пристыженные люди мотивированы, чтобы скрыть свои «преступления» и себя от других, чтобы избежать боли стыда. В дополнение к мотивации сепарационного поведения, исследования обнаруживают, что стыд часто приводит к экстернализации обвинений и гнева. При переживании стыда, враждебность первоначально направлена внутрь, к «Я». Но поскольку это влечет за собой

глобальную негативную самооценку, человек, переживающий стыд, склонен чувствовать себя «загнанным в угол» и «пойманным за руку». И как следствие этого, пристыженный человек начинает защищаться. Один из способов защитить «Я» и восстановить ощущение контроля, состоит в том, чтобы переадресовать эти враждебность и вину наружу. Вместо того, чтобы принять ответственность за то, что он, например, обидел друга, пристыженный человек начинает придумывать оправдания и отрицать, что он сказал что-нибудь оскорбительное, и даже будет обвинять друга в том, что тот слишком остро отреагировал на его слова или неправильно его понял. По-видимому, не всякий гнев присущ стыду, а только иррациональные ярость и гнев, которые прорываются внезапно и аффективно, и составляют основу чувств стыда. Таким образом, стыд мотивирует людей к сепарации, дистанцированию, агрессивной защите или возмездии.

Как показывают исследования, люди, испытывающие чувство вины, часто сообщают о навязчивых мыслях и переживаниях по поводу совершенного проступка и желании что-то исправить в своем поведении [2]. Вина типично мотивирует поведение, направленное на исправление сделанного: признание вины, извинение или устранение вреда, который был причинен. Таким образом, переживания чувства вины более склонны сохранять люди, конструктивно, проактивно вовлеченные в вызывающую вину ситуацию.

Вина полезна и помогает людям избегать нарушений норм и правил и выдерживать моральную стратегию поведения в течение жизни. Например, установлено, что склонные к вине подростки имеют более низкий риск совершения делинквентного поступка, чем менее склонные к вине сверстники. Даже у взрослых в рискованной ситуации, предрасположенность к переживанию вины, выполняет защитную функцию. В лонгитюдном исследовании заключенных было выявлено, что предрасположенность к переживанию вины понижает уровень рецидивизма в течение первого года после освобождения [2].

Склонные к стыду люди, более вероятно, выскажут упреки и возмущение, когда их разозлили, но и более вероятно, что они выразят свой гнев разрушительным способом. Например, в исследовании детей, подростков, студентов и взрослых предрасположенность к стыду устойчиво коррелировала со злорадными намерениями, склонностью к прямой физической, вербальной, символической агрессии и косвенной агрессии, а также со смещенной агрессией, аутоагрессией и подавленным гневом [2].

В итоге, вина позволяет людям намного лучше справиться с проблемой, чем стыд. Действительно, проще изменить плохое поведение, чем изменить установку «Я – плохой».

Возникновению чувств вины и стыда способствуют некоторые внутренние активаторы, действие которых актуализируется при минимально благоприятных социокультурных условиях. В дополнение к естественным активаторам вины каждая культура и каждый социальный институт (семья, религиозная организация и т.д.), связанные с человеческой этикой и моралью, предписывают определенные стандарты поведения, обучая им детей. Эти предписания образуют когнитивный компонент совести. Сочетание его с эмоциональным компонентом – чувствами стыда и вины, образует аффективно-когнитивные структуры, обеспечивающие высокое морально-этическое развитие. Эти структуры руководят действиями, которые лежат в основе морального и этического поведения в целом.

В частности, нашими исследованиями [3, 4] определено, что различные виды нарушений поведения обнаруживаются у трех категорий детей, имеющих специфические особенности механизма нравственной регуляции. Первая – это дети, не имеющие собственных устойчивых моральных принципов, этических стандартов поведения и нравственных ограничителей агрессивного поведения. У них фактически отсутствуют внутренние регуляторы их поведения, и они не испытывают вины и стыда за совершенный проступок. Вторая категория – это дети, имеющие конфликтные взаимоотношения между внутренними и внешними регуляторами поведения, а именно их отличает несформированность моральных норм, но они вынуждены подчиняться требованиям окружающих. Основным фактором, сдерживающим их агрессивность, является страх наказания (высокое чувство вины). Тем самым, для них характерен постоянный конфликт между совестью и чувством вины, который приводит к усилению негативных эмоциональных состояний. Третья – это дети более зрелые в нравственном плане, однако для них характерен конфликт между собственными нормами поведения и чрезмерно завышенными морально–этическими стандартами окружающих или неприемлемыми конвенциональными нормами. В связи с этим, как отсутствие внутренних моральных оценочных критериев, так и неадекватные (завышенные/ заниженные) нравственному развитию ребенка требования со стороны окружающих приводят к возникновению различных видов нарушений поведения.

Таким образом, обобщив вышеизложенное, можно более или менее четко развести понятия «чувство стыда» и «чувство вины».

Чувство стыда можно охарактеризовать как аффективное состояние, возникающее в результате предвидения осуждения или наказания за нарушение морального предписания, до совершения действия, которое субъект может переживать в виде неясного чувства собственного ничтожества. Стыд – это основанные на страхе убеждения в собственной непривлекательности, неприятности и недостойности любви. Переживания несоответствия, униженности, обиды, позорности, которые являются прямой угрозой самости и идентичности. В этом случае могут использоваться различные мотивационные стратегии: а) аутоагрессия в случае осуждения себя; б) агрессия в отношении других, чтобы устранить источник угрозы самооценке; в) бегство, чтобы скрыть свою «испорченную» самость [5].

Чувством вины следует считать ощущение своей виновности, которое нельзя объяснить с позиции нарушения сознательных ценностей человека. Чувство вины обозначает аффективное состояние, возникающее вслед за нарушением морального предписания, после совершения действия, которое субъект считает предосудительным по тем или иным причинам, или же неясное чувство собственного ничтожества, не связанное с каким-либо конкретным поступком, вызывающим раскаяние субъекта [6]. В связи с этим вина может возникать как от свершения или от реальных чувств, мыслей или действий, нарушающих моральные стандарты, так и от упущения, от невозможности поступить определенным образом.

На чувство вины оказывает прямое влияние степень выраженности агрессивных чувств индивида, которое он направляет на самого себя в моральном осуждении [7]. Чувство вины мотивирует такие реакции как раскаяние, признание вины, извинение или устранение вреда.

В заключение следует отметить, что моральная регуляция предполагает сочетание устойчивости к искушению, подчинение самоинструкции и способности испытывать раскаяние. Устойчивость к искушению есть функция обучения поведению избегания, самоинструкция подчиняться моральным принципам – функция подражания родителям, а способность испытывать раскаяние – функция негативного подкрепления (по ассоциации со страхом наказания, либо тревогой, ожиданием возмездия в будущем). Исходя из этого, в качестве критериев эффективной моральной регуляции, пожалуй, можно выделить следующие индикаторы: а) принятие моральных ценностей; б) усвоение чувства моральной обязанности и

верности этим ценностям; в) достаточная способность к самокритике для восприятия противоречий между реальным поведением и принятыми ценностями.

Список литературы

1. Tangney, J. P. Shame / J. P. Tangney // Encyclopaedia of Social Psychology. 2007. SAGE Publications. 26 Sep. 2009. Режим доступа: http://sage-reference.com/socialpsychology/Article_n514.html . – Дата доступа: 20.03.2025.
2. Tangney, J. P., Guilt / J. P. Tangney // Encyclopaedia of Social Psychology. 2007. SAGE Publications. 26 Sep. 2009. Режим доступа: http://sage-reference.com/socialpsychology/Article_n245.html. – Дата доступа: 20.03.2025.
3. Фурманов, И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста / / И.А. Фурманов.– Минск, 1997. – 198 с.
4. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А.Фурманов. С–Пб., 2007. – 480 с.
5. Фурманов, И.А. Стыд и вина как моральные регуляторы агрессивного поведения/ И.А. Фурманов // Психологический Vademecum: Социализация личности в условиях неопределенности:(региональный аспект : сборник научных статей / под ред. С.Л. Богомаза и др. – Витебск : ВГУ, 2021. – С. 43–48.
6. Лапланш, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.–Б. Понталис.– М., 1996.– 623 с.
7. Райкрофт, Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт.– С–Пб., 1995.– С. 56.

АКТУАЛЬНЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ФИЛОСОФА С. Д. ЛАПТЁНКА

Швабовская Ольга Валерьевна,

соискатель кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Беляева Елена Валериевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению философского наследия доктора философских наук, профессора Сергея Даниловича Лаптёнка. Многие его идеи, изложенные в монографиях, публикациях актуальны и сегодня. Это – нравственное воспитание молодёжи, необходимость передачи новому поколению правильных ценностных установок, и самая главная тема его творчества: семья как социальный институт, её сущностное значение в жизни человека и общества, нравственные основания советской семьи. В статье охарактеризована аналитическая работа С.Д.Лаптёнка, касающаяся исследований семейно-брачных отношений белорусского общества. Это и трансформация роли женщины в обществе и семье в связи с востребованностью женской рабочей силы на рынке труда, большая независимость женщины от мужчины, а также ситуация двойной нагрузки женщин: быт и работа.

Ключевые слова: нравственные основания семьи; воспитательная функция семьи; духовно-нравственный потенциал семьи.

TOPICAL MORAL PROBLEMS IN THE WORKS OF THE BELARUSIAN PHILOSOPHER S.D. LAPTYONOK

Shvabouskaya Olga V.

graduate student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Belarusian State University

Belyaeva Elena V.

ScD in Philosophy, Docent, Professor of the Department of Philosophy of Culture,
Belarusian State University

Abstract. The article is devoted to the consideration of the philosophical heritage of Doctor of Philosophy, Professor Sergei Danilovich Laptenok. Many of his ideas, set out in monographs and publications, are relevant today. This is the moral education of youth, the need to pass on correct value systems to the new generation, and the most important theme of his work: family as a social institution, its essential meaning in the life of a person and society, the moral foundations of the Soviet family. The article characterizes the analytical work of Sergei

Danilovich Laptenok, concerning the study of family and marital relations in Belarusian society. This is the transformation of the role of women in society and family, in connection with the demand for female labor force in the labor market, greater independence of women from men, as well as the situation of double burden of women: everyday life and work

Keywords: moral foundations of the family; educational function of the family; spiritual and moral potential of the family.

Общество – это сложный организм, который устроен в соответствии с духом своего времени. Сергей Данилович Лаптёнок, белорусский философ, доктор философских наук, профессор, являясь патриотом своей страны и учёным, исследовал общество с самой интимной и важной его стороны – со стороны Человека и Семьи. В данной статье хотелось бы сфокусироваться на некоторых актуальных темах его творчества, и первая – это воспитание молодёжи.

С. Д. Лаптёнок, говоря о нравственном воспитании молодежи, обращал внимание на социальное происхождение добра. «Кто добру учится – тот добром живёт», – говорит народная мудрость» [1, с. 42]. Учиться добру, делать добро – что же это означает? Существует ли добро само по себе, вне того общества в котором живёт человек? Можно ли творить добро посредством зла? Эти и похожие вопросы давно волнуют человечество. Для человека система нравственных координат является основополагающей матрицей в любое время и в любых отношениях. Для воспитания молодёжи это, безусловно, важно, так как от этого вектора развития будет зависеть вся структура общества.

С. Д. Лаптёнок придерживался мнения, что исчерпывающие ответы на эти вопросы можно получить только на базе исторического материализма. Представления о добре и зле существенно трансформируются от столетия к столетию, являются разными у разных народов. Например, эвтаназия как уважение права человека распоряжаться собственной жизнью является абсолютным злом в мусульманских странах. То, что считалось социальной нормой тысячу лет назад, сегодня осуждается как зло, например рабство, варварство, угнетение.

Бессилие человека перед грозными силами природы, суровые условия жизни порождали суеверия и жестокие обычаи: кровную месть, каннибализм, жертвоприношение, убийство слабых и больных. В такой системе социального взаимодействия (принцип «око за око», «смерть за смерть»), существует только одно право – право сильного. Сегодня же существуют цивилизованные способы установления социальных

отношений, суды, меры пресечения, нормы социальных взаимодействий, где осуждается жестокость и насилие, а нормальной социальной практикой является помощь и забота об обездоленных, больных, слабых.

Автор осуждал систему социально экономических отношений, где, частнособственнические отношения индустриального общества соотносят добро с материальной выгодой, которая часто связана с эксплуатацией труда и жизни, здоровья более слабых и неимущих. Таким образом возникает ситуация, где, «то, что доступно Юпитеру не положено быку», а счастье одних оборачивается горем других. Являясь представителем индустриальной экономической системы, С. Д. Лаптёнок указывает на то, что, рабочий класс эпохи раннего капитализма был угнетён со стороны владельцев капитала.

Автор обращает внимание на классовую природу добра и зла, на то, что добро и зло не свойственно ни Природе, ни животному миру, – там существуют свои закономерности адаптации к окружающей среде. Только в человеческом обществе появляется добро и зло. Также он упрекает Церковь и осуждает христианство как социальный институт, оправдывающий эксплуатацию, который культивировал аскетизм и самоотречение от материальных благ во имя небесных, а также в исторической ретроспективе оправдывал убийство и жестокость во имя Бога. С. Д. Лаптёнок указывает на то, что добро и зло – исключительно человеческие земные понятия, которые существуют для людей и в человеческом обществе и только в человеческих отношениях проявляются. Задаваясь вопросом о критерии оценки добра, автор отвечает: «всё, что способствует социальному прогрессу, установлению гуманных отношений между людьми является добром» [1, с. 43].

С. Д. Лаптёнок обращает внимание на то, что, представление о добре и зле формируются на протяжении всего развития человеческой цивилизации, на основе предыдущих поколений, а практическая жизнь и есть главный критерий добра. Поэтому в качестве приоритета при социализме выступает жизнь во имя общества, его блага, для чего есть множество форм и способов выражения, это и трудовая, и творческая, и общественно значимая деятельность, в том числе семейные и дружеские отношения.

Для философа лейтмотивом его понимания добра и зла является личное отношение, понимание, способность и практическое воплощение добра. Это значит защитить обиженного, помочь слабому, проявить заботу

о близких, внимательное и чуткое отношение друг к другу, а также победить свои слабости и недостатки.

С. Д. Лаптёнок указывает на то, что любить добро означает готовность противостоять злу. Для советского общества ко злу относились пережитки прошлого в поведении людей: религиозные суеверия, национализм, пьянство, мещанские идеалы, клевета, неуважительное отношение к родителям, женщинам, в семье и на работе. Увидеть зло, распознать его и вступить с ним в борьбу – это добро для советского гражданина.

Автор обращает внимание, что в советском обществе уничтожены предпосылки для зла: покончено с бесправием, голодом, военной угрозой, национальным и расовым угнетением, дискриминацией по любому признаку. Кроме того, происходит воспитание активной позиции граждан и их адекватного понимания социальной значимости добра.

Ещё один пункт в воспитании молодёжи – это воспитание потребностей, а именно разумных потребностей, впрочем, и сегодня эта тема актуальна – «разумное потребление» становится особенно актуальным в техногенной цивилизации. Эта проблема имеет этическую, идеологическую и социальную стороны.

В своих работах С. Д. Лаптёнок обращает внимание на связь социально экономического устройства общества с формой семьи, на то, что в семье как в зеркале отражаются социальные противоречия, прогресс или регресс. Эта связь общего и частного, общества и семьи актуальна сегодня. «Каждая семья – саморазвивающаяся система, в рамках которой удовлетворяются разнообразные потребности» [2, с. 31].

С. Д. Лаптёнок вступает в спор с западноевропейскими учёными, которые отрицают зависимость форм семьи от социально экономических условий, имеют идеалистические представления о семье, либо сводят её к биологическим основаниям. Он изучает, как возможно формирование коммунистической морали в семье, какие для этого должны существовать предпосылки в обществе, материальные и духовные и наоборот, как прогрессивное содержание социализма отражается в нравственных принципах семейно-брачных отношений [3, с. 13]. Автор критикует биологизаторский подход к природе человека, обращая внимание на социальную сущность человека, на комплиментарность естественного, природного и социального в семейных отношениях.

Важно, что в своих трудах С. Д. Лаптёнок утверждает самостоятельность женщины, её важную роль в социалистическом

обществе в противовес патриархальному и буржуазному, поскольку она может участвовать в производственных отношениях, т. к. «спрос на женскую рабочую силу на производстве лишает мужчину притязаний на жену» [3, с. 22]. Обращает внимание на то, что любовь и дружба являются моральным основанием брака, составляя единое целое с материальными основами семьи, критикуя утилитарную, финансовую сущность капиталистической семьи.

Таким образом, философский труд С. Д. Лаптёнка был посвящён человеку, и самым близким и интимным человеческим отношениям: любви, семье, браку. Автор демонстрирует тесную связь между устройством семьи и социально-экономической системой общества, как тип производственных отношений влияет и меняет структуру брака; также немалое место в его работах отводится теме воспитания молодёжи, необходимости развивать в ней нравственную составляющую, понимание добра и зла, а именно семья это то место, где транслируются и перенимаются ведущие нравственные ценности, и невозможно заменить семью как малую социальную форму – чем-то большим, как-то государство. Также С. Д. Лаптёнок обращает внимание на трансформацию роли женщины в обществе и семье, на то, что в связи с востребованностью женской рабочей силы на рынке труда женщина получает большую независимость от мужчины. При этом вовлечённость женщин в систему производственных отношений не освобождает её от домашних обязанностей, что оказывается двойной нагрузкой в жизни женщины и требует пересмотра роли мужчины в семейно-бытовых отношениях. Эти темы, освещённые в философских трудах С.Д. Лаптёнка, имеют актуальное значение и сегодня.

Список литературы

1. Лапцёнак, С. Д. Этыку – моладзі / С. Д. Лаптёнок. – Мінск: Беларусь, 1975. – 60 с.
2. Лаптёнок, С. Д. Нравственная сущность семейно-брачных отношений / С. Д. Лаптёнок. – М.: Знание, 1990. – 47 с.
3. Лаптёнок, С. Д. Мораль и семья / С. Д. Лаптёнок. – Минск: Наука и техника, 1967. – 244 с.

Оглавление

Барковская А.В. ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК СОБЫТИЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	3
<u>Барсук И.А., Сащeko P.C.</u> МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	10
<u>Булыго Е.К.</u> ВЕЩЬ КАК ДИСКУРС СУБЪЕКТА – В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	17
<u>Воробьева С.В.</u> ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК КОНСТАНТА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.....	22
<u>Ворошухo Л.О.</u> РАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	28
<u>Голубь А.С.</u> СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.....	34
<u>Гончарова Д.В.</u> ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.....	40
<u>Григорьев А.В.</u> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	46
<u>Гущин Е.В., Савинцев В.И.</u> ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА.....	53
<u>Данченко А.А.</u> ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С. ХАНТИНГТОНА «КТО МЫ?»)	58
<u>Демидович Е.Д.</u> КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	64
<u>Добродородний Д.Г., Верещако А.И.</u> ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ.....	70
<u>Екадумов А.И.</u> ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ. ЕДИНСТВО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ГРАНИЦЫ РАЗНООБРАЗИЯ.....	74
<u>Екадумова И.И.</u> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ ПОСТПРАВДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	80

<u>Еремеева Н.В.</u> «СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ»: МЕТАФОРА ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?	85
<u>Зеленков А.И.</u> ФЕНОМЕН ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ	91
<u>Кисель Н.К.</u> ГЕТЕРОГЕННЫЕ СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ НАУКИ XXI ВЕКА	100
<u>Климович А.И.</u> ОТ ТРАДИЦИИ К НОВАЦИИ: ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ	105
<u>Кобяк Е.А.</u> КОНЦЕПТ ЖИЗНЕННОГО МИРА КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ В РАБОТАХ Э. ГУССЕРЛЯ ...	112
<u>Колядко И.Н.</u> КОНСТРУКТИВНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ КРИЗИСА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ	116
<u>Коховец Я.А.</u> НАСЛЕДИЕ С. КЬЕРКЕГОРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ DATA-АНАЛИЗА	122
<u>Курачинская Д.С.</u> КОНЦЕПЦИЯ «СПОСОБНОСТИ-НЕ» ДЖ. АГАМБЕНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА	127
<u>Курбачёва О.В.</u> КТО ВООБРАЖАЕТ НАЦИЮ?	133
<u>Курилович Н.В.</u> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН .	138
<u>Кучук А.А.</u> ФЕНОМЕН ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	143
<u>Легчилин А.А.</u> ДИСКУССИИ О ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ: КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX ВВ.	149
<u>Лещинская И.И., Го Цзячэн</u> СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В УЧЕНИИ КОНФУЦИЯ	161
<u>Лунская М.О.</u> СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: СЦЕНАРИЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ РЕАЛЬНОГО	167
<u>Любецкая М.В.</u> СПЕЦИФИКА КИНОЭСТЕТИКИ МЕТАМОДЕРНИЗМА	173
<u>Майборода Д.В.</u> ДИАЛОГИЗМ В ЭПОХИ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	179
<u>Малафеевская В.С.</u> КРОССДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	183

<u>Марченко М.П.</u> РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ «ПРОИЗВОДСТВА ПРОСТРАНСТВА» А. ЛЕФЕВРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	189
<u>Meng Yiyi</u> NATIONAL IDENTITY AND TRADITIONAL VALUES IN MODERN CHINA: TENSION AND INTEGRATION.....	193
<u>Мысов Е.А., Воробьева С.В.</u> ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА	200
<u>Навицкая П.С.</u> ФЕНОМЕН СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В БИОЭТИКЕ ..	206
<u>Наливайко И.М.</u> ГОРОД КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	210
<u>Нестерович Н.В.</u> ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ	215
<u>Новикова О.В.</u> КРИЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В МОДЕРНИСТСКОМ ИСКУССТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС	221
<u>Радевич Е.В.</u> МЕДИАТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО СИМВОЛИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ.....	226
<u>Радченко А.Л.</u> ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЗНАНИЯ	231
<u>Ровина А.С.</u> КОНСТРУИРУЕМЫЙ ОБРАЗ ВОСТОКА: ЭХО ЕГИПЕТСКОЙ КАМПАНИИ НАЧАЛА XIX В. В СТЕРЕОТИПНОМ ВОСПРИЯТИИ ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	236
<u>Сакович Ф.Ю.</u> СЕМИОТИКА КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ.....	241
<u>Салтанович И.П.</u> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	247
<u>Сарна А.Я.</u> НЕТОКРАТИЯ: БЮРОКРАТИЗАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	253
<u>Сидоренко И.Н.</u> ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ В. БЕНЬЯМИНА: ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ МЕХАНИЧЕСКОГО РЕПРОДУЦИРОВАНИЯ.....	258
<u>Стаськевич С.А., Колядко И.Н.</u> ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. КАССИРЕРА.....	265

<u>Степанов Н.А.</u> ТЕОРИЯ ЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ КАК ПРИМЕР АНАЛИЗА ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	269
<u>Сюй Цзявэнь, Анохина В.В.</u> ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ	276
<u>Tang Yongbo</u> JURGEN HABERMAS'S IDEA OF COMMUNICATIVE ACTION AS A SUBJECT OF CRITICAL REFLECTION IN THE PHILOSOPHY OF CHINESE NEO-MARXISM	294
<u>Узгорок М.Ю.</u> КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛАРУСИ	300
<u>Хомич Е.В.</u> ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	305
<u>Zhang Ning</u> PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON THE CULTURE OF FRAGMENTED READING.....	311
<u>Чэнь Сыци</u> ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	316
<u>Шаврова О.Г.</u> ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	322
<u>Шершнева О.А.</u> ПОСТГУМАНИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ.....	328
<u>Шиханцова Д.А.</u> НАРРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИМИНАЛЬНОСТИ	334
<i>СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 90-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА С.Д.ЛАПТЁНКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ТРЕНДЫ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ОРГАНИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ ЭТИКИ, СОЦИОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ</i>	<i>338</i>
<u>Беляева Е.В.</u> ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИКИ СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Д.ЛАПТЁНКА.....	338
<u>Берков В.Ф.</u> НА ВОЛНАХ КРИЗИСА МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	344
<u>Беркова О.В.</u> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	350

<u>Данилов А.Н.</u> ВОЗВЫШАЯСЬ НАД ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ: ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПРОФЕССОРА С.Д. ЛАПТЁНКА	356
<u>Лаптёнок А.С.</u> ЭТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	362
<u>Люкевіч Ул. П.</u> СПАРТЫЎНАЯ ЭТЫКА: FAIR PLAY FOREVER?.....	368
<u>Можейко М.А.</u> ПАРАДИГМА НЕЛИНЕЙНОСТИ И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТА: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	373
<u>Пальчик Г.В.</u> РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПЕДАГОГА В СФЕРЕ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	383
<u>Салеев В.А.</u> КАЛОКАГАТИЯ	389
<u>Севостьянова Н.Г.</u> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОЛОГИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ДАНИЛОВИЧА ЛАПТЁНКА	393
<u>Фурманов И.А.</u> ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	400
<u>Швабовская О.В., Беляева Е.В.</u> АКТУАЛЬНЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ФИЛОСОФА С. Д. ЛАПТЁНКА.....	406